This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 06724877 7

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

* Джордж Кеннан

НАШИ НРАВЫ

РОМАНЪ

въ

ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

К. М. Станюковича

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пріемный день.—Исповѣдь.—Тиранъ мужъ и «добрая малютка».—«Шурка Кривскій».—Отставной полковникъ, дающій деньги за «небольшіе» проценты.—Валентинина звѣзда.—Солидный молодой человѣкъ.—Отецъ и сынъ.—Дѣло улаживается.—Въ поискахъ.—Домашняя сдѣлка.—Богатая невѣста.—Счастливыя минуты.—Короткое счастіе.—Газетные слухи.—Никольскій.—Продолженіе.—Послѣдніе счеты.—День помолвки.—Парадный обѣдъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе книгопродавца Н. А. Шигина
1880

Digitized by Google

Digitized by Google

НАШИ НРАВЫ

РОМАНЪ

ВЪ

ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

К. М. Станюковича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. А. Шигина.
1880.

*ЯДМ

Digitized by Google

10629A

Типографія (бывшая) **А. М. Котомина**, у Обух., моста, д. N

Digitized by Google

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Stanyukovich
*Q.I.M

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Пріемный день.

Въ исходѣ девятаго часа утра мая мѣсяца 187* года, его превосходительство Сергѣй Александровичъ Кривскій по обыкновенію окончилъ свой тщательный туалетъ и, сопровождаемый камердинеромъ, вышелъ изъ уборной.

Струйка тонкаго душистаго аромата пронеслась по комнатѣ съ появленіемъ его превосходительства.

Это былъ высокій, сухощавый старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, прямой и крѣпкій на видъ, безукоризненныхъ манеръ и красивой осанки.

Лицомъ и складкой онъ походилъ на тѣхъ шаблонныхъ лордовъ, какихъ обыкновенно рисуютъ въ иллюстраціяхъ и изображаютъ на сценѣ актеры. У него были рѣзкія правильныя черты когда-то красиваго лица, прямой съ маленькой горбиной носъ, плоскія желтоватаго отлива щеки съ сѣдыми, опущенными книзу бакенбардами, и серебристо курчавые волосы съ падаю-

Digitized by Google

щей на лобъ прядкой, какъ у Биконсфильда на портретахъ. Усовъ онъ не носилъ; это мѣсто было тщательно выбрито. Несмотря на морщины и глубокія борозды подъ глазами, Кривскій глядѣлъ бодрымъ и свѣжимъ старикомъ.

Одѣтъ онъ былъ просто и изящно. На немъ былъ утренній длиннополый рединготъ изъ темносиней рогожки, застегнутый почти до верху, съ бѣлѣвшимъ изъ боковаго кармана кончикомъ батиста. Низенькіе стоячіе воротнички оставляли длинное горло почти открытымъ, что придавало его превосходительству птичій видъ. Большая длинная голова держалась прямо, чуть-чуть откинувшись назадъ.

Съ перваго же взгляда, брошеннаго на длинную, высокую и прямую фигуру старика, видно было, что передъ вами человѣкъ хорошаго тона и положенія, при выкшій къ власти. Это сказывалось и въ ровномъ спокойномъ, чуть-чуть надменномъ взглядѣ сѣрыхъ, глубоко сидящихъ глазъ, въ осанкѣ и въ манерахъ этого «quite gentleman», какъ прозвали Сергѣя Александровича англичане, когда онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтилъ Англію въ качествѣ делегата какого-то международнаго съѣзда и плѣнилъ англичанъ своей респектабельностью, прекраснымъ выговоромъ и безукоризненными манерами.

Англійскую складку Сергѣй Александровичъ пріобрѣлъ впрочемъ относительно не такъ давно — въ шестидесятыхъ годахъ, когда въ канцеляріяхъ появи-

Digitized by Google

лись англійскія бакенбарды и явился спросъ на чиновниковъ-англомановъ. Въ то самое время Сергѣй Александровичъ Кривскій, «подававшій надежды», написалъ нѣсколько проектовъ, ѣздилъ на казенный счетъ за границу и напечаталъ двѣ статейки въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Онъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ, владѣющій перомъ «божественно» и обнаружившій несомнѣнныя государственныя способности въ проектахъ по всевозможнымъ вопросамъ. За нимъ упрочилась репутація умницы и въ служебныхъ кружкахъ относились съ уваженіемъ къ его способностямъ, такту и англійской складкѣ.

Кривскій старался быть на высотѣ этой репутаціи. Онъ похваливалъ англійскихъ государственныхъ людей, не одобрялъ французскихъ, выписывалъ «Times» и «Punch», одѣвалъ и воспитывалъ дѣтей по англійски, тщательно брилъ усы, пилъ портеръ и при случаѣ порицалъ варварство аграрнаго устройства въ Россіи. Онъ называлъ себя европейцемъ, держалъ домъ на широкую ногу—говорили, впрочемъ, что у него большіе долги—и, несмотря на различныя теченія, являвшіяся въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ занялъ видный постъ, онъ направлялъ свою ладью съ удивительнымъ искусствомъ.

Товарищи его слетали, удалялись на болѣе или менѣе почетныя синекуры, а онъ былъ все на мѣстѣ, все «стоялъ на стражѣ государственныхъ интересовъ», какъ

Digitized by Google

шутливо говаривалъ иногда Сергѣй Александровичъ въ минуты хорошаго расположенія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, Сергѣй Александровичъ, сохранивъ англійскую складку, потерялъ уваженіе къ англійскимъ государственнымъ людямъ. Онъ сталъ рѣже похваливать ихъ «мудрую осторожность» и увлекся «геніальнымъ» и «рѣшительнымъ» Бисмаркомъ. Тогда рѣшительность начинала входить въ моду и Сергѣй Александровичъ съ своимъ изумительнымъ тактомъ очень хорошо понялъ, что пора и ему явиться Бисмаркомъ во ввѣренномъ ему управленіи.

Сергѣй Александровичъ подошелъ къ трюмо, оглядѣлъ съ головы до ногъ свою фигуру, поправилъ прядку серебристыхъ волосъ, придавъ ей видъ натурально ниспадавшаго локона, бросилъ взглядъ на свои красивыя руки съ длинными пальцами, поправилъ галстухъ и, взглянувъ на часы, прошелъ въ кабинетъ.

Посреди огромной высокой комнаты, въ которую врывался свѣтъ изъ четырехъ оконъ, стоялъ письменный столъ громадныхъ размѣровъ. Зеленая мебель въ готическомъ вкусѣ и шкафы, уставленные книгами, придавали кабинету строгій, дѣловой видъ. По стѣнамъ висѣли портреты высокопоставленныхъ лицъ съ собственноручными надписями, портреты супруги и дѣтей Сергѣя Александровича и многочисленныя фотографическія группы. Стѣна, сзади письменнаго стола, занята была большой картой Россіи, а по угламъ стояли бюсты иностранныхъ особъ и въ томъ числѣ Бисмарка. Все

Digitized by Google

въ этомъ кабинетѣ было строго и солидно, только одинъ уголокъ его, составлявшій какъ бы маленькую гостинную съ мягкой мебелью и столомъ, украшеннымъ хорошенькими бездѣлками и кипсеками, нѣсколько нарушалъ строгость остальной обстановки. Уголокъ этотъ служилъ мѣстомъ пріема дамъ просительницъ, желавшихъ имѣть аудіенцію у его превосходительства.

Письменный столъ былъ заваленъ бумагами въ папкахъ и безъ папокъ, печатными записками, книгами, докладами и письменными принадлежностями. На столѣ стояли: громадная чернильница, лампа, свѣчи съ абажурами, разныя изящныя вещицы и нѣсколько фотографій, между которыми выдѣлялся портретъ замѣчательно красивой молодой женщины, обвитый вѣнкомъ изъ засохшихъ цвѣтовъ. Спереди было два кресла, а около мѣста, гдѣ сидѣлъ Сергѣй Александровичъ, красивый курительный приборъ.

Таковъ былъ кабинетъ, гдѣ въ теченіи пятнадцати лѣтъ Сергѣй Александровичъ сидѣлъ на стражѣ государственныхъ интересовъ. Въ этотъ кабинетъ часто входили въ горѣ и уходили веселые, но еще чаще входили съ надеждой и уходили обезнадеженные... Уютный уголокъ видѣлъ много пролитыхъ женскихъ слезъ, но видалъ и улыбки... Много людскихъ участей рѣшалось въ этой комнатѣ.

Сергѣй Александровичъ подошелъ къ столу, переставилъ число на календарѣ, усѣлся въ кресло, закурилъ сигару, вынулъ изъ вороха газетъ, лежавшихъ на

Digitized by Google

столѣ, «Journal de S.-Petersbourg» и сталъ пробѣгать газету, тихонько отхлебывая чай.

Кривскому однако не читалось. Онъ взялъ другую газету, третью и отложилъ ихъ въ сторону. По лицу его пробѣжала тѣнь. Онъ облокотился на локти и задумался. Случайно взоръ его упалъ на фотографію молодаго офицера и Сергѣй Александровичъ насупилъ брови.

Сынъ, любимый сынъ приводилъ отца въ отчаяніе. Онъ не разъ платилъ за него долги, сердился, но платилъ. Сынъ обѣщалъ исправиться, но вчера вечеромъ жена опять умоляла его спасти сына. Который разъ онъ спасалъ своего любимца и опять спасать!

«Это наконецъ слишкомъ! вздохнулъ онъ:—Я поговорю съ нимъ... Такъ никакихъ средствъ не хватитъ... И безъ того долговъ много...»

Онъ позвонилъ. Вошелъ камердинеръ, плотный старикъ съ узкими, плутоватыми глазками на мясистомъ лицѣ. Старикъ давно служилъ у Сергѣя Александровича и зналъ его вдоль и поперекъ.

— Александръ Сергѣевичъ всталъ?

— Нѣтъ-съ, они изволятъ почивать.

— Разбуди его. Впрочемъ постой... не надо...

«Пусть спитъ! смягчился вдругъ старикъ, любившій безъ памяти своего Веніамина:—Вѣрно онъ и легъ то недавно!»

— Отъ Виктора Павловича курьера не было?

— Нѣтъ-съ.

Digitized by Google

— Поди, братецъ, узнай... Да что тамъ?.. Онъ кивнулъ головой на дверь:—много народу?

— Кажется немного.

— Такъ поди насчетъ курьера узнай, да потомъ попроси ко мнѣ дежурнаго.

Сергѣй Александровичъ опять погрузился въ размышленія.

Курьеръ отъ Виктора Павловича волновалъ Кривскаго, волновалъ до того, что онъ поминутно поглядывалъ на дверь. Вчера Викторъ Павловичъ долженъ былъ говорить объ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ и обѣщалъ дать ему знать о результатахъ. Сергѣй Александровичъ уже не разъ прибѣгалъ къ этому средству и теперь снова вынужденъ былъ хлопотать. Его одолѣвали долги.

Вошелъ камердинеръ съ сіяющимъ лицомъ и подалъ конвертъ.

— Сію минуту привезъ курьеръ отъ Виктора Павловича.

Сергѣй Александровичъ быстро разорвалъ конвертъ и началъ читать. Лицо его принимало выраженіе благоговѣйнаго умиленія.

«Какъ онъ добръ... какъ добръ! прошепталъ онъ, утирая навернувшуюся слезу:—Какъ добръ!»

Французское письмо, приведшее Кривскаго въ такое настроеніе, содержало слѣдующія строки:

«Дорогой Сергѣй Александровичъ!

«Дѣло улажено. Я намекнулъ вчера князю о вашихъ

Digitized by Google

обстоятельствахъ и онъ со свойственной ему высокой добротой тотчасъ же рѣшилъ дѣло. Вы, дорогой мой, получите сумму, которая если и не устроитъ васъ совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ поправитъ ваши дѣла. Завтра пріѣзжайте благодарить его. Неправда ли какое высокое сердце? Какъ умѣетъ она цѣнить наши труды! Подробности сообщу вамъ сегодня при свиданіи въ совѣтѣ. Вы конечно будете... Сегодня вопросъ, въ которомъ я разсчитываю на вашъ голосъ... Пора... давно пора ecraser l'infâme... Вашъ Викторъ Бѣльскій.»

Сергѣй Александровичъ снова перечелъ записку и повеселѣлъ. Онъ написалъ отвѣтъ и, отдавая письмо, прибавилъ:

— Отдай курьеру. Пусть ѣдетъ съ Богомъ...

Василій или Василій Ивановичъ, какъ звали всѣ камердинера Сергѣя Александровича, казалось, радовался не меньше барина. Онъ зналъ въ чемъ дѣло и теперь былъ увѣренъ, что на дняхъ получитъ порядочный кушъ, который онъ занималъ для Александра Сергѣевича или, говоря проще, который онъ далъ изъ своихъ сбереженій, конечно за порядочные проценты и подъ вексель. Сумма была изрядная, тысячъ до десяти и Василію Ивановичу было отчего радоваться.

Онъ отправилъ курьера, а самъ пошелъ наверхъ въ комнаты Александра Сергѣевича сообщить сыну о томъ, что отецъ получитъ порядочную сумму и слѣдовательно Александру Сергѣевичу надо приготовить списокъ долговъ.

Digitized by Google

Молодой чиновникъ уже дожидался у дверей кабинета и ждалъ момента, когда Сергѣй Александровичъ поднимет голову.

— Это вы?.. Здравствуйте!.. промолвилъ Кривскій, слегка наклоняя голову:—Кто тамъ?

Молодой чиновникъ съ точностью доложилъ кто и по какому дѣлу дожидается его превосходительства, причемъ положилъ на столъ нѣсколько докладныхъ записокъ. Сергѣй Александровичъ пробѣжалъ лѣниво всѣ записки, точно наперед зная содержаніе ихъ, и замѣтилъ:

— Вы говорили о какой-то дамѣ... Гдѣ же ея записка?

— Она выразила желаніе лично передать записку вашему превосходительству.

— А вамъ не сообщила по секрету? пошутилъ Сергѣй Александровичъ.

— Я просилъ, но не сообщила.

— Какъ ея фамилія?

— Госпожа Трамбецкая... жена статскаго совѣтника.

Сергѣй Александровичъ пожалъ плечами въ недоумѣніи. Фамилію эту онъ слышалъ въ первый разъ.

— Порядочная женщина?..

— Кажется...

— Просите ко мнѣ, кто пріѣхалъ по службѣ, очередь вы разумѣется знаете, а послѣ я выйду къ просителямъ...

Молодой бойкій чиновникъ вышелъ за двери, а

Digitized by Google

Сергѣй Александровичъ придвинулъ себѣ папку съ бумагами, развернулъ ее и взялъ въ руки длинный карандашъ. Лицо его приняло обычный дѣловой, серьезный, нѣсколько скучающій видъ, точно онъ готовился къ скучному дѣлу, давно ему надоѣвшему, и зналъ, что будетъ опять слушать и говорить одно и то же, что слушалъ и говорилъ вчера, третьяго дня, годъ, два тому назадъ. Въ началѣ, но это уже было такъ давно, пріемы занимали его... Онъ тогда говорилъ, поощрялъ и совѣтовалъ, а теперь все это пріѣлось ему, какъ старый, ежедневно повторяемый урокъ, и онъ болѣе подавалъ реплики, чѣмъ говорилъ.

Нѣсколько лицъ, пріѣхавшихъ по службѣ, были по очереди приняты его превосходительствомъ.

Съ обычнымъ терпѣніемъ, слегка наклонивъ голову, выслушивалъ Сергѣй Александровичъ, соображенія о программѣ дѣйствій, которыми спѣшили отличиться его подчиненные и только когда кто нибудь выказывалъ ужь слишкомъ большее усердіе и съ бойкостью ученика, желающаго отличиться на экзаменѣ и получить 12 балловъ, слишкомъ увлекательно обѣщалъ натянуть возжи, его превосходительство, чуть чуть улыбаясь, останавливалъ говорившаго словами:

— Только маленькій дружескій совѣтъ: полегоньку натягивайте возжи. Оно вѣрнѣе, повѣрьте опыту старика.

Подчиненный, остановленный такъ сказать на всемъ разбѣгѣ, терялъ контенансъ и конфузился.

Digitized by Google

Но его превосходительство приходилъ всегда на помощь онъ отдавалъ справедливость «добрымъ намѣреніямъ» и, сказавъ нѣсколько любезностей, протягивалъ руку, подавалъ нѣсколько пальцевъ или, наконецъ, просто кланялся, давая знать, что больше говорить не о чемъ.

Когда наконецъ всѣ эти, давно извѣстныя его превосходительству, соображенія были окончены и послѣдній посѣтитель откланялся его превосходительству, Сергѣй Александровичъ радостно вздохнулъ и въ сопровожденіи бойкаго чиновника направился въ залу.

При входѣ въ залу Сергѣй Александровичъ пріосанился, остановился на порогѣ, взглянулъ на просителей, стоявшихъ полукругомъ въ залѣ и, не спѣша, направился по направленію къ дамѣ, сидѣвшей въ сторонкѣ. При приближеніи Сергѣя Александровича дама встала, откинула вуалетку и поклонилась. Кривскій отвѣтилъ ей вѣжливымъ поклономъ и, подойдя поближе, увидѣлъ передъ собою хорошенькую граціозную женщину, изящно одѣтую во все черное...

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Я хотѣла бы поговорить съ вами... безъ свидѣтелей!... произнесла молодая женщина тихимъ голосомъ, поднимая глаза на Кривскаго.

Въ нѣжномъ взглядѣ ея большихъ синихъ выразительныхъ глазъ стояла мольба.

— Я по семейному дѣлу! прибавила она еще тише.

Сергѣй Александровичъ скосилъ глаза на черное

Digitized by Google

кружево, мѣрно колыхавшееся надъ волнующейся пышной грудью, какъ-то молодцовато выпрямился и сказалъ:

— Прошу минутку подождать. Сейчасъ я буду къ вашимъ услугамъ.

Онъ еще разъ поклонился и отошелъ къ другимъ просителямъ, скоро покончилъ съ ними, и вернувшись къ дамѣ, произнесъ:

— Не угодно ли въ кабинетъ?

Молодая женщина послѣдовала за нимъ. У порога Сергѣй Александровичъ обернулся, пропустилъ молодую женщину мимо себя, бросивъ взглядъ на круглую бѣлую шею, на мягкія формы красиво изогнутаго стана и проговорилъ, указывая на диванъ:

— Вотъ сюда... Прошу, сударыня, садиться,..

Молодая женщина сѣла, но отъ волненія казалось не могла начать. Сергѣй Александровичъ терпѣливо выжидалъ, разсматривая въ это время прехорошенькую головку съ нѣжными, точно выточенными чертами лица. Вся маленькая фигурка ея была необыкновенно граціозна, изящна и производила чарующее впечатлѣніе. Кривскій замѣтилъ хорошенькую родинку подъ глазами, чуть чуть приподнятый носикъ, маленькія ручки и прелестные пепельные волосы...

— Простите пожалуйста... заговорила она мягкимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ и выговаривая слова съ малороссійскимъ акцентомъ:—Я отнимаю ваше время, но мнѣ придется просить васъ выслушать меня терпѣливо. Вы позволите?..

Digitized by Google

Она подняла глаза и взглянула нѣжно, вкрадчиво, точно ребенокъ.

— Я готовъ выслушать васъ.

Она незамѣтно спустила съ плечъ мантилью, открывъ красивую грудь и прелестную талію, сдернула перчатку, обнаруживъ прекрасную маленькую ручку съ bague marquise на мизинцѣ, поправила выбившіеся изъ-подъ шляпки волосы, бросила быстрый взглядъ на старика, когда онъ опустилъ глаза и собиралась начать свой разсказъ, какъ въ кабинетѣ раздались шаги.

Въ кабинетъ вошелъ красивый, свѣжій молодой офицеръ, удивительно похожій на Сергѣя Александровича.

Сергѣй Александровичъ обернулся съ неудовольствіемъ.

Маленькая женщина взглянула на вошедшаго, улыбнулась глазами и быстро опустила ихъ.

— Ахъ, извини, папа... Я думалъ, что ты одинъ!.. произнесъ офицеръ, быстро уходя изъ кабинета, успѣвъ бросить нѣжный взглядъ на молодую женщину.

— Теперь вамъ никто не помѣшаетъ... я слушаю васъ.

Молодая женщина провела рукой по красивому лбу и начала грустнымъ тономъ свою печальную исповѣдь.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Исповѣдь.

«Несчастье мое въ томъ, что я вышла замужъ очень рано, почти ребенкомъ; мнѣ не исполнилось еще семнадцати лѣтъ, когда я надѣла подвѣнечное платье. Родители мои желали этой свадьбы, да и я была не прочь... Казалось такъ весело быть молодой дамой!.. Мой женихъ показался всѣмъ намъ добрымъ и порядочнымъ человѣкомъ... Онъ былъ полтавскій помѣщикъ и имѣлъ независимое состояніе. Отецъ мой, помѣщикъ той же губерніи, зналъ Трамбецкаго, считалъ его хорошей партіей для меня и конечно думалъ, что я буду счастлива... Отецъ такъ любилъ меня... И я вѣрила... вѣрила всему, что говорилъ мнѣ тогда мой мужъ... Онъ былъ такъ ласковъ, такъ говорилъ о своей любви, что нельзя было не вѣрить. Въ семнадцать лѣтъ легко вѣрится...

„Не успѣла я одуматься, какъ уже была замужемъ. Мы тотчасъ же уѣхали за границу и провели тамъ два

Digitized by Google

года, но Боже! какіе это ужасные были два года!... Мой мужъ былъ ревнивъ, ревнивъ до сумасшествія... Ревности его не было предѣловъ... Онъ ни на минуту не сводилъ съ меня подозрительнаго страшнаго взгляда. Онъ боялся гдѣ нибудь останавливаться на долгое время, и мы безостановочно переѣзжали изъ города въ городъ по всей Европѣ. Достаточно мнѣ было сказать, что мнѣ нравится какое нибудь мѣсто, чтобы мы ѣхали дальше... Онъ говорилъ мнѣ о своей страсти и преслѣдовалъ ревностью. Я не смѣла никуда выходить одна... Если случалось, онъ уходилъ, то запиралъ меня на ключъ одну въ комнатѣ и возвращался съ подарками, которыми задаривалъ меня, думая вѣроятно этимъ купить мою любовь. Онъ ревновалъ рѣшительно ко всѣмъ безъ разбора, ревновалъ къ случайнымъ сосѣдямъ въ вагонѣ, за табльд'отомъ, ревновалъ къ... кельнерамъ, оскорбляя меня на каждомъ шагу... Жизнь моя была невыносима... Я просила, умоляла его не оскорблять меня, вѣрить мнѣ... Клянусь Богомъ я не подавала ни малѣйшаго повода, и сама избѣгала общества и рѣшилась нести крестъ свой, какъ слѣдуетъ порядочной женщинѣ, но ничто не могло подѣйствовать на этого безумнаго человѣка. Онъ выслушивалъ меня и какъ-то страшно засматривалъ мнѣ въ глаза... Онъ обѣщалъ побороть въ себѣ ревность и допрашивалъ, люблю ли я его и какъ люблю... Отвѣты мои не удовлетворяли его... Онъ бранилъ меня, зачѣмъ я вышла за него замужъ, зачѣмъ не сказала, что не люблю его и, бѣ-

Digitized by Google

шено осыпая меня поцѣлуями, шепталъ, что я обманываю его... На него находили порывы какого-то безумія... Ему казалось доставляло удовольствіе меня мучить... Случалось онъ терялъ всякое уваженіе ко мнѣ и заносилъ надо мной руку...

„Понятно, что я не могла его любить. Я стала лишь бояться его.“

Молодая женщина не могла продолжать... Слезы душили ее... Она склонила голову и безпомощно опустила руки...

Нѣжный, пѣвучій тонъ ея голоса, безпомощный дѣтскій открытый взглядъ, — все въ ней дышало такой искренностью, такимъ горемъ, что Сергѣй Александровичъ, знавшій хорошо цѣну женскихъ слезъ и видѣвшій на своемъ вѣку не мало житейскихъ комедій, почувствовалъ нѣчто въ родѣ участія къ хорошенькой страдалицѣ и заинтересовался ея разсказомъ...

Слезы тихо капали, словно жемчужины, изъ ея глазъ. Подъ бременемъ воспоминаній головка склонялась все ниже и ниже.

— Успокойтесь сударыня... Успокойтесь, прошу васъ... Позвольте узнать ваше имя?..

— Валентина Николаевна.

— Успокойтесь, Валентина Николаевна, повторилъ Кривскій, любуясь граціозной фигуркой молодой женщины.

Валентина Николаевна подняла на Кривскаго глаза.

Digitized by Google

Они были полны слезъ, и въ то же время необыкновенно кроткая улыбка, словно радуга, играла на ея лицѣ.

— Извините меня, старика, за вопросъ: Супругъ вашъ значительно старше васъ?..

— Онъ на двѣнадцать лѣтъ старше меня. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, а ему сорокъ. Но дѣло не въ разницѣ лѣтъ, замѣтила она съ простодушіемъ ребенка:— Мнѣ кажется, что если бы между нами была еще бо́льшая разница, то я все таки могла бы любить его... Страсть сглаживаетъ лѣта... прибавила она тихо...

— Разумѣется это бываетъ... не спорю... хоть и рѣдко! проговорилъ Сергѣй Александровичъ и снова наклонилъ голову, собираясь слушать...

Валентина Николаевна оправилась и продолжала:

«Наконецъ мы вернулись въ Россію. Мы поселились въ деревнѣ. Первое время мужъ какъ будто успокоился, но не надолго. Довольно было первой поѣздки въ деревню къ отцу, чтобы снова вызвать въ немъ вспышки гнѣва... Я жаловалась отцу, онъ говорилъ съ моимъ мужемъ, просилъ его, но мужъ увезъ меня изъ деревни, и снова потекла та же невыносимая жизнь...

«Я стала матерью... Я привязалась къ ребенку и рѣшила жить для него... Я сдѣлалась безучастной ко всему остальному и готова была ради него примириться съ своей долей, какъ черезъ годъ мы переѣхали въ городъ В., гдѣ мужъ выбранъ былъ въ мировые судьи. Дѣла его въ это время стали хуже, двухлѣтнее пребываніе заграницей и уплата большаго долга по пору-

Digitized by Google

чительству заставили его поступить на службу. Для мѣня опять наступили адскіе дни. Онъ вдругъ измѣнилъ тактику. Онъ пересталъ меня запирать, а, напротивъ, требовалъ, чтобы я всюду выѣзжала. Онъ рядилъ меня, сталъ принимать гостей и вѣчно подозрительно глядѣлъ на меня... Когда мы возвращались изъ гостей, происходили ужасныя сцены... Мнѣ тяжело ихъ разсказывать.

«Наконецъ я дольше терпѣть не могла и однажды объявила ему, что жить вдвоемъ мы не можемъ, что намъ нужно разъѣхаться.

«Онъ будто бы ожидалъ этого и, къ удивленію моему, не сдѣлалъ сцены, а обѣщалъ подумать. Черезъ три дня онъ отвѣтилъ мнѣ, что я свободна, но что сына онъ мнѣ не отдастъ... Это было равносильно отказу... Я просила его... онъ былъ глухъ къ просьбамъ... Что было мнѣ дѣлать?.. Я осталась. Мужъ какъ будто измѣнился, пересталъ слѣдить за мной, пересталъ оскорблять меня и по цѣлымъ днямъ сталъ пропадать изъ дому... Я была нѣсколько спокойнѣе, но спокойствію моему скоро насталъ конецъ... Онъ сталъ пить и, возвращаясь домой, обращался со мною такъ, говорилъ мнѣ такія вещи, что мнѣ страшно вспомнить... Я дрожала, когда бывало заслышу его звонокъ и запиралась на ключъ въ своей комнатѣ. Онъ входилъ, требовалъ, чтобъ я отперла спальную... ломился въ двери; я отворяла. Онъ клялся въ любви и говорилъ, что ненавидитъ меня, допрашивалъ, люби-

Digitized by Google

ла ли я его когда нибудь, и уходилъ, оставляя меня безъ чувствъ... Однажды даже онъ стрѣлялъ въ меня... Онъ потерялъ мѣсто и сталъ пить еще болѣе...

«Я рѣшилась оставить мужа и спасти ребенка».

Валентина Николаевна остановилась, провела рукой по лицу и продолжала:

«Послѣ смерти отца — мать моя умерла раньше, — я получила маленькое наслѣдство и уѣхала отъ мужа въ Петербургъ. Родные уговорили его прислать мнѣ видъ, и я прожила годъ тихо и спокойно, посвятивъ себя воспитанію сына... О мужѣ я рѣдко получала извѣстія, какъ вдругъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда, поселился со мной на квартирѣ и снова началъ мучить меня и требовать сына... Я обращалась ко всѣмъ, но никто не могъ помочь мнѣ; я предлагала ему разводъ, но онъ только смѣялся и говорилъ, что не оставитъ меня до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ насъ не умретъ... Жизнь моя опять стала адомъ—защиты нигдѣ, и я рѣшилась наконецъ обратиться къ вамъ... Бога ради спасите меня отъ отъ этого человѣка!»

Валентина Николаевна сдерживала слезы, но сдержать ихъ не могла. Сперва, тихо, совсѣмъ тихо, потомъ громче и громче раздавались въ кабинетѣ рыданія. Бѣдная молодая женщина! Ей такъ было тяжело, что, несмотря на присутствіе Сергѣя Александровича, она не только разрыдалась, но почувствовала себя очень дурно. Головка склонилась на бокъ, какъ у подстрѣ-

Digitized by Google

ленной птички, глаза полузакрылись и томно глядѣли изъ подъ длинныхъ рѣсницъ... Полуоткрытый ротикъ съ бѣлѣющиии зубками, казалось, молилъ о состраданіи... Непремѣнно требовалась вода или флакончикъ съ солями.

Сергѣй Александровичъ былъ въ нѣкоторомъ смущеніи.

Онъ видѣлъ много слезъ въ этомъ уютномъ уголкѣ, но такой настоящей истерики ему не приходилось видѣть, кромѣ того онъ побаивался, какъ бы рыданія не сдѣлались громче и не долетѣли до слуха его супруги. Супруга Сергѣя Александровича была очень чутка къ женскому голосу и это Сергѣй Александровичъ хорошо зналъ. Очевидно ему слѣдовало подойти и помочь несчастной женщинѣ, и онъ охотно бы подошелъ, чтобы кстати поближе разглядѣть это хорошенькое личико и тяжело вздымающуюся грудь, но боязнь попасть въ смѣшное положеніе не позволила ему исполнить долгъ человѣко юбія до конца. Онъ какъ то искоса поглядывалъ на молодую женщину и ограничился только тѣмъ, что придвинулъ на другой край стола стаканъ съ водою и флакончикъ съ солями и нѣсколько разъ повторилъ серьезнымъ тономъ:

— Успокойтесь, Валентина Николаевна, успокойтесь Бога ради...

По счастію, истерическое состояніе не приняло большихъ размѣровъ. Валентина Николаевна пришла въ себя, сѣла, какъ слѣдуетъ, въ креслѣ, просила изви-

Digitized by Google

нить ей «вспышку горя», и взглянула на Сергѣя Александровича, какъ бы замирая въ ожиданіи отвѣта.

Въ ея глазахъ какъ будто стоялъ вопросъ: Неужели вы меня не пожалѣете и не избавите отъ мужа?

Сергѣй Александровичъ, взволнованный началомъ истерики, скоро оправился и принялъ обычный свой видъ.

Онъ опустилъ глаза передъ замирающимъ взглядомъ несчастной женщины, и, выдержавъ паузу, проговорилъ:

— Вы говорили, что супругъ вашъ потерялъ состояніе?..

— Да — онъ совсѣмъ разоренъ...

— И у него нѣтъ никакихъ занятій?

— Никакихъ.

— А у васъ, если не ошибаюсь, осталось послѣ родителей небольшое состояніе?

— Самое маленькое.

— Мнѣ кажется, что супругъ вашъ пошелъ бы на добровольное соглашеніе, если бы вы предложили ему сдѣлку, и тогда вы могли бы добиться развода.

Молодая женщина энергично замахала головкой.

— Я все пробовала... Я предлагала ему все свое состояніе... все, но онъ ни на что не идетъ... Ему доставляетъ удовольствіе мучить... держать вѣчно въ страхѣ, грозить отнятіемъ ребенка...

Сергѣй Александровичъ снова опустилъ глаза. Комбинація, предложенная имъ, очевидно, была невозможна.

— Къ кому вы прежде обращались съ просьбой?

Digitized by Google

— О, я ко многимъ обращалась, но вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что мужа съ женою судить нельзя...

И Валентина Николаевна назвала нѣсколько лицъ и перечислила нѣсколько учрежденій, куда она обращалась.

Кривскій подумалъ и взглянулъ на Валентину Николаевну пристальнымъ взглядомъ. Она въ это время все такъ же смотрѣла ему прямо въ глаза съ дѣтской надеждой, что наконецъ нашелся человѣкъ, который поможетъ ей.

— Оставьте вашу докладную записку у меня... Не тревожьтесь, ласково прибавилъ онъ, замѣтивъ, какъ вдругъ послѣ этихъ словъ потемнѣлъ взоръ молодой женщины:—не тревожьтесь. Я постараюсь сдѣлать для васъ все, что возможно и облегчить ваше положеніе... Вы такъ молоды... Жизнь ваша еще впереди и мнѣ было бы жаль не попытаться помочь вамъ... Быть можетъ мы что нибудь сдѣлаемъ...

Валентина Николаевна просвѣтлѣла. О, какой благодарный, нѣжный взглядъ кинула она на добраго старика, понявшаго ея положеніе. Она смотрѣла на него съ какой-то благоговѣйной признательностью и тихо проговорила:

— Какъ я вамъ благодарна... какъ я вамъ благодарна!...

— Подождите еще благодарить! усмѣхнулся Кривскій, останавливая ласковый взглядъ на молодой женщинѣ.

Digitized by Google

Она поднялась съ кресла. Кривскій пожалъ ея маленькую ручку, проводилъ до дверей кабинета и еще разъ повторилъ, что онъ не забудетъ ея дѣла. Въ отвѣтъ она снова бросила на него такой благодарный взглядъ, что Сергѣй Александровичъ почувствовалъ какъ пріятно дѣлать людямъ добро. Когда молодая женщина скрылась, онъ проговорилъ какъ бы въ раздумьѣ:

— Бѣдная... бѣдная молодая женщина... И такая хорошенькая... Очень хорошенькая!...

Онъ позвонилъ камердинера и приказалъ подавать одѣваться. Пора было ѣхать. И безъ того молодая просительница отняла у него нѣсколько драгоцѣннаго времени, обыкновенно посвящаемаго болѣе важнымъ дѣламъ.

Валентина Николаевна спускалась по широкой лѣстницѣ совсѣмъ преображенная. Страдальческое выраженіе, которое только-что было у нея, когда она сидѣла въ кабинетѣ, исчезло съ лица ея такъ же быстро, какъ быстро проносится облачко, закрывшее на мгновеніе сіяющее солнце. Она была весела, даже игрива, и когда вышла на улицу, то остановилась у подъѣзда съ видомъ разсѣянной бабочки, не знающей куда ей летѣть, направо или налѣво. Она повернула налѣво, по направленію къ Литейной, и пошла легкой, граціозной поступью, приподнявъ чуть-чуть тренъ, такъ что въ глазахъ прохожихъ мелькалъ только бѣленькій чулокъ ея маленькой ножки, заставляя ихъ поднимать любопытные взгляды на хорошенькое личико, казавшееся еще милѣй подъ вуалеткой.

Digitized by Google

Какой-то толстый господинъ даже пріостановился при встрѣчѣ съ Валентиной Николаевной и какъ-то странно крякнулъ, такъ что вызвалъ улыбку на уста молодой женщины, и долго смотрѣлъ обернувшись назадъ, какъ удалялась граціозная фигурка маленькой женщины, и какъ извивалось по сторонамъ ея черное платье.

Валентина Николаевна прошла уже Кирочную и только что повернула на Литейную, какъ вдругъ испуганно остановилась, чуть-чуть вскрикнула и стала быстро переходить улицу. Страхъ исказилъ черты лица ея, тотъ физическій страхъ, какой вы видите въ глазахъ виноватой собаки, ожидающей, что ее сейчасъ прибьютъ. Она торопливо перешла на другую сторону, не заботясь болѣе ни о тренѣ, ни о своей изящной походкѣ и боязливо взглянула на противоположную сторону.

Худой, испитой господинъ въ поношенномъ костюмѣ, не дѣлавшемъ чести его вкусу, перерѣзывалъ въ этотъ моментъ дорогу Валентинѣ Николаевнѣ и нѣсколько разъ снималъ шляпу, кланяясь ей самымъ почтительнымъ образомъ и дѣлая знаки рукою, чтобы она остановилась.

Валентина Николаевна остановилась у магазина и стала смотрѣть въ витрину тупымъ взглядомъ. Но игрушки, выставленныя въ окнахъ, мелькали передъ ней какими-то красными пятнами. Она ждала, покорно ждала господина, который—она это чувствовала—приближался

Digitized by Google

къ ней... Страхъ начиналъ проходить. Неопредѣленная улыбка скользила по ея лицу.

— Мое почтенье, дорогая малютка!... Не ожидали меня встрѣтить, нѣтъ? раздался около нея знакомый ироническій голосъ:—Вы думали, что я не знаю, гдѣ вы были... Я знаю, не торопись солгать — я удержу тебя отъ этой привычки—я знаю, гдѣ ты была... Ты ходила къ Кривскому жаловаться на тирана мужа, такъ-ли? Отвѣчай же! вдругъ понизилъ голосъ худой господинъ, и дернулъ жену за руку...

— Что же ты молчишь... Или обдумываешь, какъ лучше солгать?...

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Тиранъ мужъ и «добрая малютка».

I.

Господинъ, такъ не деликатно встрѣтившій свою «добрую малютку», казался очень страннымъ субъектомъ.

Это былъ худой, худой какъ спичка, долговязый брюнетъ съ блѣднымъ, умнымъ лицомъ, впалой грудью и подозрительнымъ румянцемъ на щекахъ, намекавшемъ о чахоткѣ.

Онъ имѣлъ видъ больнаго, сильно помятаго жизнью человѣка, который однако не сложилъ оружія, а пробуетъ еще бороться. Что-то необыкновенно характерное, страдальческое и въ то же время ироническое сказывалось въ этой долговязой фигурѣ, въ лихорадочномъ взглядѣ глазъ, въ ѣдкой улыбкѣ, искрившей тонкія, поблекшія губы, въ надтреснутомъ глухомъ голосѣ, вылетавшемъ изъ его груди, въ торопливыхъ жестахъ его длинныхъ худыхъ рукъ.

Digitized by Google

Большая черная борода съ густой просѣдью окаймляла старообразное, но еще красивое лицо съ рѣзкими обострившимися чертами. Изъ глубокихъ темныхъ впадинъ; словно изъ ямъ, блестѣли большіе черные глаза, оживлявшіе эту больную чахоточную физіономію. Почти сѣдые волосы выбивались изъ-подъ порыжѣлаго цилиндра.

Одѣтъ онъ былъ въ потертую черную пару платья, которая висѣла на немъ, какъ на вѣшалкѣ, но костюмъ видимо не смущалъ его, казалось онъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. На видъ онъ казался совсѣмъ старикомъ, хотя «добрая малютка» и говорила Кривскому, что мужу ея сорокъ лѣтъ.

— Что-жъ ты молчишь? еще разъ повторилъ Трамбецкій, впиваясь глазами въ красивую, нарядную жену, сіявшую подъ лучами весенняго солнца:—Ну, разсказывай же... разсказывай, какъ ты хлопотала о разводѣ... какъ ты по обыкновенію разсказывала длинную, печальную исторію своей жизни съ тираномъ мужемъ, погубившимъ кроткое созданіе ревностью и пьянствомъ... Не забыла ты при этомъ спустить мантилью?.. Въ обморокъ падала?.. Что господинъ Кривскій приводилъ тебя въ чувство... а?..

Трамбецкій говорилъ торопливо, словно боясь, что не успѣетъ сказать все, что нужно было.

— Александръ! прошу тебя, вспомни, что ты на улицѣ... Развѣ я не говорила вчера тебѣ, развѣ вчера ты не вѣрилъ мнѣ?.. Ты ошибся. Я не о разводѣ

Digitized by Google

просила, я просила за тебя... хлопотала о мѣстѣ! проговорила Валентина Николаевна тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, взглядывая на мужа кроткой дѣтской улыбкой, которая такъ понравилась Кривскому... Пойдемъ домой... я тебѣ все разскажу...

Трамбецкій жадно вглядывался въ эти кроткіе глаза, словно бы въ глубинѣ ихъ желалъ прочитать правду.

Онъ зналъ, отлично зналъ свою «малютку» и отрывисто произнесъ:

— Валентина!.. Опять?.. Кто проситъ тебя лгать? Одно слово правды, и я, знаешь, буду доволенъ!

— Александръ... ты помнишь, что было вчера?.. Ты простилъ меня... ты вѣрилъ... Вспомни, что говорили мы о нашемъ будущемъ... Сегодня ты опять не вѣришь?.

Онъ слушалъ, недовѣрчиво слушалъ этотъ мягкій голосъ, проникавшій въ глубину его наболѣвшаго сердца. Ему такъ хотѣлось вѣрить, забыть горе прежней жизни, и онъ снова пытливо взглянулъ ей въ глаза.

Глаза смотрѣли такъ ласково и нѣжно, такъ же какъ вчера, когда для этого человѣка блеснулъ лучъ надежды, какъ оазисъ въ безбрежной пустынѣ... Вчера она говорила не такъ, какъ обыкновенно. Вчера они говорили о будущемъ... «О нашемъ будущемъ»!

«Не можетъ же наконецъ человѣкъ такъ лгать... Это невозможно... Это было бы черезчуръ жестоко!» говорилъ онъ себѣ, и съ его страдальческаго лица постепенно исчезла злая улыбка, и большіе его глаза

Digitized by Google

освѣтились добрымъ, мягкимъ выраженіемъ. Онъ присмирѣлъ. Въ головѣ его зазвучала нотка надежды.

— Валентина! Какъ хочется мнѣ вѣрить! проговорилъ онъ.

Они сперва пошли вмѣстѣ, но скоро разстались. Валентина Николаевна видимо смущалась своимъ неизящнымъ спутникомъ и замѣтила:

— Иди домой... Я сейчасъ приду... Мнѣ только надо зайти въ Гостиный дворъ купить чулки Колѣ. Какъ онъ?

— Лежитъ... Докторъ былъ безъ тебя и уложилъ его въ постель.

— И ты оставилъ его?.. Иди скорѣй домой. Я буду сейчасъ.

Трамбецкій пошелъ одинъ, какъ-то грустно усмѣхнувшись, когда Валентина Николаевна сѣла на извозчика.

Валентина Николаевна хорошо знала мужа. Когда онъ вѣрилъ ей, изъ него можно было вить веревки.

Не обращая ни на что вниманія, погруженный въ мысли, роившіяся въ опущенной головѣ, дошелъ онъ до Загороднаго проспекта, тихо поднялся въ четвертый этажъ, останавливаясь на площадкахъ и схватываясь длинными пальцами за грудь, и вошелъ въ квартиру съ робкой надеждой, согрѣвшей его сердце.

Который разъ входилъ домой съ надеждой!... Какъ часто онъ надѣялся, и какъ часто надежды его безжалостно разбивались, оставляя каждый разъ новое боль-

Digitized by Google

ное мѣсто въ наболѣвшемъ сердцѣ. И теперь онъ вѣрилъ и не вѣрилъ... Ему такъ хотѣлось вѣрить и успокоиться... Довольно онъ мучился, довольно пережилъ; казалось пора бы давно наконецъ найти тихую пристань. Вѣдь онъ такъ мало требовалъ!

Онъ старался отогнать длинную цѣпь воспоминаній прошлаго, помимо воли закрадывавшихся въ его голову... Онъ гналъ ихъ, а они все шли, какъ непрошеные гости... Прочь! Онъ вошелъ въ маленькую кокетливую гостиную, и все въ ней, начиная отъ рояля и кончая диваномъ, напоминало о чемъ-то скверномъ, безобразно скверномъ... Онъ прошелъ далѣе черезъ женину комнату, игрушку будуаръ, ярко залитый солнечными лучами, остановился на секунду, окинувъ грустнымъ взглядомъ голубое гнѣздышко съ коврами, мягкой мебелью и цвѣтами, и поскорѣй перешагнулъ порогъ.

— Это ты? Наконецъ-то ты пришелъ, милый мой! раздался изъ-за угла маленькой, скверной, почти голой комнаты, тихій дѣтскій голосъ.

Съ этими словами изъ кроватки приподнялся мальчикъ лѣтъ десяти въ бѣлой рубашонкѣ съ растегнутымъ воротомъ, открывавшимъ тоненькую шейку, на которой была посажена несоразмѣрно большая дѣтская головка. У ребенка было необыкновенно умное личико съ большими голубыми глазами, глядѣвшими серьезно и вдумчиво. Видно было, что головка работала не по лѣтамъ. Мальчикъ улыбнулся при взглядѣ на отца и присѣлъ на кроватй.

Digitized by Google

При звукахъ этого ласковаго голоска Трамбецкій ожилъ, какъ оживаетъ завявшій листъ подъ утренней росой. Онъ быстро приблизился къ кроваткѣ, поцѣловалъ мальчика, взглянулъ въ лихорадочно-блестѣвшіе глазенки, ощупалъ горячую голову и, озираясь, спросилъ:

— А няня гдѣ?

— Няня ушла. Я отпустилъ ее. Ей скучно со мной. Ты не сердись, папа, прибавилъ мальчикъ, заглядывая отцу въ глаза:—Право я самъ ее отпустилъ...

— Тебѣ одному скучно было?

— Нѣтъ, папа... Я привыкъ... Я все думалъ...

— Думалъ, о чемъ же ты думалъ, мой мальчикъ?

— Много о чемъ... Я тебѣ все разскажу. Больше о тебѣ думалъ... Такой ты, голубчикъ, больной у меня... все кашляешь!

Мальчикъ взглянулъ въ глаза отцу и долго, долго всматривался въ нихъ серьезнымъ, ласковымъ взоромъ.

— Что ты, Коля?... тихо спросилъ отецъ.

— Ничего... На тебя смотрѣть хочется... я вѣдь тебя такъ люблю, и сказать не могу, какъ люблю... Я все думалъ, что ты больше не уѣдешь? Нѣтъ?...

— Нѣтъ... родной мой... нѣтъ! Однако укройся хорошенько... Ишь головка какая горячая!... У тебя болитъ что нибудь? шепталъ отецъ, накрывая мальчика одѣяломъ.

— Ничего не болитъ, только жарко. Такъ пріятно и жарко, а ничего не болитъ. Пить хочется...

Digitized by Google

Отецъ подалъ воду. Мальчикъ глоталъ ея жадными глотками.

— Ты не уѣзжай смотри, а то мнѣ безъ тебя будетъ скучно. Ахъ, какъ мнѣ было скучно, когда тебя не было... Еслибъ ты только зналъ... Ты вѣдь меня не оставишь?... Я выросту и мы будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ. Только, папочка, милый мой... прости меня, что я тебѣ скажу...

— Что, дитя мое? Говори все... говори...

Мальчикъ остановился, задумался и потомъ тихо, совсѣмъ тихо прошепталъ:

— Ты... не пей вина... Отъ него у тебя грудь болитъ и кашель... Ты такъ кашляешь, и мнѣ жаль тебя...

Крупныя капли слезъ скатились изъ глазъ отца на горячую руку мальчика.

Онъ привсталъ, страстно обвилъ шею отца, замеръ въ нѣмомъ отчаяніи, и, всхлипывая, повторялъ:

— Я тебя огорчилъ, добрый мой... Прости меня...

Но въ отвѣтъ отецъ покрывалъ горячими, страстными поцѣлуями возбужденное лицо сына и шепталъ ласковыя, нѣжныя слова.

— Я не буду больше пить, милый мой, и я никогда не оставлю тебя. Я буду учить тебя... Ты вѣдь мой ненаглядный.

Мальчикъ тихо сжималъ своими маленькими ручками длинную блѣдную руку отца.

Они не говорили ни слова, но казалось ребенокъ пони-

Digitized by Google

мальчикъ, что дѣлается съ отцомъ, и все крѣпче и крѣпче сжималъ любимую руку.

Отецъ бросалъ частые тревожные взгляды на горѣвшія щеки мальчика, прикладывалъ руку къ его пылающей головкѣ, прислушиваясь трепетно къ перерывистому дыханію.

— Тяжело тебѣ, Коля... скажи, мой родной!

— Ты, папа, не безпокойся. Я скоро буду здоровъ! ласково улыбался въ отвѣтъ мальчикъ:—День, два полежу въ постели и встану... опять вмѣстѣ учиться будемъ... Вотъ ты не лечишься—это не хорошо, папа! серьезно добавилъ ребенокъ:—Тебѣ непремѣнно надо лечиться... Ты будешь лечиться?...

— Буду, буду... непремѣнно буду.

— Ты лечись у другаго доктора, а не у того, который меня лечитъ. Этотъ какой-то нехорошій, все улыбается да смѣется съ мамой... Какъ ты полечишься, то будешь такой толстый, здоровый... кашля у тебя не будетъ... Правда вѣдь?.. оживленно болталъ ребенокъ, возбужденный лихорадкой.

О Господи! Какимъ нѣжнымъ, теплымъ чувствомъ охватывалось наболѣвшее сердце отца. Подъ звуки этого дѣтскаго лепета казалось горе уходило куда-то далеко, далеко, и на глаза невольно навертывались слезы радости и раскаянія за то, что онъ слишкомъ много думалъ о себѣ, хотя и увѣрялъ себя, что думаетъ о сынѣ. Онъ любилъ его не достаточно сильно... Нѣтъ! Никогда не оставитъ онъ своего мальчика, что бы впереди не было,

Digitized by Google

какія бы испытанія не сулила ему жизнь. Онъ все вытерпитъ, все перенесетъ для сына... Онъ и безъ того, ради него, терпѣлъ, но этого еще мало. Что онъ безъ него, безъ этого ребенка? Къ чему тогда и жить?.. Вѣдь только осталась одна цѣль, серьезная цѣль: воспитать своего мальчика, сдѣлать изъ него хорошаго, честнаго человѣка, который съумѣетъ бороться и выйдетъ изъ житейской борьбы не такой искалѣченной тварью, какой вышелъ онъ. Если отецъ неудачникъ „настоящій неудачникъ!“ грустно улыбнулся Трамбецкій, то за то онъ, вотъ этотъ крошечный мальчикъ, не будетъ такимъ. Онъ не погубитъ себя въ добрыхъ намѣреніяхъ и въ безплодной борьбѣ съ женщиной.

Такъ думалъ отецъ, слушая возбужденныя рѣчи своего любимца и отвѣчая на нихъ словами горячей любви и ласки. Такъ говорили они нѣсколько времени, и казалось оба черпали во взаимной любви новыя силы.

Громкій звонокъ въ передней смежилъ ихъ уста. Раздался свѣжій женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ пронесся тихій шелестъ платья въ сосѣдней комнатѣ. Отецъ и сынъ вдругъ присмирѣли и почему то взглянули другъ на друга. Особенно серьезенъ сталъ взглядъ мальчика.

Валентина Николаевна тихо подошла къ постели съ тою особенной граціей и томнымъ видомъ, съ которымъ обыкновенно входятъ женщины въ комнаты, гдѣ лежатъ больные. Она склонила голову надъ постелью ребенка,

Digitized by Google

улыбнулась ему ободряющей улыбкой, слегка дотрогиваясь до головы.

— Ну, какъ мы? Посмотри—нравится тебѣ?

Она подала сыну ящикъ съ игрушками.

Ребенокъ взялъ ящикъ, положилъ около себя и проговорилъ тихо:

— Благодарю.

— Что-жъ ты не говоришь: нравятся тебѣ игрушки?..

— Нравятся мама! еще тише проговорилъ мальчикъ и закрылъ глаза.

— Онъ спать хочетъ... У бѣдняжки сильный жаръ! замѣтила Валентина Николаевна, видимо не зная, что затѣмъ дѣлать: оставаться ли у ребенка или идти въ комнаты.

А солнце какъ нарочно врывалось яркими лучами и раздражало молодую женщину... На улицѣ такъ ярко, хорошо, весело, а здѣсь... здѣсь такъ скучно: угрюмое лицо тирана мужа, больной ребенокъ и запахъ лекарства. Она любила Колю, но любила его здороваго, веселаго, наряднаго, когда бывало она гуляла съ нимъ или каталась. Она часто цѣловала его урывками, кормила конфектами и иногда забывала его по цѣлымъ днямъ. Но когда бывали гости, она всегда на нѣсколько минутъ сажала мальчика разодѣтаго и напомаженнаго къ себѣ на колѣни, прижимала его щеки къ своимъ розовымъ щекамъ, трепала маленькой, выхоленной ручкой и осыпала поцѣлуями. Это была такая трогательная картина, что гости нерѣдко любовались и

Digitized by Google

находили эту добрую мать съ ребенкомъ на рукахъ еще пикантнѣй...

Впереди еще объясненія... Ахъ, какъ хотѣлось ей, чтобы не было никакого объясненія, чтобы жизнь ея текла весело и нарядно, чтобы мужъ — этотъ ужасный человѣкъ, сгубившій ея молодость, не нарушалъ спокойствія жизни своимъ видомъ, своими притязаніями... Она его не любитъ, къ чему жъ онъ стѣсняетъ ея свободу, свободу женщины?..

Когда дѣло касалось свободы женщины, Валентина Николаевна морщила свой лобъ и принимала строгій видъ. Она серьезно возмущена была положеніемъ женщины и всегда, вздыхая, говорила очень много фразъ, вылетавшихъ съ ея устъ какъ-то нечаянно, безсвязно, но очень мило. Она считала себя несчастной женщиной, жаловалась на мужа и притомъ плакала такъ вкусно, что дамамъ хотѣлось поплакать вмѣстѣ, а мужчинамъ — расцѣловать это миленькое, пухленькое личико. Знакомые вѣрили всему, что она разсказывала про мужа, тѣмъ болѣе, что онъ никогда ничего не говорилъ и имѣлъ видъ такой суровый. Въ самомъ дѣлѣ всѣ считали его тираномъ, погубившимъ это кроткое, несчастное созданіе... Положимъ, она увлекалась, но развѣ можно не увлечься, имѣя подъ бокомъ негодяя и пьяницу? Такъ думали всѣ, знавшіе Валентину Николаевну, и она умѣла прекрасно поддерживать это мнѣніе.

Въ головкѣ ея пробѣгало одновременно нѣсколько

Digitized by Google

мыслей. Она подумала о предстоящемъ объясненіи съ мужемъ, собираясь обмануть его какъ можно граціознѣй, понадѣялась, что Кривскій избавитъ ее отъ «этого человѣка» и вспомнила, что сегодня вечеромъ она должна быть въ Михайловскомъ театрѣ, и что надо поскорѣй взять билетъ.

Ей вдругъ такъ захотѣлось быть въ театрѣ, что эта мысль заняла ее болѣе всего, и она теперь обдумывала какъ бы найдти предлогъ, чтобы тотчасъ же снова вырваться изъ дому на воздухъ, на солнце, къ людямъ, подальше отъ постылаго мужа, которому вчера еще со слезами на глазахъ клялась въ вѣрности, не вызванная на это ни единымъ словомъ мужа, вспоминая во время клятвъ веселое и смѣющееся лицо молодаго Кривскаго...

Она обманывала какъ-то шутя, добродушно, съ наивностью доброй малютки, съ цинизмомъ развращенной женщины. Она любила блескъ, роскошь, шумъ, и пріѣздъ мужа, этого рыцаря печальнаго образа, измѣнилъ вдругъ ея веселую обстановку. Нельзя было не стѣсняться. Приходилось обманывать и ворочаться раньше домой. Приходилось льстить, браниться, плакать, требовать развода, увѣрять и себя и мужа, что безъ сына она несчастная женщина, разсказывать, утирая слезы, что мужъ ее бьетъ, и даже разсказывать съ наслажденіемъ.

Валентина Николаевна простояла нѣсколько минутъ и вдругъ спохватилась, что у ребенка нѣтъ мѣшка для

Digitized by Google

льду на случай, если жаръ усилится, и докторъ прикажетъ прикладывать ледъ. Она тотчасъ же сказала, объ этомъ мужу и вызвалась съѣздить.

Трамбецкій внимательно слѣдилъ за ней и казалось понималъ, что происходило въ душѣ у этой «доброй малютки»... Въ другое время она, быть можетъ, подняла бы въ немъ желчь, вызвала бы горячія замѣчанія, его возмутила бы ложь, а теперь онъ только усмѣхнулся и тихо прибавилъ:

– Что-жъ, поѣзжай...

Она тотчасъ же вспорхнула, какъ птичка, и уже на порогѣ почему-то обернулась, и обращаясь къ мужу, замѣтила:

— А съ тобой мы поговоримъ, какъ я вернусь... Кривскій обѣщалъ тебѣ мѣсто...

Солгавши, она усмѣхнулась про себя и мечтала, что Кривскій освободитъ ее отъ этого человѣка. Ей казалось, что она произвела на старика впечатлѣніе, и она весело шла по улицѣ, вспоминая тѣ косые взгляды, которые останавливалъ онъ на дрожавшемъ кружевѣ, и съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ строила воздушные замки, разсчитывая на свою красоту и ловкость.

Когда ушла жена, Трамбецкій нагнулся къ сыну. Ребенокъ лежалъ съ открытыми глазами... Они ни слова не сказали о Валентинѣ Николаевнѣ и продолжали бесѣдовать.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ уснулъ.

Отецъ сидѣлъ подлѣ и задумался. Прежняя жизнь

Digitized by Google

проносилась передъ нимъ съ своей убійственною ясностью.

II.

Есть неудачники — особенно много ихъ между русскими людьми, — которыхъ жизнь постоянно гладитъ противъ шерсти, словно бы испытывая человѣческое терпѣніе, въ наказаніе за неумѣніе пріурочиться къ жизни и плыть вмѣстѣ со всѣми по теченію.

Къ такимъ неудачникамъ принадлежалъ и Александръ Александровичъ Трамбецкій.

Передъ нимъ пронеслась вся его прошлая жизнь, и онъ скорбно улыбался, подводя итоги. Въ итогѣ—разбитая жизнь, подорванная вѣра, сознаніе одиночества и общественной безполезности. Въ сорокъ лѣтъ—старый инвалидъ, безъ положенія, безъ средствъ, безъ личнаго счастья, брюзгливо отворачивающійся отъ современной сутолоки, слишкомъ совѣстливый, чтобъ вступить съ жизнью въ сдѣлку и взять отъ нея то, что другіе берутъ съ яснымъ взоромъ и спокойнымъ сердцемъ.

Это былъ одинъ изъ могикановъ шестидесятыхъ годовъ, не смирившійся еще отъ житейскихъ потасовокъ, еще возмущавшійся тѣмъ, чѣмъ сверстники его давнымъ давно перестали возмущаться, сидя въ департаментахъ, правленіяхъ, канцеляріяхъ и готовый еще проспорить изъ-за какой нибудь статьи до пѣтуховъ, толковать объ идеалахъ и рѣшать вопросъ о человѣческомъ счастьѣ, забывая, что самого его счастье не баловало никогда.

Digitized by Google

Онъ возмущался, злился и въ такія минуты говорилъ горячо, бросая молніи изъ глазъ и размахивая длинными неуклюжими руками. Сперва его слушали, но пришла пора—слушать его перестали, какъ человѣка смѣшнаго и даже безпокойнаго. Въ самомъ дѣлѣ еще понятно, когда возмущается двадцатилѣтній юноша, но возмущаться въ сорокъ лѣтъ, говорить страстныя тирады гдѣ нибудь въ департаментѣ или въ съѣздѣ мировыхъ судей, лѣзть на стѣну по поводу какого нибудь „пустяка“ и не дѣлать никакой карьеры — это казалось большинству его знакомыхъ страннымъ, смѣшнымъ и даже неприличнымъ, такъ что Трамбецкому оставалось только махнуть на нихъ рукой.

Мало по малу отъ него отвернулись прежніе близкіе люди и товарищи, находя, что знакомство съ этимъ безпокойнымъ черноволосымъ малымъ, неделикатно касавшимся самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, и непріятно, и небезопасно для ихъ репутаціи. Большинство бѣжало въ запуски за положеніемъ, за богатствомъ, за карьерой, а онъ—смѣшной человѣкъ, какъ говорили его сверстники, — „застылъ на старыхъ взглядахъ“ и не понимаетъ, что надо жить, жить надо, какъ люди живутъ, а не бездольнымъ скитальцемъ съ мѣста на мѣсто. Тогда Трамбецкій попробовалъ сойтись съ молодежью... Онъ думалъ найти откликъ у горячихъ сердецъ на свои горячіе монологи, но его монологи, къ изумленію стараго идеалиста, встрѣчали почтительную улыбку и болѣе ничего... Онъ очутился между двухъ стульевъ и

Digitized by Google

понялъ, что онъ одинаково чужой и тѣмъ, и другимъ... Пришлось говорить монологи передъ графиномъ водки, изливая въ пьяномъ видѣ горечь разочарованія и оскорбленнаго самолюбія.

Для такихъ безпокойныхъ, отзывчивыхъ, раздражительныхъ натуръ, какъ Трамбецкій, одиночество было ужасно. Онъ искалъ привязанности. Въ ней мечталъ онъ найти зацѣпку къ жизни, примиреніе послѣ тѣхъ мытарствъ, которыя ему пришлось испытать, какъ только онъ перешелъ на третій курсъ университета. Онъ занимался отлично, но говорилъ монологи со всѣмъ пыломъ и горячностью юноши, готоваго схватить міръ Божій, какъ быка за рога. Это были такіе невинные, юношескіе монологи, но все таки пришлось оставить на время университетъ и познакомиться съ мѣстоположеніемъ Архангельской губерніи, прожить тамъ два года и вернуться оттуда къ практической дѣятельности. Онъ сдалъ кандидатскій экзаменъ, поѣхалъ къ своимъ старикамъ въ Полтавскую губернію, получилъ наставленіе отъ отца и горячую мольбу матери быть умнѣе и поступилъ на службу.

Сколько службъ перемѣнилъ онъ въ теченіе восьми лѣтъ!

Гдѣ только онъ ни былъ, гдѣ только ни служилъ и въ какихъ только канцеляріяхъ не говорилъ монологовъ и не имѣлъ «исторій»... Скитанія съ мѣста на мѣсто казалось должны были бы утомить другаго человѣка, но Трамбецкій былъ неисправимъ... Онъ

Digitized by Google

брался горячо за дѣло, принималъ слишкомъ близко къ сердцу важное и неважное, ссорился, говорилъ своимъ рѣзкимъ тономъ азбучныя, но непріятныя истины и... смотришь... опять путешествуетъ нашъ чудакъ изъ захолустья въ захолустье, устраивается снова, снова ссорится и снова путешествуетъ на легкѣ съ маленькимъ чемоданомъ, въ которомъ заключалось все его имущество...

Въ одинъ прекрасный день онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и сдѣлался владѣльцемъ изряднаго имѣнія въ Полтавской губерніи... Онъ пріѣхалъ въ деревню, завелъ немедленно школу, ссорился въ земствѣ негодовалъ, что мужикъ не понимаетъ его горячихъ монологовъ, и подчасъ обманываетъ — его, любившаго народъ, самымъ добродушнымъ образомъ... Онъ приходилъ въ недоумѣніе. На земскихъ собраніяхъ распинался за интересы крестьянъ, а дома выходилъ изъ себя, приходилъ въ отчаяніе отъ „непониманія“ подневольнаго человѣка и подъ конецъ перессорился со всѣми сосѣдними помѣщиками. Помѣщики считали его краснымъ; мужики, относились къ „блажному пану“ съ мягкой снисходительностью рабочаго человѣка и посмѣивались надъ его неумѣлостью и горячими монологами. Трамбецкій совсѣмъ потерялся и не зналъ, какъ ему приняться за дѣло...

Въ это время онъ встрѣтился съ Валентиной. Какой прелестной кроткой дѣвушкой показалась она Трамбецкому! По своему обыкновенію онъ увлекся ею сразу и изъ хорошенькой, неглупой и испорченной дѣ-

Digitized by Google

вушки создалъ въ своемъ воображеніи идеалъ ума, развитія и нравственной чистоты.

«Эти глаза... эти кроткіе глаза не могутъ лгать... Въ этихъ глазахъ, точно въ свѣтломъ озерѣ видно все!» говорилъ онъ тогда въ сумасшедшемъ экстазѣ, любуясь ясными глазами Валентины, слушавшей бывало его монологи съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаетъ невѣста всякія рѣчи жениха.

Вниманіе онъ причялъ за сочувствіе, желаніе выдти за мужъ—за любовь, пустоту—за наивность. «Такого наивнаго ребенка и надо мнѣ. Я перевоспитаю ее и мы заживемъ отлично!».. говорилъ онъ своей матери, практичной старухѣ, сразу понявшей чуткимъ материнскимъ инстиктомъ, что Валентина, этотъ милый ребенокъ съ кроткими глазами, не любитъ сына и выходитъ замужъ ради партіи.

Но развѣ можно было убѣдить Трамбецкаго? Онъ полюбилъ воображаемую «добрую малютку» со всѣмъ пыломъ помятаго жизнью человѣка, наконецъ нашедшаго на своемъ тернистомъ пути вѣрнаго друга, товарища и любовницу. Онъ строилъ планы будущей ихъ жизни, а она все слушала, внимательно слушала, подкупая влюбленнаго человѣка своей неизмѣнно кроткой улыбкой.

Послѣ свадьбы они уѣхали за границу. Заграничная поѣздка входила въ планъ воспитанія доброй малютки. Первое время онъ былъ опьяненъ счастіемъ любви и близостью этой красивой, граціозной женщи-

Digitized by Google

ны и не замѣчалъ, что кроткіе глаза «малютки» такъ же ясно смотрѣли на него, когда онъ, захлебываясь отъ восторга, говорилъ ей о любви или когда онъ прозаично говорилъ объ обѣдѣ. Она терпѣливо впрочемъ выслушивала еще монологи, но послѣ монологовъ незамѣтно сводила разговоръ на деньги и тратила ихъ на наряды. Она любила блескъ, любила общество, наряжалась, а онъ—сумасшедшій человѣкъ — думалъ, что она наряжается для него, стараясь ему понравиться.

Валентина Николаевна очень исказила факты, разсказывая свою исповѣдь Кривскому. Она представила мужа ревнивцемъ и по обыкновенію граціозно обошла причины ревности. А причины были.,.

Ужасный былъ для Трамбецкаго тотъ день, когда первая глубокая рана была нанесена ему «доброй малюткой» прямо въ сердце нежданно, негаданно, когда на губахъ его еще не успѣли остыть ея поцѣлуи, а ясный взоръ ея точно еще смотрѣлъ на него съ кроткой улыбкой ангела.

Они жили тогда въ Швейцаріи, въ прелестномъ уголкѣ на берегу озера, среди розъ и зелени, любуясь снѣжными высями темносинихъ горъ изъ оконъ хорошенькаго домика. Однажды онъ уѣхалъ на цѣлый день къ одному, жившему въ сосѣднемъ городкѣ знакомому, обѣщая вернуться на слѣдующій день. Она проводила его, щебеча, какъ птичка, и ласкаясь, какъ кошечка.

Онъ оставилъ свою «малютку» счастливый своею любовью, любуясь природой; съ наслажденіемъ вдыхая

Digitized by Google

горный воздухъ полной грудью. Ему такъ было хорошо. Онъ еще разъ обернулся, чтобы взглянуть на милое созданіе. Кудрявая головка Валентины привѣтливо кивала съ балкона.

Дальше онъ помнитъ только, какъ вмѣсто слѣдующаго утра онъ возвратился въ тотъ же день поздно вечеромъ, какъ торопился подѣлиться съ ней впечатлѣніями, какъ подошелъ къ двери спальной и замеръ въ ужасѣ и тоскѣ.

У себя ли онъ! Не ошибся ли?

Онъ оглянулся вокругъ схватился дрожащей рукой за голову и прислушивался.

Изъ спальни ясно долетали звуки голосовъ: испуганный шопотъ жены и ободряющій голосъ мущины.

У него помутилось въ глазахъ. Онъ хотѣлъ было рвануть двери, но вдругъ повернулъ назадъ и, блѣдный, убитый, вышелъ на улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ мимо скользнула знакомая фигура сосѣда ихъ за табль д'отомъ, пожилаго итальянца, съ которымъ жена бывало разговоривала при встрѣчахъ. Самъ онъ говорилъ съ нимъ рѣдко.

Трамбецкій взглянулъ вслѣдъ итальянцу. «Убить развѣ?» промельнула мысль. «Не стоитъ!» тихо прошепталъ онъ, склоняя низко голову и тихими шагами удаляясь отъ дома, не зная, куда и зачѣмъ идетъ онъ.

Гдѣ ходилъ онъ въ эту памятную ночь, онъ до сихъ поръ не помнитъ. Когда Трамбецкій шелъ домой съ твердой рѣшимостью немедленно уѣхать въ Россію и

Digitized by Google

никогда болѣе не встрѣчаться съ «малюткой», лицо его было такое скорбное и больное, что прохожіе обращали на него вниманіе, принимая его за съумасшедшаго или пьянаго.

Онъ тихо поднялся въ «гнѣздышко» и прошелъ въ маленькую комнатку, гдѣ лежала еще раскрытая книга, которую онъ читалъ своей «малюткѣ». Слезы тихо закапали изъ его глазъ, когда среди безмолвія ранняго утра онъ сталъ укладывать свои вещи.

«За что, за что?» повторялъ онъ беззвучно шевеля губами, не отдавая вполнѣ отчета въ томъ, что случилось. Онъ сознавалъ только, что случилось нѣчто безобразное, жестокое и понималъ, что отнынѣ онъ снова одинокъ съ новой раной въ сердцѣ.

Онъ обернулся, заслышавъ шаги, и опустилъ глаза отъ стыда. Передъ нимъ стояла Валентина въ бѣломъ капотѣ, блѣдная, печальная, съ скорбнымъ взоромъ, умоляющимъ о пощадѣ.

У него не хватило смѣлости поднять на нее глаза. Изъ груди не вырвалось ни одного звука. Онъ чувствовалъ только, какъ сильно бьется его сердце и чего-то ждалъ, ждалъ со страхомъ и надеждой.

Валентина тихо приблизилась и, какъ снопъ, упала въ ноги, рыдая сдавленными, глухими рыданіями.

Онъ поднялъ ее и, глядя въ сторону, слышалъ тихій нѣжный голосъ, робко молившій о прощеніи, шептавшій слова любви и раскаянія... Изъ отрывистыхъ словъ, съ трудомъ вылетавшихъ изъ ея груди, онъ

Digitized by Google

только слышалъ, что она невинна, что фамильярность итальянца развлекала ее, и затѣмъ вмѣсто словъ опять слезы и слезы...

Онъ взглянулъ на нее. Господи! Какая кроткая, молящая улыбка... Какъ хороша, какъ изящна ея маленькая фигурка, какъ нѣжно дрожатъ ея розовыя губы... Неужели уѣхать?.. Неужели впереди опять сиротство одинокаго существованія? Но вѣдь онъ же любитъ ее, все-таки любитъ, несмотря...

Валентина инстинктомъ поняла, что дѣлается съ мужемъ. Она обвила его шею и, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, тихо рыдала у него на груди.

Онъ ничего не понималъ, ничего не распрашивалъ... Онъ чувствовалъ только на себѣ горячее дыханіе женщины, чувствовалъ какъ испуганно трепетала она и... и остался...

Въ тотъ же вечеръ они оставили свое гнѣздышко. Онъ ни словомъ не упоминалъ объ этомъ случаѣ, и Валентина казалось съ тѣхъ поръ полюбила его больше.

Прошелъ годъ и у нихъ родился сынъ... Трамбецкій радовался и мечталъ, что сынъ тѣснѣе сблизитъ ихъ. Онъ нянчился съ малюткой и нѣжно упрекалъ жену, что она часто забываетъ его.

Изъ памяти его понемногу изглаживалась швейцарская сцена... Она казалась ему какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ. Онъ начиналъ вѣрить, надѣяться, какъ вдругъ снова повторилась подобная же сцена, съ измѣненными нѣсколько подробностями: вмѣсто Швейцаріи—

Digitized by Google

Италія, вмѣсто итальянца—русскій, вмѣсто моленій о пощадѣ—увѣренія въ невинности, и снова тотъ же кроткій взглядъ свѣтлыхъ невинныхъ глазъ...

Что это была за жизнь... Что это была за каторга!.. Онъ любилъ и презиралъ ее въ одно и то же время. Въ порывѣ заносилъ онъ на нея руку и въ ужасѣ останавливался, замѣчая страхъ животнаго въ ея глазахъ.

Они уѣхали въ Россію, поселились въ деревнѣ и скоро „кроткая малютка“ сдѣлалась сказкой уѣзда... Она жаловалась вездѣ на мужа, обманывала его, отдавалась безъ разбора, начиная съ мужа и кончая случайнымъ любовникомъ. Она тяготилась жизнью въ деревнѣ, кутила на сторонѣ, уѣзжая въ городъ, и рвалась, какъ бабочка на огонекъ, въ Петербургъ.

Трамбецкій махнулъ рукой, запилъ и привязался сильнѣе къ сыну... Дѣла его въ это время разстроились; онъ поступилъ на службу въ городъ В. Тамъ жена его сдѣлалась любовницей губернатора; всѣ объ этомъ знали, кромѣ Трамбецкаго. Наконецъ узналъ и онъ, и сдѣлалъ сцену. Она жаловалась, что мужъ ее бьетъ, и въ городѣ всѣ жалѣли Валентину. Далѣе потеря мѣста, состоянія, пьянство и въ одинъ прекрасный день исчезновеніе жены съ сыномъ.

Разбитый, усталый, совсѣмъ больной прожилъ онъ годъ въ Крыму и праздниками для него были тѣ дни, когда онъ получалъ письма отъ сына.

Скверный былъ тотъ годъ. Тяжело было Трамбецкому оставлять сына у „доброй малютки“, о жизни

Digitized by Google

которой приходили дурныя вѣсти изъ Петербурга. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Валентина Николаевна была изумлена, когда увидѣла сгорбленнаго старика, съ блестящими глазами и чахоточнымъ румянцемъ. Она приняла его ласково, просила забыть все, обѣщала жить для ребенка и первые дни проскучала дома.

Онъ поселился въ дальней маленькой комнаткѣ, рѣдко показываясь къ женѣ и занимался съ сыномъ... Онъ былъ тихъ и покоренъ, но на него находили порывы бѣшенства; тогда онъ вдругъ начиналъ язвить Валентину, допрашивалъ, чѣмъ она живетъ и гдѣ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ... Въ такія минуты Валентина его боялась.

Блѣдный, худой, держась руками за грудь, онъ то бранилъ, то умолялъ ее, то поражалъ своими сарказмами, питая надежду, что еще не все потеряно, и пробудится совѣсть. Онъ обѣщалъ забыть все, не требуя любви, не дѣлая упрековъ, но только пусть же она живетъ, какъ человѣкъ, пусть помнитъ она, что у нея сынъ, который видитъ все.

Онъ просилъ отдать ему сына, но она не соглашалась. Онъ грозилъ — она запиралась въ комнату или закрывала руками лицо, словно ожидая удара. Онъ уходилъ къ себѣ и заливался слезами, какъ безпомощный ребенокъ.

На другой день онъ снова видѣлъ изящную, блестящую жену и тотъ же кроткій взглядъ ея свѣтлыхъ

Digitized by Google

глазъ... Онъ избѣгалъ смотрѣть на нее, страшась какъ бы она не узнала, что онъ все-таки еще любилъ ее. Она догадывалась объ этомъ и въ минуты хорошаго настроенія духа бросала мужу ласку, какъ бросаютъ милостыню нищему.

„Бѣжать развѣ... бѣжать!“ нерѣдко закрадывалась ему мысль въ голову, но въ это время тихо подходилъ къ нему сзади „мальчикъ“, цѣловалъ его въ щеку, игралъ съ его бородой и, крѣпко прижимаясь къ нему, вселялъ новую силу и бодрость въ этого измученнаго человѣка.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

„Шурка Кривскій".

Анна Петровна Кривская, супруга его превосходительства, полная статная брюнетка лѣтъ подъ пятьдесятъ, сохранившая еще слѣды замѣчательной красоты и блескъ большихъ черныхъ блестящихъ глазъ, сидѣла раннимъ утромъ въ бѣломъ капотѣ у маленькаго письменнаго стола, занятая исчисленіемъ суммы, которую надо спросить у Сергѣя Александровича, когда въ уютный ея кабинетъ вошелъ общій баловень семьи и фаворитъ Анны Петровны Александръ Сергѣевичъ Кривскій или, какъ всѣ звали его, Шурка.

Тихо ступая по ковру, приблизился онъ къ матери, звонко поцѣловалъ ее въ щеку, поднесъ красивую, пышную, сіяющую кольцами руку къ своимъ румянымъ губамъ и опустился, лѣниво потягиваясь, въ маленькое кресло.

Мать остановила долгій ласковый взглядъ на красивомъ молодомъ лицѣ, съ пробивающимся пушкомъ

Digitized by Google

бѣлокурыхъ волосъ. Отъ этого выхоленнаго лица вѣяло здоровьемъ, свѣжестью и беззаботностью капризнаго ребенка. Оно улыбалось въ отвѣтъ на ласковый взглядъ матери. Улыбались сочныя румяныя губы, улыбались большіе голубые глаза, приводившіе въ восторгъ тридцатипятилѣтнихъ дамъ своимъ яснымъ, чуть-чуть наглымъ взглядомъ, улыбались румяныя свѣжія щеки.

— Ты удивляешься, что я такъ рано? произнесъ онъ, зѣвая:—Я и самъ удивляюсь... Вчера впрочемъ я рано вернулся, въ два часа, ты уже спала, и я не зашелъ къ тебѣ проститься.

— Кутилъ?

— Провожали товарища въ Ташкентъ... Пили... Голова болитъ.

Анна Петровна покачала укоризненно головой.

— Такъ отчего ты рано всталъ?

— Съ тобой поговорить надо. У меня просьба къ тебѣ, мама...

— Я догадываюсь какая просьба... опять денегъ?..

Анна Петровна серьезно взглянула на сына и прибавила:

— Послушай, Шура... когда же будетъ этому конецъ?..

— Подожди, мама. Послѣ жури меня, а теперь выслушай пожалуйста... Даю тебѣ слово, что я прошу въ послѣдній разъ...

— Въ послѣдній разъ? усмѣхнулась мать: — Ахъ,

Digitized by Google

Шурка, Шурка, много было этихъ послѣднихъ разъ. Ты серьезно огорчаешь меня...

Шурка сдѣлалъ капризную мину и замѣтилъ:

— Вѣрь, что больше не буду, но только теперь устрой мои дѣла. Отецъ получаетъ деньги, такъ ужъ ты, мама, переговори съ нимъ... Взгляни сама: менѣе чѣмъ двадцатью тысячами обойтись нельзя, ей Богу нельзя...

— Да ты съ ума сошелъ, Шурка! Ты говоришь о двадцати тысячахъ, словно о трехстахъ рубляхъ.

— Не сердись, а взгляни, мама!

Съ этими словами, произнесенными тономъ капризнаго ребенка, не выносящаго противорѣчій, Александръ Сергѣевичъ положилъ на столъ передъ матерью почтовый листокъ бумаги, испещренный цифрами.

— Прочти, мама... Портному тысячу двѣсти рублей, сапожнику—триста, Пивато—восемьсотъ... По векселю — семь тысячъ пятьсотъ, векселю скоро срокъ, мама... Денисову четыре тысячи...

— Какому Денисову?...

— Нашему, мама... Въ безикъ проигралъ...

— Ахъ, Шурка, Шурка!.. шептала Анна Петровна, просматривая длинный списокъ долговъ: — Ты рѣшительно неисправимъ... Давно ли я за тебя заплатила пять тысячъ? Давно ли ты обѣщалъ вести себя скромнѣй и не играть въ карты. Вѣдь у насъ состоянія нѣтъ... ты это знаешь!

— Мама, голубушка, сердись, не сердись, а попроси

Digitized by Google

отца... Даю тебѣ слово, я больше не стану дѣлать долговъ, но только теперь упроси отца...

И Шурка по обыкновенію обвилъ шею матери и, покрывая ея лицо поцѣлуями, повторялъ:

— Ты попроси... попроси... Попросишь?..

Анна Петровна еще три дня тому назадъ просила Сергѣя Александровича за своего баловня, но теперь она хотѣла его проучить и показать, что не сразу поддается на его просьбы. Она отвела свое лицо и строго замѣтила:

— Александръ! Ты разоряешь насъ. Отецъ возмущенъ твоимъ поведеніемъ, и если ты не исправишься, онъ больше не станетъ платить твоихъ долговъ... Ты кажется могъ бы жить безъ долговъ. Ты получаешь двѣсти рублей отъ отца, сто отъ меня. У тебя готовая квартира, столъ и лошадь... Развѣ нельзя жить прилично на эти средства?..

— Ахъ, мама, мама... Что такое триста рублей? Служатъ у насъ въ полку, сама знаешь, все богатые люди... Нельзя же мнѣ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ отстать отъ товарищей и говорить, что папенька съ маменькой не даютъ денегъ... Надо сохранять приличія и не ронять чести полка... Надѣюсь...

Анна Петровна слушала и сама сознавала, что трехсотъ рублей пожалуй и недостаточно, чтобы ея любимецъ не ронялъ чести полка. Ахъ! Она бы давала ему гораздо больше, чтобъ онъ блисталъ въ свѣтѣ, чтобъ

Digitized by Google

его капризы не встрѣчали препятствія, но по несчастію она не могла этого сдѣлать.

— Ну, хорошо... Мы прибавимъ тебѣ еще двѣсти рублей... ты будешь получать пятьсотъ въ мѣсяцъ, но ты дай мнѣ слово, честное слово, что больше долговъ не будетъ... Дашь?...

— Честное слово, мама...

— Вѣдь ты не одинъ у насъ. У тебя два брата и двѣ сестры... О всѣхъ васъ надо подумать.

— Ну, братья долговъ не дѣлаютъ... Они получаютъ на службѣ хорошія деньги. Къ чему имъ дѣлать долги?.. Борисъ вдобавокъ женится и береть громадное состояніе... Правда мама?.. По крайней мѣрѣ всѣ говорятъ... Этотъ Борисъ уменъ, не то что я. Онъ дьявольски ловкую штуку выкидываетъ, если правда, что дѣло слажено... весело разсмѣялся Шурка: —Ты, мама, и мнѣ подъищи такую же дуру съ приданымъ.

— Александръ! что за выраженія!

— Ну, ну... не скажу болѣе ни слова... Такъ ты обѣщаешь?..

— Двадцати тысячъ отецъ не дастъ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Пойми, мама, что же мнѣ дѣлать? проговорилъ Шурка капризнымъ голосомъ: —Нѣтъ, мама, онъ дастъ. Посердится и дастъ... Только переговори съ нимъ, голубушка... прошу тебя... Вѣдь если подадутъ на меня въ полкъ, ты понимаешь, какой будетъ скандалъ... Ужь ты какъ хочешь, а мнѣ необходимо двадцать тысячъ.

Digitized by Google

Анна Петровна опять стала говорить на тему о безпутствѣ сына, и Шурка слушалъ эти рѣчи разсѣянно, думая о томъ, сколько у него останется отъ двадцати тысячъ. Онъ составлялъ въ умѣ списокъ лицъ, кому можно не заплатить (портной и сапожникъ оказались первыми въ этомъ спискѣ) и разсчитывалъ, что можно оставить тысячъ десять, тѣмъ болѣе, онѣ нужны были ему до зарѣзу. Онъ такъ былъ увѣренъ въ помощи матери, подобныя сцены съ матерью повторялись такъ часто, что Шурка по обыкновенію пропускалъ мимо ушей увѣщанія матери. Она любитъ его и конечно не поставитъ въ скверное положеніе. Нельзя же въ самомъ дѣлу ему, Шуркѣ Кривскому, жить какъ какому нибудь армейскому офицеру и не дѣлать долговъ. Невозможно, всѣ это знаютъ, что невозможно.

— Такъ помни, Шура, что я поговорю съ отцомъ въ послѣдній разъ! заключила Анна Петровна, любуясь своимъ безпутнымъ сыномъ, сидѣвшимъ передъ ней съ виноватымъ видомъ enfant gaté: — Слышишь? прибавила она строгимъ тономъ.

— Слышу, слышу, мама! всталъ онъ и крѣпко расцѣловалъ мать въ обѣ щеки: — Повѣрь, я больше не буду тебя безпокоить! говорилъ онъ, искренно увѣренный въ ту минуту, что больше не будетъ безпокоить.

Ему некогда было думать о будущемъ и къ чему? Что будетъ впереди, то будетъ, а пока жизнь проходила передъ нимъ какимъ-то постояннымъ праздникомъ, среди катаній, пикниковъ и того веселаго ни-

Digitized by Google

чего недѣланья, которое однако поглощаетъ не мало времени въ жизни порядочнаго человѣка, имѣющаго счастіе принадлежать къ золотой молодежи. Веселый, легкомысленный, тщеславный, добродушный и избалованный, любимый дамами, товарищами и начальствомъ, онъ, что называется, прожигалъ жизнь, не понимая, какъ можно было по утрамъ не завтракать у Пивато, не прокатиться по Невскому, кутаясь въ бобровый воротникъ, не сидѣть, весело кивая рыжеволосымъ кокоткамъ, въ первыхъ рядахъ оперы или Михайловскаго театра и не быть въ числѣ первыхъ счастливцевъ, пользующихся благосклонностью вновь появляющейся звѣзды полусвѣта.

Его всѣ любили, какъ добраго, безпритязательнаго малаго, умѣвшаго разсказать веселый анекдотъ, граціозно сидѣть на лошади, танцовать мазурку на балахъ, проигрывать въ безикъ, баккара и макао съ приличіемъ порядочнаго человѣка и говорить съ начальствомъ съ почтительной аффектаціей военнаго джентльмена. Глядя на его веселое, открытое лицо, никому не могло придти въ голову, чтобы на Шурку Кривскаго можно когда нибудь сердиться. На него даже кредиторы не сердились, когда онъ съ добродушіемъ ребенка говорилъ имъ, что денегъ нѣтъ, и у нихъ же перехватывалъ маленькія суммы... Всѣ знали, что „мальчикъ“ на виду, направленія примѣрнаго—Шурка всегда отличался самыми рыцарскими чувствами и говорилъ о чести полка съ благородной дрожью въ голосѣ—пойдетъ своей

Digitized by Google

дорогой, перебѣсится и изъ него выйдетъ если и не такой человѣкъ, какъ его отецъ (отецъ — большой умница!), то во всякомъ случаѣ хорошій служака, съумѣющій, когда нужно, умереть съ честью.

И Шурка самъ находилъ, что онъ „неученый“ и въ разговорѣ съ братомъ Борисомъ, смотрѣвшимъ на себя, какъ на будущаго столпа государства, нерѣдко, смѣясь, вскрикивалъ:

— Ну, ты ученый государственный человѣкъ, я слишкомъ глупъ для твоихъ скучныхъ разговоровъ...

Борисъ весело смѣялся. Смѣялся и Шурка больше всѣхъ и сводилъ разговоръ на послѣднюю пирушку или на новый анекдотъ изъ жизни полусвѣта.

Впрочемъ, штудируя передъ сномъ французскіе романы (другихъ книгъ онъ никогда не читалъ) и въ Шуркину голову изрѣдка забѣгали шальныя мысли о будущей карьерѣ. Конечно онъ не мечталъ о высшихъ званіяхъ... нѣтъ, но иногда мечталъ, что въ тридцать лѣтъ командовать полкомъ пріятно, очень пріятно, а тамъ бригада, дивизія и... обыкновенно мысли его обрывались на этомъ, и онъ не могъ придумать, что будетъ дальше. Только навѣрное будетъ хорошо, такъ какъ онъ, Шурка Кривскій, порядочный человѣкъ. При словѣ „порядочный“ у него являлось представленіе объ изящномъ платьѣ отъ хорошаго портнаго, розовыхъ ногтяхъ, собственной лошади, завтракахъ у Пивато, знакомствѣ съ обществомъ свѣта и полусвѣта, уплатѣ карточнаго долга въ срокъ, умѣньѣ ѣсть рыбу вилкой,

Digitized by Google

знаніи свѣжихъ анекдотовъ и рыцарскомъ уваженіи къ чести полка... Все помимо этого было непорядочное, неприличное... Люди другаго міра могли быть хорошими, добрыми людьми, но не порядочными. Съ ними можно было встрѣтиться и пройтись по Гороховой, но не по Большой Морской. У нихъ можно было занять денегъ, но знаться съ ними было неловко.

Веселый и довольный выходилъ Шурка отъ матери. Двадцать тысячъ онъ навѣрное получитъ, только бы «фатеръ» не очень долго длилъ сцену объясненія. Фатеръ иногда тянулъ эти сцены, и Шурка принужденъ былъ слушать ихъ, подавая время отъ времени реплики въ качествѣ блуднаго, раскаявшагося сына.

Обыкновенно мать выручала его, принимая на себя деликатные переговоры о Шуркиныхъ долгахъ. Если сумма была не велика, отецъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, и мать давала деньги своему любимцу, пожуривъ его съ нѣжной ласковостью ослѣпленной матери; но когда сумма превышала тысячу рублей, тогда приходилось идти къ отцу въ кабинетъ, присѣсть въ кресло, провести четверть часа съ поникшей головой и получить «порцію совѣтовъ», какъ говорилъ выходя изъ кабинета съ веселымъ смѣхомъ Шурка, встрѣчая своихъ сестеръ.

Онъ поднялся въ третій этажъ «къ себѣ», въ хорошенькую холостую квартиру и приказалъ нѣмцу-лакею позвать къ себѣ Василія Ивановича.

Василій Ивановичъ тотчасъ же пришелъ.

Digitized by Google

— Денегъ, Василій Ивановичъ! проговорилъ весело Шурка, трепля Василія Ивановича по плечу.

— Вамъ много нужно, Александръ Сергѣевичъ?

— Ты что называешь много... Триста рублей много?..

— Нѣтъ-съ, немного! улыбнулся камердинеръ.

— Ну, такъ давай триста, но только поскорѣй. Мнѣ надо отвезти проценты Гуляеву. Слышалъ объ этомъ жидоморѣ?

— Слышалъ-съ.

— Ну, если слышалъ, то неси деньги. Гуляевъ любитъ, чтобы дня не просрочить. Сегодня срокъ, и я хочу поразить аккуратностью.

Василій Ивановичъ принесъ черезъ нѣсколько минутъ деньги. Шурка, не пересчитавъ, сунулъ ихъ въ карманъ рейтузъ и проговорилъ:

— А на счетъ того долга, ты, Василій Ивановичъ, не безпокойся. Скажи твоему пріятелю, что на-дняхъ заплачу. Отецъ платитъ мои долги.

— Онъ проситъ весь долгъ. Ему нужны деньги...

— Все и отдамъ... Да скажи этому подлецу, что онъ деретъ чертовскіе проценты.

Василій Ивановичъ обѣщалъ сказать «подлецу», т. е. самому себѣ, и хотѣлъ было уходить, какъ Александръ Сергѣевичъ остановилъ его:

— Отецъ у себя?

— У себя-съ!

— Занятъ?

— Заняты... У нихъ Евгеній Николаевичъ.

Digitized by Google

— Ну, значитъ, надолго... Этотъ Евгеній Николаевичъ кажется совсѣмъ влѣзъ въ душу къ отцу...

— Уже и не говорите! озлился Василій:—Помните какимъ взяли его Сергѣй Александровичъ. Былъ этотъ Евгеній Николаевичъ тихенькій такой, смирненькій, а теперь прыти-то, прыти!

— Ну, да чортъ съ нимъ, съ твоимъ Евгеніемъ Николаевичемъ! Если спроситъ отецъ, скажи на ученье уѣхалъ... Да вели подавать Медвѣдя.

Кривскій взялъ фуражку, спустился внизъ, обнялъ въ залѣ хорошенькую свою сестру, сидѣвшую за роялемъ, обѣщалъ ей привести обѣдать Денисова и напѣвая веселый мотивъ, беззаботно спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ дрожки и приказалъ ѣхать на Васильевскій островъ.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Отставной полковникъ, дающій деньги за „небольшіе“ проценты.

I.

Трудно найти въ Петербургѣ порядочнаго человѣка, занимающаго суммы не меньше тысячи рублей, который бы не зналъ отставнаго полковника Гуляева и не обращался бы къ нему съ просьбой о деньгахъ, безпокойно взглядывая на круглое, румяное, добродушное лицо, убѣленное почтенными сѣдинами, на маленькій курносый носъ, который полковникъ поминутно утиралъ краснымъ фуляромъ, на выцвѣтшіе сѣрые глаза съ большими сѣдыми бровями, по движенію которыхъ опытные люди догадывались объ удачѣ или неудачѣ займа. Его черный потертый сюртукъ съ вѣчно болтавшимся владиміромъ въ петлицѣ, облегавшій плотную, коренастую фигуру полковника, неизмѣнно сѣрая жилетка и такіе же пьедесталы были тоже хорошо извѣстны всѣмъ посѣтителямъ небольшой квар-

Digitized by Google

тирки полковника въ четвертомъ этажѣ семнадцатой линіи Васильевскаго острова. Всѣ знали его аккуратность и чувство собственнаго достоинства, съ какимъ держалъ себя этотъ обязательный и вѣжливый старикъ; знали слабыя струны его сердца и спѣшили оказать ему прежде всего почтеніе и вниманіе, такъ какъ старикъ очень цѣнилъ почтительныхъ и деликатныхъ людей, а непочтительнымъ ни за что не давалъ денегъ, хотя бы дѣло было самое вѣрное и проценты подходящіе. Тогда брови его самымъ рѣшительнымъ образомъ двигались вверхъ и внизъ, наконецъ нависали, какъ грозныя тучи, надъ глазами, и старикъ категорически отказывалъ въ деньгахъ.

Всѣ знали эту слабость и часто добивались отсрочекъ платежей, пріѣзжая къ полковнику, какъ къ знакомому, поздравить съ днемъ ангела или рожденія, или просто узнать о здоровьѣ и потолковать о политикѣ. Нерѣдко должники посылали полковнику билетъ въ театръ или корзинку съ фруктами, дарили его какой нибудь бездѣлкой или рѣдкостью и Гуляевъ бывалъ очень доволенъ вниманіемъ. Когда почтенный полковникъ выходилъ въ часъ дня на улицу въ своемъ полувоенномъ балахонѣ пальто, въ большомъ картузѣ съ длиннымъ козыремъ и, опираясь на палку, шелъ пѣшкомъ или ѣхалъ въ конкѣ до Невскаго и по обыкновенію тихо прогуливался отъ часу до трехъ по солнечной сторонѣ, то вы могли видѣть сколько привѣтливыхъ поклоновъ шлется этому скромному на видъ

Digitized by Google

старику изъ щегольскихъ каретъ, и какіе солидные и изящные джентльмены при встрѣчѣ съ нимъ останавливаются и бесѣдуютъ, вполнѣ увѣренные, что почтенный полковникъ никогда на улицѣ не намекнетъ о долгѣ, хотя бы вы давно его просрочили, и вексель вашъ уже находился въ коммерческомъ судѣ... Боже сохрани! Полковникъ любезно освѣдомится о вашемъ здоровьѣ, поговоритъ о погодѣ и о политикѣ и тѣмъ же степеннымъ шагомъ пойдетъ далѣе, раздумывая какъ бы васъ прижать, чтобы заставить заплатить...

Свершивъ обычную прогулку по Невскому, полковникъ обыкновенно отправлялся на Пески, гдѣ жили его многочисленные родственники. За обѣдомъ у кого нибудь изъ родственниковъ, окруженный подобострастнымъ вниманіемъ чающихъ наслѣдства, полковникъ разсказывалъ о встрѣчахъ и о бесѣдахъ съ графомъ такимъ-то, княземъ такимъ-то, сановникомъ такимъ-то.

Полковникъ даетъ деньги подъ векселя за «небольшіе» проценты и даетъ преимущественно молодымъ людямъ хорошихъ фамилій. Онъ очень хорошо знаетъ Петербургъ и его обитателей и рѣдко ошибается, хотя и не беретъ никакихъ гарантій кромѣ двойнаго векселя «на случай». Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ постоянно съ часу бродитъ по улицамъ, знаетъ все что дѣлается въ городѣ, первый слышитъ о смерти того или другаго стараго отца своего кредитора, узнаетъ о выгодныхъ свадьбахъ и не даромъ водитъ знакомство съ полицейскими приставами... Старожилъ Петербурга,

Digitized by Google

онъ занимается дѣломъ лѣтъ тридцать, имѣетъ громадное состояніе и живетъ одиновій, какъ перстъ...

Его всѣ знаютъ, и никто не забываетъ при встрѣчѣ съ нимъ почтительно раскланяться, такъ какъ трудно найти порядочнаго человѣка, который бы не былъ ему долженъ.

Иванъ Алексѣевичъ цѣнитъ это уваженіе и очень дорожитъ имъ. Въ немъ онъ какъ бы видитъ, что на него смотрятъ не только какъ на мѣшокъ съ деньгами, а какъ на равнаго человѣка. Этотъ самообманъ успокоиваетъ его, когда подъ часъ онъ раздумываетъ о своей профессіи.

Къ этому-то старику и отправился Шурка.

II.

Полковникъ по обыкновенію проснулся въ пятомъ часу утра, тревожно озираясь изъ подъ одѣяла и спѣшнымъ крестомъ осѣняя желтый, какъ пергаментъ, большой плѣшивый лобъ съ блестѣвшими на немъ крупными каплями пота.

Опять тяжелые сны смущали ночью бѣднаго старика! Не любилъ онъ ночи, особенно длинной, зимней, лунной ночи, когда блѣдный лучъ ночной красавицы, пробираясь изъ-за шторы въ комнату, придавалъ всѣмъ предметамъ фантастическій видъ. Образа казались живыми, платье, раскинутое на стулѣ, принимало формы сидящаго человѣка, цвѣты на обояхъ казались какими-

Digitized by Google

то гадкими рожами, показывающими языкъ подъ трепетавшимъ блѣднымъ свѣтомъ. Жутко было полковнику въ такія ночи.

И въ эту ночь старикъ нѣсколько разъ просыпался въ безотчетномъ страхѣ, зажигалъ свѣчку, судорожно протягивалъ руку подъ подушку, сжималъ револьверъ и напряженно прислушивался среди безмолвія ночи и полусвѣта маленькой спаленки.

То казалось ему, что въ сосѣдней комнатѣ раздаются робкіе шаги, то чудился ему какой-то подозрительный шорохъ, то будто кто-то тихо взламывалъ замокъ и вотъ осторожно отворяется маленькая дверь...

Старикъ вскакивалъ съ постели въ одной сорочкѣ, босой, съ револьверомъ въ рукахъ приближался къ двери и брался за ручку. Дверь была заперта. Все тихо. Только старинные часы съ башенкой и какой-то фантастической фигуркой въ башенкѣ, мѣрно чикали, нарушая безмолвіе ночи.

Старикъ крестился, что то шепталъ губами, снова ложился подъ одѣяло и долго, долго лежалъ еще съ открытыми глазами, ожидая и пугаясь сна... Онъ тоскливо ворочался въ постели, утѣшая себя мыслями, что онъ никому не сдѣлалъ зла и, какъ слѣдуетъ хорошему человѣку, помогаетъ своимъ роднымъ и многимъ бѣднымъ людямъ, пока наконецъ не засыпалъ безпокойнымъ сномъ человѣка, не увѣреннаго въ своей безопасности.

Digitized by Google

Полковникъ жилъ одиноко въ небольшой квартирѣ, состоящей изъ четырехъ комнатъ, со старымъ испытаннымъ слугой.

Словно ожидая выдержать ночью осаду, онъ всегда самъ осматривалъ вездѣ запоры и замки, на ночь запирался въ маленькой спальнѣ на ключъ и, когда лакей раздѣвалъ его, онъ иногда такъ подозрительно всматривался въ лицо слуги, что старый Ѳома опускалъ глаза и торопливо уходилъ изъ спальной...

— Богъ знаетъ, что у человѣка на умѣ! говорилъ въ раздумьѣ полковникъ, когда слуга уходилъ:—Нынче люди какіе-то порченые... Изъ-за денегъ на все готовы! тихо прибавлялъ старикъ, подходилъ къ образу, зажигалъ лампаду и молился передъ отходомъ ко сну.

Старикъ былъ радъ, когда у него ночевалъ кто-нибудь изъ его многочисленныхъ родственниковъ. Часто зазывалъ онъ къ себѣ одного изъ молодыхъ племянниковъ и укладывалъ его спать въ сосѣдней съ спальной комнатѣ. Тогда ему спалось лучше.

Проснувшись, полковникъ тотчасъ же всталъ, умылся, помолился передъ образами, стоявшими въ углу комнаты, облекся въ сѣрый байковый халатъ, надѣлъ большіе плисовые мягкіе сапоги и пошелъ будить Ѳому, чтобы ставили самоваръ. Съ наступленіемъ утра полковникъ оживлялся, забывая тревогу ночи. Дѣятельная натура старика искала занятій, чтобы наполнить время ранняго утра. Въ ожиданіи чая онъ бродилъ по комнатамъ,

Digitized by Google

осматривая мебель, картины, дорогія бездѣлки, рѣдкостныя вещи, старое оружіе и т. п.

Всѣмъ этимъ добромъ маленькая квартирка полковника была загромождена совсѣмъ безтолково и скорѣе напоминала лавку древностей, чѣмъ обыкновенную жилую квартиру. Изъ безтолковости, съ которой были разставлены всѣ эти вещи, можно было безошибочно заключить, что онѣ попали къ полковнику случайно. Большая прелестная картина Корреджіо красовалась рядомъ съ аляповатымъ издѣліемъ базарнаго живописца, изящная фарфоровая ваза стояла въ темномъ углу совсѣмъ не у мѣста, около разбитаго глинянаго кувшина; рядомъ со старинным дорогимъ кресломъ торчала мебель апраксинскаго издѣлія. Во всемъ убранствѣ было отсутствіе вкуса.

Наконецъ Ѳома находилъ старика въ гостинной, стиравшаго полой халата пыль съ какого-нибудь дивана и докладывалъ, что самоваръ поданъ.

Старикъ переходилъ въ столовую, бросавшуюся въ глаза смѣсью всевозможной мебели, фарфора и вазъ, разставленныхъ на горкахъ и этажеркахъ, и принимался за чай, стараясь продлить чаепитіе. Въ это время онъ бесѣдовалъ съ Ѳомой насчетъ погоды и людской испорченности. Старый Ѳома вмѣстѣ съ бариномъ находилъ, что нынче народъ «сталъ другой», и полковникъ по утрамъ ласково и добродушно смотрѣлъ на темное, морщинистое, обросшее лицо стараго слуги и слушалъ его

Digitized by Google

разсужденія на тему о томъ, чѣмъ былъ человѣкъ прежде, и чѣмъ онъ сталъ теперь.

Послѣ чаю полковникъ шелъ въ свой кабинетъ, рядомъ съ столовой, присаживался къ столу, на которомъ пестрѣла цѣлая лавочка разныхъ вещицъ и сувенировъ, подаренныхъ родственниками и заимодавцами, бралъ календарь съ пришитой въ концѣ тетрадкой бѣлой бумаги и, надѣвши большіе старинные очки въ перевязанной нитками черепаховой оправѣ, приступалъ, по обыкновенію, къ замѣткамъ о вчерашнемъ днѣ.

Крупнымъ неуклюжимъ почеркомъ, громоздя букву на букву, занесъ онъ въ тетрадь: «Утромъ на прогулкѣ встрѣтилъ графа Д. Обѣщалъ произвести уплату 21-го. Не надеженъ. Р., встрѣтившись, просилъ денегъ. Отказалъ. Я денегъ для него не кую. Обѣдалъ у свояченицы Прасковьи, за обѣдомъ былъ супъ, телятина на жаркое и сушки. Живетъ не по средствамъ, а перваго числа ко мнѣ-же придетъ. Послѣ обѣда пришла двоюродная сестрица Лизавета и была непочтительна. Уменьшить размѣръ даваемаго вспомоществованія. Люди, люди! Всѣ *они* ждутъ моей смерти, чтобы подѣлить достояніе, бережливостью и милосердіемъ Бога мнѣ данное. Удивительно лебезилъ племянникъ Василій, но я ему не дамъ гроша. Вечеромъ пилъ чай у сестры Гликеріи. Забѣгала на минутку Валентина и жаловалась на мужа. Просилъ зайти ее ко мнѣ. Очень она похорошѣла, но я все-таки колеблюсь исполнить давнишнее намѣреніе. Слишкомъ она легкомысленна. Сего-

Digitized by Google

дня исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я командовалъ батареей. Много утекло воды. Б. обѣщалъ купить двѣ картины, а пока прислалъ билетъ на входъ въ Демидовъ садъ. Говоритъ ему даромъ даютъ. Отдать кому нибудь изъ племянниковъ. Негодяй З., слышалъ, уѣхалъ изъ Петербурга. За нимъ пятьсотъ рублей. NB. Тысяча по векселю».

Перечитавъ и исправивъ замѣтки, полковникъ вынулъ изъ несгараемаго шкафа толстую, внушительную книгу — домашнюю гроссъ-бухъ — въ которой самимъ полковникомъ велась оригинальная бухгалтерія. По этой большой, порыжѣлой отъ времени, книгѣ можно было прослѣдить кому полковникъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ давалъ деньги, когда, сколько, на какой срокъ, и когда получалъ обратно. Самыя извѣстныя фамиліи Петербурга записаны были крупнымъ почеркомъ полковника съ разными таинственными знаками, понятными только ему одному. Нѣкоторыя фамиліи повторялись изъ году въ годъ, нѣкоторыя были перечеркнуты краснымъ крестомъ съ надписью сбоку: «Скончался. Взыскать безнадежно» или «Отправился въ заграничный вояжъ и не вернулся», а около другихъ стояли буквы: Н. Д. (Не давать) Н.—С. (неисправенъ). Эта черная книга была, такъ сказать, кондуитнымъ спискомъ петербургской знати, и полковникъ всегда предварительно справлялся въ ней, когда у него просили денегъ. Если около фамиліи стояли какія-нибудь таинственныя буквы, полковникъ отказывалъ или значительно уменьшалъ требуемую сумму. Подъ

Digitized by Google

лаконическими записями полковника, которыя онъ велъ въ теченіе 25 лѣтъ, скрывались цѣлыя трагедіи, драмы и комедіи изъ жизни петербургскаго beau mond'a. Сколько смѣшнаго и грустнаго, сколько подлаго и жалкаго заключалось въ этихъ пожелтѣвшихъ отъ времени листахъ, на которыхъ крупнымъ почеркомъ, противъ какого-нибудь блестящаго имени стояли таинственныя буквы П-П, означавшія подложную подпись на векселѣ, и сбоку лаконическая отмѣтка: „Уплочено отцомъ". Не даромъ полковникъ, на склонѣ лѣтъ, несмотря на добродушіе, не довѣрялъ людямъ, считая ихъ способными на всякую пакость изъ-за денегъ.

Онъ самъ любилъ деньги и былъ убѣжденъ, что всѣ ихъ должны любить. Отъ этого онъ никому не довѣрялъ, всѣхъ подозрѣвалъ и самъ подъ часъ страдалъ подъ бременемъ подозрѣній, закрадывавшихся ему въ сердце при видѣ расположенія, оказываемаго старику кѣмъ-нибудь изъ его родныхъ. Искренность нерѣдко принималъ онъ за лукавство и за желаніе подобраться къ его деньгамъ.

Порывами добрый, даже великодушный, онъ точно боялся этихъ порывовъ и даже людей, которыхъ любилъ, временами оцѣнивалъ на основаніи горькой философіи, заключавшейся въ его порыжѣломъ гроссъ-бухѣ. Случалось больной онъ лежалъ въ своей спаленкѣ, къ нему заходили его близкіе, и онъ жадно всматривался въ ихъ лица, стараясь найти въ нихъ участіе и находилъ одну корысть и ожиданіе его смерти. Онъ придирался,

Digitized by Google

бранился и говорилъ, что все свое состояніе оставитъ на больницы, но роднымъ не дастъ ни гроша. Оскорбленные уходили отъ него братъ, сестра, и полковникъ оставался одинъ, болящій сердцемъ, терзающійся не напрасно-ли онъ обидѣлъ. Онъ пробовалъ загладить обиду и заглаживалъ деньгами... Деньгами онъ мирилъ людей, деньгами расплачивался за все, потерявъ давно способность уплачивать счеты своего сердца инымъ образомъ.

Полковникъ развернулъ книгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ заголовокъ: „Сроки“ и противъ фамиліи поручика А. С. Кривскаго поставилъ буквы П. В. (подать ко взысканію), покачалъ головой и тихо произнесъ:

— Шибко живетъ этотъ баринъ. На что живетъ?

Затѣмъ онъ досталъ срочные векселя, внимательно ихъ пересмотрѣлъ, спряталъ въ боковой ящикъ письменнаго стола, прошелъ въ свою спаленку и, затворивъ двери на замокъ, безпокойно озираясь, досталъ изъ комода шкатулку, древнюю шкатулку краснаго дерева и осторожно пересчиталъ заключавшіеся въ ней именные билеты, золото и серебро. Онъ каждое утро пересчитывалъ деньги съ любовью нѣжнаго отца. Онъ раскладывалъ сторублевыя бумажки по пачкамъ, разглаживалъ банковые билеты и тихо позвякивалъ червонцами, словно наслаждаясь нѣжнымъ звяканьемъ. Глаза его оживлялись, и все его безотрадное, одинокое существованіе казалось принимало смыслъ. Считая деньги, онъ жилъ. Отдавая ихъ, онъ страдалъ до той поры, пока

Digitized by Google

онѣ снова не ворочались къ нему. Хотя онъ и говорилъ, что не держитъ денегъ дома, но у него въ шкатулкѣ всегда бывала изрядная сумма. Остальныя деньги онъ держалъ въ банкѣ, а векселя — у нотаріуса.

На башенкѣ съ фантастической фигуркой пробило восемь часовъ. Старикъ поспѣшно спряталъ шкатулку въ комодъ, одѣлся въ свой неизмѣнный потертый черный сюртукъ, сѣрую жилетку и сѣрые пьедесталы, вышелъ изъ спальни, присѣлъ въ столовую и сталъ раскладывать пасьянсъ, прислушиваясь къ звонку.

Онъ ждалъ Валентину.

III.

Въ прихожей раздался тихій звонокъ.

Старикъ поднялъ глаза и радостно привѣтствовалъ вошедшую Валентину. Она поцѣловала старика и проговорила:

— Я нарочно къ вамъ, дядя, пораньше, а то поздно вы всегда заняты.

Старикъ радъ былъ гостямъ, особенно если зналъ, что гость не попроситъ денегъ. Онъ былъ гостепріимецъ и любилъ угощать многочисленныхъ родственниковъ и родственницъ, нерѣдко забѣгавшихъ къ нему узнать о здоровьѣ и посидѣть съ нимъ полчаса. Старикъ дорожилъ родственнымъ вниманіемъ.

Digitized by Google

— Чѣмъ тебя Валентина угощать... Чего хочешь, чаю или кофе?

— Ничего не хочу, дядя...

— Такъ я тебѣ фруктовъ дамъ.

И онъ досталъ изъ шкафа вазу съ фруктами и поставилъ ее передъ Валентиной.

— Кушай... выбирай, что хочешь...

Валентина была двоюродной племянницей полковника. Полковникъ чувствовалъ слабость къ хорошенькой племянницѣ и нерѣдко помогалъ ей, когда та приходила къ нему и со слезами на глазахъ разсказывала о своемъ положеніи. Онъ сочувствовалъ ея несчастной семейной жизни, какъ котъ жмурилъ глаза подъ родственными поцѣлуями „доброй малютки“ и сердился на мужа, никогда не почтившаго старика визитомъ.

— Ну, разсказывай, разсказывай... что твой пьяница опять буянитъ?

Валентина принялась разсказывать.

— Кривскій, говоришь, обѣщалъ помочь?

— Обѣщалъ.

— Напрасно ты со мной не посовѣтовалась. Я бы сказалъ: иди прежде къ Евгенію Николаевичу Никольскому. Онъ важнѣе Кривскаго. Евгеній Николаевичъ захочетъ и Кривскій захочетъ... Тебѣ совсѣмъ надо развестись съ мужемъ... Ты такая молоденькая, хорошенькая, да хорошенькая... Жить только...

— Ахъ, дядя, а какъ бы мнѣ хотѣлось...

Digitized by Google

— И какъ еще жить можешь... Богатой жить... Только вѣтренница ты... И знаешь что: отдай ты этому пьяницѣ сына... Отдашь, онъ оставитъ тебя въ покоѣ...

Старикъ говорилъ на эту тему, подсѣвъ поближе къ племянницѣ, и опытнымъ взглядомъ оцѣнивалъ капиталъ, который представляла, по его мнѣнію, эта прелестная, обворожительная маленькая женщина. Гуляевъ давно заглядывался на Валентину и нерѣдко дольше чѣмъ бы слѣдовало дядѣ, цѣловалъ ея щеки, послѣ чего дарилъ деньгами, но каждый разъ сомнѣнія закрадывались къ нему въ сердце, когда онъ въ мечтахъ видѣлъ Валентину, живущую у него въ качествѣ несчастной племянницы...

— Отдай сына, и переселяйся ко мнѣ... Ухаживай за старикомъ, серьезно проговорилъ полковникъ:— Только чтобы вѣтеръ изъ головы... Я этого не люблю...

— Какъ была бы я счастлива, но развѣ мужа вы не знаете?

— Отдай ему сына, приставалъ старикъ.

Валентина расплакалась. «Отдать сына!» Дядя обижаетъ ея материнскія чувства. И кчему отдавать, когда можно отдѣлаться отъ мужа и безъ этой жертвы, только бы дядя помогъ и съѣздилъ къ Никольскому.

— Ты сама съѣзди. Я съѣзжу, но и ты побывай у него. Это умный человѣкъ, а на счетъ моихъ словъ подумай. Мнѣ тебя жалко, такая ты безпризорная те-

Digitized by Google

перь и жизнь какую-то ведешь... Небось любишь кого?...

— Что вы, дядя?

— Полно, полно... нечего: „что вы дядя!“ Вѣрно грѣшна. Про тебя Богъ вѣсть, что разсказываютъ... Ну, ну... не сердись, а подумай-ка, Валентина... право!.. прибавилъ онъ, трепля Валентину по щекѣ.

Звонокъ прервалъ бесѣду.

— Посиди-ка тутъ проговорилъ полковникъ и вышелъ въ кабинетъ.

До тонкаго слуха Валентины долетѣлъ знакомый свѣжій голосъ Шурки. Она прислушалась. Кривскій просилъ объ отсрочкѣ.

Старикъ вѣжливо отклонялъ просьбу и замѣтилъ, что ему нужны деньги.

— Ради Бога хоть пять дней подождите... Отецъ получилъ деньги, и я вамъ привезу...

— Извините, дорогой Александръ Сергѣевичъ, но я не могу...

Разговоръ сталъ тише. Шурка, этотъ самый блестящій Шурка, котораго Валентина считала богачемъ, умоляющимъ голосомъ просилъ объ отсрочкѣ трехъ тысячъ рублей. Старикъ отказывалъ.

«Такъ вотъ онъ какой богатый!» надула губки Валентина, вспомнивъ какъ недавно она цѣловала Шурку, слушая его безумныя клятвы и обѣщанія лелѣять ее, какъ царицу. «Хорошъ царь!» Она тихо подошла къ кабинету и заглянула въ замочную скважину.

Digitized by Google

Шурка плакалъ, схвативъ руку полковника и умолялъ пожалѣть его.

Наконецъ старикъ произнесъ:

— Хорошо. Три дня я жду.

Съ этими словами старикъ поднялся съ кресла, а Валентина отошла къ столу.

«И я, глупая, вѣрила ему!» пронеслось въ ея головкѣ.

— Пустой человѣкъ! сердито проговорилъ дядя, входя въ столовую:—Ненадежный человѣкъ. Плохо онъ кончитъ. Живетъ не по средствамъ.

— Кто это?

— Кривскаго Сергѣя Александровича сынъ.

— А!

— Ты его никогда не видала? Писанный красавецъ, но только любить его не стоитъ... Нѣтъ у него ничего!.. Кушай же, кушай... говорилъ старикъ, снова усаживаясь около племянницы и шутливо обнимая дрожащей рукой ея талію:—Мы твое дѣло устроимъ... Мнѣ жаль тебя.

Опять звонокъ, на этотъ разъ рѣзкій.

— Не принимай, Ѳома! крикнулъ полковникъ:— Скажи, что я не люблю, когда такъ звонятъ.

Черезъ секунду Ѳома вернулся и подалъ полковнику карточку. Прочитавъ фамилію, полковникъ торопливо всталъ и крикнулъ:

— Верни, верни... скорѣй... Извинись...

Онъ заметался и проговорилъ, обращаясь къ Валентинѣ:

Digitized by Google

— Знаешь это кто?.. это самъ Савва Лукичъ Леонтьевъ... Умница... другъ и пріятель, извѣстный милліонеръ Савва Лукичъ.

И старикъ торопливо вышелъ встрѣчать Савву Лукича въ прихожую.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Валентинина звѣзда.

I.

— Милости просимъ, дорогой Савва Лукичъ! Простите великодушно дурака лакея, что отказалъ такому дорогому и рѣдкому гостю! говорилъ полковникъ, обхватывая обѣими руками руку гостя, громаднѣйшую, жилистую руку, густо поросшую черными волосами:— Сюда пожалуйте, сюда въ гостиную, Савва Лукичъ!

Когда Савва Лукичъ вошелъ въ гостиную, почти касаясь большой кудрявой головой потолка, то полковникъ глядѣлъ совершеннымъ карликомъ передъ мощной грандіозной фигурой Леонтьева. Казалось, тѣсная комната давила этого дюжаго, плотнаго молодца, почти саженнаго роста, съ характерной большой головой, ловко посаженной на широкія плечи, съ широкой грудью, смуглымъ лицомъ, свѣжимъ и румянымъ, окаймленнымъ черною, какъ смоль, окладистой бородой и умными чер-

Digitized by Google

ными бойкими глазами, зорко глядѣвшими изъ-подъ полукруглыхъ густыхъ бровей увѣреннымъ, спокойнымъ взглядомъ человѣка, сознающаго свою силу.

Леонтьевъ представлялъ хорошій образчикъ писаннаго русскаго красавца простонароднаго типа. Отъ этой мощной высокой фигуры вѣяло крѣпостью, желѣзнымъ здоровьемъ, запахомъ деревни и удалью забубеннаго ямщика. Удаль свѣтилась въ зоркихъ глазахъ, что-то беззаботно отважное, добродушное и плутовское сказывалось въ выраженіи глазъ и въ усмѣшкѣ, скользившей по толстымъ, алымъ губамъ.

Подобные русскіе красавцы-молодцы почти въ сажень ростомъ, черноволосые, чернобровые, напоминаютъ что то сказочное, богатырское...

Такое впечатлѣніе производилъ и Савва Лукичъ.

Подъ модным платьемъ, неловко облегавшемъ плотную фигуру, сразу угадывался великорусскій мужикъ. Туго накрахмаленные воротнички давили мускулистую шею, окрѣпшую въ пестрядинной рубахѣ, перчатка очевидно сковывала руку, привыкшую къ сохѣ и косѣ, и казалось сейчасъ лопнетъ по швамъ, а черный сюртукъ сидѣлъ на немъ неуклюже, и точно стѣснялъ размашистость движеній и жестовъ, вчерашняго мужика, ставшаго сытымъ и выхоленнымъ бариномъ.

Не шло къ нему городское модное платье!

То ли дѣло надѣть на этого молодца красную рубаху и шапку съ павлинымъ перомъ, посадить его на облучекъ и дать ему въ руки возжи! Передъ вами

Digitized by Google

былъ бы красавецъ ямщикъ, полный жизни и удали, который смутитъ не одно женское сердце.

Леонтьеву было за пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему нельзя было дать и сорока, такъ онъ былъ крѣпокъ, свѣжъ и моложавъ. Жизнь кипѣла въ немъ неудержимой волной. Энергія сказывалась въ этой мощной фигурѣ, та энергія, которая не оставляетъ человѣка въ покоѣ, несмотря на препятствія. Чѣмъ болѣе препятствій, тѣмъ настойчивѣе лѣзутъ на проломъ такія натуры съ какой то дикой отвагой, словно бы тѣ богатыри, свершавшіе чудеса въ давно прошедшія времена.

Савва Лукичъ грузно опустился на диванъ, стянулъ перчатку съ лѣвой руки, точно въ перчаткѣ ему невозможно было приступить къ дѣлу, крякнулъ и проговорилъ своимъ мягкимъ пріятнымъ баритономъ:

— А я вѣдь къ тебѣ, полковникъ, по дѣлу.

Савва Лукичъ говорилъ по простотѣ на „ты“ съ людьми, которые на это не сердились.

— Что прикажете, Савва Лукичъ?

— Да прикажу я любезный пріятель вотъ что: не можешь ли ты мнѣ одолжить тысченокъ двѣсти, ась?..

Савва Лукичъ произнесъ «тысченокъ двѣсти» съ такою небрежностью, точно дѣло шло о двухстахъ рубляхъ.

— Мнѣ, дорогой мой Иванъ Алексѣичъ на самый короткій срокъ... Такъ денька на три, на четыре!.. А бери ты съ меня процентъ какой хошь... Грабь!..

Digitized by Google

добро́душно разсмѣялся Савва Лукичъ, трепля своей широкой лапой по плечу полковника.

Полковникъ по обыкновенію опустилъ глаза, какъ только рѣчь зашла о деньгахъ. На лицѣ его появилось серьезное выраженіе. «Двѣсти тысячъ! И какъ онъ говоритъ объ этой суммѣ. Какъ говоритъ!.. Впрочемъ и то—для него двѣсти тысячъ — пустяки!» съ завистью подумалъ полковникъ, сразу рѣшаясь дать деньги.

— Главное дѣло, полковникъ, осерчалъ я на банкъ. Пріѣзжаю, а новый директоръ тамъ у нихъ правила какія-то завелъ. Завтра, говоритъ, пожалуйте. Наплевать, молъ, на васъ съ вашимъ завтра. Леонтьевъ завтраковъ не знаетъ! Я и сегодня достану у добрыхъ людей... Ну, что-жь ты, полковникъ, задумался... Будешь грабить, что-ль?.. весело говорилъ Савва Лукичъ:— А, можетъ обезпечиться хочешь? Любой изъ домовъ бери, а то фабрику, а мало тебѣ фабрики, деревню какую что ли... У насъ этаго добра довольно!.. слегка бахвалился Леонтьевъ своимъ богатствомъ.

— Въ которомъ часу нужны деньги, Савва Лукичъ?

— Да къ пяти часамъ, что ли? Тоже человѣку обѣщалъ вечеромъ.

— Такъ въ пять часовъ деньги будутъ готовы.

— Ну, и спасибо, пріятель, спасибо. Удружу я тебѣ, добрый человѣкъ, если могу чѣмъ. Только врядъ! Ты деньгу копишь, не то, что нашъ братъ, держишь ее въ банкѣ, а я, грѣшный человѣкъ, не могу держать взаперти копѣйку. Она у тебя разъ оборотъ сдѣ-

Digitized by Google

лаетъ, а у меня двадцать... Такой нравъ проклятый... Ну, и деньги идутъ межъ рукъ, какъ вода сквозь сито. Жить люблю не по твоему!.. Вотъ еще намедни купилъ я на Кавказѣ дачу. Ну, скажи мнѣ на милость, на кой прахъ мнѣ на Кавказѣ дача? Когда я поѣду на эту самую дачу,. да и слава Богу дачъ у насъ довольно, а купилъ... Такъ позарился, въ амбицію вошелъ и купилъ... И такъ вышло, что когда я покупалъ, то мнѣ вдругъ такъ захотѣлось этой самой дачи, что хоть вынь сейчасъ да положь... Ужъ мнѣ и жена говоритъ: «Савва, на что тебѣ эта дача, кто поѣдетъ на Кубань, на твою дачу?..» А я все свое... Ну, и купилъ. И когда покупалъ, то такой задоръ меня взялъ, что спроси съ меня за эту дачу втрое— далъ бы, ей Богу далъ бы, только бы сердце свое успокоить!

Савва Лукичъ смѣялся громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ, разсказывая объ этомъ. Полковникъ слушалъ не безъ тайной зависти и тоже улыбался.

— Что же васъ подзадорило, Савва Лукичъ?

— Да какъ сказать? первое дѣло—плантъ подзадорилъ, а второе дѣло—компанія у меня сидѣла, и Сидоровъ Хрисашка, хотѣлъ эту самую дачу купить... такъ на-жь... не купишь!.. и главное... Хрисашка же эту самую механику и подстроилъ, шельма... Дача-то къ нему за долги за пять тысячъ переходила, а онъ видъ сдѣлалъ будто купить ее хочетъ; зналъ, чѣмъ раззадорить меня?—и сцапалъ съ меня тридцать пять

Digitized by Google

тысячъ... И шельмецъ же онъ... Послѣ встрѣчается и разсказываетъ все какъ было!

Савва Лукичъ весело и добродушно смѣялся, вспоминая какъ поддѣлъ его «Хрисашка», его пріятель, тоже бывшій мужикъ, а нынѣ биржевой тузъ.

— Да, полковникъ! Вамъ не понять нашъ этотъ мужицкій задоръ, говорилъ Савва Лукичъ, глядя на полковника съ едва замѣтнымъ презрѣніемъ въ глазахъ:— Глупы мы, сиволапые. Иной разъ съ сердцовъ хлясснешь милліонъ, да только опосля затылокъ почешешь... Я вотъ на тебя глядючи думаю: какъ ты съ тоски не умрешь въ этой берлогѣ-то своей, ей Богу... А ты вотъ все крѣпнешь, да румянишься... Значитъ кому что... Такъ въ пять часовъ велишь пріѣзжать что ли?...

— Я буду васъ ждать.

— А то знаешь что: будь другомъ, пріѣзжай ко мнѣ. Я тебя ухой накормлю... Ушица изъ живой стерлядки, изъ нашей, волжской, родименькой, а послѣ по малости повинтимъ... Вотъ скоро семейство въ деревню уѣдетъ, такъ оно будетъ повольготнѣй... Тогда зазову тебя, Иванъ Алексѣевичъ... будешь доволенъ... Всѣмъ разуважу!...

И Савва Лукичъ какъ-то молодецки сверкнулъ глазами, подмигнулъ и залился смѣхомъ.

— Тоже грѣшные люди! промолвилъ онъ:—Иной разъ погулять въ охотку... Не чета тебѣ, схимнику... Помнишь, какъ позапрошлымъ лѣтомъ у меня въ «Луж-

Digitized by Google

ахъ»... весело было, а?.. Вотъ только семейство уѣдетъ, я тебя опять зазову... Кстати ты чай слышалъ, невѣсту выдаю.

— За кого?

— За Кривскаго, Бориса Сергѣевича. Человѣкъ умный и на виду, на большомъ виду. Мать его очень хочетъ... Пусть дѣвка за молодымъ генераломъ будетъ... Парень онъ шустрый, только голы они, Кривскіе-то... Ты, полковникъ, какъ о немъ полагаешь? Ты скажи на прямки... Вѣдь они, эти молодчики, всѣ въ твоихъ святцахъ записаны. Что онъ фальшивыхъ векселей не давалъ, а? посмѣивался Леонтьевъ:—Надежный?...

— Кажется...

— Въ долгахъ?

— Не слышно что-то?

— У тебя числится въ святцахъ?

— Былъ да со счета списанъ... Разчелся аккуратно.

— То-то и я слыхалъ, что господинъ надежный... Долги-то пустяки, я долги его заплачу, коли есть, а только бы человѣкъ былъ. Дочь только бы не тѣснилъ. Она у меня чудная какая-то... Не знаешь съ какой стороны подойти! Добрая, ласковая, а чудна̀я! какъ-то серьезно проговорилъ Савва Лукичъ, улыбаясь доброй, ласковой улыбкой. Не въ меня она, братъ, да и не въ мать, а такъ Богъ знаетъ, въ кого она та̀кая чудна̀я... Такъ ты, Алексѣичъ, со мной уху хлебать сегодня будешь, а?... проговорилъ Савва Лукичъ, вставая.

Валентинѣ не сидѣлось въ сосѣдней комнатѣ. Она

Digitized by Google

давно слушала въ двери разговоръ Леонтьева съ дядей и жадно взглядывала въ щелку на этого милліонера, о безумныхъ затѣяхъ котораго ходили баснословные слухи. Она вспомнила толки, какъ онъ награждалъ своихъ любовницъ, какъ дарилъ ихъ по-царски цѣлыми состояніями, и Валентинѣ непремѣнно хотѣлось воспользоваться случаемъ познакомиться съ этимъ «красавцемъ-мужикомъ», бросавшимъ деньги съ какою-то отвагой полными пригоршнями.

«Такъ я и поселилась у дяди!» усмѣхнулась она, вспоминая предложеніе полковника.

И ей представилась ужасная жизнь взаперти, косые взгляды родственниковъ и ревнивый старый дядя, съ которымъ она должна будетъ просиживать долгіе вечера за пасьянсомъ.

«Изъ огня да въ полымя... Отъ мужа да къ этому противному старику!... Ни за что на свѣтѣ».

Валентина надѣла шляпку, кокетливо взбила волосы передъ зеркаломъ и тихо вошла въ гостиную въ то самое время, какъ Савва Лукичъ поднялся съ дивана.

— Извините, дорогой дядя, что я помѣшала вамъ... Мнѣ пора идти проговорила она, останавливаясь, какъ-бы сконфуженная на порогѣ.

Савва Лукичъ взглянулъ на это изящное, граціозное созданіе, на эту хорошенькую головку съ прелестнымъ взглядомъ невиннаго ребенка и обомлѣлъ отъ удовольствія. Онъ любилъ такихъ маленькихъ, худенькихъ,

Digitized by Google

изящныхъ женщинъ (не даромъ онъ и жену взялъ изъ блѣднолицыхъ барышень); передъ нимъ была именно такая, да еще какая прелестная! Онъ подозрительно взглянулъ на полковника. „Хорошъ схимникъ! мелькнуло у него въголовѣ.—Ай да лукавый дьяволъ. Какія у него гостьи! И не покажетъ!“

Онъ оглядѣлъ съ ногъ до головы Валентину, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ дикой необузданной натуры. Встрѣть онъ этакую женщину гдѣ-нибудь въ лѣсу, онъ хлопнулъ-бы ее своей широкой ладонью по спинѣ, непремѣнно бы расцѣловалъ ея свѣжія щечки и спѣлъ бы ей одну изъ тѣхъ волжскихъ пѣсенъ, которыя бывало пѣвалъ онъ деревенскимъ красавицамъ. Но теперь онъ только покраснѣлъ, словно медвѣдь поклонился Валентинѣ и, заикаясь, проговорилъ:

— Я и не зналъ, полковникъ, что изъ-за меня барынька проскучала...

Полковникъ сконфузился и проговорилъ:

— Моя племянница Валентина Николаевна Трамбецкая...

— Савва Лукичъ Леонтьевъ... Прошу любить и жаловать! проговорилъ Леонтьевъ, чувствуя въ своей громадной рукѣ маленькую тепленькую ручку Валентины...

Савва Лукичъ сказалъ нѣсколько словъ и вышелъ изъ квартиры полковника, совсѣмъ очарованный „доброй малюткой“.

Чутье подсказало ему, что Валентина не то скромное созданіе, какимъ показалась она ему въ первый

Digitized by Google

моментъ, и онъ простился съ нѣкоторой фамильярной почтительностью, точно съ короткой знакомой. Лукаво улыбаясь, протянула она свою ручку и взглянула на «мужика» быстрымъ обворожительнымъ взглядомъ, отъ котораго Савва Лукичъ только крякнулъ и побагровѣлъ. Взглядъ ея казалось говорилъ: „Хороша я?“ манилъ и подзадоривалъ въ одно и то же время. И Савва Лукичъ почувствовалъ себя въ такомъ же настроеніи, какъ въ то время, когда покупалъ дачу на Кавказѣ...

— Очень рада, что имѣла удовольствіе познакомиться съ вами! проговорила она, оставляя свою руку дольше чѣмъ бы слѣдовало въ его широкой рукѣ:—О васъ я такъ много слышала!...

Савва Лукичъ только пожиралъ ея глазами, но не нашелся что отвѣтить.

Когда онъ ѣхалъ въ каретѣ домой, кровь стучала въ виски при воспоминаніи объ этой прелестной малюткѣ. Сравнивая ее съ своей любовницей-француженкой, Савва Лукичъ только крякалъ и готовъ былъ сейчасъ откупиться отъ «рыжеволосой» и купить эту граціозную «барыньку», чего бы это ему ни стоило. Онъ не думалъ, кто это «барынька», есть ли у нея мужъ, любовникъ... Онъ только рѣшилъ про себя, со свойственной ему внезапностью, что онъ купитъ ее. Онъ будетъ сжимать эту изящную «барыньку» въ мощныхъ мужицкихъ объятіяхъ, будетъ напѣвать ей свои волжскія пѣсни, задаритъ ея брилліантами и сдѣлаетъ счастливой эту маленькую, диковинную «пташку», эту

Digitized by Google

нѣжную красавицу съ синими глазками, только бы она глядѣла на него томнымъ взоромъ, въ которомъ столько нѣги и блаженства...

II.

Когда Савва Лукичъ забиралъ что нибудь въ голову, то не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не достигалъ цѣли или не стукался лбомъ въ стѣну, ворча, какъ разъяренный быкъ, что стѣна не поддается.

Эту черту характера, благодаря которой онъ просаживалъ въ дѣлахъ крупныя суммы, знали разные проходимцы и прихлебатели, толкавшіеся въ его кабинетѣ. Пользуясь «задоромъ» Саввы Лукича, его нерѣдко обманывали и обирали, а онъ позволялъ обирать себя съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, замѣчая что его обираютъ, пока наконецъ не терялъ терпѣнія и не гналъ въ шею тѣхъ самыхъ друзей-прихлебателей, съ которыми еще «вчера» бражничалъ, угощая ихъ въ своемъ домѣ.

Саввѣ Лукичу казалось, что карета тихо катится по мостовой, и онъ нѣсколько разъ высовывался изъ окна и повторялъ кучеру «пошѐлъ!» Ему было жарко, несмотря на вѣтерокъ, колыхавшій его черныя кудри. Онъ разстегнулъ воротъ рубашки, развязалъ галстухъ и безпокойно ворочался на мягкихъ подушкахъ, разсѣянно взглядывая на улицу.

Онъ былъ совсѣмъ поглощенъ мыслями о маленькой,

Digitized by Google

изящной Валентинѣ. Разгоряченное воображеніе рисовало ему соблазнительныя картины, и онъ нетерпѣливо встряхивалъ кудрявой головой, какъ бы негодуя, что нельзя тотчасъ же облечь мечты въ дѣйствительность, что надо еще наводить справки, вести переговоры, словомъ тянуть скучную канитель. Онъ думалъ, какъ бы скорѣй познакомиться съ ней и покончить дѣло— именно дѣло. И не такія дѣла онъ оканчивалъ въ нѣсколько минутъ.

Милліонеръ Савва Лукичъ, вѣчно занятый дѣлами, давно толкавшійся въ петербургскомъ омутѣ, слишкомъ хорошо зналъ людей и силу богатства, чтобы на минуту задуматься о препятствіяхъ въ достиженіи цѣли сдѣлать изъ Валентины любовницу. Опытный его взглядъ подсказывалъ, что Валентина одна изъ тѣхъ «барынекъ», которыя любятъ пожить, а на своемъ вѣку онъ видалъ многихъ «барынекъ»—и какихъ еще!—продававшихъ ему, «посконному мужику»—какъ любилъ называть себя Леонтьевъ — свои ласки и любовь тайкомъ отъ мужей и любовниковъ.

«Денегъ у меня слава Богу! Далъ бы Господь здоровья!» самодовольно усмѣхался Савва Лукичъ въ бороду, мечтая, какую царскую квартиру онъ предоставитъ Валентинѣ.

«Ахнетъ только!..»

Карета катила по Морской, Савва Лукичъ разсѣянно глядѣлъ на мелькавшіе магазины. Голову его моментально осѣнила мысль.

Digitized by Google

Онъ высунулся изъ кареты и гаркнулъ зычнымъ голосомъ:

— Иванъ, назадъ! Къ Фаберже!

Въ ювелирномъ магазинѣ Савву Лукича встрѣтили съ особеннымъ уваженіемъ. Старшій приказчикъ, оставивъ какую-то скромную покупательницу, обратился къ Леонтьеву съ тѣмъ заискивающимъ, льстивымъ видомъ, съ которымъ обыкновенно обращаются къ богачамъ, извѣстнымъ мотоватостью.

Леонтьевъ кивнулъ головой на низкій поклонъ приказчика, подалъ ему руку и сказалъ:

— Покажи-ка мнѣ, любезный человѣкъ, какую нибудь брилліантовую цацку да чтобы получше блестѣла, чтобы въ глазахъ рябило... понимаешь.

Приказчикъ выложилъ на стекла разные браслеты, серьги, діадемы... Леонтьевъ разсматривалъ и только махалъ головой.

— Не то, братецъ, не то... получше...

Тогда приказчикъ досталъ брилліантовый приборъ замѣчательной красоты. Крупные брилліанты блестѣли, играя тысячами переливовъ и дѣйствительно рябили въ глазахъ. Савва Лукичъ повертѣлъ въ рукахъ брошку, посмотрѣлъ какъ дрожитъ діадема, блестя на солнцѣ яркимъ блескомъ, потрогалъ крупный брилліантъ на браслетѣ и спросилъ:

— Много-ль возмешь?

— Пятнадцать тысячъ, Савва Лукичъ!

— Будто и пятнадцать... Чай полтинникъ скинешь?

Digitized by Google

Изящный приказчикъ улыбался, оскаливая бѣлые зубы, въ отвѣтъ на шутку Саввы Лукича.

— Никакъ нельзя, Савва Лукичъ... Мы съ васъ настоящую цѣну спрашиваемъ...

— Грабители вы! Ну, нечего дѣлать, грабь, грабь!.. шутилъ Савва Лукичъ:—Заверни-ка!

Скромная дама съ удивленіемъ взглянула на этого покупателя.

— А затѣмъ прощай, грабитель! протянулъ руку Савва Лукичъ:—За деньгами пришли на-дняхъ... Сегодня нѣтъ ни копѣйки.

Приказчикъ проводилъ съ поклономъ Савву Лукича до кареты.

«Это для перваго знакомства! ухмылялся Савва Лукичъ, небрежно засовывая въ карманъ пальто футляръ съ брилліантами.—Прошу, молъ, любить и жаловать»!

— Стой! Стой! опять крикнулъ онъ кучера у Большой Морской:—тебя-то мнѣ и нужно! обратился онъ, маня рукой къ себѣ пожилаго, франтовато-одѣтаго господина съ моноклемъ на глазу, привѣтливо раскланивавшагося съ Леонтьевымъ.

— Ты куда?

— Спѣшу по дѣлу, Савва Лукичъ! отвѣчалъ господинъ, довольный и сіяющій, что всѣ видятъ, какъ дружески ему пожимаетъ руку Леонтьевъ.

— Полно врать... Какое у тебя шалыгана можетъ быть дѣло... Тоже по дѣлу! Чай идешь гдѣ-нибудь занять денегъ?

Digitized by Google

Господинъ засмѣялся и ловкимъ движеніемъ выкинулъ монокль изъ глаза.

— Вы угадали, Савва Лукичъ! проговорилъ, слегка картавя, господинъ съ моноклемъ.

— Лѣзь-ка въ карету... Займешь у меня, а мнѣ надо съ тобой переговорить... Ты вездѣ шатаешься и все знаешь... Завтракалъ?

— Нѣтъ еще.

— Кссати позавтракаемъ... Лѣзь же скорѣй!...

Пожилой господинъ былъ извѣстный всему Петербургу Иванъ Ивановичъ Цаплинъ, вѣчный посѣтитель всѣхъ публичныхъ мѣстъ, собраній, членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, петербургскій «старожилъ», сплетникъ и прихлебатель богатыхъ людей, знавшій все и вся въ Петербургѣ. Когда-то богатый человѣкъ, онъ давно прокутилъ состояніе и жилъ неизвѣстно на какія средства, но жилъ хорошо: обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ, одѣвался у лучшаго портнаго, былъ пріятелемъ всѣхъ кокотокъ и молодыхъ людей, прожигающихъ состояніе. Кокотки трепали его фамильярно по щекѣ и изрѣдка отпускали ему «въ кредитъ» любовь, а молодежь охотно кормила его «gratis» обѣдами и завтраками, заставляя потѣшать себя скабрезными анекдотами, разсказывать которые онъ умѣлъ превосходно. Говорили, что Цаплинъ игрокъ и шулеръ, что Цаплинъ обобралъ какую-то вдову восточнаго типа, что Цаплинъ коммисіонеръ по любовнымъ дѣламъ, что Цаплинъ враль и скотина, но тѣмъ не менѣе всѣ знали Цаплина, всѣ

Digitized by Google

ласково жали ему руку и охотно поручали устройство разныхъ parties de plaisir обѣдовъ, праздниковъ, зная, что лучше Цаплина никто этого не устроитъ. Всегда веселый, игривый, всегда готовый выпить и закусить, Цаплинъ былъ однимъ изъ тѣхъ старыхъ шелопаевъ, которыхъ много въ Петербургѣ, и жизнь которыхъ составляетъ подчасъ загадку, такъ какъ не каждый же день можно завтракать и обѣдать на чужой счетъ... А Цаплинъ не только что жилъ хорошо, но еще всегда бывалъ при деньгахъ, правда небольшихъ, но при деньгахъ. Долговъ своихъ онъ не платилъ, резонно говоря, что пятьсотъ тысячъ долгу, который онъ сдѣлалъ во времена своего счастья (это было очень давно), онъ все равно заплатить не можетъ. Что же касается до мелкихъ суммъ, которыя онъ занималъ направо и налѣво, то люди, дающіе ему взаймы деньги, никогда почти и не требовали возврата, зная хорошо Цаплина.

— Ну, любезный человѣкъ... знаешь ты Трамбецкую... Валентину Николаевну Трамбецкую? спрашивалъ Леонтьевъ:—Только смотри, Цаплинъ, не ври... Ужь сдѣлай милость не ври...

Иванъ Ивановичъ заморгалъ глазами; на истасканномъ лицѣ стараго вивера появилось нѣчто въ родѣ протеста, и онъ замѣтилъ:

— Савва Лукичъ... Вы меня обижаете!

— Ну прости, прости! добродушно проговорилъ Леонтьевъ, трепля Цаплина по плечу:—Прости и говори

Digitized by Google

скорѣй: знаешь ты Трамбецкую, этакую красивенькую, маленькую „птаху“ съ синими глазками...

— И такую апетитную, съ нѣжнымъ взглядомъ, маленькими ручками и алыми губками?... перебилъ, сіяя, Цаплинъ.—Какъ не знать? Разумѣется знаю! говорилъ онъ, нѣсколько обижаясь, что могли усомниться, будто онъ не знаетъ такой красавицы.—Очень даже хорошо знаю. Недавно еще въ купеческомъ клубѣ вмѣстѣ съ нею ужинали... Это я вамъ скажу, Савва Лукичъ, женщина...

И онъ не договорилъ какая это женщина, а только прищурилъ свои оловянные глаза, засмѣялся противнымъ смѣхомъ и звонко поцѣловалъ пальцы.

— Ну докладывай... докладывай... что ты о ней знаешь?.. нетерпѣливо спрашивалъ Леонтьевъ.

— Дама, Савва Лукичъ, въ несчастьѣ... Развернуться никакъ не можетъ. Мужъ пьяница и безпокойный человѣкъ... Мѣстъ терялъ столько, что и сказать нельзя. Она хлопочетъ о разводѣ, а пока...

— Что пока?..

— Пока... срываетъ цвѣты удовольствія случайно, на лету. Теперь Кривскій приволакивается...

— Какой Кривскій?

— Шурка Кривскій... Шурочка, но такъ какъ у Шурочки кромѣ векселей ничего, то у нихъ кажется одна платоническая любовь. Валентина Николаевна ангелъ, но ангелъ, понимающій, что любовь безъ денегъ, какъ вѣра безъ дѣлъ, мертва есть... Живетъ

Digitized by Google

она на свои остатки, да дядя ей помогаетъ по малости...

— Полковникъ?

— Онъ самый... Полковникъ не прочь былъ бы ее къ себѣ взять въ качествѣ сиротки, но вѣдь вы знаете полковника? Онъ скаредъ и запретъ птичку въ свою лавку древностей, а птичка любитъ порхать... Теперь она ждетъ избавленія отъ мужа и тогда разсчитываетъ возсіять... И стоитъ... Не пропадать же такой женщинѣ!

— Вѣрно говоришь!... Не пропадать ей...

— Какъ можно... Теперь она и не можетъ во всей, такъ сказать, парадной формѣ показаться, потому пьяница мужъ живетъ у нея на квартирѣ, а квартирка маленькая, да и мальчуганъ при нихъ, сынъ, а одѣнька ее, какъ слѣдуетъ, да дайте обстановку... такой женщины поискать!..

— Мужъ развѣ тѣснитъ бабу?

— Чортъ его знаетъ!.. Знаю, что она его терпѣть не можетъ и къ себѣ не пускаетъ... Да онъ и самъ не показывается на ея половину... Какой-то дуракъ... Она уже откупиться предлагала... Не согласенъ! Сына не отдаетъ!

— Спасибо тебѣ, Цаплинъ, весело проговорилъ Леонтьевъ, за твой лепортъ... Ты меня познакомь съ барынькой, да главное скорѣй... За то уважу тебя. Самъ знаешь какъ! говорилъ Леонтьевъ.

— Да хоть завтра поѣдемте, Савва Лукичъ?

— Завтра? А нешто сегодня нельзя, вечеркомъ?

Digitized by Google

— Эка вы торопитесь какъ... Нельзя же такъ скоро! Во-первыхъ, дама; надо, какъ водится, съ визитомъ, а во-вторыхъ, прежде нужно спросить Валентину Николаевну, предупредить... Ну, и наконецъ надо узнать, когда мужа не будетъ дома, все какъ слѣдуетъ.

— Ну, ладно, ладно... Къ завтраму обладь мнѣ все дѣло, а теперь гайда завтракать. Ѣсть хочу. Выбирай блюда и накорми меня хорошенько, слышишь. Приказывай кучеру въ какомъ кабакѣ-то кормить будешь!

Цаплинъ приказалъ ѣхать къ Донону, и сталъ такъ вкусно, разсказывать о завтракѣ, который онъ закажетъ, что у Саввы Лукича потекли слюнки.

III.

На другой же день, часу во второмъ, Савва Лукичъ сидѣлъ вдвоемъ съ „доброй малюткой“ въ маленькой гостиной. Трамбецкаго не было дома. Онъ недавно получилъ у нотаріуса въ конторѣ занятія и просиживалъ тамъ до пяти часовъ. Бѣдняжка Валентина чувствовала себя не совсѣмъ здоровой и извинилась передъ Саввой Лукичемъ, что приняла его „попросту“, въ „больничномъ костюмѣ“. Она была въ голубомъ капотѣ съ распущенными волосами и открытой шейкой; маленькія туфельки еле держались на крошечной ножкѣ въ шелковомъ ажурномъ чулкѣ, что заставляло Валентину не разъ конфузливо прятать ножки. Приходилось тоже

Digitized by Google
10529A

застѣнчиво обдергивать широкіе рукава капота, изъподъ которыхъ далеко виднѣлось нѣжное розовое тѣло руки.

Савва Лукичъ больше молчалъ и вспыхивалъ, поглядывая искоса то на шею, то на грудь, то опуская глаза на рѣзвившійся носокъ крохотной туфли. Въ карманѣ у него былъ футляръ съ брилліантовой цацкой, но онъ не зналъ, какъ его отдать. Онъ чувствовалъ себя неловко передъ этой маленькой кошечкой, болтавшей безъ умолку и дарящей его такими нѣжными ласковыми взглядами. Она распрашивала Савву объ его дѣлахъ, намекнула о своей неудачно-сложившейся жизни и строго опускала глазки, замѣчая слишкомъ пристальный взглядъ Саввы Лукича. Онъ просидѣлъ съ полчаса, говорилъ какъ-то больше междометіями и чувствовалъ себя дуракъ дуракомъ... Когда онъ прощался, то такъ пожалъ руку Валентины, что Валентина слегка вскрикнула отъ боли.

— Простите!.. спохватился Леонтьевъ и припалъ къ рукѣ, покрывая ее поцѣлуями.

Валентина отдернула руку, строго взглянула на побагровѣвшее лицо Саввы и отступила назадъ.

И пора было отступить! Еще моментъ—и Савва Лукичъ облапилъ бы граціозное созданіе и стиснулъ бы въ мощныхъ рукахъ.

Онъ что-то промычалъ, пытливо взглянулъ на Валентину и быстро вышелъ изъ гостиной.

— Не забывайте меня, Савва Лукичъ! По утрамъ

Digitized by Google

я дома и всегда рада буду васъ видѣть! проговорила вслѣдъ Валентина.

Леонтьевъ обернулся, постоялъ секунду, какъ бы въ раздумьѣ, пожирая глазами маленькое созданіе, быстро вынулъ изъ кармана футляръ, положилъ его на столъ и вышелъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ Валентины милую записку, въ которой она благодарила его за подарокъ. Онъ тотчасъ же поѣхалъ къ ней. Опять онъ сидѣлъ около этой „птички“ и порывисто дышалъ, не находя словъ, какъ приступить къ объясненію. А она, какъ нарочно, все была нездорова, принимала Савву Лукича въ самыхъ обворожительныхъ костюмахъ и хмурила глазки, если Леонтьевъ слишкомъ близко наклонялся къ ней, обдавая ее горячимъ, тяжелымъ дыханіемъ.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Леонтьевъ въ присутствіи этой женщины терялся и только смотрѣлъ на нее въ упоръ. Бывали тяжелыя минуты молчанія, во время которыхъ Валентина, точно пугливая козочка, поспѣшно вскакивала съ мѣста и бѣжала посмотрѣть сына.

Тогда, оставаясь одинъ, Савва Лукичъ подходилъ къ окну и полной грудью вдыхалъ въ себя воздухъ.

Однажды послѣ какой-то веселой болтовни Валентины, Савва Лукичъ вдругъ такъ близко подсѣлъ къ ней, что Валентина испуганно поднялась съ мѣста, безпокойно взглядывая на двери, ведущія въ дѣтскую.

Digitized by Google

— Садись! проговорилъ Леонтьевъ, усаживая Валентину на диванъ:—и отвѣчай: любъ я тебѣ?

Валентина подняла на Савву Лукича нѣжный, умоляющій взглядъ.

— Если любъ, слушай Валентина! Люби ты меня, и я тебя озолочу... царицей сдѣлаю... ничего для тебя не пожалѣю... Брось мужа, брось эту клѣтку... не по тебѣ она... Скажи только слово... Сто, двѣсти тысячъ сейчасъ брошу къ твоимъ ногамъ это наплевать... Слышишь?

Онъ больше говорить не могъ... Близость малютки опьянила его, и Савва, словно звѣрь, обхвативъ Валентину, сталъ душить ее въ своихъ мощныхъ объятіяхъ...

Она теперь не вырывалась и крѣпко прижималась къ нему, точно испуганная голубка, какъ бы ища на широкой груди его любви и защиты.

Никто не замѣтилъ, какъ въ это время тихо отворились двери изъ дѣтской, и изъ дверей высунулось блѣдное задумчивое личико мальчика... Онъ увидалъ, какъ сжималъ этотъ красивый косматый господинъ въ своихъ объятіяхъ маму, и лицо его исказилось страданіемъ. Осторожно притворилъ онъ двери и, бросившись ничкомъ на диванъ, тихо зарыдалъ сдержанными рыданіями. Пришла няня, ребенокъ поспѣшно вытеръ слезы и заходилъ по комнатѣ съ серьезнымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ на своемъ блѣдномъ страдальческомъ лицѣ.

Когда Трамбецкій вернулся домой, мальчикъ какъ-то

Digitized by Google

особенно нѣжно бросился къ нему на шею. Они обѣдали вдвоемъ. Валентины не было дома.

IV.

Надъ Валентиной взошла звѣзда. Савва Лукичъ только ждалъ ея приказаній, гдѣ нанять дачу, какъ омеблировать квартиру на зиму, куда положить пятьдесятъ тысячъ на ея имя... Оставалось скорѣе разстаться съ этимъ постылымъ мужемъ и пожить наконецъ такъ, какъ ей хотѣлось. Развѣ она до сихъ поръ жила? Развѣ такъ надо жить? О, скорѣй бы только Кривскій исполнилъ свое обѣщаніе, и она могла бы быть вполнѣ защищена отъ притязаній тирана мужа... Развѣ разстаться съ сыномъ? Ни за что! Но если мужъ будетъ грозить скандаломъ? Если онъ на все рѣшится изъза сына? Онъ такъ любитъ его... Но развѣ и она не любитъ? Развѣ можно оставлять мальчика на рукахъ у такого негодяя?...

И чего онъ живетъ? Онъ такъ глухо закашливается и такъ порывисто дышетъ, а все-таки живетъ!.. говорила Валентина, вспоминая удушливый кашель, доносившійся до ея ушей изъ дальней комнаты, гдѣ жилъ ея мужъ. Она видѣла, что мужъ все-таки любитъ ее, и—странное дѣло!—сознаніе, что она возбуждаетъ любовь въ мужѣ, котораго она презирала и боялась, было пріятно ей. Это было какое-то злорадное чувство, чувство мести за прошлую жизнь, вину которую она слагала на мужа. Она должна блистать. Ей должны по-

Digitized by Google

клоняться... Ей нужны роскошь, золото, блескъ, ослѣпительный блескъ, а что онъ далъ ей?...

Такъ размышляла Валентина, покачиваясь на подушкахъ извозчичьей кареты, которая везла ея къ Евгенію Николаевичу Никольскому.

Валентинѣ говорили, что онъ можетъ дать хорошій совѣтъ и напомнить о ея дѣлѣ Кривскому, такъ какъ Никольскій очень близокъ къ Кривскому, и вообще этотъ «солидный молодой человѣкъ» имѣетъ большія связи и вѣроятно приметъ участіе въ бѣдной молодой женщинѣ. И вотъ Валентина рѣшилась поѣхать къ Никольскому и поговорить съ нимъ, въ ожиданіи отвѣта отъ Кривскаго.

«Надѣюсь, онъ обратитъ вниманіе на мое положеніе!» думала Валентина, охорашиваясь передъ зеркаломъ въ швейцарской большаго дома въ Офицерской улицѣ и спрашивая швейцара: можно ли видѣть Евгенія Николаевича.

— Они дома. Пожалуйте!

Валентина Николаевна поднялась въ четвертый этажъ и черезъ нѣсколько секундъ была введена въ кабинетъ Евгенія Николаевича.

— Они сейчасъ выйдутъ! проговорилъ лакей, предлагая ей садиться.

Валентина Николаевна взглянула въ зеркало, поправила свои чудные волосы и, усѣвшись на диванъ, стала перелистывать альбомъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги, и на

Digitized by Google

порогѣ появился красивый бѣлокурый молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, въ вицъ-мундирѣ. Приблизившись къ ней, онъ поклонился, пожалъ дружески руку и ласковымъ тономъ сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, Валентина Николаевна... Я знаю о вашемъ дѣлѣ и собирался на-дняхъ пріѣхать къ вамъ, чтобы побесѣдовать по порученію Сергѣя Александровича.

Digitized by Google

VII.

Солидный молодой человѣкъ.

I.

Гдѣ видѣла она этого серьезнаго молодаго человѣка? припоминала Валентина, всматриваясь въ строгое, блѣдное лицо съ шелковистыми свѣтло-русыми бакенбардами и такими же гладко зачесанными назадъ, безъ пробора, мягкими рѣдкими волосами. Гдѣ видѣла она его? спрашивала себя молодая женщина, чувствуя почему-то неловкость подъ рѣзкимъ, чуть-чуть насмѣшливымъ взглядомъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ.

Въ какомъ-то туманѣ ея разнообразнаго прошлаго припоминались ей знакомыя черты этого лица и мягкіе вкрадчивые звуки тонкаго голоса. Но когда и гдѣ встрѣчалась она съ этимъ блѣднолицымъ солиднымъ молодымъ человѣкомъ? Въ деревнѣ? За границей? Здѣсь, въ Петербургѣ?

Валентина припоминала и не могла припомнить.

Евгеній Николаевичъ сѣлъ противъ молодой женщины и продолжалъ:

Digitized by Google

— Его превосходительство принимаетъ большое участіе въ вашемъ положеніи. Ваша правдивая исповѣдь произвела на добраго, мягкаго старика сильное впечатлѣніе, но такъ какъ справедливость прежде всего, то Сергѣй Александровичъ поручилъ мнѣ собрать необходимыя свѣдѣнія и доложить ему, чтобы онъ имѣлъ право просить за васъ, основываясь на данныхъ. Вы вѣроятно знаете, что эти дѣла отъ насъ непосредственно не зависятъ. Я постараюсь добросовѣстно выполнить порученіе его превосходительства и...

Евгеній Николаевичъ на секунду остановился.

— И что же? тихо пролепетала Валентина, поднимая испуганные глаза на Никольскаго.

— И разумѣется свѣдѣнія оказались самыя для васъ благопріятныя! проговорилъ Никольскій, глядя на Валентину съ нескрываемой насмѣшливой улыбкой.

«Чего онъ такъ странно улыбается?» со страхомъ думала Валентина, смущаясь все болѣе и болѣе и недоумѣвая, какъ держать себя съ этимъ господиномъ.

— Вашъ супругъ г. Грамбецкій (произнося эту фамилію, глаза Евгенія Николаевича вспыхнули недобрымъ огонькомъ и тонкія губы искривились злой улыбкой), вашъ супругъ такой господинъ, съ которымъ порядочной женщинѣ, какъ вы, разумѣется жить невозможно...

«Онъ знаетъ его?» промелькнуло въ головкѣ доброй малютки; отъ нея не скрылось выраженіе лица собесѣдника, когда тотъ произнесъ фамилію мужа, и глаза

Digitized by Google

ея просвѣтлѣли. Съ любопытствомъ и страхомъ ждала она, что скажетъ Никольскій.

— Я знавалъ вашего супруга!.. тихо проговорилъ Евгеній Николаевичъ и прибавилъ: Онъ кажется недавно получилъ мѣсто?

— Да, въ конторѣ у нотаріуса.

— Вы знаете черезъ кого?

— Навѣрное не знаю... Кажется за него хлопоталъ какой-то студентъ, я не припомню его фамиліи. Онъ часто бываетъ у мужа. Такой бѣлокурый господинъ съ черными глазами.

— Вѣроятно г. Трамбецкаго и оттуда скоро выгонятъ?

— О, этотъ человѣкъ нигдѣ не ужится! А если бы вы знали, Евгеній Николаевичъ, какъ онъ со мной обращается!

— Знаю, знаю, дорогая Валентина Николаевна. Я вѣдь и васъ хорошо знаю, но только вы не узнали меня или не хотите узнать! улыбнулся Никольскій.

— Извините... Я припоминала... припоминала и не могла вспомнить. Вижу знакомое лицо, а гдѣ встрѣчалась съ вами рѣшительно забыла... Извините...

— Не извиняйтесь, Валентина Николаевна. Вамъ меня не мудрено было и забыть, но мнѣ трудно было бы забыть васъ. Помните въ В. молодаго скромнаго чиновника, носившаго вамъ ежедневно букеты отъ губернатора?

Валентина покраснѣла и теперь отлично припом-

Digitized by Google

нила худенькаго молодаго бѣлобрысаго господина, носившаго ей отъ губернатора цвѣты и письма и часто смотрѣвшаго на нее долгимъ робкимъ взглядомъ. Но, Боже мой, какая разница! Тогда этотъ самый Никольскій казался ей некрасивымъ, замореннымъ и несчастнымъ чиновничкомъ, а теперь? Кто узналъ бы въ этомъ увѣренномъ, серьезномъ молодомъ человѣкѣ бывшаго посыльнаго влюбленнаго губернатора? Вслѣдъ затѣмъ она отчетливо припомнила, какъ однажды мужъ засталъ у нея этого самаго молодаго чиновника, смиренно ожидавшаго у нея въ будуарѣ отвѣта на бредъ влюбленнаго помпадура, накинулся на скромнаго чиновника, какъ съ побѣлѣвшихъ, дрожавшихъ губъ мужа слетали ужасныя слова: «мерзавецъ!» «сводникъ». Она не припомнитъ теперь, что еще говорилъ тогда ея мужъ. Она помнитъ только, что маленькій чиновникъ какъ-то весь задрожалъ, поблѣднѣлъ и ничего не отвѣтилъ, но только, уходя, взглянулъ тогда на Трамбецкаго долгимъ злымъ взглядомъ, которымъ казалось обѣщалъ никогда не забыть оскорбленія. Съ-тѣхъ поръ молодой чиновникъ не показывался у пихъ въ домѣ, и Валентина его никогда не видала.

И вотъ теперь она сидитъ передъ нимъ въ качествѣ просительницы, смущенная, робкая подъ его насмѣшливымъ, пронизывающимъ насквозь взглядомъ.

— Какъ видите, мы съ вами давно и хорошо знакомы, милѣйшая Валентина Николаевна! проговорилъ Никольскій, мѣняя строгій дѣловой тонъ на фамильяр-

Digitized by Google

ный тонъ стараго знакомаго, хорошо знающаго съ кѣмъ имѣетъ дѣло: — Не правда-ли? усмѣхнулся онъ, безъ церемоніи заглядывая въ глаза Валентинѣ. Съ тѣхъ поръ много утекло воды, но судьба снова привела насъ встрѣтиться. Тогда я подносилъ вамъ букеты, а теперь постараюсь поднести вамъ отдѣльный видъ на жительство. Ну, а вы?... Вы мало перемѣнились?... оглядывалъ Никольскій молодую женщину съ ногъ до головы:—Такая же хорошенькая, изящная, какъ были и, слышно, по прежнему одерживаете блестящія побѣды?...

— Ахъ! не до побѣдъ теперь! смутилась Валентина:—Я, Евгеній Николаевичъ, такъ измучена, такъ измучена и наконецъ воспитаніе ребенка! пробовала было она впасть въ серьезный тонъ страждущей женщины, но Никольскій перебилъ ея словами:

— Оставьте со мной Валентина Николаевна жалкія слова! Когда будете бесѣдовать съ Кривскимъ, ну, тогда вы можете разсказать ему о всѣхъ вашихъ несчастіяхъ, и добрыйстарикъ повѣритъ, а со мной къ чему вамъ? Со мной смѣйтесь, показывая ваши бѣленькіе острые зубки и ямки на прелестныхъ щечкахъ и повѣрьте, что такъ будетъ лучше... Вы, слышалъ я, плѣнили Леонтьева?..

— Онъ принялъ во мнѣ участіе...

— И прекрасно!... Участіе его вѣдь такъ драгоцѣнно!... Онъ самодуръ и милліонеръ. Вмѣсто букетовъ изъ розъ онъ станетъ посылать вамъ букеты изъ ассигнацій... Эти букеты лучше пахнутъ, не правда ли?..

Digitized by Google

Никольскій шутилъ съ доброй малюткой съ холоднымъ ѣдкимъ цинизмомъ. Онъ фамильярно цѣловалъ ея руки повыше перчатки, разъ даже приложился своими тонкими губами къ ея горячимъ щекамъ, оговариваясь, что поцѣлуй его «холодный, мирный» и обѣщалъ на-дняхъ устроить ей дѣло совсѣмъ.

— А въ награду, за хлопоты, милая моя барыня, я возьму съ васъ слово поужинать вмѣстѣ... Идетъ?

— Идетъ! смѣясь, отвѣтила Валентина.

— Вотъ и прекрасно!... Да кстати пришлите ко мнѣ Леонтьева!... Мы поговоримъ съ нимъ о вашемъ дѣлѣ... Придется тамъ у этихъ бракоразводныхъ мастеровъ немного посорить деньгами. А ужинъ на дняхъ... смотрите! проговорилъ, прощаясь, Евгеній Николаевичъ.

— Когда хотите... Я такъ вамъ благодарна...

Веселая, довольная ѣхала Валентина домой, гдѣ уже поджидалъ ея Савва Лукичъ и нетерпѣливо встряхивалъ своими кудрями, прислушиваясь не звякнетъ ли звонокъ.

II.

Слегка склонивъ голову, съ серьезно почтительнымъ выраженіемъ, которымъ особенно любятъ щеголять молодые дѣловые чиновники, знающіе себѣ цѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ близкіе къ начальству, Евгеній Николаевичъ вошелъ въ кабинетъ его превосходительства, съ чувствомъ пожалъ ласково протянутую ему руку, и по обыкновенію замеръ въ изящно-почтительной позѣ, въ

Digitized by Google

которой не было ничего раболѣпнаго, но было столько преданности, что лицо его превосходительства освѣтилось благосклонной улыбкой, и онъ произнесъ:

— Садитесь-ка, Евгеній Николаевичъ... Вы, какъ вижу, опять донимать будете? улыбнулся старикъ, искоса поглядывая на толстый тисненный портфель, который Евгеній Николаевичъ держалъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сегодня я не обезпокою васъ. Изъ числа бумагъ только двѣ спѣшныхъ записки, которыя вы третьяго дня приказали составить какъ можно скорѣй.

— Это какія? о чемъ? Мы такъ много пишемъ съ вами разныхъ записокъ, улыбнулся Кривскій:—что съ ними голова пойдетъ кругомъ.

— Одна по вопросу о народномъ здравіи, а другая— контръ-проектъ по вопросу о мѣрахъ, изложенныхъ въ запискѣ графа Захара Ивановича Привольскаго, которая была сообщена вашему превосходительству для соотвѣтствующихъ замѣчаній.

— А вы ужь успѣли написать? Спасибо! Неутомимы вы, какъ посмотрю.

Евгеній Николаевичъ просіялъ.

— Хотите сигару?... Берите!... пододвинулъ Кривскій своему любимцу ящикъ съ сигарами и спросилъ: а новенькаго что? что говорятъ о затѣяхъ графа Захара Ивановича? съ любопытствомъ спросилъ старикъ.

— Пресса относится къ нимъ недоброжелательно и,

Digitized by Google

сколько кажется, всѣ находятъ проектъ графа Захара Ивановича слишкомъ...

Евгеній Николаевичъ находчиво затруднился въ выборѣ выраженія, но за то его превосходительство быстро подхватилъ:

— Слишкомъ глупымъ, хотите сказать? Voila le mot. Въ самомъ дѣлѣ, графъ Захаръ Ивановичъ хочетъ вернуть насъ ко временамъ Гостомысла и фрондируетъ теперь въ роли спасителя отечества... Старикъ черезчуръ хватилъ и чуть ли не насъ съ вами имѣетъ въ виду, говоря объ административномъ нигилизмѣ!... улыбнулся Кривскій, презрительно щуря глаза.

Онъ помолчалъ и пустилъ тонкую струйку дыма.

— Имъ хочется спихнуть меня, но еще руки коротки! проговорилъ его превосходительство, какъ-то выпрямляясь на креслѣ и чувствуя приливъ силъ, бодрости и энергіи при воспоминаніи объ интригѣ, направленной, какъ полагалъ онъ, противъ него.

— Я читалъ, что пишутъ газеты, но мнѣ кажется, что всѣ онѣ не вполнѣ уясняютъ себѣ суть вопроса. Чего мы хотимъ? Мы хотимъ мирнаго преуспѣянія, но далеки отъ крайности въ ту или другую сторону. Между тѣмъ почти всѣ газеты—и особенно эти нетерпѣливыя!—смѣшиваютъ насъ, людей порядка и постепеннаго прогресса, съ господами, желающими остановить мановеніемъ руки теченіе рѣкъ и морей! усмѣхнулся его превосходительство:—это непростительное и, пожалуй, у

Digitized by Google

многихъ злонамѣренное заблужденіе, мой милый, и мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы вопросъ былъ разъясненъ, насколько возможно. Хотя наша пресса — при этомъ Кривскій какъ-то насмѣшливо прищурилъ глаза—хотя наша пресса, повторилъ онъ:—и не англійская... ну, а все-таки газеты читаютъ, и потомъ общество судитъ вкривь и вкось...

— Если позволите, ваше превосходительство, я напишу статью, въ которой и волки будутъ сыты, и овцы будутъ цѣлы!

— Именно... именно! весело проговорилъ Кривскій, ласково поглядывая на своего секретаря, умѣвшаго всегда отлично схватывать суть мнѣнія его превосходительства:— Я бы просилъ васъ объ этомъ, мой милый. Оно не мѣшаетъ. Пусть говорятъ...

— Напечатать прикажите въ «Синицѣ»?

— Ну, разумѣется въ «Синицѣ». «Синица» солидная, приличная газета и распространена въ обществѣ... Вы отвезите статью къ редактору и дайте ему понять, что я желалъ бы видѣть напечатанной вашу статью... Мой старый пріятель будетъ очень радъ сдѣлать мнѣ одолженіе, тѣмъ болѣе, что взгляды «Синицы» принципіально не расходятся съ моими!...

Къ «Синицѣ», его превосходительство питалъ нѣкоторую нѣжность еще съ давнихъ поръ, еще тогда, когда Сергѣй Александровичъ послѣ своего заграничъ-

Digitized by Google

наго путешествія съ цѣлью изученія сокращенныхъ формъ дѣлопроизводства, игриво говорилъ, что «все будетъ въ свое время» и написалъ нѣсколько статеекъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Статейки эти тогда сдѣлали свое дѣло. Представители высшей администраціи получили лично отъ автора по одному изящно переплетенному экземпляру на веленевой бумагѣ съ просьбою удостоить посильный трудъ благосклоннымъ вниманіемъ, и не только отнеслись одобрительно къ труду автора, но вездѣ говорили, что трудъ этотъ обнаруживаетъ замѣчательныя въ молодомъ чиновникѣ государственныя способности. Но не такъ одобрительно отнеслась къ этимъ статьямъ журналистика того времени. Ихъ безпощадно изругали, къ немалой досадѣ Сергѣя Александровича. Хотя онъ и говорилъ, презрительно скашивая губы, что «наши литераторы—люди, не имѣющіе ni foi, ni loi», тѣмъ не менѣе онъ написалъ возраженіе, самъ отвезъ его къ редактору «Синицы» и просилъ его напечать, конечно подъ чужимъ именемъ. Опроверженіе было напечатано, съ весьма лестнымъ примѣчаніемъ отъ редакціи, въ которомъ между прочимъ дѣлались комплименты автору статеекъ и на автора указывалось, какъ на «одного изъ желательныхъ дѣятелей, умѣющихъ совмѣщать любовь къ порядку съ горячею любовью къ прогрессу отечества». Съ тѣхъ поръ Сергѣй Александровичъ—да проститъ Господь его авторское самолюбіе!—всегда былъ поклонникомъ «Синицы» и находилъ, что

Digitized by Google

сать... Воображаю, какъ почувствуетъ себя графъ Захаръ Ивановичъ!.. весело засмѣялся старикъ.

— Ну, а теперь не донимайте больше меня... Записку о народномъ здравіи оставьте и бумаги, какія нужно,—до завтра.

— Два слова только, ваше превосходительство...

— Ну, говорите ваши два слова.

— Я собралъ свѣдѣнія о г-жѣ Трамбецкой.

— Объ этой хорошенькой женщинѣ, у которой извергъ мужъ... Ну что же?..

— Она дѣйствительно заслуживаетъ участія. Мужъ ея безпокойный человѣкъ.

— Безпокойный?

— Очень, ваше превосходительство... Онъ даже нѣсколько разъ уволенъ былъ изъ службы...

— Бѣдная женщина!.. Ну, такъ напишите письмо о ней, я попрошу за нее. Она такая несчастная...

— Слушаю, ваше превосходительство! промолвилъ Никольскій, откланиваясь.

— Ну, до свиданія. Спасибо, мой милый... Не поздоровится, я думаю, Захару Ивановичу, а? повторялъ Кривскій: — не поздоровится... улыбался онъ, подавая Никольскому руку:—Увидимся сегодня?.. Вы обѣдаете у насъ?

Никольскій еще разъ поклонился и ушелъ.

Его превосходительство позвонилъ и приказалъ попросить къ себѣ Бориса Сергѣевича.

Digitized by Google

Старику предстояло щекотливое объясненіе со старшимъ сыномъ.

Борисъ, по его мнѣнію, готовился сдѣлать опасный шагъ, и надо было остановить его. Шагъ этотъ—замышляемая женитьба на дочери Леонтьева, о которой на-дняхъ сообщила Кривскому его жена.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Отецъ и сынъ.

I.

Когда Анна Петровна осторожно сообщила мужу, въ видѣ предположенія, о возможности женить Бориса на Евдокіи Леонтьевой, старикъ удивленно взглянулъ на жену, но не сказалъ ни слова. Только по лицу его пробѣжала судорога, онъ весь какъ-то съежился и съ брезгливой миной выслушивалъ доводы Анны Петровны въ пользу брака.

— Борисъ на виду, но мы, какъ ты знаешь, ничего не можемъ ему дать. Леонтьева дѣвушка образованная, приличная... правда, не нашего круга, но Борисъ получитъ громадное состояніе.

— Она нравится Борису? прервалъ Кривскій.

Въ свою очередь и Анна Петровна подняла на мужа глаза, словно бы удивляясь вопросу.

— Я не спрашивала Бориса. Отчего-жъ не нравиться?.. Леонтьева не хороша, это правда, но далеко не уродъ.

Digitized by Google

«Странный вопросъ! подумала Анна Петровна. «Сергѣй Александровичъ, вспомнила она, тоже женился на ней безъ особенной страсти, а скорѣй по разсчету;— однако мы прожили счастливо!..»

Съ тихой грустью, молчаливо, точно рѣшившись терпѣть до конца, продолжалъ слушать старикъ защитительную рѣчь Анны Петровны. Она не отрицала «неровности» брака, но объясняла, что излишняя щепетильность въ настоящее время является «непростительнымъ предразсудкомъ», что теперь многіе роднятся съ представителями другихъ сословій и т. п.

— Конечно, пріятнѣе было бы найти Борису другую партію, но гдѣ же найти милліонъ приданаго?

Тяжело отдавались эти рѣчи въ сердцѣ гордаго старика, рѣзали своею вульгарностью его слухъ, но не поражали Кривскаго. Его превосходительство давно ужь начѣчалъ въ женѣ, по мѣрѣ того, какъ тратилось ихъ состояніе, черезчуръ большую наклонность къ уступкамъ духу времени, нѣкоторую юркость и непростительную снисходительность, доходящую до того, что денежные кысочки появлялись даже изрѣдка въ ея гостиной и кали своими плебейскими руками руку его жены, урожденной графини Отрѣзковой.

Онъ сразу догадался, что мысль объ этомъ бракѣ— ея мысль, но Борисъ?

Неужели и Борисъ, первенецъ его, будущій представитель рода Кривскихъ, раздѣляетъ взгляды матери

Digitized by Google

и унизится до брака съ дочерью вчерашняго цѣловальника?

Не можетъ быть!..

А если?.. шепнулъ тайный голосъ, и Сергѣй Александровичъ покачалъ головой.

Удивительнаго ничего нѣтъ. Представители порядочнаго сословія за послѣднее время на его глазахъ такъ часто компрометировали себя и не только неравными браками, а Богъ знаетъ какими мерзостями, что Сергѣй Александровичъ пересталъ даже изумляться, когда газеты докладывали ему о новомъ подвигѣ какого нибудь шелопая хорошей фамиліи.

«Опять!?» шепталъ только старикъ, грустно качалъ головой и повторялъ: «Что они дѣлаютъ... Что они дѣлаютъ!»

Но «они» продолжали дѣлать, и Кривскій нерѣдко съ грустью останавливалъ долгій взглядъ на любимцѣ своемъ «Шуркѣ» и не разъ говорилъ ему объ обязанностяхъ порядочнаго молодаго человѣка, просилъ не дѣлать долговъ и не срамить «его сѣдой головы». Шурка слушалъ съ терпѣливымъ вниманіемъ школьника, обязаннаго выслушать урокъ, и по выходѣ изъ кабинета, конечно, тотчасъ же забывалъ отцовскія наставленія. Весело насвистывая какой нибудь мотивъ, онъ придумывалъ, гдѣ бы занять денегъ, чтобы ѣхать въ клубъ и попробовать не повезетъ ли ему сегодня.

За Бориса его превосходительство былъ спокоенъ. Строгій, серьезный, разсудительный Борисъ хорошо

Digitized by Google

шелъ въ служебной карьерѣ; старикъ иногда мечталъ о видномъ постѣ для сына. Смущало его только то, что Борисъ путался въ разныхъ частныхъ службахъ, но приходилось соглашаться съ сыномъ, что «безъ этого нельзя», такъ какъ надо жить, государство платитъ скудное жалованье, а отецъ многаго давать не можетъ.

Что же касается до втораго сына Леонида, то онъ былъ далеко на Востокѣ, гдѣ служилъ по дипломатической части, не отличался особенными способностями, былъ скромный, трудолюбивый малый, никогда не безпокоилъ просьбами о высылкѣ денегъ, рѣдко переписывался и вообще не былъ особенно близокъ къ семьѣ, такъ какъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ на Востокѣ.

Когда Анна Петровна истощила весь запасъ своего краснорѣчія въ пользу давно лелѣянной ею мысли женить сына на богатой невѣстѣ—при этомъ она имѣла въ виду и интересы дома—и, выжидая отвѣта отъ мужа, взглянула на старика, то старикъ неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову и какъ бы продолжая еще слушать.

— Какого ты мнѣнія, Сергѣй Александровичъ? спросила жена.

Кривскій медленно поднялъ голову и проговорилъ:

— Твоя новость не особенно обрадовала меня. Борису Кривскому жениться на дочери цѣловальника... Это... это ужъ слишкомъ блестящая партія! ѣдко усмѣхнулся Кривскій.

Digitized by Google

— А женитьба графа N на танцовщицѣ?

— Знаю!

— Или князя Z на дочери банкира еврея? А вѣдь князь Z., ты, кажется, говорилъ, Рюриковичъ?

Сергѣй Александровичъ не возражалъ. Анна Петровна, зная характеръ мужа, не настаивала. Она только «приготовила» его и тихо вышла изъ кабинета, мимоходомъ напомнивъ мужу, что черезъ двѣ недѣли лѣтній балъ у ея свѣтлости, и что нужны деньги для туалета дочерей. Послѣ бала они уѣдутъ въ деревню.

II.

Когда старикъ, освободившись отъ суеты дня, садился иногда «подремать» въ большомъ креслѣ въ углу своего кабинета, то нерѣдко передъ нимъ проносилась картина всей прожитой жизни, и онъ съ скептической улыбкой взиралъ на новые нравы, на новыхъ людей, припоминая старые нравы и старыхъ людей.

«Странно, очень странно! не разъ думалъ Кривскій въ такія минуты: — Или я старъ становлюсь, или въ самомъ дѣлѣ традиціи ничего не значатъ... Нынче ими не дорожатъ, и пожалуй я доживу до того времени, когда Леонтьевъ будетъ министромъ торговли!» улыбался его превосходительство.

Сергѣй Александровичъ не былъ исключительнымъ защитникомъ правъ дворянства. Онъ охотно допускалъ постепенную ассимиляцію, не прочь былъ видѣть представителей другихъ сословій, засѣдающихъ гдѣ нибудь

Digitized by Google

въ земскомъ собраніи рядомъ съ представителями дворянства, но руководительство, по его мнѣнію, должно всегда оставаться за представителями высшаго сословія, какъ людьми испытанными, оказавшими не мало услугъ отечеству и наконецъ опытными и представляющими наиболѣе гарантій въ умѣніи пользоваться властью. Въ тайнѣ онъ завидовалъ англійскому лорду, гордящемуся правомъ стоять съ покрытой головой передъ королевой, дорожилъ традиціями и находилъ, что у престола могутъ стоять только люди хорошей крови. Тамъ, вдали могутъ быть и разночинцы, но у источника долженъ быть цвѣтъ государства. А между тѣмъ молодые представители этого «цвѣта» совсѣмъ забыли о своемъ долгѣ и Сергѣй Александровичъ, не разъ грустно покачивалъ головой вспоминая, чѣмъ сталъ этотъ цвѣтъ, и чѣмъ онъ былъ когда-то.

Съ грустью сознавалъ онъ, что «пѣсенка спѣта» вмѣстѣ съ крестьянской реформой, т. е. и не совсѣмъ спѣта, но во всякомъ случаѣ поется лебединая пѣснь и какой-то пришлый, безвкусный элементъ назойливо лѣзетъ въ глаза, вкрадывается въ гостиныя, въ судъ, толкается въ пріемныхъ, давитъ роскошью обѣднѣвшаго современнаго дворянина въ городѣ, сосѣдится въ деревнѣ и дробитъ тѣ уже немногія большія гнѣзда, гдѣ царитъ запустѣніе, и мрачно стоятъ одинокія осиротѣлыя усадьбы.

Аристократическую натуру Сергѣя Александровича рѣзали и нагло улыбающіяся довольныя лица, и ма-

Digitized by Google

неры, и слишкомъ ярко убранныя гостиныя, и слишкомъ яркіе костюмы всѣхъ этихъ представителей новаго элемента, и онъ не безъ грусти наблюдалъ, какъ болѣе и болѣе выдвигалась эта сила, сила денегъ, съ какой почтительной фамильярностью держала она себя въ кабинетѣ у самого его превосходительства, какъ бы давая знать своими довольными плебейскими лицами, что и надъ ними восходитъ солнышко, что съ ними надо считаться, надо выслушивать ихъ и... и не брезгать пожатіемъ потной грубой руки, которая можетъ швырнуть сотню, другую тысячъ, чтобы дать возможность «жить» представителямъ высшихъ интересовъ...

Біографія Леонтьева слишкомъ пахла еще кабакомъ, чтобы изъ нея можно было сдѣлать нѣчто приличное. Не далѣе, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ его превосходительство въ первый разъ увидѣлъ Савву Лукича у себя въ передней съ просьбою въ рукахъ, отвѣшивающаго его превосходительству низкіе поклоны. Тогда это былъ извѣстный плутъ, содержатель двухъ кабаковъ въ городѣ В., гдѣ его превосходительство былъ особой.

Въ то время его превосходительство брезгливо взялъ просьбу, какъ бы боясь прикоснуться къ красной вспотѣвшей жилистой рукѣ черноволосаго, высокаго мужика, и вдругъ теперь у жены является предположеніе женить на его дочери Бориса Кривскаго... Кривскаго, потомка старинной дворянской фамиліи!..

Это что-то неправдоподобное, невозможное, что-то сказочное!

Digitized by Google

Но однакожь этотъ мужикъ теперь «en vogue». Съ нимъ ласковы во всѣхъ канцеляріяхъ. Ему жмутъ руки разныя особы... Не сегодня завтра его, чего добраго, произведутъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники... его, цѣловальника, въ дѣйствительные статскіе совѣтники! «Бывшій мужикъ «Савва», припоминалъ Кривскій:—котораго не разъ сажали въ полицію за буйство въ пьяномъ видѣ и разъ даже посѣкли тамъ, теперь сдѣлался Саввой Лукичемъ, у котораго, если вѣрить молвѣ, пятьсотъ тысячъ дохода... Въ разволоченномъ его кабинетѣ толпится разный сбродъ, между которымъ однако блестятъ генеральскіе эполеты, потѣшаетъ остротами обнищавшій потомокъ Рюриковича и почтительно выслушиваетъ приказанія молодой статскій совѣтникъ, бывшій правовѣдъ, оставившій блестящую карьеру для службы у Саввы Лукича, раздающаго своимъ служащимъ министерскія жалованья... Какое министерскія—больше!.. «Правовѣдъ», говорятъ, получаетъ у него тридцать тысячъ въ годъ! У этого смѣлаго «мужика», точно гордящагося тѣмъ, что онъ—«посконный мужикъ», обѣдаютъ важныя лица; недавно еще Савва Лукичъ принималъ на своей богатой дачѣ проѣзжавшаго мимо извѣстнаго князя Х., и князь благосклонно принялъ обѣдъ и былъ въ восторгѣ отъ роскоши сервировки, обѣда и винъ, отъ здраваго смысла этого, какъ князь выразился, «умнаго русскаго мужика»...

Годъ тому назадъ, припомнилъ его превосходитель-

Digitized by Google

ство, — Леонтьевъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, съ Владиміромъ въ петлицѣ и со звѣздою Льва и Солнца стоялъ въ пріемной залѣ его превосходительства и, не такъ кланяясь, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, просилъ уже только «содѣйствія». Когда Сергѣй Александровичъ припомнилъ Леонтьеву, что зналъ его прежде, хитрый мужикъ не только не смутился, а, напротивъ, точно обрадовался и, весело ухмыляясь, такъ и брякнулъ:

— И я очень хорошо помню, какъ ваше превосходительство въ бытность вашу въ В. учили меня, мужика, уму разуму... Разокъ даже отечески изволили приказать полиціймейстеру посѣчь меня за безобразія... Какъ-съ не помнить! прибавилъ, низко кланяясь, Савва Лукичъ.

Сергѣй Александровичъ даже смутился тогда отъ этой простодушной выходки мужика со звѣздой Льва и Солнца на груди и поневолѣ отнесся съ фамильярной ласковостью къ этому чудаку и обѣщалъ ему «содѣйствіе»...

«Теперь этотъ мужикъ не прочь и породниться съ нами! усмѣхнулся Сергѣй Александровичъ:—съ Кривскими!!

Сергѣй Александровичъ дорожилъ своей родословной. Предки его происходили изъ стариннаго литовскаго рода. При царѣ Иванѣ Третьемъ Васильевичѣ одинъ изъ нихъ перешелъ на службу къ московскому государю.

Digitized by Google

Хотя, какъ свидѣтельствуетъ хроника, бояре Кривскіе были близки ко двору и не разъ «удостоивались батога» изъ собственныхъ рукъ грознаго царя, не разъ бывали биты Борисомъ, а борода одного изъ Кривскихъ была припечатана къ столу не въ мѣру подкутившимъ Лжедмитріемъ, но все-таки Кривскіе большихъ отчинъ не имѣли и оставались худородными боярами. При Петрѣ одинъ изъ Кривскихъ былъ казненъ за близость къ Софіи и участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ, и родъ Кривскихъ постепенно худалъ.

Только при Екатеринѣ II Кривскимъ чуть было не выпало счастіе. Прадѣдъ его превосходительства секундъ-маіоръ Кривскій былъ на порогѣ къ случаю. Молодаго, красиваго, но робкаго секундъ-маіора замѣтилъ самъ Потемкинъ и обратилъ на него особенное благосклонное вниманіе и приблизилъ къ себѣ. Секундъ-маіора что-то очень скоро произвели въ полковники, Потемкинъ сдѣлалъ его своимъ генеральсъ-адъютантомъ и готовилъ ему блестящую судьбу, но робость сгубила застѣнчиваго молодаго человѣка. По какой-то комической случайности, гдѣ молодой Кривскій растерялся совсѣмъ, онъ внезапно былъ высланъ Потемкинымъ въ свою деревеньку, и только черезъ нѣсколько лѣтъ полковнику прислали въ подарокъ патентъ на званіе бригадира и, благодаря Потемкину, дали ему триста душъ.

Несмотря на внезапную ссылку, бригадиръ до глубокой старости сохранилъ благоговѣніе къ екатерининскому времени и охотно разсказывалъ досадный анек-

Digitized by Google

дотъ о своей робости, лишившій его великихъ и богатыхъ милостей Потемкина.

Дѣдъ Сергѣя Александровича, если не придалъ блеска фамиліи Кривскихъ, то взамѣнъ того пріобрѣлъ громадное состояніе, занимая при графѣ Каменскомъ въ турецкую войну видную должность по провіантмейстерской части. Человѣкъ смѣлый и рѣшительный, онъ черезъ короткое время пріобрѣлъ такія громадныя богатства (разсказывали, что онъ подъ видомъ винограда пересылалъ въ деревню боченки съ золотомъ), что смѣлость эта обратила на себя всеобщее вниманіе и дошла до слуха императора Александра I.

Провіантмейстеру приказано было «скрыться съ глазъ», и, какъ гласитъ семейное преданіе, императоръ Александръ, узнавъ подробности грандіозныхъ злоупотребленій, изволилъ прослезиться и выразить надежду, что «сей корыстолюбивый россіянинъ, унизивъ себя безпримѣрнымъ поступкомъ, умретъ отъ позора» и на предложеніе отобрать похищенное, только брезгливо изволилъ замахать рукой.

Однако «корыстолюбивый россіянинъ» хотя и удалился въ деревню, но не только не умеръ отъ позора, а напротивъ, сдѣлавшись богатѣйшимъ помѣщикомъ Т. губерніи, задавалъ такіе пиры, легенды о которыхъ сохранились и донынѣ. Впослѣдствіи онъ, благодаря графу Аракчееву, призванъ былъ снова къ дѣламъ и умеръ на верху почестей, оставивъ громаднѣйшее состояніе единственному своему сыну.

Digitized by Google

Отецъ его превосходительства, воспитанный якобинцемъ-гувернеромъ, чуть было не пострадалъ за свои взгляды, рано вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Онъ велъ тамъ безумно роскошную жизнь, путешествовалъ, велъ блестящія знакомства, женился на бѣдной русской княжнѣ, скоро услалъ ее въ Россію и, убитый какимъ-то французомъ на дуэли изъ-за пустяковъ, оставилъ сыну своему, тогда блестящему молодому офицеру, болѣе чѣмъ скромное наслѣдство.

Сергѣй Александровичъ тотчасъ же оставилъ военную службу и перешелъ въ гражданскую. Послѣ крестьянской реформы, какъ знаетъ читатель, Кривскій выдвинулся.

«Нѣтъ этому браку не бывать!» еще разъ рѣшилъ Кривскій, пожимая руку Борису Сергѣевичу и приглашая его сѣсть.

III.

Первенецъ его превосходительства, высокій стройный красивый господинъ, которому можно было дать отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ, поражалъ своимъ удивительнымъ сходствомъ съ отцомъ.

У сына были тѣ же красивыя черты лица, та же безукоризненная англійская складка, такой же тихій голосъ съ мягкими нотами и умный серьезный взглядъ, съ тою только разницею, что въ сосредоточенномъ взглядѣ небольшихъ сѣрыхъ глазъ Бориса Сергѣевича ярче блестѣла жизнь, и въ немъ не было того скептическаго

Digitized by Google

выраженія, которое нерѣдко проглядывало въ усталомъ взорѣ его превосходительства.

Сергѣй Александровичъ сдержанно любовался сыномъ, окидывая мягкимъ, довольнымъ взглядомъ джентльменскую, изящную фигуру въ безукоризненномъ костюмѣ темнаго цвѣта. Во всемъ, начиная съ прически съ проборомъ съ боку, съ англійскихъ бакенбардъ каштановаго цвѣта и кончая носкомъ сапога, проглядывала порядочность и тотъ солидный хорошій тонъ, который, не имѣя ничего общаго съ бьющимъ въ глаза хлыщеватымъ видомъ петербургскихъ кокодесовъ, такъ идетъ къ молодымъ солиднымъ чиновникамъ на виду, разсчитывающимъ на блестящую карьеру.

Борисъ Сергѣевичъ дружески пожалъ руку отца и, сидя въ креслѣ, ожидалъ, пока старикъ заговоритъ.

— Я побезпокоилъ тебя Борисъ, медленно началъ Кривскій, пощипывая своими длинными красивыми пальцами уголокъ сѣдой бакенбарды:—чтобы побесѣдовать съ тобой по поводу разговора, который имѣлъ о тебѣ съ матерью. Она мнѣ разсказывала... Впрочемъ ты вѣроятно знаешь?

— Знаю.

— Скажи пожалуйста, Борисъ, въ чемъ дѣло?

Кривскій отвелъ руку отъ бакенбарды и пристально посмотрѣлъ на сына. Борисъ выдержалъ взглядъ и замѣтилъ:

— Пока ни въ чемъ. Ничего серьезнаго нѣтъ.

— Пока? Слѣдовательно существуетъ предположеніе?

Digitized by Google

— Ты конечно противъ? тихо проговорилъ Борисъ Сергѣевичъ, замѣтно улыбаясь.

— А ты? ты? подхватилъ отецъ.

— Я—нѣтъ! спокойно и увѣренно отвѣтилъ сынъ.

Его превосходительство откинулся на спинку кресла, поморщился и нѣсколько секундъ просидѣлъ молча.

— Надѣюсь, наконецъ заговорилъ онъ еще медленнѣе, словно бы этой медленностью онъ хотѣлъ скрыть волненіе, все-таки сказывавшееся въ легкой дрожи голоса:—надѣюсь, Борисъ, ты соблаговолишь по крайней мѣрѣ объяснить мнѣ мотивы, которые могутъ заставить тебя, Бориса Сергѣевича Кривскаго, жениться на дочери.

Онъ не договорилъ. Онъ былъ настолько джентльменъ, что во время остановился.

— На дочери бывшаго цѣловальника хотѣлъ ты сказать?

— Да, я хотѣлъ.

— Мотивы очень простые. У насъ нѣтъ состоянія.

— Но развѣ ты получаешь недостаточно?

— Много ли я получаю? Какихъ-нибудь десять тысячъ, и то всѣми правдами и неправдами! усмѣхнулся Борисъ: — Я принужденъ былъ принять предложеніе Егорова—такого же плута, какъ Леонтьевъ — и сдѣлаться членомъ правленія какого-то подозрительнаго общества. А эта должность, самъ знаешь, мнѣ не нравится. И то вездѣ кричатъ, что мы, чиновники,

Digitized by Google

пользуемся синекурами ради вліянія... Въ этомъ вѣдь есть доля правды...

— Но однако же... Эта женитьба, развѣ это лучше?..

— Я не говорю лучше, но по крайней мѣрѣ она дастъ мнѣ возможность не дѣлать тѣхъ уступокъ, которыя приходится дѣлать теперь, и позволитъ мнѣ не дискредитировать своего положенія въ будущемъ.

Кривскій сидѣлъ молча, повѣсивъ голову.

— Мнѣ кажется, папа, ты слишкомъ исключительно смотришь на вещи и забываешь, что въ наше время власть безъ состоянія ставитъ себя въ очень затруднительное положеніе. Ей поневолѣ приходится считаться съ разными проходимцами и не только считаться, но и быть у нихъ нерѣдко въ рукахъ.... Къ несчастію примѣровъ не мало, скандальныхъ процессовъ довольно, а скандальныхъ слуховъ еще болѣе. Все это дискредитируетъ значеніе власти, и конечно не тебѣ защищать подобный порядокъ вещей. Съ тѣхъ поръ какъ мы обнищали, власть сама перестала быть дѣйствительной властью. Она нерѣдко покорный слуга людей капитала. Все это ты хорошо самъ знаешь...

— Я это знаю, мнѣ очень грустно, что это такъ, но жениться на дочери Леонтьева... Это, какъ хочешь... Поднимется такой говоръ...

— Напрасно ты такъ думаешь. Всѣ будутъ завидовать и, наконецъ, папа, ты забылъ духъ времени. Мы живемъ не въ дореформенныя времена. У насъ крестьянъ больше нѣтъ. Намъ остается на выборъ или

Digitized by Google

идти на компромиссы, или вовсе сойти со сцены... Другаго выбора нѣтъ. Надо примириться съ фактомъ, каковъ онъ есть. Положимъ, Леонтьевъ—партія не блестящая въ твоемъ смыслѣ, но вѣдь будущее за Леонтьевыми, а не за нами, если мы во-время не воспользуемся положеніемъ. Что ты на это скажешь?

Борисъ Сергѣевичъ продолжалъ въ томъ же тонѣ. Онъ говорилъ спокойно, увѣренно, не горячась, обставляя свою рѣчь солидными аргументами для доказательства, что человѣку, желающему не остаться въ тѣни или не кончить скандальнымъ процессомъ, необходимо состояніе. Оно одно развязываетъ руки и даетъ власти необходимую свободу дѣйствій. Появленіе въ жизнь новаго элемента, тѣхъ новыхъ людей, людей наживы и капитала, которые заставляли старика Кривскаго часто задумываться, по мнѣнію сына, совершенно естественное послѣдствіе крестьянской реформы. Игнорировать факта нельзя. Онъ есть и, слѣдовательно, надо только пріурочиться къ нему. Наконецъ и обособленность сословій—анахронизмъ.

— Женись ты на дочери Леонтьева—это было бы скверно, а еслибы женился я, то это было бы только практично... Жизнь, папа, далеко ушла впередъ отъ старыхъ понятій. Я подаю руку такимъ людямъ, которымъ ты, конечно, руки не подашь. Voilà où nous en sommes!

Старикъ слушалъ эту снисходительно прочитанную ему лекцію о духѣ времени съ глубокой тоской. Каж-

Digitized by Google

дое слово сына тяжелымъ ударомъ отзывалось въ его сердцѣ, но въ то же время онъ если не совсѣмъ понималъ, то чувствовалъ, что сынъ до нѣкоторой степени правъ. Власть безъ состоянія—полувласть. Онъ вспомнилъ, какъ часто ему самому приходится прибѣгать къ просьбамъ о пособіи; онъ вспомнилъ, какъ чуть было онъ самъ не принялъ предложенія быть почетнымъ директоромъ одного предпріятія съ огромнымъ гонораромъ—и что могъ онъ сказать теперь сыну?

Борисъ былъ честолюбивъ, отецъ это зналъ, и мѣтилъ далеко. Женитьба эта, если только она состоится, будетъ крупнымъ шагомъ на пути къ блестящей карьерѣ. Огромное состояніе, которое онъ получитъ, позволитъ ему не прибѣгать къ посторонней службѣ, которая во всякомъ случаѣ бросаетъ неблаговидную тѣнь. Чѣмъ отпарировать эту неотразимую логику сына? Сказать, что можно сдѣлать карьеру безъ средствъ? Положимъ, онъ сдѣлаетъ ее; но развѣ Борисъ не укажетъ на массу затрудненій? Развѣ онъ можетъ теперь жить на жалованье, которое получаетъ, безъ частной службы! И, наконецъ, какъ много блеска придаетъ состояніе служебной карьерѣ!.. Отъ какого нибудь пріема иногда зависитъ многое...

«Онъ правъ! Но зачѣмъ же онъ правъ?» думалъ Сергѣй Александровичъ, внимательно слушая сына.

— Я раньше не счелъ необходимымъ говорить съ тобой объ этомъ дѣлѣ и спросить твоего совѣта, про-

Digitized by Google

докладъ Борисъ:—потому что дѣло еще не выяснилось, но теперь Леонтьевъ, кажется, очень доволенъ.

— А она... эта дѣвушка?..

— Съ ней я еще не говорилъ... Она, конечно, будетъ рада.

— Порядочная дѣвушка?..

— Да, держитъ себя хорошо... Ты, папа, не безпокойся... Леонтьевъ слишкомъ умный мужикъ, чтобы не понять своего права навѣстить тебя не болѣе раза въ годъ. Жена его—глупая, забитая женщина, тоже не стѣснитъ тебя, такъ что съ этой стороны ты можешь быть совершенно спокоенъ...

Выходило какъ будто даже очень хорошо. Но старикъ все молчалъ и не выказывалъ никакого удовольствія. Милліонъ приданаго, конечно, имѣлъ значеніе, но... но дочь цѣловальника, того самаго Саввы, котораго онъ приказалъ разъ высѣчь...

Борисъ искоса поглядывалъ на отца, и точно понималъ, что происходитъ въ душѣ старика. Онъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Кстати... у насъ уже лежитъ представленіе о Леонтьевѣ. Его вѣроятно произведутъ на-дняхъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

— Это за какія же заслуги?

— Ихъ много: онъ пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ на дѣла благотворенія... На-дняхъ еще онъ препроводилъ двадцать пять тысячъ въ пользу пріютовъ, ну и...

Digitized by Google

— И генералъ? перебилъ, прищуриваясь, Крижскій:—будетъ въ одномъ чинѣ съ тобой?

— Въ одномъ...

Наступила пауза.

— У Леонтьевой, папа, кандидатовъ много... не одинъ я... Графъ Ландскронъ, говорятъ, хочетъ сдѣлать предложеніе...

— Графъ Ландскронъ, родственникъ шведскихъ королей?

— Да...

Опять помолчали.

— Такъ какъ ты посовѣтуешь? наконецъ спросилъ Борисъ.

Его превосходительство тихо покачалъ головой и какъ-то грустно улыбаясь, произнесъ:

— Что мнѣ совѣтовать?.. Дѣлайте, какъ знаете... Мы разно глядимъ на вещи, но... я... я не препятствую тебѣ... Только объ одномъ прошу... не дѣлай ты изъ своего... («позора», вертѣлось на языкѣ у его превосходительства)... не дѣлай ты изъ своего бракосочетанія парада... Пожалуй, Леонтьевъ захочетъ весь городъ созвать любоваться. Надѣюсь, этого не будетъ?

— Еслибы бракосочетаніе, какъ ты говоришь, и случилось, то, разумѣется, не въ Петербургѣ, отвѣтилъ Борисъ.

— То-то!.. промолвилъ старикъ.

Оба чувствовали, что больше имъ говорить не о чемъ. И отцу, и сыну было неловко послѣ этого объясненія.

Digitized by Google

Борисъ Сергѣевичъ сказалъ еще нѣсколько незначущихъ фразъ и поднялся съ кресла.

— Мнѣ пора... Сегодня у насъ коммиссія...'

— А!.. поѣзжай, поѣзжай... я тебя не держу.

Грустнымъ взглядомъ проводилъ его превосходительство сына, и когда двери кабинета затворились за нимъ, старикъ облокотился на столъ и долго просидѣлъ неподвижно, устремивъ передъ собой взглядъ, полный тоски и страданія.

«Могъ ли я когда нибудь думать? Могъ ли я предполагать, что Савва Леонтьевъ будетъ моимъ близкимъ родственникомъ?!» нѣсколько разъ повторялъ его превосходительство, смѣясь скорбнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

Дѣло улаживается.

I.

Въ большомъ, аляповато убранномъ кабинетѣ, полномъ роскоши и безвкусія, сидѣлъ Савва Лукичъ въ бархатной поддевкѣ, надѣтой поверхъ рубашки съ отстегнутымъ воротомъ и весело слушалъ разсказъ Евгенія Николаевича Никольскаго о томъ, что наконецъ дѣло покончено, и Валентина Николаевна сегодня же получитъ видъ на отдѣльное жительство.

— И мужъ не тронетъ?..

— Будьте покойны...

— А если тронетъ?..

— И мы его тронемъ!..

— Охъ, вы, молодцы, молодцы!.. весело говорилъ Савва Лукичъ, фамильярно трепля по плечу Никольскаго:—Вы и разведете, и сведете, и брата на сестрѣ жените, коли захотите... Спасибо тебѣ, Евгеній Николаевичъ... Спасибо, родной. Уважилъ ты меня, что

Digitized by Google

дѣло наладилъ скоро... Валентина Николаевна дама сиротливая... сложенія нѣжнаго... Обижаетъ ея пьяница-то тотъ...

— Теперь Валентина Николаевна свободна...

— А сколько за свободу-то ейную причитается, а?..

— Вы кажется знаете, Савва Лукичъ...

— Да ей, ей же не знаю... Помню выдавалъ разъ... Кажется тысячу?..

— Пять тысячъ.

— А еще сколько? Бери больше... не сумлѣвайся... Есть здѣсь! хлопнулъ весело Савва Лукичъ по карманамъ:—Ты—парень умный, башковатый парень. И напредки дѣловъ можетъ будетъ. Такъ за одно будемъ пріятелями.

— Тамъ дорого берутъ.

— Тамъ ли, здѣсь ли,—вездѣ, братецъ, берутъ съ нашего брата, посконнаго мужика, за то милуютъ. Ну, такъ говори цѣну-то... Сколько доводится-то съ меня?

— Десять тысячъ.

— Получай, братъ...

Съ этими словами Савва Лукичъ вынулъ чековую книжку, написалъ чекъ на десять тысячъ и отдалъ его Евгенію Николаевичу.

— Значитъ въ разсчетѣ... А за хлопоты твои, любезный другъ, особъ статья... Прими въ знакъ памяти!

Савва Лукичъ подалъ Никольскому дорогой бриллiантовый перстень.

Digitized by Google

— Зачѣмъ это?

— Не ломайся, Евгеній Николаевичъ... Бери попріятельски. Ну, а теперь шампанскаго... Эй, кто тамъ! Бутылку холоднаго!

Пока они роспивали бутылку, вошелъ слуга и подалъ телеграмму. Савва Лукичъ сталъ читать ее и нѣсколько разъ крякнулъ. Телеграмма извѣщала о потерѣ на каменноугольномъ дѣлѣ пятисотъ тысячъ.

Савва Лукичъ положилъ депешу на столъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ проводилъ Никольскаго до дверей кабинета, взявъ слово, что Никольскій немедленно же увѣдомитъ Валентину Николаевну. Когда онъ вернулся къ столу, то взялъ снова телеграмму, прочелъ ее, выругался, какъ извозчикъ, и движеніемъ руки совсѣмъ раскрылъ воротъ, обнаживъ широкую грудь, покрытую густымъ лѣсомъ черныхъ волосъ.

— Опять потеря! проговорилъ онъ, какъ бы въ раздумьѣ, припоминая рядъ потерь въ послѣднее время.

Онъ перекрестился большимъ широкимъ крестомъ, встряхнулъ кудрями и вышелъ изъ кабинета.

По красивой лѣстницѣ поднялся онъ наверхъ, прошелъ амфиладу роскошныхъ комнатъ и вошелъ въ маленькую комнатку, убранную совсѣмъ просто. Нѣсколько простыхъ сосновыхъ табуретокъ, такая же лавка, кіотъ съ образами, да маленькая постель,—вотъ все убранство.

На лавкѣ сидѣла старая женщина, одѣтая какъ черничка, въ черное коленкоровое платье, въ черномъ

Digitized by Google

платкѣ, изъ-подъ котораго серебрилась прядь сѣдыхъ волосъ, и ѣла изъ деревянной чашки какую-то похлебку.

— Матушка! почтительно заговорилъ Леонтьевъ, подходя къ старушкѣ:—Опять потеря!..

Старуха взглянула своими умными, темными глазами на сына, и на ея старомъ, морщинистомъ лицѣ скользнула улыбка.

— Богъ далъ... Богъ и взялъ! проговорила она.

— Все теряю послѣднее время, матушка!

— Дьяволъ смущаетъ-то душу?

— Смущаетъ...

— А ты дьявола-то пересиливай! Не смущайся... А что теряешь—по дѣламъ теряешь... Очень ужь ты зазнался... Слышно будто въ родѣ царя какого то сталъ... И живешь въ развратѣ... Охъ... Савва... Савва! Нажилъ ты много, прожилъ много... съ чѣмъ ты останешься?.. Богъ видно испытуетъ тебя...

— Ужь очень испытанія велики. Сегодня опять пятьсотъ тысячъ ухнули...

— Еще ухнетъ!.. И все можетъ ухнуть для твоего счастія.—Слышала я къ Авдотьѣ сватается енералъ какой-то?

Она помолчала и прибавила:

— Отдашь?

— Отдамъ, матушка!..

Старуха покачала головой.

— По волѣ?

Digitized by Google

— Не говорилъ я съ Дуней. Вѣрно согласна. Женихъ молодой...

— Ваше дѣло, ваше... до этого не касаюсь... Богу за васъ молюсь... Ужь очень то всѣ вы Бога забыли, и больше всѣхъ ты забылъ. Савва... Людей-то, чай, тѣснишь?..

— Оберегаюсь, матушка...

— То-то! кого же ты грабишь, Саввушка? строго спрашивала старуха...

— Счастье свое граблю...

— Ну, ври... ври... Счастье счастьемъ, а ты всегда былъ, Савва, большимъ грѣховодникомъ... Ты опять за утѣхой пришелъ видно къ старой старухѣ?.. Видно сердце-то дьяволъ мутитъ... Опять, говоришь, потеря... А ты не думай объ этомъ... Не въ томъ потеря, что деньги пропали, а въ томъ потеря, что самъ-то ты пропадаешь... Слышала я опять новую полюбовницу завелъ?..

Леонтьевъ покорно отвѣчалъ, опуская голову:

— Грѣшенъ...

Старуха любовно взглянула на сына и тихо сказала:

— Эхъ, Савва... Савва, парень-то ты добрый, да гордость мучитъ тебя... Смотри какъ бы совсѣмъ не отступился Богъ... Думаю я о тебѣ, думаю и впрямь не могу дознаться, что ты за человѣкъ... Ну... ну... не смущайся!.. ласково прибавила старуха.

Леонтьевъ очень почиталъ старуху мать, отказавшуюся отъ искушеній богатства, продолжавшую вести

Digitized by Google

ту же жизнь, какую вела и тогда, когда Савва Лукичъ держалъ кабакъ. Леонтьевъ почиталъ и любилъ свою мать, а она нерѣдко упрекала его за то, что онъ забылъ Бога, и въ тайнѣ молилась за любимаго своего сына. Ее пугало его богатство; она со страхомъ глядѣла на роскошь обстановки, никогда не показывалась въ комнатахъ и только по особенной просьбѣ сына согласилась жить у него въ домѣ. И сынъ любилъ иногда заходить къ старухѣ, любилъ поговорить съ ней въ минуты раздумья, въ минуты непріятныхъ извѣстій и всегда уходилъ отъ нея успокоенный, бодрый. Такъ и теперь... Потери послѣднихъ дней на минуту-было смутили его, но онъ вышелъ отъ старухи утѣшенный, повторяя про себя:

— Богъ далъ... Богъ и взялъ...

И вслѣдъ затѣмъ въ его головѣ уже зарождались новыя фантазіи о томъ, какъ бы наверстать потерянное.

А пока надо порадовать «птаху»! вспомнилъ Леонтьевъ, собираясь вечеромъ къ Валентинѣ Николаевнѣ.

«Теперь нѣтъ препятствій... Птаха—моя... и никому я ее не отдамъ!» думалъ Савва Лукичъ, похаживая по кабинету.

Въ его головѣ поперемѣнно бродили мысли о томъ, какъ онъ заживетъ теперь съ доброй малюткой и какъ онъ ограбитъ казну.

Digitized by Google

II.

Трамбецкій, довольный, что получилъ наконецъ послѣ долгихъ поисковъ мѣсто въ конторѣ нотаріуса и что можетъ по крайней мѣрѣ не жить на счетъ жены, и не догадывался, что ему готовится смертельный ударъ.

Валентина тщательно скрывала отъ мужа свои хлопоты. Съ чисто женскимъ лукавствомъ она умѣла усыпить его подозрѣнія. Добрая малютка боялась какой нибудь бѣшеной выходки со стороны «тирана» и воспользовалась обаяніемъ своей красоты и любовью измученнаго человѣка, чтобы доканать его, доканать шутя, безъ всякаго злаго умысла. Она хотѣла жить, а онъ мѣшалъ, что жъ ей дѣлать? Послѣдніе дни она была съ нимъ такъ внимательна, кротка и ласкова, что въ сердцѣ Трамбецкаго нѣтъ-нѣтъ да и мелькалъ слабый лучъ надежды, что еще не все потеряно.

Она аккуратно возвращалась домой къ пяти часамъ, обѣдала съ мужемъ и сыномъ и проводила вечера противъ обыкновенія дома, не принимая никого. Она упросила мужа «повременить съ дачей, дачи позднѣе будутъ дешевле!» и иногда по вечерамъ заглядывала въ маленькую комнату мужа, и нѣжно упрекала, что онъ совсѣмъ ее забылъ и никогда не заглянетъ къ ней.

Онъ забылъ!?

Трамбецкій вздрагивалъ, заслышавъ нѣжные звуки голоса, и какъ-то испуганно поднималъ голову, ста-

Digitized by Google

рясь найти въ этихъ ясныхъ свѣтлыхъ глазахъ иронію или насмѣшку, но глаза глядѣли нѣжно и кротко изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, маленькое нѣжное созданіе съ распущенными прядями волосъ, въ капотѣ, не скрывавшемъ ея прелестныхъ формъ, была такъ обворожительна и такъ близко подходила къ Трамбецкому, что онъ забывалъ обо всемъ, сжимая въ объятіяхъ добрую малютку и повторяя слова любви и надежды.

И она улыбалась, улыбалась въ отвѣтъ на ласки такъ же нѣжно, какъ вчера улыбалась въ объятіяхъ Леонтьева, третьяго дня въ объятіяхъ Никольскаго, а недѣлю тому назадъ подъ горячими поцѣлуями Шурки. Этому милому и легкомысленному созданію было такъ забавно играть съ тираномъ наканунѣ прощанія навсегда.

Бросая ему милостыню любви по какому-то необъяснимому женскому капризу «добрая малютка» возвращалась къ себѣ и, лежа въ постели, тихо смѣялась, представляя, какое изумленное выраженіе будетъ на лицѣ мужа, когда онъ, возвратившись изъ конторы, увидитъ пустую квартиру и узнаетъ, что она теперь совсѣмъ свободна, и что если онъ захочетъ предъявить требованія, то ему же будетъ хуже. Онъ такой умный, этотъ Евгеній Николаевичъ, и все можетъ сдѣлать для такой милой женщины, какъ Валентина. Только надо слушаться его совѣтовъ и время отъ времени навѣщать его, конечно по секрету отъ Саввы Лукича.

Digitized by Google

Этотъ мужикъ ревнивъ, какъ Отелло, и Богъ знаетъ, что можетъ подумать!

Добрая малютка совсѣмъ была готова выпорхнуть изъ этого скернаго гнѣзда... Это что за квартира: комнаты маленькія, скромныя, въ четвертомъ этажѣ. Валентина очень мило сжимала губки, оглядывая свой будуаръ... Фи! какъ онъ мизеренъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой у нея будетъ!.. Деньги она положитъ въ банкъ. Лѣто проведетъ на дачѣ, а зиму въ Петербургѣ. Роскошное гнѣздо на лѣто, недалеко отъ Петербурга, на берегу Финскаго залива, уже было готово. Она ѣздила какъ-то на-дняхъ съ Саввой Лукичемъ смотрѣть «пріютъ любви», какъ назвалъ очаровательную дачу влюбленный мужикъ, и пришла въ восторгъ отъ роскоши этого гнѣздышка, свитаго лучшими мастерами, не жалѣвшими денегъ Саввы Лукича. Изящество, роскошь, цвѣты, картины, полная чаша, готовый гардеробъ, уютный садикъ, красивый спускъ въ купальню,—чего тутъ только не было къ услугамъ маленькой феи, плѣнившей взбалмошнаго мужика.

Валентина вездѣ ходила, смотрѣла и чувствовала раздолье рыбки, попавшей въ воду.

— Будешь любить меня, пташечка? спросилъ Савва Лукичъ, любуясь ея восторгомъ.

А какъ же не любить!?.. Какъ же не отвѣчать любовью на это нѣжное вниманіе, какъ не быть благодарной за всѣ эти чудеса роскоши, которыхъ она от-

Digitized by Google

нынѣ хозяйка... О, она чувствовала, какъ она начинала любить его, уже любила и будетъ всегда любить...

Савва Лукичъ только ухмылялся и приговаривалъ:

— Раззадорь меня, сударушка, не тѣмъ еще удивлю!..

Чего еще!? Довольно ей и этого!..

Наконецъ въ одно прекрасное утро Никольскій привезъ ей бумагу. Вотъ она, эта самая, давно желанная, бумага, благодаря которой можно даже и не горевать, что нѣтъ у насъ развода. Эта бумага устраиваетъ порядочныхъ женщинъ отлично и безъ формальнаго развода.

Валентина жадно пробѣгала глазами о томъ, что она можетъ свободно проживать въ обѣихъ столицахъ и городахъ имперіи вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ.

«Пусть попробуетъ онъ теперь требовать сына! усмѣхнулась добрая малютка: — Онъ будетъ со мной. Онъ будетъ богатъ, мой мальчикъ. Я его одѣну, какъ маленькаго принца! Кого взять къ нему, англичанку или француженку?» Мысли весело роились въ маленькой счастливой головкѣ. Она суетилась, словно птичка передъ тѣмъ, какъ выпорхнуть изъ отворенной клѣтки. Она нѣсколько разъ благодарила Никольскаго и конечно охотно обѣщала подарить ему еще «одно счастливое мгновеніе». Что ей было теперь до мгновенія, когда передъ ней открывалась новая жизнь. Не только одно мгновеніе, два-три, только бы «мужикъ» объ этомъ не зналъ. Она ужь окрестила Савву Лукича «муживомъ» и находила, что онъ слишкомъ по мужицки цѣлуется. Надо его отъ этого отучить!

Digitized by Google

— Такъ значитъ, Евгеній Николаевичъ, я теперь совсѣмъ... совсѣмъ свободна?

— Вамъ теперь остается только жить и наслаждаться! усмѣхнулся Никольскій.

Но вдругъ облачко легло тѣнью на лицѣ доброй малютки.

— А если онъ розыщетъ, гдѣ я живу?..

— Что-жь... Пусть розыщетъ. Вы его примите!

— Что вы, Евгеній Николаевичъ! Вамъ хорошо шутить!.. Онъ можетъ сдѣлать скандалъ, особенно въ минуты запоя. Я такъ боюсь его... Онъ иногда ужасенъ!

— Не бойтесь. Теперь вашъ мужъ безсиленъ...

— Ахъ, добрый мой, вы такъ много для меня сдѣлали... Неужели нельзя совсѣмъ успокоить бѣдную женщину?..

— Чѣмъ же еще успокоить бѣдную женщину, я?

— Ужъ я не знаю. Вы должны лучше знать, Евгеній Николаевичъ... Я, глупенькая, что я знаю!... говорила Валентина милымъ тономъ наивнаго ребенка.

— Ну, ну, говорите, что вы знаете? отвѣчалъ въ томъ же тонѣ Никольскій.

— Если бы... напримѣръ... удалить его совсѣмъ изъ Петербурга? Вѣдь ему все равно гдѣ жить, а я... я тогда была бы совсѣмъ покойна!

Евгеній Николаевичъ пристально взглянулъ на добрую малютку и улыбнулся.

— Совсѣмъ удалить?.. Это вы недурно придумали, несмотря на то, что вы глупенькая женщина...

Digitized by Google

— А развѣ нельзя?..

— Нельзя?.. Я не говорю нельзя... Съ такимъ безпутнымъ человѣкомъ, какъ вашъ супругъ, все можно, но вы, мой ангелъ, уже слишкомъ спѣшите. Спѣшить не надо. Подождите — увидимъ... А если онъ и въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ сдѣлать скандалъ, ну, тогда мы посмотримъ и посовѣтуемся съ Саввой Лукичемъ.

— О, я ему непремѣнно скажу. Пока мужъ въ Петербургѣ, я буду вѣчно бояться.

Никольскій ни слова на это не отвѣтилъ и снова посовѣтовалъ не спѣшить, обѣщая быть ея другомъ и совѣтникомъ, если только она не забудетъ, что есть на свѣтѣ ея вѣрный поклонникъ. При этомъ Евгеній Николаевичъ на первый разъ далъ доброй малюткѣ дружескій совѣтъ жить первое время потише, чтобы не возбуждать толковъ.

— Вы хоть и совсѣмъ свободны, но очень легко и потерять эту свободу. Надо пользоваться ею умѣючи.

— Потерять? Какъ потерять? уже испуганно спрашивала Валентина.

— Не пугайтесь! Ахъ, какая вы пугливая! Я предостерегаю только васъ. Васъ обрадовала эта бумага, да? Ну такъ надо помнить, что эту бумагу легко можно отнять и снова отдать васъ на съѣденіе вашего мужа. Но разумѣется мы васъ не отдадимъ. Какъ можно! Такое прелестное созданіе и снова въ зависимости отъ г. Трамбецкаго! Ну, что-жь мы не улыбаемся?

И Никольскій опять сталъ говорить, что этому ни-

Digitized by Google

когда не бывать. Валентина улыбалась сквозь слезы, смущенная и испуганная. Хотя Евгеній Николаевичъ и успокоивалъ ее, но она смутно сознавала, что она далеко не такъ свободна, какъ казалось ей съ перваго взгляда, и что этотъ красивый солидный молодой человѣкъ, который когда-то носилъ ей букеты, можетъ лишить ее желанной свободы такъ же легко, какъ и далъ ее.

Но что дѣлать? Надо нести крестъ!

Ахъ зачѣмъ не умираетъ этотъ ужасный человѣкъ, изъ-за котораго она переноситъ столько горя и страданій! подумала Валентина. Она нѣжно простилась съ Никольскимъ, обѣщалась помнить совѣты и не забывать «своего друга».

Валентина плохо спала всю ночь. Радость и страхъ не давали ей сомкнуть глазъ. Она временами забывалась, и въ эти короткіе промежутки тяжелаго сна ей все казалось, что мужъ гонится за ней, настигаетъ, и все счастіе ея рушится. Она вышла къ чаю блѣдная, взволнованная и испуганная, избѣгая смотрѣть на мужа. А Трамбецкій какъ нарочно сидѣлъ за чаемъ долѣе обыкновеннаго, шутилъ съ сыномъ и спрашивалъ, не пора ли искать дачу. Валентина обрадовалась этому вопросу и сказала, что она сегодня же поѣдетъ посмотрѣть дачу гдѣ нибудь на островахъ и возьметъ съ собою сына—ему послѣ болѣзни будетъ полезно прогуляться. Онъ такъ давно не былъ на воздухѣ.

Голосъ ея дрожалъ, а взглядъ былъ какой-то странный.

Digitized by Google

Отецъ и сынъ подняли на нее глаза.

— Что съ тобой? спросилъ Трамбецкій.

— Ничего... нездоровится...

— Ты сегодня какая-то странная! тихо замѣтилъ Трамбецкій, пристально взглядывая на жену.

Онъ вспомнилъ, что она была такая же странная въ тотъ день, когда въ В. внезапно оставила его. Опять подозрѣніе тихо закрадывалось въ сердце. Какой у нея растерянный видъ! Какой у нея загадочный взглядъ? думалъ Трамбецкій, подозрительно наблюдая за женой.

— Странная! усмѣхнулась въ отвѣтъ Валентина:—Мнѣ просто нездоровится, вотъ и вся странность.

— Такъ ли?

— О, Господи! Ты опять за сцены. И тебѣ не надѣли онѣ? капризно промолвила она, поднося къ глазамъ платокъ.

Еще секунда, и Валентина уже нервно плакала.

— Ну, прости... прости меня, Валентина! нѣжно проговорилъ Трамбецкій:—Я виноватъ!

Она охотно простила и проводила мужа до дверей, обѣщая вернуться къ шести часамъ.

— Смотри, Саша, подожди насъ къ обѣду! Безъ насъ не обѣдай! прибавила она вслѣдъ.

Къ чему говорила она эти слова, она и сама не знала. Такъ онѣ сами собой сказались...

Какъ только онъ ушелъ, Валентина послала за каретой и приказала мальчику собираться. Мальчикъ

Digitized by Google

изумленно смотрѣлъ на мать. Его поражало, что она, собираясь на дачу, такъ волнуется.

Карета пріѣхала. Мальчикъ готовъ. Она давно уже готова и нетерпѣливо ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Ахъ... Она забыла! Надо еще написать письмо! Она присѣла къ столу, написала нѣсколько строкъ, запечатала письмо и оставила его на письменномъ столикѣ.

— Это я прошу папу купить намъ конфектъ! сказала она на вопросъ сына, зачѣмъ она пишетъ папѣ письмо, когда только что его видѣла.

— Ну, теперь кажется можно ѣхать! торопитъ Валентина.

Но зачѣмъ Паша съ нами? изумляется мальчикъ, глядя, какъ горничная Валентины Николаевны тоже собралась ѣхать. Мальчикъ еще болѣе изумляется, замѣтивъ подъ полой ея тальмы дорожный мѣшокъ. Онъ переводитъ испуганные глазенки съ матери на Пашу, съ Паши на мать, и бѣдняжка чувствуетъ, какъ страхъ сжимаетъ его сердце. Куда они ѣдутъ? Отчего мама такъ волнуется и спѣшитъ?

О, какъ бы хотѣлось ему теперь, чтобы папа былъ дома... Еще недавно онъ слышалъ, какъ мать о чемъ-то шепталась съ черноволосымъ высокимъ господиномъ, до его ушей долетали какіе-то обрывки фразъ объ отъѣздѣ. Смутныя подозрѣнія закрадываются въ его головку. Онъ слишкомъ многое видѣлъ, слишкомъ многое понималъ, и слезы брызнули изъ его глазъ.

Digitized by Google

— Мама! Я не хочу ѣхать! прошепталъ онъ.

— Что ты Коля? Да ты съума сошелъ? Отчего ты не хочешь ѣхать? проговорила Валентина, чувствуя сама, что голосъ ея дрожитъ.

— Я боюсь, мама, ѣхать... Я не поѣду...

Она прижала сына къ себѣ и покрыла его поцѣлуями. Они скоро вернутся назадъ. Они поѣдутъ только посмотрѣть дачу, а Паша ѣдетъ съ ними, чтобъ мамѣ не было одной скучно.

— А мѣшокъ зачѣмъ?

— Какой мѣшокъ? Ахъ, да, мѣшокъ! говоритъ Валентина, бросая быстрый взглядъ на Пашу:—Мѣшокъ?.. Въ этомъ мѣшкѣ мамины вещи. Она боится оставлять ихъ дома, когда она на цѣлый день уѣзжаетъ. Глупый мальчикъ!.. О чемъ ты?.. Ну, полно же, полно... не плачь.

Она почти силой тащитъ мальчика въ карету, всѣ садятся, и карета катитъ по улицамъ. Мальчикъ нервно всхлипываетъ, и страхъ блеститъ въ его большихъ глубокихъ глазахъ.

— Мама! Куда-жь мы ѣдемъ?

— Дачу смотрѣть!

— Развѣ это острова?

— Острова, мой милый! Какъ онъ однако тихо ѣдетъ! нетерпѣливо замѣтила Валентина:—Паша! скажи ему, чтобы онъ ѣхалъ скорѣй!

Извозчикъ стегнулъ лошадей. Карета покатила шибче по выборгскому шоссе.

Digitized by Google

— Мама! Что же скоро мы пріѣдемъ? снова спросилъ мальчикъ.

— Скоро, скоро, дорогой мой!

— Послушай, мама... я...

Онъ не договорилъ и тихо зарыдалъ.

Напрасно Валентина осыпала поцѣлуями его мокрыя отъ слезъ щеки. Онъ отводилъ лицо отъ ея поцѣлуевъ и просилъ ѣхать назадъ, домой къ папѣ. Онъ его такъ любитъ. Онъ не можетъ сказать, какъ его любитъ... Больше всѣхъ на свѣтѣ любитъ! Онъ ни за что не будетъ жить безъ него...

— Ты, мама, его не любишь... я знаю... Я вижу! шепталъ онъ, прерывая слова свои глухими рыданіями.

О, Боже мой, какой несносный, глупый мальчикъ! Онъ можетъ доставить много хлопотъ! И откуда у него такая любовь къ этому пьяницѣ? Надо непремѣнно заставить его забыть объ отцѣ...

Валентина утѣшала мальчика. Но онъ какъ будто не вѣрилъ ея словамъ.

— Ты правду говоришь? Мы вернемся домой?

— Конечно вернемся!

— Сегодня?

— Сегодня...

— Честное слово? строго спросилъ мальчикъ, заглядывая въ глаза матери.

Она колебалась. Онъ зорко смотрѣлъ ей въ глаза.

— Что-жь ты молчишь?.. Дай честное слово?

— Честное слово!

Digitized by Google

— Такъ, я вѣрю тебѣ! Папа говорилъ, что честному слову нужно вѣрить!

Онъ вытеръ слезы и сталъ глядѣть на дорогу грустнымъ, задумчивымъ взглядомъ.

III.

Трамбецкій сегодня опоздалъ. Задержали въ конторѣ. Надо было составить очень сложный актъ, присланный отставнымъ полковникомъ къ нотаріусу, съ просьбой составить какъ можно скорѣй. Просьба полковника равнялась приказанію, и нотаріусъ спѣшилъ исполнить желаніе полковника и отпустилъ контору обѣдать въ шестомъ часу.

Трамбецкій шелъ домой спѣшной походкой. Онъ не обращалъ теперь на себя общаго вниманія своимъ костюмомъ и истертымъ цилиндромъ. Онъ завелъ себѣ новую пару платья, вообще подтянулся, пересталъ запивать и сталъ лечиться у одного знакомаго медика, кончавшаго курсъ. Молодой медикъ обѣщалъ, что Трамбецкій «еще протянетъ» если будетъ вести спокойную жизнь, и Александръ Александровичъ рѣшилъ непремѣнно «протянуть», пока сынъ его не станетъ на ноги. Заботы о любимомъ мальчикѣ заставили подтянуться этого слабохарактернаго человѣка, и онъ въ минуты искушенія, вспоминалъ, какъ нѣжно его «голубчикъ» однажды, во время болѣзни сказалъ ему: «папа брось пить!» Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ и чувствовалъ себя лучше. Хотя кашель и душилъ его особенно по но-

Digitized by Google

чамъ, хоть иногда, взглядывая на себя въ зеркало, онъ испуганно глядѣлъ на свои впалыя щеки, удивлялся странному блеску глазъ, но вѣра не покидала его. Онъ будетъ жить для мальчика. Онъ долженъ жить!...

Съ августа мѣсяца мальчикъ поступитъ въ гимназію. Онъ самъ готовилъ его, и мальчикъ учился превосходно. Онъ шелъ домой, мечтая о томъ, какъ они вдвоемъ съ сыномъ будутъ проводить вечера на дачѣ и, вспомнивъ, что мальчикъ охотникъ до рыбной ловли, зашелъ въ лавку и купилъ ему удочку.

Уже пробило шесть часовъ, когда онъ позвонилъ въ квартиру.

— Вернулись?

— Нѣтъ еще! отвѣчала кухарка.

— На столъ накрыли?

— Накрыла.

Ужасно хочется ѣсть, но онъ подождетъ. Онъ обѣщалъ подождать ихъ возвращенія.

Онъ прошелъ въ свою комнату и сталъ читать газету. Прочелъ газету, прочелъ статью журнала, взглянулъ на свою «луковку», какъ прозвалъ сынъ недавно купленные имъ часы,—уже семь часовъ, а ихъ нѣтъ...

«Запоздали, какъ!» проговорилъ Трамбецкій и спросилъ у кухарки: какъ одѣли Колю.

Кухарка сказала, что не знаетъ.

— Вѣрно Паша знаетъ! Позовите Пашу!

— Паши нѣтъ... Она уѣхала съ барыней.

— Уѣхала съ барыней... зачѣмъ?...

Digitized by Google

Кухарка не знаетъ. Почемъ ей знать, зачѣмъ уѣхала Паша. Пашу барыня очень любитъ. Паша зазналась и воображаетъ себя барыней. Паша дѣлаетъ, что хочетъ.

Трамбецкій слушалъ кухаркины жалобы, но едва ли слышалъ, что она говоритъ. Онъ разсѣянно взглядывалъ на кухарку и повторялъ:

— Зачѣмъ она поѣхала?...

Онъ прошелъ въ залу и сталъ ходить, прислушиваясь къ шуму на улицѣ... Вотъ ѣдетъ карета... Вѣрно они!... Нѣтъ, мимо!

Однако какъ поздно... Восемь часовъ!

Это они! проговорилъ онъ, услыхавъ, какъ карета остановилась у подъѣзда. Онъ отперъ двери и вышелъ на лѣстницу. Раздались шаги, и внизу хлопнула дверь...

Печальный вернулся онъ въ комнаты и присѣлъ къ окну. Ему почему-то припомнилось, какъ странно глядѣла Валентина, и какъ дрожалъ ея голосъ... Онъ гналъ отъ себя подозрѣнія, а онѣ какъ нарочно лѣзли, одно мрачнѣе другаго.

— Подавать обѣдать? Обѣдъ простынетъ...

— Обѣдать? Нѣтъ... Зачѣмъ обѣдать, разсѣянно отвѣчалъ онъ на слова кухарки. Сейчасъ они пріѣдутъ.

— Должны бы давно быть...

— Еще бы не должны! Колѣ вредно быть вечеромъ на воздухѣ...

На маленькихъ часахъ въ гостиной пробило девять ровныхъ ударовъ.

Трамбецкому сдѣлалось страшно.

Digitized by Google

«Она также и тогда сдѣлала! вспомнилъ вдругъ онъ: — Утромъ еще цѣловала меня, клялась въ любви, а вечеромъ уѣхала...»

«Нѣтъ, нѣтъ... что я?... Этого не можетъ быть.... Сына Колю она не посмѣетъ... не рѣшится... Она знаетъ, что тогда...»

Онъ судорожно схватился за кресло и оттолкнулъ его съ дороги. «Нѣтъ, она не рѣшится... Она...»

Онъ говорилъ громко и испугался самъ своего голоса,—такой онъ былъ глухой и сиплый.

И наконецъ если бы она рѣшилась, развѣ она оставила бы это все? какъ-то грустно подумалъ онъ, оглядываясь вокругъ. Онъ прошелъ въ будуаръ, тамъ все было въ порядкѣ.

«О Господи... Что-жь они не ѣдутъ!» съ какою-то тоской проговорилъ онъ, подходя къ письменному столику. Взоръ его упалъ на маленькій конвертъ. Онъ машинально протянулъ руку, прочелъ свою фамилію, написанную мелкимъ сжатымъ почеркомъ, и, какъ бы предчувствуя что-то ужасное, сталъ медленно распечатывать конвертъ.

А сердце быстро стучало. Онъ слышалъ, какъ оно судорожно бьется, и какъ холодъ проходитъ по спинѣ. Трамбецкій прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Чего же медлить? Читай! проговорилъ онъ и рѣшительно сталъ читать...

Листокъ тихо выпалъ изъ рукъ на коверъ.

— Подлая! прошепталъ онъ и тихо опустился, словно

Digitized by Google

подкошенный, на коверъ, прижимая безпомощно руку къ сердцу.

Наконецъ онъ поднялся и торопливо вышелъ изъ квартиры, повторяя глухимъ угрожающимъ голосомъ, что онъ розыщетъ Колю, своего ненагляднаго Колю, во что бы то ни стало.

Digitized by Google

ГЛАВА X.

Въ поискахъ.

I.

Одна мысль поглотила все существо несчастнаго человѣка — догнать жену и отнять сына. Она отдастъ ребенка, а не отдастъ?...

Онъ самъ испугался мысли, какъ молнія сверкнувшей въ головѣ... Нѣтъ! Она отдастъ, къ чему ей сынъ?.. Онъ будетъ просить ее, умолять. Вѣдь человѣкъ же она, а не звѣрь.

Точно сумасшедшій выбѣжалъ Трамбецкій изъ подъѣзда, вскочилъ на перваго извощика и крикнулъ отчаяннымъ голосомъ:

— Пошелъ!

Извозчикъ съ мѣста поднялъ лошадь вскачь и на поворотѣ обернулся и спросилъ:

— Куда прикажете?

Этотъ вопросъ отрезвилъ Трамбецкаго.

Куда ѣхать?

Digitized by Google

Строки письма неизгладимыми чертами врѣзались въ сердце. Отчетливо припоминалъ онъ содержаніе записки.

Вотъ что писала добрая малютка:

«Я уѣзжаю за границу, убѣдившись, что жить съ вами не могу. Не совѣтую преслѣдовать меня. Могущественные люди приняли подъ защиту несчастную женщину. Благодаря имъ, отнынѣ я свободна, и сынъ будетъ со мной. Прощаю зло, которое вы мнѣ причинили, сгубивъ мою молодость, и прошу васъ забыть меня совсѣмъ.»

«Посмотримъ, кто смѣетъ отнять у отца сына? Посмотримъ! шепталъ онъ, сжимая бѣшено кулаки и произнося угрозы:—Развѣ такъ можно?... О, я найду его!»

Но гдѣ искать?

Тоскливо замерло сердце Трамбецкаго. Безвыходность положенія представилась вдругъ ему съ поразительной ясностью.

У него нѣтъ денегъ, нѣтъ друзей, которые бы могли помочь ему. Какъ поѣдетъ онъ за границу съ двадцатью пятью рублями въ карманѣ?

Онъ достанетъ деньги. Онъ продастъ мебель. Наконецъ есть же законъ. Законъ защититъ его. Нельзя же оставить ребенка у этой развратной женщины?.. Онъ будетъ жаловаться...

Горько улыбнулся онъ, вспомнивъ, какъ напрасно искалъ онъ защиты въ тотъ разъ, когда жена бѣжала отъ него три года назадъ. Онъ просилъ, грозилъ судомъ. Въ отвѣтъ улыбки и пожиманіе плечъ.

Digitized by Google

Точно ли она уѣхала за границу? Не уловка ли это съ ея стороны, чтобы замести слѣдъ? О, на это она мастерица...

Куда же теперь ѣхать?

— Пошелъ назадъ! крикнулъ Трамбецкій. «Быть можетъ дворникъ что нибудь знаетъ!»

— Дворникъ, гдѣ дворникъ?

Явился дворникъ.

— Скажите пожалуйста... жена моя, Трамбецкая, не говорила вамъ, куда уѣхала?

Дворникъ изумленно взглянулъ на Трамбецкаго.

— Какъ же-съ, сказывали. За границу.

— Вы брали паспортъ?

— Нѣтъ.

— Послушайте... Вотъ возьмите на чай... Вы можетъ быть знаете... что нибудь насчетъ ея отъѣзда... Ради Бога скажите...

— Очень вамъ благодарны, только что намъ знать? Сегодня барыня отдали деньги за квартиру и сказали, что болѣе жить здѣсь не будутъ.

— А на счетъ вещей?

— Сказывали: баринъ распорядится!

Онъ ничего не знаетъ! Да и зачѣмъ ей разсказывать дворнику?

Трамбецкій приказалъ извозчику ѣхать въ участокъ.

Въ участкѣ никого не было. «Пожалуйте завтра!» сказалъ ему сторожъ. Однако онъ настоялъ и увидалъ помощника пристава. Трамбецкій назвалъ свою фами-

Digitized by Google

лію и спросилъ, брала ли жена свидѣтельство на выѣздъ за границу, но помощникъ пристава сухо отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ. Трамбецкому показалось даже, что онъ какъ-то насмѣшливо взглядывалъ на него.

— Вѣдь безъ согласія мужа она не могла уѣхать?

— Отчего жь... Если у вашей супруги есть отдѣльный видъ на жительство...

Онъ сообразилъ. Въ самомъ дѣлѣ къ чему его согласіе въ такомъ случаѣ?

Изъ участка Трамбецкій посказалъ въ канцелярію градоначальника.

Дежурный чиновникъ лѣниво выслушалъ прерывистую рѣчь Трамбецкаго и сказалъ:

— Потрудитесь обратиться къ градоначальнику!

— Можно сейчасъ его видѣть?

— Нѣтъ-съ, нельзя! строго замѣтилъ чиновникъ, оглядывая съ ногъ до головы нетерпѣливаго просителя.

— Но мнѣ нужно сегодня же узнать... Поймите мое положеніе... Вѣдь дѣло очень важное!

Чиновникъ пожалъ плечами и освѣдомился о фамиліи. Когда Трамбецкій назвалъ себя, чиновникъ,— такъ по крайней мѣрѣ показалось Трамбецкому,— странно усмѣхнулся и сказалъ:

— У градоначальника важнѣе дѣла, чѣмъ ваше дѣло. Онъ принимаетъ по утрамъ. Завтра можете подать прошеніе...

— Послушайте!.. началъ было Трамбецкій, но продолжать не могъ и безпомощно опустился на кресло.

Digitized by Google

Принесли воды, и его скоро привели въ чувство. Чиновникъ смягчился при видѣ этого отчаяннаго горя и замѣтилъ Трамбецкому:

— Вы говорите, что ваша жена съ сыномъ уѣхала за границу безъ вашего позволенія?

— Да... По крайней мѣрѣ она пишетъ...

— Но быть можетъ супруга ваша получила отдѣльный видъ?

— Что же изъ этого... А сынъ?

— Видъ могъ быть данъ и на сына.

— Это по какому праву?

Чиновникъ улыбнулся.

— Ваша супруга могла просить объ этомъ...

— Ну?

— Въ такомъ случаѣ она могла получить видъ и...

— И я не могу пользоваться правами отца? съ горькимъ смѣхомъ перебилъ Трамбецкій:—Ну, это мы еще посмотримъ!

Онъ вышелъ изъ канцеляріи блѣдный, едва держась на ногахъ.

Что дѣлать? куда теперь ѣхать? Вездѣ говорили ему «завтра», а гдѣ проведетъ онъ ночь съ своимъ тяжелымъ горемъ?

Ему нужно было съ кѣмъ нибудь подѣлиться, разсказать кому нибудь о своемъ несчастіи, услышать слово совѣта и утѣшенія.

И онъ вспомнилъ о молодомъ своемъ пріятелѣ Петрѣ Николаевичѣ Никольскомъ, съ которымъ онъ знакомъ

Digitized by Google

былъ давно и возобновилъ знакомство въ Петербургѣ. Это порядочный и честный человѣкъ. Онъ быть можетъ посовѣтуетъ, что ему дѣлать.

— На Петербургскую! какъ-то печально проговорилъ Трамбецкій, садясь въ дрожки.

— Дома?

— Дома! отвѣтила кухарка, вводя Трамбецкаго въ небольшую комнату, бѣдно убранную и заваленную книгами.

Плечистый, крѣпкаго сложенія, молодой человѣкъ съ вьющимися бѣлокурыми волосами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ быстрыми шагами. При входѣ Трамбецкаго онъ обернулся и изумленно взглянулъ на вошедшаго.

— Что съ вами, Александръ Александровичъ? что съ вами? проговорилъ онъ, пожимая ему руки:—На васъ лица нѣтъ. Что случилось? спрашивалъ онъ, вглядывая въ блѣдное лицо и въ сверкающіе лихорадочнымъ блескомъ глаза Трамбецкаго.

Трамбецкій опустился на стулъ и разсказалъ свою печальную исторію.

Никольскій выслушалъ разсказъ Трамбецкаго и, когда тотъ кончилъ, замѣтилъ:

— Не падайте духомъ... Быть можетъ я могу быть вамъ полезнымъ.

Трамбецкій оживился.

— Вы что нибудь знаете... слышали?...

— О вашей женѣ говорятъ слишкомъ много, такъ

Digitized by Google

что слышать о ней не мудрено... Не разспрашивайте пока. Быть можетъ мы скорѣе, чѣмъ вы думаете, найдемъ вашего Колю. Едва ли ваша жена уѣхала за границу.

— Я такъ и думалъ. Это она написала, чтобы сбить меня съ толку... Я такъ и думалъ!.. повторялъ Трамбецкій:—Но гдѣ же она?

— Подождите. Я самъ не знаю, но только догадываюсь. Обѣщаю вамъ узнать, но вы обѣщайте съ своей стороны не горячиться. Вамъ и вредно, и вы только испортите дѣло... И то напрасно, что вы въ полиціи справлялись.

— Почему?

— Младенецъ! Точно не понимаете, что тамъ вамъ ничего не скажутъ. Сами же вы говорите, что жена нашла покровителей, а если у покровителей есть деньги...

— Такъ значитъ дѣло потеряно?.. Она можетъ скрыться, и я никогда не узнаю, гдѣ сынъ... Нѣтъ, это невозможно... Тогда я...

— Опять? улыбнулся Петръ Николаевичъ:—Выпейте-ка лучше стаканъ воды, да успокойтесь.

Никольскій говорилъ такимъ увѣреннымъ тономъ, что сердце измученнаго человѣка снова оживилось надеждой. Петръ Николаевичъ обѣщалъ принять участіе въ его дѣлѣ, а если онъ обѣщалъ, то на слово его можно было положиться. Трамбецкій зналъ, что Никольскій держалъ свое слово.

Digitized by Google

— Если бы противъ моего ожиданія ваша жена уѣхала за границу, вы поѣдете за границу.

— Но деньги?

— Я достану денегъ.

— Вы... вы? усомнился Трамбецкій, зная Никольскаго за бездомнаго бѣднягу, вѣчно скитающагося и перебивающагося кое-какъ уроками и жившаго очень бѣдно.

Никольскій улыбнулся.

— Есть люди,—дадутъ! Не все же на свѣтѣ одни негодяи! какъ-то серьезно проговорилъ Петръ Николаевичъ: — Но только помните, Александръ Александровичъ, условіе. До времени сами ничего не предпринимайте. Съ вашимъ темпераментомъ долго ли до бѣды... Изъ-за пустяка погибнуть можете, а вѣдь изъ-за пустяковъ гибнуть глупо, а? Встрѣтьте вы Валентину Николаевну сегодня вечеромъ,—вѣдь вы, чего добраго, задушили бы ее...

Трамбецкій вздрогнулъ.

— Глаза выдаютъ васъ... Найдетъ такой моментъ,— и пропалъ человѣкъ. А сынишко на кого бы остался? За вами въ Восточную Сибирь, что ли?

Трамбецкій обѣщалъ быть послушнымъ. Онъ готовъ терпѣть, только бы найти сына.

— Но если она не захочетъ отдать?...

— Попробуемъ.

— А если попытки ни къ чему не приведутъ?..... Она заручилась покровительствомъ. Вы знаете мою ре-

Digitized by Google

путацію: пьяница и... безпокойный человѣкъ! какъ-то горько усмѣхнулся Трамбецкій: —Я безпокойный человѣкъ!? Тогда она все врала, говорила, что была у Кривскаго, чтобы хлопотать о мѣстѣ, но конечно хлопотала не о томъ.

— У Кривскаго? Она была у Кривскаго?

— Какъ же, и хвастала, что старикъ обласкалъ ее.

— Тѣмъ лучше!

— Какъ тѣмъ лучше?

— У Кривскаго служитъ мой братъ... родной братецъ, Евгеній Николаевичъ... Онъ у него нѣчто въ родѣ сѣрой эминенціи...

— Вашъ братъ? Вы никогда о немъ не говорили.

— Мало ли о чемъ я не говорилъ...

— Постойте... постойте. Я кажется зналъ вашего брата.

— Немудрено. Онъ служилъ въ В., когда вы тамъ были мировымъ судьей...

— Такъ, такъ... Я помню еще одинъ случай... О, вашъ братъ тогда...

— Не продолжайте! Не къ чему! Я лучше васъ знаю цѣну своему брату! серьезно проговорилъ Петръ Николаевичъ: —Онъ сталъ теперь героемъ нашего времени, а когда-то... когда-то... мы были очень дружны...

Онъ замолчалъ.

Открытое энергичное лицо молодаго человѣка стало печально. Видно было, что воспоминаніе о братѣ было очень тяжело для него.

Digitized by Google

— Оставимъ вопросъ о братѣ, продолжалъ онъ: — Если ваша жена была у Кривскаго, то я кое-что узнаю. Во всякомъ случаѣ потерпите, а пока диванъ мой къ вашимъ услугамъ!

Трамбецкій сталъ горячо благодарить Петра Николаевича, а тотъ съ какой-то странной рѣзкостью проговорилъ:

— Вотъ и видно человѣка шестидесятыхъ годовъ. Сейчасъ и раскисли... Рано еще, батенька, раскисать... Еще подождите... Ну, ну... не смущайтесь моими словами... Не умѣю я быть этакимъ, какъ бы вамъ сказать... кислосладкимъ. Ложитесь-ка спать, а у меня есть дѣло.

Трамбецкій всю ночь почти не смыкалъ глазъ, а если и засыпалъ, то не на долго. Открывая глаза, онъ видѣлъ передъ собой слегка согнувшуюся фигуру молодаго человѣка и слышалъ легкій скрипъ пера по бумагѣ.

«Странный человѣкъ!» подумалъ Трамбецкій и вспомнилъ различные эпизоды изъ знакомства съ этимъ человѣкомъ, вспомнилъ его доброту, готовность отдать послѣднее другому, вспомнилъ его жизнь въ деревнѣ и исчезновеніе оттуда, потомъ случайную встрѣчу на сѣверѣ, гдѣ Никольскій былъ учителемъ, наконецъ встрѣчу въ Петербургѣ на улицѣ.

Никольскій не имѣлъ никакого опредѣленнаго положенія, а былъ одинъ изъ тѣхъ шатуновъ россійской земли, которыхъ много развелось особенно въ послѣднее время. Онъ не думалъ, казалось, о завтрашнемъ днѣ, а

Digitized by Google

какъ птица небесная сегодня былъ здѣсь, завтра тамъ; нерѣдко голодалъ, часто ходилъ чортъ знаетъ въ какомъ платьѣ, но ни разу не проронилъ ни слова жалобы о самомъ себѣ. Казалось онъ о себѣ и не думалъ и—вспоминалъ Трамбецкій — онъ только и дѣлалъ, что устраивалъ другихъ, забывая о себѣ...

Когда-то онъ готовился къ ученой карьерѣ, но ученая карьера улыбнулась почему-то, и Никольскій остался безъ всякой карьеры. Разъ встрѣтился Трамбецкій съ Никольскимъ когда онъ былъ управляющимъ фабрикой, а черезъ годъ совсѣмъ въ другой губерніи Никольскій уже занимался съ птенцами какого-то барина, и на вопросъ Трамбецкаго: «Что подѣлываетъ фабрика?» отвѣчалъ, что оставилъ ее, но почему — не объяснилъ.

Черезъ этого же Никольскаго Трамбецкій и мѣсто получилъ у нотаріуса. Онъ отлично устраивалъ другихъ, и казалось, имѣлъ большія знакомства.

«Чего это онъ не спитъ?» думалъ Трамбецкій, поглядывая на широкую спину и на затылокъ большой головы своего пріятеля.

Онъ кашлянулъ.

— Не спится? промолвилъ Никольскій.

— А вамъ?

— Письма пишу. Скоро кончу и засну какъ богатырь!.. проговорилъ Петръ Николаевичъ и сталъ писать брату Евгенію Николаевичу слѣдующее письмо:

Digitized by Google

«Милостивый Государь

«Евгеній Николаевичъ!

«Меня крайне интересуетъ, по обстоятельствамъ едва ли для васъ важнымъ, знать: обращалась ли жена статскаго совѣтника Трамбецкаго, Валентина Николаевна, къ господину Кривскому съ просьбой объ избавленіи ея отъ безпокойнаго ея супруга. Если обращалась, то будьте добры не откажите сообщить о результатахъ, а равно и не извѣстно ли вамъ пребываніе означенной дамы.

«Было бы очень пріятно получить отвѣтъ. Можно прислать его съ посыльнымъ, а если не найдете удобнымъ, то я лично зайду за отвѣтомъ.

П. Н.»

Никольскій перечелъ письмо, запечаталъ его, спряталъ и легъ спать. Скоро онъ спалъ какъ убитый.

Прошло нѣсколько дней, а Петръ Николаевичъ не приносилъ Трамбецкому никакихъ утѣшительныхъ извѣстій. Наконецъ на пятый день Трамбецкій (онъ жилъ пока въ комнатѣ Никольскаго) получилъ отъ Никольскаго записочку слѣдующаго содержанія:

«Не тревожьтесь. Уѣзжаю дня на два. Наши дѣла подвигаются. Надѣюсь, что скоро мы розыщемъ вашего сына».

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

Домашняя сдѣлка.

I.

Супруга его превосходительства Анна Петровна Кривская пользовалась въ обществѣ репутаціей женщины строгихъ добродѣтелей и большаго ума. Въ скандальной хроникѣ свѣта имя ея никогда не фигурировало, и она считалась образцомъ жены, матери и хозяйки. Дамы находили, что Анна Петровна, холодная женщина, всегда жила больше разсудкомъ чѣмъ сердцемъ, и въ доказательство припоминали, что она вышла за Кривскаго безъ всякаго увлеченія, а по разчету. Мужчины къ этимъ отзывамъ прибавляли, что Анна Петровна «ловкая баба», которая за спиной мужа отлично эксплуатируетъ положеніе его превосходительства, какъ вліятельнаго человѣка.

Разсказывали и даже указывали примѣры, что Анна Петровна нерѣдко устраивала мѣста, и притомъ небезкорыстно, что къ ней ѣздили на поклонъ дѣльцы, не

Digitized by Google

рѣшавшіеся переступить порога кабинета его превосходительства и что Евгеній Николаевичъ Никольскій, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ его превосходительства, былъ помощникомъ ея во всѣхъ щекотливыхъ дѣлахъ.

Изучивъ характеръ Сергѣя Александровича, Анна Петровна съ необыкновенной ловкостью пользовалась своимъ вліяніемъ на него, никогда разумѣется не показывая этого вліянія. Его превосходительство былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы снести чье нибудь видимое вліяніе. А между тѣмъ она нерѣдко заставляла мужа поступать согласно ея видамъ, особенно если виды эти клонились къ пользѣ дома. Стремясь «поддержать» домъ и зная, что одного жалованья не достаточно для покрытія большихъ расходовъ, необходимыхъ для приличной жизни, Анна Петровна несла на себѣ тяжелое бремя хозяйства и умѣла держать домъ на широкой ногѣ, изыскивая дополнительные источники къ содержанію и различнымъ пособіямъ, которыя испрашивалъ время отъ времени его превосходительство.

На рукахъ была большая семья: три сына и двѣ дочери, и Анна Петровна считала священной своей задачей устроить всѣхъ своихъ дѣтей какъ можно лучше. На это устройство она положила всю свою душу, и Сергѣй Александровичъ имѣлъ въ женѣ неутомимаго помощника и охранителя его интересовъ. Никто лучше Анны Петровны не умѣлъ во-время узнать, съ какой стороны грозила бѣда его превосходительству. Имѣя

Digitized by Google

обширныя знакомства и друзей во всѣхъ сферахъ, Анна Петровна во-время узнавала о той или другой интригѣ противъ мужа, узнавала, когда о немъ говорили благосклонно или напротивъ упоминали о немъ безъ благосклонности. Она все вывѣдывала и являлась къ мужу съ предостереженіемъ противъ тѣхъ или другихъ враговъ.

Всегда на стражѣ интересовъ мужа и семьи, всегда дѣятельная, интригующая сама или раскрывающая интриги другихъ, Анна Петровна дожила до пятидесяти лѣтъ, ни разу не испытавъ настоящаго глубокаго чувства къ мужчинѣ и никогда не останавливаясь на мысли, счастлива ли она или нѣтъ. Выйдя замужъ по разсчету и найдя, что Сергѣй Александровичъ порядочный человѣкъ, она сдѣлалась превосходной женой, какъ разъ такой, какая нужна была его превосходительству. Всегда ровная, мягкая, благовоспитанная, не любившая сценъ, она не заявляла притязаній на страстную любовь и сама не грѣшила излишкомъ страсти. Этотъ бракъ былъ однимъ изъ тѣхъ спокойныхъ браковъ, въ которыхъ жена, оставаясь вѣрной женой, ни разу не бываетъ любовницей мужа.

Жажда дѣятельности дала исходъ этой натурѣ, и ни одно облачко не омрачило спокойствія ея сердца. Она исполняла долгъ и гордилась этимъ, — гордилась сперва какъ добродѣтельная жена, а потомъ какъ добродѣтельная мать.

Случалось, правда, въ молодости находили минуты, когда молодая женщина вдругъ чувствовала тоску и

Digitized by Google

неудовлетворенность; отношенія мужа, всегда ровныя, мягкія и безъ вспышекъ страсти, казались ей тяжелыми. Молодая женщина испытывала отвращеніе къ отправленіямъ своихъ обязанностей жены... Ей хотѣлось увлеченія, страсти. Въ это время молодая красавица задумывалась, грудь ея дышала тревожнѣе, и тоска, безпредметная тоска, подбиралась какъ тать къ трепетавшему сердцу. Но эти порывы были мимолетны. Анна Петровна умѣла съ ними справиться безъ жалобъ, безъ слезъ, безъ сценъ. Взять любовника—это было бы черезчуръ глупо, по ея мнѣнію, — игра не стоила свѣчъ... Разъ вышла замужъ, она съумѣетъ остаться вѣрной женой. И она давила эти зарождавшіяся сѣмена страсти, темпераментъ ея искалъ исхода къ дѣятельности интригъ, представлявшей для дѣятельной натуры богатую пищу, а Сергѣй Александровичъ и не догадывался, что происходитъ съ женой. Она по прежнему была съ нимъ ровна, ласкова и умѣла нравиться ему, какъ красивая женщина и какъ разсудительный другъ.

Стали подростать дѣти Сергѣй Александровичъ шелъ быстрыми шагами къ блестящей карьерѣ, и Аннѣ Петровнѣ стало еще больше заботъ, такъ что ей некогда было и думать о «забавахъ любви», какъ она презрительно называла увлеченія менѣе строгихъ женщинъ, чѣмъ была она сама.

Впрочемъ въ молодости Анна Петровна нарушила обѣтъ вѣрности одинъ только разъ, но это сдѣлано

Digitized by Google

было давно и сдѣлано было опять-таки не по страсти, а скорѣе по обязанности, изъ чувства заботы о мужѣ и семьѣ.

Тогда Сергѣй Александровичъ только-что оперился, и на молодую жену случайно обратила вниманіе особа, отъ которой зависѣло слишкомъ многое, чтобы Анна Петровна не поспѣшила на вниманіе отвѣтить вниманіемъ.

Какіе нибудь четверть часа свиданія, мимолетный капризъ особы, — и Сергѣй Александровичъ быстро выдвинулся, получивъ званіе камеръ-юнкера. Онъ никогда не догадывался, кто былъ главнымъ виновникомъ этого отличія, и когда молодая жена поздравляла его и крѣпко жала ему руку, ни одна черточка лица ея не дрогнула, и полное спокойствіе царило на ея красивомъ лицѣ.

Къ «забавамъ любви» самого его превосходительства Анна Петровна относилась съ снисходительнымъ презрѣніемъ умной женщины и заботилась только о томъ, чтобы эти забавы не стоили очень дорого.

Ея пора, когда Сергѣй Александровичъ послѣ ужина любовался стройнымъ станомъ и свѣжестью лица своей жены, миновала. Взглядывая въ зеркало, Анна Петровна стала замѣчать, какъ пропадала нѣжность кожи, какъ сѣдые волосы пробивались въ блестящихъ черныхъ волосахъ, и какъ нѣкогда стройная пышная фигура ея стала расплываться... Несмотря на самыя тщательныя заботы о сохраненіи красоты, красота пропадала, и Анна Пе-

Digitized by Google

тровна не безъ горечи оскорбленнаго самолюбія должна была свыкнуться съ мыслью о вдовьемъ положеніи.

Она знала всѣхъ «прелестницъ», смущавшихъ его превосходительство, и когда одна «прелестница», какая-то ловкая женщина, жена одного изъ чиновниковъ, заставляла слишкомъ много тратить старика на забавы любви, то ея превосходительство съумѣла довольно ловко дать мужу прелестницы назначеніе въ дальнюю губернію и поспѣшила утѣшить его превосходительство новой «забавой»—миловидной горничной, которую Анна Петровна стала чаще посылать въ кабинетъ его превосходительства съ порученіями...

Анна Петровна весело смѣялась, когда черезъ нѣсколько времени горничная ушла и сдѣлалась любовницей его превосходительства. По крайней мѣрѣ это была дешевая забава.

А сама Анна Петровна, достигнувъ той поры въ лѣтахъ женщины, когда осень готова смѣниться зимой, съ изумленіемъ замѣчала, что стала особенно заботиться о туалетѣ, сердилась на сѣдые волосы, по временамъ чувствовала хандру и какъ-то оживлялась, когда среди дѣловыхъ бесѣдъ съ Евгеніемъ Николаевичемъ она замѣчала пристально устремленный взглядъ молодаго человѣка, тотчасъ же робко опускавшійся при взглядѣ Анны Петровны.

Она гнала отъ себя прочь глупыя мысли, невольно закрадывавшіяся въ ея голову, но красивый и робкій молодой человѣкъ такъ почтительно нѣжно взглядывалъ

Digitized by Google

на нее, такъ нечаянно говорилъ ей комплименты, что Анна Петровна не могла даже сердиться. Сперва она боялась вѣрить, потомъ ей стало жаль бѣднаго молодаго человѣка, и наконецъ поздняя страсть вспыхнула въ пятидесятилѣтней женщинѣ. Она не устояла противъ искушенія, противъ любовника скромнаго, почтительнаго, такого, который не могъ компрометировать ея репутаціи. Онъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, и ни одна душа не догадывалась объ ихъ отношеніяхъ. Она была слишкомъ осторожна, чтобы рисковать даже и подъ обаяніемъ поздней любви.

Евгеній Николаевичъ дѣлалъ карьеру, а Анна Петровна наслаждалась бабьимъ лѣтомъ любви и молодилась, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

Трудно быть матерью многочисленнаго семейства. Аннѣ Петровнѣ предстояло еще много заботъ и тревогъ. Нужно было выдать дочерей, надо было пристроить Шурку. Веніаминъ семейства, самый безпутный и любимый, смущалъ ее и составлялъ предметъ самыхъ нѣжныхъ заботъ. Старшіе сыновья шли своей дорогой и были дѣльными людьми, а Шурка... она такъ часто платитъ за него долги, онъ такъ легкомысленно дѣлаетъ новые и такъ легко оправдывается, что Анна Петровна рѣшительно не можетъ сердиться. Женить его еще рано, да и какой онъ будетъ мужъ? Двѣ дочери на рукахъ. Надо ихъ вывозить, необходимо приданое, безъ приданаго нынче почти не женятся. Много заботъ у Анны Петровны.

Digitized by Google

И она вся отдавалась этимъ заботамъ. Она узнавала о женихахъ, узнавала о невѣстахъ для Бориса, имѣла самыя точныя свѣдѣнія о чужихъ состояніяхъ, не забывала при случаѣ о дополнительныхъ источникахъ и со страхомъ думала, что мужъ становится старъ и что на смѣну ему быть можетъ готовится новый человѣкъ. И она еще дѣятельнѣе узнавала объ интригахъ и чаще ѣздила къ вліятельнымъ дамамъ узнавать, чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ.

Но въ воздухѣ еще пахло «хорошо». Его превосходительство пользовался благосклонностью высшаго начальства, и Анна Петровна возвращалась съ развѣдокъ довольная, веселая и осторожно совѣтовала Сергѣю Александровичу не забыть съѣздить съ визитомъ къ «маленькой графинѣ Z.», которая такъ часто спрашиваетъ о здоровьѣ Сергѣя Александровича.

Старикъ морщился, но ѣхалъ. Ѣхалъ и любезничалъ съ «маленькой графиней», памятуя французскую поговорку о Богѣ и женщинѣ.

Въ поискахъ за невѣстами Анна Петровна годъ тому назадъ обратила вниманіе на Евдокію Леонтьеву. Чтобы тамъ ни говорили, но у нея милліонъ приданаго. Анна Петровна просила Никольскаго узнать, наличными ли деньгами, и Никольскій привезъ извѣстіе, что наличными. Анна Петровна расправила крылья, какъ коршунъ, передъ тѣмъ чтобы взлетѣть, и занялась мыслью женить Бориса на Леонтьевой. Она охотнѣй сосватала бы такую невѣсту для Шурки, но Шурка не

Digitized by Google

былъ такой заманчивой наживой, которую бы клюнулъ Леонтьевъ. Она знала этого мужика и понимала, что для «мужика» Шурка «очень жидокъ». А Борисъ какъ разъ соединялъ въ себѣ все, что нужно для приманки. Сынъ вліятельнаго человѣка, молодой генералъ на виду, самъ будущій вліятельный человѣкъ, солидный молодой человѣкъ, имѣющій вѣсъ и репутацію. Такой зять льстилъ тщеславію сумасшедшаго мужика и давалъ надежды на то, что въ будущемъ зять будетъ полезенъ. Дѣло представлялось выгоднымъ, и Анна Петровна съ энергіей принялась за него. Она лѣтомъ познакомилась съ семействомъ Леонтьева (они были сосѣдями въ деревнѣ), выписала Бориса, познакомила его и, вернувшись въ Петербургъ, совѣтовала ему бывать у Леонтьевыхъ.

Борисъ понялъ, о чемъ хлопочетъ мать, и мысль ея, сначала показавшаяся ему черезчуръ оригинальной, мало по малу понравилась ему. Милліонъ приданаго! Изъ-за этого можно было жениться на скромной, нѣсколько странной, не особенно красивой Евдокіѣ Леонтьевой. Борисъ сталъ бывать раза два въ недѣлю у Леонтьева, обѣдалъ у него, а послѣ обѣда подходилъ къ молодой дѣвушкѣ, просилъ ее сыграть или спѣть и слегка за ней ухаживалъ. Онъ не торопился съ этимъ дѣломъ и на совѣты матери поспѣшить, отвѣчалъ что еще успѣетъ. Но мать зорко слѣдила и, провѣдавъ, что графъ Ланскронъ собирается сдѣлать предложеніе, поспѣшила на помощь къ сыну и по обыкновенію первая преду-

Digitized by Google

предила его объ опасности, что кусокъ можетъ быть вырванъ изъ-подъ носа. Она тотчасъ же поговорила съ Леонтьевымъ и нашла, что онъ былъ бы очень радъ пристроить свою «дѣвку». Оставалось приготовить къ этому шагу мужа, и она сдѣлала это по обыкновенію съ успѣхомъ. Осталось заключить договоръ съ сыномъ. Не для одного же Бориса она хлопотала!

II.

Вечеромъ, въ тотъ самый день, когда его превосходительство имѣлъ объясненіе съ Борисомъ по поводу предполагаемаго брака, Анна Петровна поднялась къ сыну и спросила:

— Ну, что, отецъ согласенъ?

— Онъ умываетъ руки! отвѣчалъ Борисъ.

— Значитъ согласенъ!

— Старикъ не можетъ свыкнуться съ мыслью, что Леонтьевъ—бывшій цѣловальникъ! улыбнулся Борись:— Старикъ совсѣмъ выбивается изъ колеи, maman.... Онъ забываетъ, что мы нищіе и что имя Кривскихъ учесть гораздо труднѣе, чѣмъ имя Леонтьева.

— Отецъ можетъ утѣшиться. Ты женишься на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Я сама хлопотала объ этомъ.

— Знаю, maman. Представленіе у насъ, но я его задержалъ...

Анна Петровна улыбнулась.

Digitized by Google

— Ты вѣрно хочешь порадовать мужика въ день помолвки?

— Вы угадали, maman, а до тѣхъ поръ пусть надѣется.

— Время, Борисъ, дѣлать предложеніе. На дняхъ мы ѣдемъ въ деревню, Леонтьевы—тоже, и можно въ деревнѣ же безъ шума обвѣнчаться и уѣхать заграницу.

Борисъ молча согласился.

— Насчетъ согласія Евдокіи сомнѣваться нечего. Ты конечно нравишься ей?

Борисъ улыбнулся и сообразилъ: «Нравится ли онъ ей».

— Не знаю... кажется... Она такая странная, эта дѣвушка. Больше молчитъ и смотритъ такъ пристально... Я даже не знаю, умна она или нѣтъ...

— Скорѣй—нѣтъ, хотя и держитъ себя съ тактомъ... У нея только странныя выходки... какія-то пассіи... Говорятъ, она теперь химіей занимается?...

— Д-да!... усмѣхнулся Борисъ. Отъ нея по временамъ отзывается книгой... Молчитъ, молчитъ и вдругъ заговоритъ изъ книги, а сама вспыхнетъ...

— Все это пройдетъ. Ты изъ нея сдѣлаешь порядочную женщину... Она еще такъ молода.

Затѣмъ Анна Петровна перешла къ дѣловой сторонѣ вопроса. Обѣ стороны подтянулись, передъ тѣмъ какъ приступить къ щекотливой бесѣдѣ. Мать знала, что Борисъ честолюбивъ и скупъ и не любитъ бросать деньги безъ надобности. Сынъ зналъ, что мать устрои-

Digitized by Google

вала этотъ бракъ и что потребуется за это доля для семейства. Онъ охотно готовъ дать, но боялся, что съ него запросятъ очень много. Надо будетъ поторговаться. Родственныя чувства чувствами,—а дѣло—дѣломъ. Милліонъ слишкомъ соблазнителенъ, но отъ него можетъ остаться немного, если станутъ его слишкомъ тормошить, и наконецъ какое имѣетъ онъ право распоряжаться чужими деньгами?

Между матерью и сыномъ завязался обстоятельный дѣловой разговоръ. Стали самымъ деликатнымъ образомъ дѣлить шкуру еще не убитаго звѣря.

Анна Петровна выразила увѣренность, что Леонтьевъ отдастъ деньги на руки Борису.

Борисъ усомнился.

— Было бы слишкомъ неделикатно съ моей стороны, maman, намекнуть объ этомъ.

— Но, надѣюсь, половину?...

— Я предпочелъ бы, чтобы все состояніе было на имя жены... По крайней мѣрѣ говорить не будутъ.

Анна Петровна едва замѣтно улыбнулась. Борисъ замѣтилъ эту улыбку и поспѣшилъ увѣрить, что онъ не хотѣлъ бы въ этомъ дѣлѣ насиловать добрую волю Леонтьева.

Евдокія такъ молода, что едва ли можно дать ей въ руки такое состояніе. Лучше, если Борисъ выговоритъ половину на руки.

Затѣмъ она надѣется, что Борисъ не забудетъ сестеръ и Шурку. Дмитрію не надо. Онъ живетъ тамъ

Digitized by Google

въ Китаѣ и доволенъ судьбой, но сестрамъ необходимо приданое. У отца кромѣ долговъ ничего нѣтъ, а Шуркѣ нужно стать на ноги. Борисъ, какъ добрый братъ, разумѣется подѣлится.

Онъ конечно очень радъ, но «согласитесь, maman, что распоряжаться чужими деньгами»...

— Да ты, Борисъ, не дипломатничай пожалуйста съ матерью! строго перебила Анна Петровна:—Я не прошу у васъ половины состоянія. Я могу надѣяться; что ты понимаешь, кому обязанъ невѣстой и кто устроилъ тебѣ это... это счастіе.

Борисъ почтительно поцѣловалъ руку матери и удивился, что maman можетъ думать, чтобы онъ на минуту забылъ, чѣмъ онъ ей обязанъ. И развѣ онъ отказывается? онъ готовъ всегда помогать семейству.

— То-то же, мой милый! Если ты удѣлишь сто тысячъ изъ милліона, то это тебя, надѣюсь, не разорить.

Она хотѣла спросить больше, но ее смущало, что онъ можетъ отказать, сославшись на то, что состояніе не его. Впрочемъ и сто тысячъ не худо. Пятьдесятъ она припрячетъ для Шурки, а по двадцати пяти тысячъ для дочерей. Вѣроятно при выходѣ ихъ замужъ, отецъ выхлопочетъ пособіе на приданое, и такимъ образомъ у нихъ что нибудь да будетъ.

— О, maman... Я готовъ полтораста тысячъ отдать въ ваше распоряженіе! отвѣчалъ великодушно Борисъ, довольный, что мать запросила немного.

Digitized by Google

Подѣливъ шкуру, мать ушла отъ Бориса, посовѣтовавъ ему скорѣй дѣлать предложеніе.

Когда черезъ нѣсколько дней Борисъ Сергѣевичъ пріѣхалъ на дачу къ Леонтьеву и засталъ его одного въ кабинетѣ, то поспѣшилъ объяснить ему, что проситъ руки его дочери.

Въ глазахъ у Саввы Лукича блеснуло удовольствіе. Жинихъ былъ подходящій и, по слухамъ, обстоятельный и порядочный человѣкъ. Онъ крѣпко пожалъ руку Кривскаго и промолвилъ:

— Спасибо тебѣ за честь. Радъ такому зятюшкѣ, очень радъ.

И потомъ, какъ-бы спохватившись, прибавилъ, заглядывая въ глаза Кривскому:

— Дѣвка моя доброе, кроткое дитятко... Станешь ли ты любить ее? Хорошій ли ты человѣкъ?..

Необыкновенно кроткимъ выраженіемъ освѣтилось лицо Леонтьева, когда онъ говорилъ о дочери. Въ голосѣ дрожала умиленная нотка.

— Она у меня, Борисъ Сергѣичъ, окромя сынишки, одна, такъ ужь ты не сердись, что я такъ допрашиваю... Плоть-то родимая...

Борису стало какъ-то неловко подъ этимъ мягкимъ, умоляющимъ взглядомъ отца. Ему вдругъ захотѣлось взять назадъ свое предложеніе. Развѣ онъ любитъ эту дѣвушку?

Но этотъ порывъ былъ мгновеннымъ порывомъ. Борисъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что Евдокія Савишна давно

Digitized by Google

ему нравится и что онъ постарается сдѣлать ея счастіе. Въ мужикѣ тоже боролись два чувства: любовь къ дочери и желаніе сдѣлать ей блестящую партію. Онъ чутко слушалъ Бориса Сергѣевича, и его ухо кольнула какая-то фальшивая нотка въ отвѣтѣ Крѝвскаго.

— Ой ли? Любишь ли? продолжалъ онъ:—Да и нельзя ея не любить! У насъ всѣ Дуню любятъ. Она безсребренница какая-то... Чудная дѣвушка, но только сердце... сердце... золотое сердце... Ну, спасибо за честь,—я всей душой, только поговори съ дѣвкой-то. Неволить не стану... Очень буду радъ, коли и ты любъ ей... Вотъ она и легка на поминѣ... въ саду, голубушка, гуляетъ... Ну иди, иди къ ней...

Борисъ Сергѣевичъ взволнованный спустился въ большой садъ и тихо пошелъ въ глубь аллеи, гдѣ подъ лучами солнца мелькнула стройная фигура молодой дѣвушки.

Digitized by Google

ГЛАВА XII.

Богатая невѣста.

I.

Въ раздумьѣ, опустивъ на грудь голову, медленно подвигалась молодая дѣвушка въ глубь дальней аллеи.

Борисъ Сергѣевичъ прибавилъ шагу, нагналъ ее и тихо окликнулъ.

Она не поднимала головы и медленно подвигалась впередъ.

— Евдокія Савишна! повторилъ онъ громче.

При звукѣ голоса, раздавшагося почти надъ ухомъ, молодая дѣвушка нервно вздрогнула и обернулась.

Передъ Борисомъ Сергѣевичемъ стояла скромная, совсѣмъ молоденькая, простенькая дѣвушка съ свѣтло-русыми волосами, обрамлявшими овалъ нѣжнаго личика, сквозь прозрачную кожу котораго просвѣчивали голубыя жилки.

Что-то кроткое, задумчивое и серьезное было въ выраженіи лица молодой дѣвушки. Но еще болѣе по-

Digitized by Google

ражали ея глаза: сѣрые, большіе, бархатные, они глядѣли изъ-подъ длинныхъ, вздрагивавшихъ рѣсницъ съ какою-то восторженною задумчивостью. Взглядъ ихъ точно убѣгалъ внутрь. Недвижно остановился онъ на Борисѣ Сергѣевичѣ, но казалось не видалъ его.

На богатой невѣстѣ было простое ситцевое платье, плотно охватывавшее молодыя, не вполнѣ еще развившіяся формы. Украшеній не было никакихъ — ни колецъ, ни серегъ; только вѣтка сирени украшала ея прекрасные свѣтлые волосы.

Назвать ее красивой было нельзя, но что-то необыкновенно симпатичное было въ этой дѣвушкѣ.

Прошло мгновеніе.

— Извините Бога ради. Вѣдь я не узнала васъ! проговорила она, вспыхнула, какъ-то неловко протянула руку и крѣпко пожала руку Бориса Сергѣевича.

— Вы такъ задумались, что и не слыхали, какъ я подошелъ и здоровался съ вами.

— Да... Я разсѣянная... На меня иногда находитъ...

Она замолчала.

Борисъ Сергѣевичъ испытывалъ необычайное волненіе. Привыкнувъ къ свѣту, онъ ли не умѣлъ всегда завязать разговоръ, и вдругъ теперь Кривскій не знаетъ, о чемъ заговорить съ этой скромной дѣвушкой и какъ приступить къ объясненію. Онъ искоса посматривалъ на нее и не находилъ словъ.

— Вы скоро въ деревню?..

Digitized by Google

«Фу, какъ пошло!» пронеслось у него въ головѣ.

— Да, на будущей недѣлѣ, по крайней мѣрѣ папенька такъ говоритъ.

Къ чему она говоритъ: «Папенька?» Надо ее отучить отъ этого. «Папенька» рѣзало ухо Бориса Сергѣевича.

— Въ деревнѣ теперь хорошо!

— Еще бы... тамъ прелестно... я бы кажется никогда не разсталась съ деревней.

— И не хотѣли бы жить въ городѣ?

— Нѣтъ...

— Отчего?..

— Я не люблю города. Шумно очень, и люди здѣсь какіе-то...

Она не докончила и задумчиво провела рукой по лицу.

— Какіе? улыбнулся Борисъ Сергѣевичъ.

Евдокія подняла на него свои глаза и взглянула на него какъ-то серьезно.

— Развѣ вы не знаете?

— Не знаю...

— Вы шутите!.. тихо проговорила она, опуская глаза.

Борисъ Сергѣевичъ опять не зналъ, какъ ему быть. Она такая странная, эта дѣвушка, и говоритъ какими-то загадками... «Кажется недалекая! на мать похожа!» подумалъ Борисъ Сергѣевичъ. Надо наконецъ

Digitized by Google

рѣшиться. Глупо же въ самомъ дѣлѣ робѣть передъ дѣвчонкой, хотя бы и съ милліономъ приданаго.

И онъ заговорилъ.

Онъ заговорилъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ о томъ, что онъ одинокъ, что чувствуетъ потребность любить и быть любимымъ, что ему нравится одна дѣвушка, счастію которой онъ посвятилъ бы всю свою жизнь.

Евдокія слушала, опустивъ свои длинныя рѣсницы, не прерывая. Эти нѣжныя рѣчи казались какими-то странными и въ то же время ласкали ея слухъ.

«Къ чему онъ говоритъ?.. Вѣрно онъ несчастливъ?.. промелькнуло у нея въ головѣ:—Бѣдный!»

Они тихо подвигались по аллеѣ, а голосъ Бориса Сергѣевича дрожалъ нѣжными нотами.

Наконецъ Кривскій смолкъ и взглянулъ на молодую дѣвушку. Повидимому никакого впечатлѣнія. Лицо ея было серьезно; глаза по прежнему опущены внизъ.

«Или недостаточно ясно?» подумалъ Борисъ Сергѣевичъ и проговорилъ!

— Вы не сердитесь, что я разсказалъ вамъ свой романъ?

— Сердиться? Напротивъ, я могу только благодарить васъ за довѣріе.

«Она ничего не понимаетъ!»

— Я разсказалъ вамъ свою исповѣдь не безкорыстно, Евдокія Савишна, а чтобы попросить вашего совѣта.

— Моего совѣта? Зачѣмъ вамъ мой совѣтъ?

Digitized by Google

— Вашъ именно и нуженъ! чуть слышно обронилъ Кривскій.

Она еще ниже опустила голову и, спустя секунду, еще разъ спросила:

— Мой?

— Вашъ!

Тогда она кротко такъ взглянула на Бориса Сергѣевича и серьезно проговорила:

— Если вы увѣрены, что любите и васъ любятъ...

— То-то я и не знаю, нравлюсь ли я... Захочетъ ли эта дѣвушка связать свою судьбу съ моею?..

— Такъ вы спросите! съ простодушнымъ участіемъ отвѣтила Евдокія.

«Она ничего не понимаетъ!» опять подумалъ Борисъ Сергѣевичъ.

— Я спрашиваю! медленно проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней:—Отъ васъ зависитъ отвѣтъ...

Кривскій замѣтилъ, какъ дрогнули и побѣлѣли ея губы и какое-то страдальческое выраженіе исказило черты ея лица. Она опустила еще ниже голову и нѣсколько секундъ шла молча.

Когда она подняла на Кривскаго свои глаза, они свѣтились кроткимъ свѣтомъ, но лицо ея было грустное.

— Благодарю васъ!... прошептала она.

— А отвѣтъ?...

— Мнѣ кажется я вамъ не пара!...

Она проговорила эти слова тихимъ, печальнымъ голосомъ.

Digitized by Google

— И къ тому же... я не знаю... я... Нѣтъ, простите меня... Вы мнѣ нравитесь, но...

Она говорила съ трудомъ.

— Вы любите другаго?

— Нѣтъ... никого... Не спрашивайте болѣе, прошу васъ... Оставьте меня теперь одну. Я вамъ пришлю отвѣтъ...

Борисъ Сергѣевичъ низко поклонился и пошелъ изъ сада, а молодая дѣвушка опустилась на скамейку и глубоко задумалась.

II.

Это признаніе было такъ неожиданно, что она долго не могла придти въ себя.

Любитъ ли она?

Она не могла сообразить. Кривскій ей нравился болѣе другихъ, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, но никогда мысль о любви не закрадывалась въ ея сердце. Онъ чаще другихъ говорилъ съ ней, былъ любезенъ, ласковъ,—вотъ и все. Она находила, что онъ красивъ и не похожъ на всѣхъ тѣхъ, которые толкутся въ кабинетѣ у отца и смотрятъ ему въ глаза... А сейчасъ? Онъ такъ нѣжно говорилъ ей о своей любви. Ей стало жаль его. Сперва жаль, а потомъ сдѣлалось грустно. Зачѣмъ она не любитъ его?

Онъ кажется хорошій человѣкъ... Отецъ говорилъ, что хорошій... И наконецъ не онъ ли поможетъ ей исполнить завѣтныя мечты?...

Digitized by Google

Она сидѣла, опустивъ свою головку, и тысячи мыслей роились въ ея головѣ. Передъ ней проносились картины ея прошлой жизни... Она помнитъ время бѣдности и иной обстановки, а она, худенькая, слабенькая дѣвочка бывало слушала по вечерамъ подъ шумъ кабацкаго веселья бабушку. Тихимъ, восторженнымъ голосомъ разсказывала старуха о спасеніи души, о людской неправдѣ, о житіи святыхъ, и блѣдное личико дѣвочки блѣднѣло еще болѣе, глаза блистали восторгомъ, сердце трепетно билось. Въ одной рубашенкѣ убѣгала она въ сосѣднюю комнату, гдѣ спала мать и приникала въ горячей молитвѣ. Близкое сосѣдство съ кабакомъ, казалось, не коснулось этого созданія; она оставалась чиста и испуганными кроткими глазами смотрѣла на разгулъ и пьяное горе кабака, куда зазывалъ нерѣдко ее отецъ...

Все это прошло какъ сонъ, и вотъ она очутилась въ другой обстановкѣ... Тяжелыхъ кабацкихъ сценъ не было. Они жили въ губернскомъ городѣ, въ хорошей квартирѣ. Къ ней ходила учительница, бѣдная молодая дѣвушка. Теплымъ воспоминаніемъ промелькнулъ ея образъ...

Отецъ рѣдко бывалъ дома. Онъ часто уѣзжалъ и часто кучивалъ. Въ такія минуты бѣдная мать пугалась, а она тихо плакала, прижимаясь къ матери.

Ей припомнился одинъ день,—этотъ день рѣзко выдавался въ ея памяти. Отецъ пришелъ домой необыкновенно веселый, — она его никогда съ тѣхъ поръ не

Digitized by Google

видала такимъ, — и объявилъ, что они переѣдутъ въ Петербургъ, что онъ богатъ, и что Дуня выйдетъ за генерала. Мать («Добрая, милая маменька!» вспомнила Евдокія) испуганно взглянула на отца своимъ кроткимъ взглядомъ, но отецъ, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію оборвать скромное, забитое, блѣднолицое существо, подошелъ къ ней, ласково поцѣловалъ ее и повторилъ, что ему вышла линія...

Словно въ сказкѣ перемѣнилась обстановка. Къ Дунѣ пригласили учителей и наняли француженку гувернантку... Они жили въ роскошномъ большомъ домѣ. Все поражало дѣвочку: и блескъ обстановки, и новыя лица, и какая-то удаль въ отцѣ... Не понимая, что такое творится, она убѣгала къ бабушкѣ въ ея скромную келью, спрашивала объясненія... Бабушка сурово учила помнить Бога, а мать какъ-то особенно прижимала Дуню къ своей изсохшей груди и часто плакала, несмотря на роскошь новой обстановки... Брата увезли за границу... Странно какъ-то было первое время, — странно и непривѣтно.

Въ богатомъ петербургскомъ домѣ шла вѣчная суетолока. Гости не переводились, а Дуня нерѣдко подъ грохотъ пированія припадала къ образамъ и молилась. Это былъ періодъ необыкновенной религіозности. Въ ея сердце проникалъ какой-то протестъ; невольно изъ за роскоши ея комнатъ нерѣдко припоминались ей тяжелыя сцены горя и нищеты кабака. Она задумывалась и плакала на груди у бабушки. Старуха вмѣстѣ

Digitized by Google

съ внучкой искали по своему правды. Бабушка сторонилась отъ міра и недовѣрчиво качала головой, когда Дуня разсказывала ей про невѣдомыя страны, гдѣ живутъ иные люди. «Все врутъ»! рѣшила старуха, и въ голову дѣвочки закрадывалась мысль, не ошибается ли старуха...

Гдѣ жь правда?...

Неяснымъ туманомъ опутывался умъ молодой дѣвушки. Горячее сердце жаждало подвига.

Но гдѣ онъ? Сперва она хотѣла идти въ монастырь, но потомъ эта мысль оставила ее. Въ мірѣ надо жить! Она стала искать отвѣта на сомнѣнія въ книгахъ, и то, что отвѣчало ея настроенію, глубоко западало ей въ глубь сердца. Она страстно любила отца и, готовая положить за него свою любящую душу, скорбѣла за него. Онъ слишкомъ мало, по ея мнѣнію, думалъ о правдѣ. Она приходила къ нему въ кабинетъ и чуткой душой понимала, что тамъ нерѣдко творится что-то недоброе. Она припадала къ его могучему плечу и тихо спрашивала, отчего онъ скученъ...

— Дѣла скверныя, Дунечка...

— Какія дѣла?

Онъ пробовалъ объяснять и весело смѣялся, называя ее дурочкой, когда она бывало совѣтовала ему бросить всѣ дѣла. Къ чему этотъ вѣчный омутъ?.... Посмотрите, что про него, про хорошаго, про любимаго, пишутъ въ газетахъ. Развѣ это правда?...

Леонтьевъ, улыбаясь, гладилъ своей широкой ладонью

Digitized by Google

ея горячую голову, а она, блѣдная, задумчивая, серьезно, восторженно говорила горячія рѣчи противъ людской неправды. И отецъ иногда задумчиво слушалъ ее, прижималъ ее къ груди, покрывая лицо поцѣлуями, и тихо шепталъ: «Ангелъ мой... безцѣнный... золотое сердце мое».

Онъ любилъ ее безъ памяти, дарилъ подарками и не зналъ, чѣмъ бы угодить ей. Бездѣлки ее не привлекали. Леонтьевъ рѣшилъ, что замужъ надо. Выйдетъ замужъ—пройдетъ и блажь.

А Евдокія искала выхода, искала отвѣта на стремленія, и не было выхода, не было отвѣта ни въ суровой морали бабушки, ни въ тихой покорности судьбѣ, которую проповѣдывала мать. Книги, но что однѣ книги?... Молодая дѣвушка искала своимъ умомъ истины, и вотъ мы застаемъ ее именно въ томъ періодѣ исканій, когда выходъ замужъ казался для нея исходомъ. Если любви нѣтъ, — что жь? Она принесетъ себя въ жертву... Развѣ безъ любви нельзя жить? Она будетъ жить для другихъ... Только вопросъ, что нужно сдѣлать для этого?... Какъ жить для другихъ?

Вся окружающая обстановка словно бы говорила ей, что нѣтъ тутъ правды, а гдѣ же эта правда?... Гдѣ люди, живущіе по правдѣ?...

Она всматривалась вокругъ и не находила.

— А Кривскій?... подсказало сердце, жаждавшее любви.

— Вотъ ты куда забилась, моя родная! крикнулъ

Digitized by Google

Леонтьевъ, подходя къ дочери:—Я ищу ее, а она притаилась какъ курочка подъ кустомъ. Ну, что ты, Дуня... Какъ насчетъ молодца?... Любъ онъ тебѣ, а?...

— Не знаю...

— Охъ, дѣвонька.... не знаю, да не знаю!... засмѣялся отецъ:—Узнаешь. Онъ человѣкъ хорошій, умный, рода настоящаго... Дѣла будетъ дѣлать.

— Какія дѣла?

— А всякія. Можетъ и хорошія, и дурныя дѣлать. У насъ, Дуня, по человѣку глядя... И дурнаго, и хорошаго можно много сдѣлать...

Она встрепенулась.

— Вѣдь Кривскій властный человѣкъ. Того и гляди министромъ будетъ!

— Министромъ?

Ей казалось, что министръ всемогущъ... «О, сколько добра онъ можетъ сдѣлать»... пронеслось въ ея головѣ.

— Такъ какъ же ты насчетъ Бориса Сергѣевича?

— Я согласна! твердо проговорила она. Только пока ие говорите ему. Я сама ему скажу.

— Вотъ и умница! весело промолвилъ Леонтьевъ:—Ты счастливая будешь... Тебя нельзя не любить. Звѣря—и того тронешь ты! говорилъ Савва Лукичъ, обнимая дочь.

А она скорѣе походила на рѣшившагося пострадать человѣка, чѣмъ на счастливую невѣсту.

— Что жь ты такая хмурая, дитятко, а? нѣжно допрашивалъ Леонтьевъ, уводя ее домой.

Digitized by Google

III.

Послѣ объясненія въ любви, исполненнаго по всѣмъ правиламъ порядочнаго русскаго джентльмена, охотившагося за краснымъ звѣремъ съ милліономъ приданаго, Борисъ Сергѣевичъ чувствовалъ какую-то неловкость. Ему было не по себѣ.

Зачѣмъ она такъ простодушно-довѣрчиво глядѣла на него своими большими глазами? Этотъ кроткій, глубоко-задумчивый взглядъ стоялъ передъ нимъ, словно моля о пощадѣ, нарушалъ обычное спокойствіе духа и точно выбивалъ Бориса Сергѣевича изъ сѣдла.

Что-то сверлило внутри, неуловимая черточка залегла въ глубинѣ души. Напрасно Кривскій старался заглушить какой-то внутренній шопотъ о только-что совершенной пакости. Это было невозможно, по крайней мѣрѣ на сегодняшній день. Задумчиво-восторженный образъ простой дѣвушки невольно возставалъ передъ нимъ, и Кривскій задумывался передъ будущимъ.

Ужь слишкомъ не похожа на другихъ богатыхъ невѣстъ эта блѣднолицая дѣвушка, съ прозрачнымъ нервнымъ лицомъ, полнымъ выраженія какого-то затаеннаго страданія. Это выраженіе и пугало, и стыдило Бориса Сергѣевича. Умный, разсудительный и практичный, поклонникъ практической мудрости, Борисъ Сергѣевичъ чувствовалъ боязнь ко всякой экзальтаціи; она шокировала его трезвость и благовоспитанность,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе шокировала она въ женѣ. А между тѣмъ въ этой странной, недалекой дѣвушкѣ было что-то восторженное, кроткое и... и смѣшное.

Борисъ Сергѣевичъ ѣхалъ въ свое правленіе не въ духѣ. Онъ чувствовалъ, что милліонъ не далекъ отъ него, и все-таки не могъ спокойно наслаждаться близостью этого милліона. Чувствовалъ, что надо шагнуть къ нему, наступивши на молодую жизнь, которую такъ легко раздавить. Въ розахъ милліона виднѣлись шипы. Подъ страннымъ бархатнымъ взглядомъ молодой дѣвушки скрывалось что-то непонятное.

Изъ-подъ ряда цифръ вѣдомости, лежавшей передъ Борисомъ Сергѣевичемъ, выглядывала русая головка невѣсты, и сквозь тихіе разговоры его коллегъ слышался тихій, точно умолявшій голосъ: «Я вамъ не пара.»

Не пара! Но у тебя милліонъ!

Отказаться отъ него ради какихъ-то неясныхъ сомнѣній, бродившихъ въ головѣ умнаго человѣка, было бы слишкомъ глупо. Откажется онъ,—другіе охотники станутъ травить этого звѣрка, и во всякомъ случаѣ звѣрекъ будетъ затравленъ. Такія приданыя въ Петербургѣ попадаются рѣдко, и кто устоитъ въ этомъ неравномъ спорѣ? Онъ по крайней мѣрѣ не оберетъ ея, а другіе оберутъ и сдѣлаютъ несчастнымъ это довѣрчивое созданіе. Онъ постарается полюбить ее, будетъ всегда ласковъ и ровенъ съ ней, сдѣлаетъ изъ нея вполнѣ порядочную женщину и сохранитъ состоя-

Digitized by Google

ніе. Она такъ молода, что перевоспитать ее, отучить отъ всѣхъ ея странностей нетрудно.

Обаяніе близости милліона невольно смягчило и взглядъ Бориса Сергѣевича на красоту молодой дѣвушки. Прежде онъ находилъ, что она «не уродъ», а теперь черты ея лица принимали въ его глазахъ болѣе привлекательный видъ. Онъ находилъ, что изъ нея разовьется недурненькая женщина. Въ ней что-то симпатичное, и если взяться хорошо за нее, то порывы ея пройдутъ, и она будетъ вполнѣ приличной женой. Ну, разумѣется, надо выучить ее одѣваться.

Такъ мечталъ молодой генералъ, но все-таки сомнѣнія волновали душу, и онъ съ досадой думалъ, что самъ онъ слишкомъ сталъ нервенъ.

Подъ восторженнымъ взглядомъ странной дѣвушки скрывалось много страсти... Пожалуй она слишкомъ экзальтирована, и тогда...

Борисъ Сергѣевичъ поморщился. На его красивомъ, безукоризненно приличномъ лицѣ появилось недовольное выраженіе.

Прежде всего онъ требовалъ отъ жены порядочности и умѣнья понимать его. Скандала онъ трепеталъ. Сценъ боялся. Онъ выросъ въ домѣ, гдѣ никогда не было сценъ, и считалъ ихъ принадлежностью мѣщанскихъ семей и признакомъ дурнаго тона.

Съ женой могутъ быть объясненія, но сценъ никогда. Сцены приличны только у пьяныхъ мелкихъ чиновниковъ. *Его* жена должна быть на высотѣ положенія, и

Digitized by Google

если онъ сдѣлалъ честь ея милліону, то она должна помнить и никогда не забывать, что она — жена Бориса Сергѣевича, будущаго виднаго дѣятеля.

Съумѣетъ ли дочь мужика встать на высоту, на которую подниметъ ее Борисъ Сергѣевичъ, и не будетъ ли она въ его гостиной какой-то вывѣской страданія или смѣшной, неловкой супругой, говорящей глупыя тирады изъ послѣдней книжки журнала?

Но главное — зачѣмъ она такъ смотритъ... Этотъ взглядъ безпокоилъ Бориса Сергѣевича, словно бы онъ предчувствовалъ, что съ нимъ ему, умному и трезвому человѣку, придется считаться.

Молчаливо сидѣлъ Борисъ Сергѣевичъ за обѣдомъ и ни разу не улыбнулся, когда между соусомъ и жаркимъ Шурка, замѣтивъ хорошее расположеніе отца, разсказалъ одинъ изъ свѣжихъ анекдотовъ, только-что пущенныхъ въ ходъ въ клубѣ. Его превосходительство раза два снисходительно улыбнулся, слушая, какъ Шурка мило разсказалъ анекдотъ, и, прихлебывая портеръ, просилъ Шурку повторить пикантныя мѣста. Шурка былъ въ ударѣ, и всѣ весело смѣялись. Двѣ очень недурненькія барышни, дочери Кривскаго, сдержанно улыбались, и даже миссъ Коппъ-Грантъ, чопорная англичанка съ сѣдыми буклями, — и та поджала свои губы, какъ-бы считая неприличнымъ ея достоинству выразить веселость болѣе наглядным образомъ. Анна Петровна улыбалась и, когда кончилъ Шурка, просила Евгенія Николаевича разсказать новости и въ

Digitized by Google

тоже время зорко слѣдила за его превосходительствомъ и Борисомъ. Бросалъ на Бориса взгляды и старикъ. Въ его сердце все еще жила надежда, что Борисъ одумается и не сдѣлаетъ ложнаго шага.

Послѣ обѣда онъ по обыкновенію пошелъ подремать въ своемъ креслѣ, но старику не дремалось. Онъ хандрилъ. Въ поступкѣ своего сына онъ словно бы прозрѣвалъ осуществленіе всего того, чего онъ такъ боялся и что онъ называлъ началомъ конца... Еще на-дняхъ онъ подалъ записку о реабилитаціи дворянства, но предчувствовалъ, что она не произведетъ большаго впечатлѣнія въ совѣтѣ... Онъ становится уже старъ, и положеніе выскользаетъ изъ его рукъ...

Кто-жь они «новые» люди?

Съ болью въ сердцѣ старикъ подумалъ о Борисѣ, и какое-то больное чувство сжало его сердце при мысли о сынѣ.

Онъ проповѣдуетъ какой-то компромиссъ между дворянствомъ и необразованными купцами... Что же дальше? И вотъ старшій его сынъ уже готовъ жениться на этой...

Его превосходительство вздохнулъ и какъ-то печально обвелъ глазами свой кабинетъ, гдѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ неотступно защищалъ идею дворянства, гдѣ нерѣдко онъ просиживалъ долгіе вечера, почерпая въ англійской исторіи подтвержденія своихъ взглядовъ, изложенныхъ въ его многочисленныхъ за-

Digitized by Google

шихъ. Но онъ одинъ... Сынъ его, на котораго онъ возлагалъ надежды,—и тотъ...

А Шурка?

Совсѣмъ иныя мысли пробѣгали въ головѣ его превосходительства при воспоминаніи о Веніаминѣ семейства. Горячимъ чувствомъ отцовской любви охватило старика при имени Шурки, и всѣ шалости «этого добраго мальчика» казались такими незначущими его любящему сердцу, что старикъ охотно прощалъ ихъ ему. Шурка, правда, пороха не выдумаетъ, но онъ славный, честный малый и будетъ хорошимъ слугой отечеству. Онъ не пойдетъ на компромиссы и не унизитъ себя неровнымъ бракомъ, о нѣтъ! И старику хотѣлось воплотить свои надежды, не сбывшіяся на старшемъ сынѣ, въ этомъ миломъ, добромъ и безпутномъ Шуркѣ... Теперь онъ еще слишкомъ молодъ, но станетъ старше и конечно исправится... «Кто въ молодости не кутилъ? вспомнилъ старикъ:—И мы кутили, и мы дѣлали долги, но это не мѣшало намъ свято беречь честь»...

Старикъ привсталъ и позвонилъ.

— Попроси Бориса Сергѣевича! сказалъ онъ Василію Ивановичу.

А Борисъ Сергѣевичъ ходилъ нервными шагами по своему кабинету. На диванѣ сидѣла Анна Петровна и, не прерывая, слушала сына. Ей казалось, что онъ не успѣлъ въ задуманномъ дѣлѣ, и сердце матери сжалось тоской и досадой.

Неужели милліонъ уйдетъ изъ ихъ дома? Или Бо-

Digitized by Google

рисъ глупѣе, чѣмъ она думала, и ему, Борису Кривскому, отказала глупая дѣвченка?

Борисъ горячо высказывалъ свои сомнѣнія на счетъ предполагаемаго брака. Онъ радъ былъ, что его слушаютъ, разсчитывая, что мать будетъ спорить. Рѣшивъ, что непремѣнно женится на милліонѣ, Борисъ все-таки съ раздраженіемъ выискивалъ неудобства этого брака. Какъ человѣкъ, совершившій пакость, ищетъ оправданія въ словахъ другаго, такъ и Борисъ ждалъ, что мать станетъ доказывать ему нелѣпость его опасеній.

Но вмѣсто этого она молчала и, когда онъ кончилъ, тихо проговорила:

— Тебѣ отказали, Борисъ?

Холоднымъ, язвительнымъ взглядомъ взглянулъ Борисъ на мать.

— Я развѣ говорилъ, что мнѣ отказали? холодно замѣтилъ онъ:—А вы уже рѣшили, что мои слова результатъ потери милліона. Въ такомъ случаѣ я могу утѣшить васъ,—мнѣ не отказали.

Онъ отвернулся, чтобы скрыть чувство презрѣнія къ матери. Она не поняла его. Она не могла понять, почему онъ такъ волнуется. Его горячія рѣчи она сочла за прикрытіе неудачи въ охотѣ за милліономъ.

— Такъ что жь тебя можетъ безпокоить, мой другъ? Экзальтація этой дуры?..

— Она не дура...

— Охотно соглашаюсь и слѣдовательно тѣмъ болѣе удивляюсь твоимъ опасеніямъ... Мнѣ кажется, у тебя

Digitized by Google

просто распалились нервы. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ бояться, чтобы Леонтьева въ твоихъ рукахъ не сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ ты ее хочешь сдѣлать...

— Вы правы, maman... У меня нервы...

Борисъ снова заходилъ по кабинету и не начиналъ разговора.

Когда Василій Ивановичъ доложилъ Борису Сергѣевичу, что его превосходительство проситъ къ себѣ Бориса Сергѣевича, то мать какъ-то испуганно замѣтила сыну:

— Надѣюсь, что старикъ не убѣдитъ тебя своими парадоксами?

— Надѣюсь! холодно отвѣчалъ Борисъ, спускаясь къ отцу.

Анна Петровна прошла въ маленькую гостиную съ видомъ невинно-оскорбленной матери. Но она умѣетъ нести крестъ свой. Она вся для дѣтей, и сынъ платитъ ей за любовь холодностью. Впрочемъ неблагодарность дѣтей—это горькая участь всѣхъ матерей, какъ бы онѣ ни были заботливы! утѣшала себя Анна Петровна, усаживаясь на маленькій диванчикъ.

— Ну, дѣти, давайте продолжать Маколея! проговорила она дочерямъ, подавляя вздохъ.

Одна изъ дочерей принесла книгу, и вся семья собралась слушать Маколея.

— А вы, Евгеній Николаевичъ, развѣ не хотите слушать съ нами?

Евгеній Николаевичъ очень не хотѣлъ, но остался,

Digitized by Google

бросая скромные взгляды на образецъ добродѣтели и нравственности, воплощенный въ Аннѣ Петровнѣ, во время англійскаго чтенія старшей дочери Кривской.

— Ты прости, Борисъ, я тебя побезпокоилъ... Я на два слова только... тихо проговорилъ старикъ:—присядь-ка...

Борисъ сѣлъ.

Его превосходительство взглянулъ пристально на сына ласковымъ взглядомъ и съ какой-то особенной нѣжностью въ голосѣ спросилъ:

— Что съ тобою, Борисъ... За обѣдомъ у тебя былъ такой дурной видъ... Здоровъ ли ты?...

— Здоровъ... Такъ, сегодня я не въ духѣ...

— Ты былъ у Леонтьева?

— Былъ! тихо проговорилъ Борисъ.

— А!... какъ-то грустно замѣтилъ старикъ: — Былъ?...

Оба помолчали.

— Значитъ ты не оставилъ своей... затѣи?...

— Нѣтъ!

— И стало быть женишься на Леонтьевой? медленно, отчеканивая каждое слово, проговорилъ его превосходительство:—Скоро свадьба?...

— Я думаю лѣтомъ! совсѣмъ тихо отвѣчалъ Борисъ, чувствуя неловкость подъ взглядомъ старика.

— Такъ... такъ... Больше я ничего не имѣлъ тебя спросить!... отвѣчалъ его превосходительство и, словно бы собираясь дремать, закрылъ глаза.

Digitized by Google

Борисъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, вернулся и произнесъ:

— Быть можетъ вы рѣшительно противъ брака?... Въ такомъ случаѣ вы знаете, что я подчинюсь вашей волѣ... Скажите только слово!

Старикъ безпокойно приподнялся въ креслѣ, протянулъ сыну руку и, пожимая ее, проговорилъ самымъ спокойнымъ тономъ:

— Спасибо, спасибо, Борисъ. Жертвъ мнѣ не надо. Отъ души желаю тебѣ счастья... Мы конечно расходимся во взглядахъ, но нынче время компромиссовъ!

Когда Борисъ ушелъ изъ кабинета, старикъ грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Его превосходительство выдержалъ себя джентльменомъ. Онъ не выказалъ сыну своего горя, но кто могъ помѣшать ему теперь поникнуть головой и кто могъ увидать страданія, исказившія старое лицо его?

— Начинается! прошепталъ онъ:—Мужицкая кровь Леонтьевыхъ сольется съ чистой кровью Кривскихъ. Какъ приметъ это извѣстіе свѣтлѣйшій?

IV.

Савва Лукичъ безпокойно заглядывалъ въ глаза своей Дуни и въ нихъ хотѣлъ прочесть отвѣтъ на свои сомнѣнія о будущемъ счастіи любимой дочери.

Назвавъ Дуню молодцомъ за ея рѣшеніе идти за Кривскаго, Савва Лукичъ тотчасъ же спохватился и,

Digitized by Google

обнимая дочь, опять спрашивалъ, по доброй ли волѣ она идетъ.

— Не хочется,—подожди. Неволи нѣтъ, родная моя. Вѣдь я, любя тебя, совѣтъ далъ. А ты не слушай отца... Свое сердце слушай... Что оно тебѣ скажетъ, такъ и рѣши...

— Я подумаю, папенька...

— Посмекни... Лѣтомъ Борисъ Сергѣевичъ въ деревню поѣдетъ. Тамъ ближе человѣка узнаешь...

Что узнавать? И какъ узнавать? Она уже почти рѣшила и теперь успокоивала только отца... Онъ ее такъ любитъ, и развѣ ей истерзать его любящее сердце тревогами и сомнѣніями, которыя гнѣздились въ ея сердцѣ? Да вдобавокъ онъ и не пойметъ или пойметъ по своему. Придетъ время, быть можетъ и онъ пойметъ, что гоняется за призракомъ, гоняясь за богатствомъ. Ужели ему не довольно еще?..

Она въ свою очередь не понимала безпокойной, дѣятельной натуры отца и приписывала алчности его жажду дѣятельности, выражавшейся въ неустанной работѣ фантазіи о томъ, какъ остроумнѣе и лучше ограбить казну или напакостить Сидорову, вырвавъ изъ-подъ его носа какой нибудь лакомый кусъ. Не одинъ только этотъ кусъ привлекалъ Леонтьева, но главное борьба изъ-за этого куса, удовлетвореніе тщеславія и суетности, бахвальство бывшаго мужика, ставшаго воротилой. Евдокія не разъ слышала, какъ отецъ хвалился плутней, ловкимъ подкупомъ, съ какимъ цинич-

Digitized by Google

нымъ презрѣніемъ говорилъ онъ, что всякаго чиновника можно купить со всей его амуниціей, но не понимала, что рычагомъ всей дѣятельности Саввы Лукича было непочатая сила, требовавшая исхода. Печальная дѣйствительность, не только давала исходъ такой силѣ, но и поощряла только такую силу. И мужикъ, какъ будто, понималъ это, когда хвалился своими плутнями и беззаконіями. Онъ не былъ скопидомомъ. Онъ не грабилъ, чтобы копить. Нѣтъ! Онъ не дрожалъ надъ деньгами и такъ же сорилъ ими, какъ пріобрѣталъ ихъ. Успѣхъ вскружилъ ему голову, и Савва Лукичъ, что называется, зарывался. Иногда Евдокія со страхомъ думала, что все это можетъ кончиться очень печально. Въ ея любящее сердце даже закрадывалась мысль о чемъ-то ужасномъ, но заглядывая въ сіяющее счастьемъ лицо отца, она думала: «Нѣтъ, отецъ не можетъ быть злодѣемъ... Какъ я смѣла подумать!»

Но кто же онъ такой? Откуда эти богатства, внезапно явившіяся, точно въ волшебной сказкѣ?..

Изъ намековъ и разсказовъ отца она все-таки не могла составить себѣ яснаго представленія о тѣхъ источникахъ, которые текли золотымъ дождемъ. Она только чувствовала какой-то страхъ къ цинично-добродушнымъ разсказамъ о разныхъ дѣлахъ, недоступныхъ ея пониманію. Очевидно кто-то терпѣлъ, но кто именно?

Поздно вечеромъ на борзой тройкѣ лошадей съ колокольцами и бубенчиками, съ залихватскимъ ямщи-

Digitized by Google

комъ въ красной рубахѣ, понесся Леонтьевъ къ своей птахѣ въ очаровательный уголокъ, гдѣ онъ во всю мочь расходившейся натуры миловалъ свою маленькую прелестницу, а Евдокія сидѣла въ глубокой задумчивости у растворенаго окна.

Замерли звуки колокольчика, она все сидѣла неподвижно и не замѣтила, какъ чьи-то тихіе шаги несмышно приблизились къ ней, и ласковый грустный голосъ шепнулъ:

— Дуня!

Она очнулась только тогда, когда на ея волосы упала горячая слеза, и тихій голосъ прошепталъ надъ ея ухомъ:

— Опять уѣхалъ?

— Маменька!.. Голубушка! Зачѣмъ это вы поднимаетесь..: Вамъ вредно!

И Дуня обняла больную, худую пожилую женщину съ страдальческимъ лицомъ. Дуня удивительно походила на мать: тѣ же нѣжныя черты лица, та же задумчивость взгляда, тѣ же свѣтлорусые волосы. Но горе состарило прежде времени Леонтьеву. Она смотрѣла совсѣмъ старухой и съ трудомъ переводила дыханіе, поднявшись наверхъ.

— Вотъ сюда, сюда, маменька, садитесь!.. усаживала Евдокія.

— Уѣхалъ? опять переспросила мать.

— Уѣхалъ, маменька.

Digitized by Google

— Я знаю, куда онъ ѣздить сталъ, Дуня. Я слышала. Погубитъ она его и разворитъ.

— Полно, маменька... полно, голубчикъ...

— Не буду, не буду... Я такъ только... Сама знаешь, рѣдко это со мной. Мнѣ недалеко и до могилы. Чувствую! И я не ропщу. Воля Божія. Покорна я. Богъ наказываетъ меня по грѣхамъ.

— Васъ? Да какіе же у васъ грѣхи?

— У меня? Дочь моя милая, радость моя ненаглядная, развѣ ты не знаешь?..

— Что, маменька? Что знать мнѣ? испуганно шепнула дочь.

— Какъ я вышла за отца?

Она замолчала. Тихія слезы лились изъ ея глазъ.

— Лучше послѣ, послѣ! проговорила мать: — Я за тебя боюсь. Сердце гложетъ, какъ ты давеча сказала о Кривскомъ. Развѣ ты его любишь?

— Не знаю маменька...

Мать взглянула на дочь, и лицо ея исказилось страхомъ.

— Боже тебя сохрани тогда выходить за мужъ. Нѣтъ ужаснѣе мукъ, какъ жить съ мужемъ, не любя. Что ты, что ты, Дуня? Зачѣмъ тебѣ идти? Ты, слава Богу, богата. Тебѣ не нужно. А вѣдь я тогда была нищая и вдобавокъ...

Она хотѣла было что-то сказать, но дочь поцѣлуями заглушила чуть было не сорвавшееся признаніе.

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

Счастливая минута.

I.

Прошло три дня, три убійственныхъ дня, съ тѣхъ поръ какъ Трамбецкій получилъ отъ своего молодаго пріятеля успокоительную записку, въ которой тотъ обнадеживалъ его скорымъ свиданіемъ съ сыномъ. Прошелъ четвертый день, а Никольскій не возвращался и не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

«Что это значитъ? Куда пропалъ Никольскій?»

Обнадеженный было обѣщаніями молодаго человѣка, Трамбецкій сталъ волноваться сильнѣе прежняго. Ожиданіе становилось пыткой. Нервы напряглись до послѣдней степени отъ тревоги, муки и безсонныхъ ночей По ночамъ ему все слышались звонки, онъ вскакивалъ съ дивана, бѣжалъ къ дверямъ, пугая прислугу, и возвращался грустный, убѣждаясь, что его преслѣдуютъ галлюцинаціи. Заснуть онъ не могъ и метался по комнатѣ въ безсильной злобѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

Наступилъ день и приносилъ надежду.

Digitized by Google

Съ бьющимся сердцемъ чутко прислушивался онъ къ звонку, заглядывалъ въ окно, выбѣгалъ на улицу, ожидая встрѣтить Никольскаго, и каждый разъ напрасно. Никольскій не являлся. Несчастный человѣкъ приходилъ въ отчаяніе и, уткнувшись въ подушку, плакалъ какъ безпомощный ребенокъ.

Мрачныя мысли терзали измученное сердце отца.

«Вѣрно *она* уѣхала за границу, замела слѣдъ и онъ не увидитъ больше Колю. Напрасно онъ повѣрилъ Никольскому, что она здѣсь, и потерялъ дорогое время въ адской пыткѣ ожиданія. Чего еще ждать»?

Трамбецкій опять бросился на поиски.

Онъ былъ у градоначальника, подалъ прошеніе и сказалъ горячую рѣчь. Его выслушали, сказали, что будутъ наведены справки, и онъ ушелъ изъ пріемной безъ всякой надежды. Онъ справлялся въ адресномъ столѣ, заходилъ къ роднымъ жены, съѣздилъ въ Павловскъ и Ораніенбаумъ и поздно ночью возвращался на Петербургскую сторону, усталый, разбитый, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Вездѣ неудача.

Градоначальникъ какъ-то подозрительно оглядывалъ его костюмъ и пожалъ плечами, узнавши, что проситель статскій совѣтникъ, а родные его жены съ улыбкой любопытства разглядывали этого нелюдима и ничего не знали о женѣ. Кто-то сказалъ: «Не въ Павловскѣ ли она? Она собиралась на лѣто въ Павловскъ». Другой сказалъ: «Нѣтъ, кажется въ Ораніенбаумъ»? и Трам-

Digitized by Google

бецкій былъ и въ Павловскѣ, и въ Ораніенбаумѣ. Напрасно тамъ онъ спрашивалъ о женѣ статскаго совѣтника Валентинѣ Николаевнѣ Трамбецкой.

— Такой не слыхали. Такая не живетъ.

Рѣшительно рванулъ онъ звонокъ у дверей квартиры Никольскаго.

— Пріѣхалъ?

— Нѣтъ?

— Нѣтъ? Господи, что же дѣлать! прошепталъ онъ. «Попадись теперь *она*, попадись только она на глаза къ нему!»

Онъ простиралъ руки и, шагая по комнатѣ, произносилъ слова угрозы и мщенія.

Кухарка тихо пріотворила двери и, при видѣ этого блѣднаго, съ искаженными злобой и отчаяніемъ чертами, черноволосаго человѣка съ блестящими глазами изъ темныхъ ямъ, разговаривающаго въ пустой комнатѣ, въ испугѣ перекрестилась, постояла у дверей и пошла будить квартирную хозяйку.

Вдвоемъ не такъ страшно. Обѣ стали у дверей и слушали, что говоритъ этотъ странный человѣкъ.

«О, подлая тварь! Гдѣ ты, гдѣ? Отдай мнѣ сына, отдай ты моего Колю, а не то»...

Онъ повторялъ эту фразу то съ угрозой, то съ нѣжнымъ моленіемъ, то робко, словно выпрашивалъ подаянія. Наконецъ онъ бросился на диванъ.

Все смолкло. Только глухія рыданія, сперва тихія,

Digitized by Google

потомъ все громче и громче, доносились до ушей испуганныхъ женщинъ.

— Какъ бы чего не было! шепнула хозяйка:—Надо завтра дать знать въ участокъ.

— Долго ли до грѣха! отвѣчала кухарка.

Опять безсонная длинная ночь. Опять звонки въ ушахъ и подъ утро тяжелый короткій сонъ.

Заливая блескомъ яркихъ лучей, ворвалось солнце въ маленькую комнату и разбудило Трамбецкаго. Онъ вскочилъ съ дивана и бросился какъ сумасшедшій на улицу.

Куда теперь идти? Гдѣ искать?

Онъ пошелъ на Тучковъ мостъ. Было еще рано. Прохладное утро освѣжило немного воспаленную голову. Отъ рѣки несло пріятной свѣжестью. Онъ остановился и задумчиво сталъ смотрѣть на воду, а въ головѣ мелькали мрачные отрывки прожитой жизни. Сзади сплошная неудача, разбитая жизнь, а впереди?

Онъ засмотрѣлся на рѣку. Ровное движеніе блещущихъ на солнцѣ струй тянуло его къ себѣ. Одинъ мигъ,—и все кончено. Не пора ли. Къ чему жить?

Но образъ, милый образъ ребенка мелькнулъ въ глади тихо плещущихъ струй, нѣжно взглянулъ на него и казалось протягивалъ къ нему ручки, моля придти на помощь.

Трамбецкій рванулся назадъ и зашагалъ быстрыми шагами, не сознавая, куда и зачѣмъ онъ спѣшитъ, и не замѣчая подозрительныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на него прохожими. Онъ торопливо шелъ по Васильевско-

Digitized by Google

му острову и не замѣтилъ, какъ очутился въ одной изъ дальнихъ линій. Машинально поднялъ онъ голову, и въ глаза ему бросилась вывѣска: «Касса ссудъ».

Онъ вдругъ повернулъ во дворъ, поднялся по скверной грязной лѣстницѣ, слѣдя за нарисованнымъ на стѣнѣ пальцемъ, указывающимъ дорогу, и вошелъ въ отворенныя двери. Въ небольшой комнатѣ, душной и затхлой, изъ-за груды разнаго хлама, наваленнаго во всѣхъ углахъ, выглянула пара черныхъ глазъ и наконецъ обрисовалось типическое лицо стараго еврея.

— Продаете револьверъ? спросилъ Трамбецкій глухимъ, отрывистымъ голосомъ.

— Револьверъ? переспросилъ еврей, мѣряя проницательнымъ взглядомъ Трамбецкаго:—А зачѣъ вамъ револьверъ?

Въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ револьверъ? Какъ зачѣмъ? Она быть можетъ подъ дуломъ пистолета будетъ сговорчивѣе. Она—трусливая тварь, и довольно показать ей незаряженный пистолетъ.

— А зачѣмъ вамъ револьверъ? снова повторилъ еврей.

— Нужно. Хочу учиться стрѣлять!

На тонкихъ губахъ еврея уже дрожалъ отказъ, но натура торгаша пересилила страхъ, внушенный мирному ростовщику неожиданнымъ появленіемъ Трамбецкаго.

— Учиться стрѣлять, а вы развѣ не умѣете?

— Не умѣю.

Digitized by Google

— Револьверы есть, превосходные револьверы Вотъ одинъ превосходный. Одинъ офицеръ заложилъ, да такъ и оставилъ. Очень хорошо можно учиться!

Еврей вытащилъ изъ какого-то угла маленькій карманный револьверъ и вертѣлъ его въ рукахъ передъ носомъ Трамбецкаго.

— Что стоитъ?

— Восемь рублей.

Трамбецкій бросилъ деньги, сунулъ револьверъ, не глядя, въ карманъ и быстро спустился съ лѣстницы, возбудивъ любопытство еврея, который изъ окна слѣдилъ, какъ Трамбецкій шелъ по двору.

Трамбецкій пошелъ далѣе, очутился въ пятнадцатой линіи. Раздумывая, у кого бы спросить о женѣ, онъ вдругъ вспомнилъ, что гдѣ-то тутъ живетъ полковникъ Гуляевъ, котораго часто посѣщала Валентина. Онъ вспомнилъ, что дядя помогалъ Валентинѣ, и радостная мысль озарила его голову.

Трамбецкій не зналъ, въ какомъ домѣ живетъ полковникъ, зналъ только, что гдѣ-то въ пятнадцатой линіи. Впрочемъ это затрудненіе небольшое. Вѣроятно такого богатаго человѣка, какъ полковникъ, всѣ знаютъ.

Въ ближайшей же мелочной лавочкѣ Трамбецкому указали на большой сѣрый домъ напротивъ и объяснили, что «полковникъ квартируетъ въ четвертомъ этажѣ, по парадной лѣстницѣ».

Съ надеждой, робко закрадывавшейся въ сердцѣ,

Digitized by Google

поднимался Трамбецкій по широкой лѣстницѣ въ четвертый этажъ.

Онъ разсчитывалъ, что полковникъ не откажетъ въ его просьбѣ. Онъ будетъ просить его, умолять, разскажетъ, какъ дорогъ ему сынъ. Наконецъ онъ станетъ требовать.

«Нѣтъ, это не хорошо. Надо схитрить. Надо какъ нибудь иначе. Я просто спрошу, не была ли вчера у полковника Валентина, скажу ему, что она со вчерашняго вечера не возвращалась».

Тихо дернулъ Трамбецкій звонокъ. Прошло нѣсколько секундъ,—ему не отворяли. Онъ дернулъ сильнѣй. Въ квартирѣ послышались торопливые шаги. Въ нетерпѣніи схватился онъ за ручку, и къ удивленію его дверь тихо отворилась. Въ прихожей никого не было.

Онъ громко кашлянулъ. Опять показалось ему, что кто-то прошелъ торопливо въ дальнихъ комнатахъ, но никто не явился.

Тогда Трамбецкій снялъ въ темной передней пальто и прошелъ въ гостиную. Тамъ тоже ни души. Изъ полуотворенной двери виднѣлся кабинетъ.

«Вѣрно полковникъ тамъ»! подумалъ Трамбецкій и прошелъ въ маленькій кабинетъ полковника. Кабинетъ былъ пустъ. Трамбецкій опять кашлянулъ,—никакого отклика. Кругомъ мертвая тишина. Ему вдругъ сдѣлалось страшно. Онъ вспомнилъ о богатствѣ полковника, и мысль, что его могутъ застать одного въ пу-

Digitized by Google

стой квартирѣ, наполнила ужасомъ его сердце. Онъ хотѣлъ тотчасъ же бѣжать съ квартиры, сказать дворнику, что квартира отперта, но взглядъ его случайно остановился на маленькомъ конвертѣ, брошенномъ на столѣ. Онъ протянулъ руку—видитъ знакомый почеркъ. Письмо помѣчено вчерашнимъ числомъ. Не думая ни о чемъ, онъ сталъ читать письмо и когда дочиталъ, то радостно вскрикнулъ: «Наконецъ-то!»

Трамбецкій положилъ письмо обратно и поспѣшно вышелъ изъ квартиры.

«Вѣрно прислуга ушла въ лавочку, а шаги мнѣ почудились. Въ эти дни мнѣ все чудится!»

Онъ надѣлъ пальто, приперъ двери, отыскалъ дворника и сказалъ, что квартира полковника отперта и тамъ никого нѣтъ. Дворникъ бросился на парадную лѣстницу, а Трамбецкій, встрѣтивъ извощика, приказалъ какъ можно скорѣе ѣхать на финляндскую желѣзную дорогу.

Радость, что наконецъ онъ нашелъ сына, охватила все его существо.

II.

— Кто знаетъ дачу Леонтьева? крикнулъ онъ извозчикамъ, стоявшимъ около Выборгскаго вокзала.

Оказалось, что всѣ фурманы знаютъ эту дачу. Тамъ живетъ богатая русская барыня изъ Петербурга, объяснили ему кое-какъ по-русски.

Digitized by Google

Онъ выбралъ извозчика получше и просилъ ѣхать скорѣй. За цѣной онъ не постоитъ. Быстро покатили дрожки по берегу Финскаго залива. Трамбецкій разсѣянно глядѣлъ на чудные виды, открывавшіеся передъ нимъ, и то и дѣло спрашивалъ, скоро ли дача. Фурманъ въ отвѣтъ слегка стягалъ пару рыжихъ бойкихъ лошадокъ и показывалъ кнутомъ впередъ, но впереди кромѣ густаго лѣса ничего не было видно. Наконецъ черезъ часъ ѣзды съ пригорка открылась красивая дача, пріютившаяся на самомъ берегу залива въ сосновой рощѣ.

— Это она? въ волненіи спросилъ Трамбецкій.

Чухонецъ молча кивнулъ головой.

— Скорѣй, ради Бога скорѣй! умолялъ Трамбецкій въ неописанномъ волненіи.

Валентина конечно и не ожидала, какого нежданнаго гостя посылаетъ ей судьба. Благодаря Евгенію Николаевичу Никольскому, изрѣдка навѣщавшему ее въ прелестномъ уголкѣ въ тѣ дни, когда Валентина не ожидала Леонтьева, она совсѣмъ успокоилась, и мысль о мужѣ мало по малу перестала ее пугать, тѣмъ болѣе что Евгеній Николаевичъ увѣрялъ ее, что за мужемъ слѣдятъ и въ случаѣ чего ему же будетъ худо. Еще на прошлой недѣлѣ былъ Никольскій и снова настойчиво требовалъ исполненія ея обѣщаній. Кажется она ли не свято исполнила свои условія, но онъ все-таки полушутя, полусерьезно, находилъ, что съ ея стороны договоръ не выполненъ, а она, что могла она отвѣчать,

Digitized by Google

кроткая малютка, на требованія красиваго молодаго человѣка, который къ тому же такъ же легко могъ бросить ее снова въ объятія мужа, какъ легко избавилъ ее отъ нихъ. Онъ постоянно напоминалъ ей объ этомъ и понемногу забиралъ ее въ руки.

Валентина чувствовала себя первое время счастливой, порхала веселой птичкой по роскошнымъ комнатамъ. Это все ей принадлежитъ. Прелестная дача, экипажъ, блестящія наряды, и главное—маленькая шкатулка, съ брилліантами и банковымъ билетомъ на пятьдесятъ тысячъ. А то ли еще будетъ? Леонтьевъ влюблялся съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе въ свою «маленькую пташку» и, пріѣзжая по вечерамъ, не знаетъ, чѣмъ бы утѣшить свою любовницу... Но золотая клѣтка имѣла свои неудобства. Что толку въ нарядахъ, когда ихъ никто не видитъ, не восхищается и не завидуетъ. Валентина искала блеска, общества, а вмѣсто того веселую бабочку посадили въ клѣтку, гдѣ негдѣ расправить крылышекъ.

Сперва ее занимали грубыя ласки безумнаго мужика, ей была въ диковину эта дикая страсть, но скоро вспышки бѣшеной ревности нависли темными грозными тучами надъ будущей жизнью кроткой малютки.

Онъ хотѣлъ ее для себя, для одного себя, и намекалъ ей объ этомъ, сжимая нѣжное созданіе въ своихъ объятіяхъ.

А она? Могла ли она сносить эти грубыя ласки и проводить дни одна одинешенька.

Digitized by Google

Не надо поддаваться ему. Не даромъ Евгеній Николаевичъ училъ ее, какъ вести себя съ этимъ мужикомъ... Она и сама знаетъ, и когда Леонтьевъ однажды разсердился, узнавъ, что у Валентины былъ Никольскій, то она надула губки и заперлась въ своей спальнѣ.

И что же? Мужикъ умолялъ о прощеніи и, когда его простили, валялся въ ногахъ и спрашивалъ, любитъ ли его она.

Другой разъ онъ засталъ Шурку. Тогда мужикъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, и когда молодой офицеръ поспѣшилъ уѣхать, онъ сказалъ Валентинѣ:

— Я не хочу, чтобы этотъ офицеръ ѣздилъ сюда. Слышишь?

— А если я хочу?

Словно лезвіе стали сверкнули глаза мужика. Онъ тихо подошелъ къ Валентинѣ и взялъ ее за руку, такъ что маленькая ручка хрустнула. Что-то дикое было въ лицѣ мужика.

— Валентина! Не шути съ огнемъ! проговорилъ онъ какъ-то глухо:—Ой не шути.

Она не забыла этой сцены, и хотя тотъ же Леонтьевъ за свою вспышку отдарилъ ей брошкой въ пять тысячъ рублей и позволилъ принимать ей кого она хочетъ, только любила бы она его, тѣмъ не менѣе мужикъ начиналъ ее пугать.

То ли дѣло Шурка. Онъ ничего не требовалъ и ничего не обѣщалъ. Свѣжій, румяный, веселый, онъ какъ-то умѣлъ удобно любить, и отдаваться ему было такъ

Digitized by Google

легко и пріятно. Одно только жаль, что не было у Шурки средствъ и онъ не только ничѣмъ не дарилъ Валентину, но даже однажды попросилъ у нея тысячу рублей взаймы такъ мило и просто, что Валентина предложила двѣ.

Но что болѣе всего безпокоило бѣдную женщину— это сынъ. Гадкій мальчишка до сихъ поръ не могъ успокоиться и все звалъ отца. Разъ даже онъ выбѣжалъ изъ дому, и его поймали въ лѣсу за нѣсколько верстъ отъ дома. Мать наказала его, и онъ какъ будто смирился, но съ тѣхъ поръ почти не говоритъ съ матерью и пристально смотритъ по цѣлымъ днямъ на дорогу. Приходится обманывать его и говорить, что отецъ скоро пріѣдетъ. Положительно этотъ мальчикъ дѣлается обузой.

Валентина сидѣла на террасѣ. Маленькой женщинѣ было скучно. Она дочитала послѣднюю страницу романа и поглядывала на дорогу, поджидая Никольскаго. Вчера онъ сообщилъ ей, что пріѣдетъ надняхъ поговорить по очень важному дѣлу. Она улыбнулась, прочитывая записку, въ которой слова «по очень важному дѣлу» были подчеркнуты, и подумала про себя, что было бы лучше, если бы вмѣсто Никольскаго пріѣхалъ Шурка. Онъ давно не былъ. Что бы это значило?...

Радостный вопль, раздавшійся сверху, заставилъ ее встрепенуться. Вслѣдъ за тѣмъ она увидѣла Колю. Онъ стремглавъ пробѣжалъ мимо террасы.

Digitized by Google

Она вышла въ садъ и замерла отъ ужаса.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоялъ Трамбецкій и молча прижималъ къ своей груди мальчика. Оба ни слова не говорили, и только по лицамъ обоихъ текли обильныя слезы.

Digitized by Google

ГЛАВА XIV.

Короткое счастіе.

I.

Трамбецкій вздрогнулъ.

Среди дорогихъ роскошныхъ растеній, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стояла прелестная малютка въ шикарномъ соблазнительномъ костюмѣ.

Блѣдная, безпомощная, испуганно глядѣла она прямо въ лицо мужа. Въ тупомъ взглядѣ маленькаго красиваго созданія былъ страхъ животнаго, покорно ожидающаго наказанія.

При видѣ женщины, заставившей его столько страдать, дикой ненавистью сверкнули глаза Трамбецкаго. Въ голову что-то стукнуло, въ глазахъ помутнѣло. Наконецъ-то онъ лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Онъ забылъ, что передъ нимъ распростертый врагъ-женщина, и рванулся къ ней.

Digitized by Google

Валентина слабо вскрикнула, зажмурила глаза и закрыла лицо руками. Тупой страхъ охватилъ все ея существо.

— Папа, папочка! Что ты дѣлаешь? раздирающимъ голоскомъ крикнулъ мальчикъ, хватаясь ручонками за руку отца.

Этотъ скорбный крикъ ребенка сразу отрезвилъ Трамбецкаго. Онъ остановился. «Въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлаетъ?» Ему вдругъ сдѣлалось стыдно. Онъ взглянулъ на жену. Она все еще стояла, закрывши лицо руками и какъ-то покорно опустивъ голову.

Невыразимая тоска охватила все его существо. Смущенный глядѣлъ онъ на жену и жалость мало по малу охватывала его теплымъ всепрощающимъ чувствомъ.

— Валентина! прошепталъ онъ тихимъ ласковымъ голосомъ.

Она отвела руку и взглянула на него со страхомъ. Но страхъ быстро прошелъ, когда она увидала грустный, тихій взглядъ, полный прощенія и любви. Мальчикъ понялъ, что будетъ объясненіе. Онъ отошелъ отъ отца и грустный пошелъ въ садъ.

— Валентина! Я не стану упрекать васъ... Я ни слова не скажу о послѣднемъ вашемъ поступкѣ... Когда нибудь...

Онъ не могъ продолжать; рыданія стояли въ горлѣ.

По мѣрѣ того, какъ мужъ дѣлался кроткимъ, Валентина оправлялась. Теперь она безъ страха глядѣла

Digitized by Google

на мужа и была готова къ объясненію, собираясь еще попробовать силу своей красоты надъ своимъ мужемъ. Она вся какъ-то выпрямилась, поправила свои волосы и, казалось, готова была помѣряться съ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ.

— Насъ разсудитъ Богъ!.. продолжалъ Трамбецкій:—Я никогда болѣе не обезпокою васъ своимъ присутствіемъ, даю вамъ честное слово, и если я теперь пріѣхалъ сюда, то ради сына. Я не могу оставить у васъ нашего сына.

Валентина собиралась съ мыслями. Неужели такъ и согласиться на его требованіе? Такъ и сдѣлать, какъ онъ хочетъ?..

— Но вѣдь я мать... Я тоже люблю своего ребенка!.. кротко проговорила она.

— Валентина... ему здѣсь нельзя быть...

— Отчего?

— Вы еще спрашиваете?

— Положимъ я виновата передъ вами,—я не стану оправдываться,—но развѣ не жестоко отнимать ребенка?.. Вѣдь я... мать!

Трамбецкій горько усмѣхнулся.

— Вы можете видѣть его, если захотите... Я не скрою отъ васъ мѣстожительства.

Валентина помолчала. Потомъ приблизилась къ мужу и тихимъ, молящимъ голосомъ, заглядывая въ глаза, произнесла:

Digitized by Google

— Вѣдь и ты можешь видѣть его у меня... Оставь его, прошу тебя... Ради прежней любви.

Трамбецкій махнулъ головой.

Валентина увидала, что всѣ уловки ея напрасны, и заговорила другимъ тономъ.

— Послушайте... Вѣдь я могу его не отдать... По закону ребенокъ мнѣ принадлежитъ...

— Валентина, прошу васъ... бросьте этотъ тонъ...

— Какой тонъ? Я мать, я не могу вамъ отдать ребенка... Вы развѣ такой отецъ, какъ другіе?.. Развѣ у васъ есть средства?.. Развѣ вы можете дать воспитаніе своему сыну?.. У васъ ничего нѣтъ... вы ведете Богъ знаетъ какую жизнь... пьете!..

— Валентина! глухо проговорилъ Трамбецкій.

Но Валентина не обратила на слова мужа вниманія. Ей вдругъ представилось, что во всемъ виноватъ мужъ и что она—невинная жертва, много выстрадавшая изъза него. И онъ, этотъ тиранъ, смѣетъ еще требовать ребенка. Она не отдастъ его, на зло ему не отдастъ! Надо наказать этого человѣка за все горе, которое причинилъ онъ ей, несчастной женщинѣ.

И она быстро заговорила:

— Не перебивайте меня, дайте мнѣ высказаться; давно пора сказать мнѣ, чѣмъ я вамъ обязана...

— Говорите.

— Развѣ съ вами я жила? Развы вы сдѣлали когда нибудь малѣйшую попытку, чтобы внушить привязанность? Съ самаго начала замужества вы оскорбляли меня подо-

Digitized by Google

зрѣніями, во всякомъ знакомомъ вы видѣли любовника... Сцены ревности, которыми вы награждали меня, развѣ это было счастіе?.. Потомъ... потомъ что вы сдѣлали для меня?.. Вы видѣли, что я люблю жить прилично люблю бывать въ обществѣ, — развѣ вы заботились о средствахъ? Вы по вашей глупости полагали, что я буду жить въ заперти и любоваться, какъ вы пьяный дѣлаете мнѣ сцены, да?

Валентина, по мѣрѣ того какъ говорила, раздражалась все болѣе и болѣе и смѣялась злымъ смѣхомъ.

— Вы пили изъ-за меня... не правда ли? Изъ-за того, что я любила другихъ... Но развѣ вы не видали, что васъ, васъ я не любила и не могла любить?..

Трамбецкій слушалъ, опустивъ голову. Но при послѣднихъ словахъ онъ вскинулъ на жену глаза и проговорилъ:

— Я не стану спорить съ вами—не стоитъ! Но объ одномъ попрошу васъ. Скажите только правду, слышите ли, правду, во имя самого святаго, что для васъ существуетъ. Любили ли вы меня въ началѣ, когда выходили замужъ? Любили ли вы меня когда нибудь?

Чувство злобной радости охватило сердце маленькой женщины. Доканаетъ же она его теперь совсѣмъ!

Она взглянула на мужа съ насмѣшкой въ глазахъ и отчетливо проговорила:

— А вы думали, что любила?..

— Думалъ! тихо обронилъ Трамбецкій.

— Такъ напрасно думали... Я васъ никогда не

Digitized by Google

любила. Я васъ,—смышите-ли, васъ,—считаю виновникомъ моихъ страданій, но теперь, слава Богу, довольно ихъ. Я свободна.

Трамбецкій какъ-то печально качалъ головой, взглядывая на жену. О, Господи, какъ прелестно это испорченное созданіе! «И я любилъ ее... и теперь люблю!» со стыдомъ признался себѣ Трамбецкій.

— Вы вынудили меня обманывать васъ и хлопотать объ отдѣльномъ видѣ, и если теперь вы не довольны, пеняйте на себя...

— Довольно, довольно... прошу васъ...

— Нѣтъ, не довольно... Вы теперь желаете взять отъ меня сына...

— Я возьму его.

— А если я не отдамъ?

— Валентина... Довольно, говорю тебѣ... Коля! крикнулъ онъ:—Пойдемъ.

— Остановитесь. Мнѣ стоитъ крикнуть людей,—и...

Но Валентина уже раскаялась, что зашла далеко.

Трамбецкій поблѣднѣлъ, схватилъ ее за руку и проговорилъ:

— Такъ ты вотъ какъ... У тебя ни стыда, ни совѣсти... Ну, такъ смѣй пикнуть!.. Пойдемъ въ твое логовище, развратница!

Онъ повелъ ее въ комнаты, досталъ чернильницу и бумагу и, усаживая ее, прошепталъ:

— Пиши!

Она было схватилась за звонокъ.

Digitized by Google

— О подлая!.. Смѣй только! сказалъ онъ такимъ голосомъ, что Валентина вздрогнула:—Пиши!

И онъ продиктовалъ ей записку, въ которой мать отказывалась отъ правъ своихъ на сына.

— Теперь проститесь съ сыномъ!

Валентина безмолвно поднялась, но идти не могла. Въ изнеможеніи опустилась она на кушетку и зарыдала. Рыданія перешли въ истерику. Бѣдняжкѣ сдѣлалось дурно, и она раскинулась передъ мужемъ въ самой соблазнительной позѣ.

Трамбецкій отвелъ глаза.

Валентина тихо позвала его.

— Александръ! прошептала она:—Я готова на все, но не бери только ребенка... Умоляю тебя!...

И она вдругъ обвила своими руками шею мужа и страстнымъ шопотомъ проговорила:

— Ради твоей любви не отнимай ребенка!

Трамбецкій тихо оттолкнулъ жену и не замѣтилъ, какой злой взглядъ бросила она на него.

Все было кончено. Его нельзя было уговорить.

Когда Коля грустный и смущенный пришелъ въ кабинетъ, Валентина припала, крѣпко прижимаясь къ сыну и просила не забывать ее. Ребенокъ заплакалъ.

Трамбецкій отвернулся.

«Все жь она мать!» пронеслось у него въ головѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Трамбецкій съ сыномъ ѣхалъ въ Петербургъ. Отецъ все схватывалъ мальчика за руку, словно бы желая удостовѣриться, что онъ

Digitized by Google

тутъ подлѣ него. Теперь никто ихъ болѣе не разлучитъ, и остатокъ дней онъ проживетъ по крайней мѣрѣ не одинокимъ.

А Валентина по отъѣздѣ мужа тотчасъ же послала нарочнаго въ Выборгъ съ телеграммами Леонтьеву и Никольскому.

О, она отмститъ этому человѣку и, на зло ему, отниметъ ребенка во что бы то ни стало.

Трамбецкій еще вспомнитъ, горько вспомнитъ, какъ трудно бороться съ женщиной, когда она ненавидитъ!

II.

Поздно вечеромъ Трамбецкій пріѣхалъ въ Петербургъ и бережно донесъ на рукахъ заснувшаго мальчика на квартиру Никольскаго. Петръ Николаевичъ былъ дома и обрадовался, встрѣчая Трамбецкаго.

— Сами добыли сына? Разсказывайте какъ?..

— А я васъ ждалъ, ждалъ!.. упрекнулъ Трамбецкій.

— И напрасно не дождались! Завтра сынъ вашъ былъ бы у васъ, — вѣрьте мнѣ. А опоздалъ я не по своей винѣ; за вашимъ же дѣломъ хлопоталъ... Брата моего не было въ Петербургѣ. Ну, все обошлось благополучно?

— Послѣ, послѣ разскажу; а теперь давайте-ка устраивать постель Колѣ, отвѣчалъ тихо Трамбецкій, боясь разбудить мальчика.

Заснувшаго ребенка положили на диванъ, осторожно раздѣли его и продолжали разговоръ вполголоса.

Digitized by Google

Трамбецкій разсказалъ свои тревоги за эти дни, разсказалъ, какъ случайно онъ добылъ адресъ жены и какъ взялъ сына.

— Теперь за работу! восторженно проговорилъ онъ:— Теперь вотъ для кого жить!..

Онъ вдругъ схватился за грудь и прибавилъ:

— Буду ли только жить?..

Онъ приложилъ платокъ къ губамъ и когда отнялъ его, платокъ былъ весь въ крови.

Трамбецкій какъ-то печально улыбнулся и уныло покачалъ головой.

Когда Никольскій сталъ утѣшать его, Трамбецкій перебилъ его словами:

— Мнѣ бы только шесть лѣтъ... только шесть лѣтъ, пока мальчикъ подростетъ и будетъ на дорогѣ... Я буду лечиться... Вѣдь правда, шесть лѣтъ немного?..

Онъ не докончилъ рѣчи и, усталый, опустился на стулъ, безпомощно свѣсивъ голову на грудь.

— Говорю и самъ не вѣрю своимъ словамъ, началъ онъ грустно:—Ну, гдѣ мнѣ прожить шесть лѣтъ. Что будетъ съ мальчикомъ?.. Неужели онъ опять будетъ у нея!.. Послушайте, Петръ Николаевичъ, вѣдь это ужасно!...

Грустныя мысли закрадывались въ голову больнаго человѣка. Онъ подошелъ къ сыну, поцѣловалъ его и обронилъ слезу на раскраснѣвшуюся щечку мальчика.

Долго еще онъ просидѣлъ надъ ребенкомъ и наконецъ заснулъ крѣпкимъ сномъ около сына.

Digitized by Google

Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей Трамбецкій проспалъ долго. Подъ утро ему послышались незнакомые голоса, произносившіе его фамилію, и онъ не могъ разобрать хорошенько, во снѣ ли это ему слышится или на яву. Кто-то толкнулъ его въ плечо, и онъ проснулся.

Открывши глаза, онъ увидалъ наклонившееся надъ нимъ блѣдное, серьезное лицо Петра Николаевича и Колю, испуганно взглядывавшаго на него своими большими глазами.

Чего это они такъ смотрятъ?

Онъ приподнялся и увидалъ въ комнатѣ посторонникъ лицъ: незнакомаго господина, городоваго и дворника.

— Одѣвайтесь! проговорилъ Никольскій.

— Зачѣмъ эти господа здѣсь? спросилъ Трамбецкій.

Ему ничего не отвѣчали. Все это показалось ему очень страннымъ. «Ужь не за Колей ли?» вдругъ промелькнула мысль у Трамбецкаго. Онъ быстро одѣлся и схватилъ мальчика на руки, словно бы желая не разставаться съ нимъ. Мальчикъ прижался къ его щекѣ. Трамбецкій чувствовалъ, какъ горячая щека согрѣвала его холодное лицо.

— Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ! проговорилъ бѣлокурый господинъ средняго роста, приближаясь къ Трамбецкому.

Трамбецкій вопросительно глядѣлъ на судебнаго слѣдователя.

Digitized by Google

— Я долженъ допросить васъ по весьма важному дѣлу.

— Меня?

— Вы входили вчера въ квартиру отставнаго полковника Гуляева?

Трамбецкій похолодѣлъ.

— Входилъ...

— Въ квартирѣ обнаружена кража бумагъ на пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ...

— Но при чемъ же я-то тутъ?..

— Вы извините, но я долженъ произвести обыскъ...

— Сдѣлайте одолженіе! проговорилъ Трамбецкій:— не предупреждаю васъ, г. слѣдователь, что квартира эта не моя...

Стали дѣлать обыскъ. Перешарили всю комнату. На лицѣ судебнаго слѣдователя появилось недоумѣвающее выраженіе, когда въ комнатѣ ничего не нашли. Стали обыскивать прихожую.

— Тамъ кромѣ пальто ничего нѣтъ! весело сказалъ Трамбецкій:—Вотъ мое пальто!

Онъ указалъ его. Помощникъ частнаго пристава засунулъ руку въ карманъ пальто, и вдругъ лицо пристава приняло серьезное выраженіе. Онъ взглянулъ на судебнаго слѣдователя какимъ-то страннымъ взглядомъ и вытащилъ оттуда поспѣшно сложенные нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Всѣ глаза устремились на Трамбецкаго.

Digitized by Google

Онъ казалось ничего не понималъ и безсмысленно глядѣлъ на банковые билеты.

— Это ваше пальто?

— Мое! автоматически отвѣчалъ Трамбецкій.

— А деньги?

— У меня не было денегъ...

— Не потрудитесь ли вы объяснить, какъ попали къ вамъ эти билеты?..

Трамбецкій стоялъ молча, опустивъ голову. Кругомъ его все закружилось... Что это значитъ?.. О Господи, за что еще испытаніе?.. Онъ зашатался и блѣдный упалъ на руки Никольскаго.

Когда Трамбецкій пришелъ въ себя, онъ горячо схватилъ сына и, цѣлуя испуганные глазенки, нѣжно прошепталъ:

— Коля... родной мой... вѣдь ты не вѣришь... ты не вѣришь, чтобы твой отецъ былъ воръ?.. Слушай: клянусь тебѣ, мое дитя, что я не знаю, какъ попали ко мнѣ эти деньги... Какой подлецъ подложилъ ихъ въ пальто?..

Въ отвѣтъ мальчикъ прижался къ отцу и, вздрагивая, шепталъ:

— Папа... Милый папа... Кто смѣетъ подумать про тебя?..

Судебный слѣдователь пристально взглянулъ на Трамбецкаго и повторилъ:

— Не потрудитесь ли вы объяснить, какъ попали къ вамъ эти деньги?

Digitized by Google

Трамбецкій разсказалъ, какъ онъ вошелъ въ квартиру полковника, что побудило его къ этому, и разумѣется не могъ объяснить, откуда у него деньги.

— А зачѣмъ у васъ въ карманѣ былъ револьверъ?..

— Револьверъ!.. печально улыбнулся онъ: — Я не объясню вамъ зачѣмъ, могу только увѣрить васъ, что не для убійства полковника.

Прошла тяжелая минута общаго молчанія.

— Во всякомъ случаѣ я долженъ арестовать васъ, г. Трамбецкій.

— Дѣлайте, что знаете... Петръ Николаевичъ! торжественно обратился Трамбецкій къ Никольскому: — Нечего и объяснять вамъ, что въ этомъ дѣлѣ я такъ же невиновенъ, какъ и вы. Тутъ кроется какая-то дьявольская тайна... Вѣрно г. слѣдователь ее раскроетъ, а пока берегите бѣднаго моего Колю... Обѣщаете?..

Вмѣсто отвѣта Никольскій крѣпко пожалъ ему руку.

Составили протоколъ, и наступила тяжелая минута прощанія съ сыномъ. Коля неутѣшно рыдалъ и повисъ на шеѣ у Трамбецкаго. Трамбецкій сдерживалъ слезы. Онъ горячо обнималъ Колю и только шепталъ:

— Милый мой... милый... Не забывай несчастнаго отца!

— Не унывайте, Александръ Александровичъ! проговорилъ молодой человѣкъ: — Недоразумѣніе разъяснится... Мало ли бываетъ нелѣпыхъ подозрѣній?.. Я всей душой приму участіе въ вашемъ дѣлѣ.

Digitized by Google

Потомъ, обратившись къ судебному слѣдователю, онъ спросилъ:

— А на поруки можно взять г. Трамбецкаго?..

— Мы посмотримъ... Во всякомъ случаѣ нуженъ залогъ.

— Великъ?..

— Да, не малъ.

— Онъ будетъ представленъ. Я достану его... Не унывайте, Александръ Александровичъ! еще разъ утѣшилъ Никольскій, крѣпко пожимая руку бѣдному неудачнику:—А за Колю не бойтесь... Скоро мы навѣстимъ васъ.

Въ тотъ же день Трамбецкій сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія по подозрѣнію въ покражѣ у отставнаго полковника Гуляева пятидесяти тысячъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XV.

Газетные слухи.

Черезъ нѣсколько дней въ нѣкоторыхъ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка:

«Необыкновенно дерзкое воровство обнаружено надняхъ въ нашей столицѣ. Среди бѣлаго дня изъ квартиры отставнаго полковника артиллеріи И. А. Гуляева похищено денегъ и бумагъ на сумму сто тысячъ рублей при слѣдующихъ таинственныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ не обнаруженныхъ судебной властью.

«По обыкновенію своему почтенный полковникъ въ 10 часовъ утра вышелъ изъ дому, поручивъ присмотръ за квартирой давно находящемуся у него въ услуженіи лакею Ѳомѣ Васильеву, вѣрному и испытанному человѣку, которому полковникъ, вообще недовѣрчивый, довѣрялъ почти безусловно.

«Въ семь часовъ вечера того же дня полковникъ, возвратившись домой, былъ извѣщенъ дворникомъ, что квартира его съ параднаго хода отперта, что тамъ на-

Digitized by Google

ходится въ настоящее время дворникъ, что Ѳомы Васильева нѣтъ и что узнали объ отпертой квартирѣ изъ словъ какого-то господина, пріѣзжавшаго къ полковнику въ одиннадцатомъ часу дня. Напуганный полковникъ, войдя въ квартиру, тотчасъ же бросился въ кабинетъ. Тамъ было все въ порядкѣ. Полковникъ отперъ желѣзный сундукъ, находившійся подъ кроватью, досталъ изъ сундука краснаго дерева шкатулку, оказавшуюся запертою, и, открывъ ее, поблѣднѣлъ. Изъ находившихся, по словамъ полковника, въ шкатулкѣ денегъ не доставало ста тысячъ рублей.

«Тотчасъ же объ этомъ происшествіи было дано знать полиціи и судебной власти. Въ тотъ же день полиція была на ногахъ въ розыскахъ Ѳомы Васильева, и утромъ на другой же день, благодаря энергіи г. судебнаго слѣдователя, найденъ господинъ, пріѣзжавшій къ полковнику въ день покражи. Господинъ этотъ, оказавшійся статскимъ совѣтникомъ Трамбецкимъ, былъ найденъ въ квартирѣ неимѣющаго опредѣленныхъ занятій нѣкоего Никольскаго. При обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ, въ карманѣ пальто г. Трамбецкаго найдено скомканными на три тысячи бумагъ изъ числа похищенныхъ у полковника Гуляева и кромѣ того небольшой револьверъ. О томъ, какъ попали къ нему бумаги, статскій совѣтникъ Трамбецкій объяснить не могъ. Не отрицая посѣщенія квартиры, онъ, несмотря на поличное, отрицалъ участіе въ воровствѣ и на вопросъ, съ какою цѣлью у него въ карманѣ былъ

Digitized by Google

револьверъ, отказался отвѣчать. При дальнѣйшихъ допросахъ онъ продолжалъ отрицать свою виновность и объяснилъ, что пріѣзжалъ къ полковнику будто бы съ цѣлью узнать о мѣстопребываніи жены, недавно отъ него скрывшейся. Дѣйствительно на письменномъ столѣ въ квартирѣ Гуляева найдено было письмо г-жи Трамбецкой, въ которомъ она извѣщала, что наконецъ избавилась отъ негодяя мужа, и просила полковника навѣстить ее.

«Таинственность этого дѣла усиливается, если мы прибавимъ къ этому, что жена г. Трамбецкаго, замѣчательно красивая женщина, при допросѣ показала, что въ тотъ же день мужъ явился къ ней на дачу и отнялъ сына, десятилѣтняго мальчика, заставивъ бѣдную женщину подписать бумагу объ отказѣ ея отъ правъ матери, подъ страхомъ угрозы убить ее. По словамъ жены, г. Трамбецкій былъ въ этотъ день очень взволнованъ. Вообще отзывъ этой женщины не рекомендуетъ съ хорошей стороны г. Трамбецкаго.

«Затѣмъ черезъ день послѣ происшествія на Смоленскомъ кладбищѣ найденъ былъ трупъ повѣсившагося Ѳомы Васильева. При обыскѣ платья у него найдена записка слѣдующаго содержанія, писанная каранДашемъ «Ты останешься въ сторонѣ, а дочь твоя будетъ счастлива. Не бойся ничего.» По сличеніи почерка на запискѣ съ почеркомъ Трамбецкаго найдено сходство. Ко всему этому надо добавить, что подозрѣваемый въ покражѣ не имѣетъ никакихъ средствъ и въ послѣднее

Digitized by Google

время служилъ въ конторѣ у нотаріуса. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдствіе, поведенное съ энергіей, откроетъ нити этого загадочнаго происшествія, и на судѣ обнаружатся настоящіе мотивы этого преступленія.»

Прошло еще два дня, и газеты сообщили слѣдующее дополненіе:

«Изъ вѣрныхъ источниковъ узнали мы, что г. Трамбецкій, содержащійся въ домѣ предварительнаго заключенія, продолжаетъ отрицать свою виновность. Деньги до сихъ поръ не отысканы. По словамъ полковника Гуляева, Трамбецкій никогда не заходилъ къ нему до этого времени. Затѣмъ изъ собранныхъ нами свѣдѣній обнаруживается, что г. Трамбецкій очень любитъ свою жену, что она нѣсколько разъ уже оставляла его и что есть основаніе думать, что г. Трамбецкій совершилъ преступленіе ради жены, и судебный слѣдователь недавно высказалъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени получить полное сознаніе Трамбецкаго. Вообще объ этомъ дѣлѣ ходятъ романическія подробности, но мы воздержимся отъ сообщенія ихъ до болѣе подробнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ этого загадочнаго дѣла»

Какъ бы для того, чтобъ окончательно разжечь любопытство публики, черезъ день была напечатана опять слѣдующая коротенькая замѣтка за подписью г. судебнаго слѣдователя:

«Въ виду появленія въ газетахъ замѣтокъ по дѣлу о покражѣ изъ квартиры отставнаго полковника Гуляева,

Digitized by Google

считаю долгомъ въ интересахъ истины сообщить, что въ этихъ замѣткахъ передаются совершенно невѣрныя свѣдѣнія и приписываются мнѣ слова, какихъ я никогда не говорилъ.»

Вслѣдъ затѣмъ въ одной изъ газетъ появилась повѣсть съ слишкомъ прозрачными псевдонимами, разсказывающая объ этомъ дѣлѣ самыя невѣроятныя подробности. Въ повѣсти фигурировали старикъ Кривскій, Леонтьевъ, Валентина и Трамбецкій... Трамбецкій описывался какъ несчастный человѣкъ, совершившій воровство, чтобы заслужить любовь жены. Валентина представлялась подстрекательницей воровства, а Кривскій и Леонтьевъ изображались обожателями этой дамы.

Пасквиль имѣлъ успѣхъ. Каждый читалъ его. Всѣ были увѣрены, что Трамбецкій укралъ деньги, и имя Трамбецкаго ежедневно фигурировало на страницахъ газетъ.

Валентина обрадовалась, когда узнала, въ чемъ подозрѣваютъ мужа, и непремѣнно хотѣла взять къ себѣ сына. Хоть она и сомнѣвалась въ виновности мужа, но улики были на лицо: у него были найдены деньги.

«Теперь по крайней мѣрѣ *онъ* уѣдетъ, далеко уѣдетъ, думала Валентина: — И конечно сына ему не видать болѣе, какъ ушей своихъ.»

Когда вызванный по телеграммѣ Евгеній Николаевичъ Никольскій пріѣхалъ къ ней и выслушалъ ея

Digitized by Google

предположеніе относительно сына, то, къ удивленію молодой женщины, совѣтовалъ ей «не торопиться».

— Но бѣдный мальчикъ... Отецъ въ тюрьмѣ... Гдѣ онъ?

— Онъ въ надежныхъ рукахъ, повѣрьте, Валентина Николаевна, но я совѣтую вамъ не поднимать дѣла о сынѣ. Ужь будто такъ безъ него вамъ скучно, а?

Валентина пробовала было сдѣлать мину, но Никольскій разсмѣялся:

— Полноте... полноте. Не сердитесь напрасно...

— Но гдѣ же Коля?

— Я вамъ сказалъ, онъ въ хорошихъ рукахъ...

— Но я кажется могла бы знать...

— Извольте, скажу: онъ у моего брата.

— У вашего брата?

— Да, братъ мой—большой пріятель вашего мужа, но это не мѣшаетъ разумѣется мнѣ быть вашимъ другомъ и дать вамъ дружескій совѣтъ оставить пока дѣло о сынѣ и позаботиться о себѣ... Вы слышали вѣроятно, вашъ Леонтьевъ выдаетъ замужъ дочь?

— Слышала. Онъ говорилъ объ этомъ.

— А слышали ли вы, что дѣла его скверны?

— И на это онъ жаловался.

— Это вамъ не нравится, а! Вѣдь пятьдесятъ тысячъ, которыя онъ вамъ далъ, сумма для васъ не Богъ знаетъ какая...

— Ну?

Digitized by Google

— И вы бы хотѣли, чтобы сумма эта увеличилась вчетверо или втрое!

— Но какъ же сдѣлать это? поспѣшно сказала Валентина.

— Слушайтесь меня, вашего друга... Но только не смотрите на меня такъ!.. Пока я не скажу болѣе ничего. Только помните, что надо безусловно слушаться, милая женщина... Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ,—и вашему Леонтьеву грозитъ разореніе...

— Развѣ его дѣла такъ плохи?

— Очень. Да кстати вы не слишкомъ-то испытывайте его ревность. Перестаньте вы принимать Шурку Кривскаго...

Валентина покраснѣла.

— Не краснѣйте, но только будьте осторожнѣе и не пишите такихъ записочекъ...

Съ этими словами Никольскій, доставъ изъ кармана записку и показывая ее Валентинѣ, проговорилъ:

— Вѣдь если эту записку увидалъ бы Савва Лукичъ, то...

— Вы ее отдадите мнѣ, не правда ли?

— Зачѣмъ же! усмѣхнулся Никольскій:—Она будетъ сохраняться у меня. Я, какъ другъ, предупреждаю васъ и еще разъ совѣтую,—бросьте ваши амуры съ Кривскимъ...

— Онъ уѣзжаетъ...

— Куда?

— За границу...

Digitized by Google

— Вотъ какъ! Ну, и отлично, а затѣмъ мирный поцѣлуй, и мнѣ пора ѣхать. Прощайте.

Онъ фамильярно обнялъ Валентину и уѣхалъ въ городъ, оставивъ бѣдную малютку въ недоумѣніи, откуда этотъ солидный молодой человѣкъ все знаетъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

Никольскій.

Евгеній Николаевичъ ѣхалъ въ городъ, довольный свиданіемъ съ Валентиной. Эта маленькая дурочка пригодится ему. Дураки созданы для того, чтобъ умнымъ людямъ пользоваться ими.

Вообще жизнь улыбалась этому солидному молодому человѣку,—улыбалась и манила своими прелестями въ будущемъ. Онъ шелъ по жизненному пути вѣрными, твердыми шагами, съ тѣхъ поръ какъ окончательно рѣшился стать «человѣкомъ». И онъ сталъ имъ.

Развѣ прежде онъ былъ «человѣкомъ»? Онъ былъ мразью, какимъ-то отребіемъ, какъ будто созданнымъ на то, чтобы вѣчно работать для другихъ и видѣть, какъ эти другіе снисходительно киваютъ головой.

Давно ли онъ, сынъ священника, былъ маленькимъ, несчастнымъ чиновникомъ въ губернаторской канцеляріи, съѣдаемый жаждой жизни, завистью и презрѣніемъ къ своей бѣдности. О, сколько униженій вытерпѣлъ

Digitized by Google

онъ, выбирая дорогу на службу по переулкамъ, чтобы не видѣли его истертаго костюма и блѣднаго, злобнаго лица. Съ ненавистью въ сердцѣ раздумывалъ Никольскій, какъ онъ, способный, неглупый, ловкій человѣкъ, принужденъ пресмыкаться, быть на побѣгушкахъ какого нибудь идіота въ то время, какъ другіе, глупые, менѣе способные, благодаря связямъ, протекціи, родству или состоянію, успѣвали по службѣ, жили, какъ слѣдуетъ жить порядочному человѣку, дѣлали карьеру, составляли состоянія... словомъ были людьми, а не наковальней, по которой ежечасно билъ молотъ...

Онъ не хотѣлъ быть наковальней. Къ чему же тогда сила ума и способностей? Надо только показать себя.

Онъ ли не пробовалъ всѣхъ средствъ! Онъ ли не хотѣлъ сперва добиться положенія, не кривя душой! Но скоро онъ убѣдился, что путь этотъ приведетъ къ чему угодно, но только не къ карьерѣ, и онъ рѣшился идти болѣе вѣрной дорогой къ намѣченной цѣли.

Онъ ли не работалъ, какъ волъ, онъ ли не просиживалъ ночей, составляя для губернатора записки и проекты по всевозможнымъ вопросамъ и мѣропріятіямъ!

Но на его бѣду его начальникъ былъ неблагодарный человѣкъ. Онъ срывалъ цвѣты почестей, ему писали ласковыя письма за дѣятельность, столь разнообразно проявляемую на пользу отечества, а настоящій вдохновитель его оставался все тѣмъ же безвѣстнымъ, презираемымъ чиновникомъ, рабочимъ воломъ, котораго

Digitized by Google

можно было порадовать перспективой въ далекомъ будущемъ мѣста совѣтника правленія.

Никольскій злился, но молчалъ. Онъ ненавидѣлъ своего начальника, раболѣпствовалъ, презирая его всей душой, и искалъ случая нагадить ему.

На его счастіе случай представился. Кривскій пріѣхалъ ревизовать губернію, и самъ губернаторъ рекомендовалъ ему Никольскаго, какъ хорошаго, усерднаго и работящаго чиновника. Чиновникъ понравился его превосходительству. Никольскій сразу понялъ, что его превосходительство работать не любитъ и пріѣхалъ спеціально, чтобы съѣсть губернатора, которому пророчили видную карьеру. Скромный чиновникъ незамѣтно помогъ его превосходительству и обратилъ на себя вниманіе скромностью, трезвымъ образомъ мыслей и способностью хорошо и быстро работать.

И вотъ теперь онъ, бывшая мелкая сошка, на виду. Онъ—секретарь его превосходительства, онъ—настоящій руководитель вѣдомства, любовникъ «влюбленной старухи», какъ называетъ про себя Евгеній Николаевичъ Кривскую; впереди видная карьера; живетъ онъ прекрасно, принятъ въ обществѣ, ему жметъ руку тотъ самый губернаторъ, который держалъ его въ черномъ тѣлѣ; его принимаютъ тѣ самые люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ не пустили бы его въ прихожую... Размахи его честолюбія дѣлаются сильнѣй, и вопросъ о состояніи является уже вопросомъ времени.

Digitized by Google

Будетъ и оно. Умному, практическому человѣку не трудно достичь, чего хочетъ,—разъ онъ на дорогѣ и разъ онъ не слишкомъ брезгливъ.

А онъ ли остановится на половинѣ дороги?

Онъ слишкомъ близко видѣлъ изнанку тѣхъ самыхъ людей, которымъ прежде завидовалъ, и слишкомъ презиралъ ихъ, чтобъ остановиться.

Ловкій, умный, вкрадчивый, умѣвшій силою ума заглушить голосъ совѣсти въ то время, когда она еще говорила громче, онъ ли не достигнетъ цѣли, которую намѣтилъ? Большинство всегда будетъ за него. «Люди вообще скоты, не разъ говорилъ онъ:—и охотно преклоняются передъ положеніемъ и богатствомъ, а меньшинство... Да кто такіе это меньшинство, гдѣ оно и какое до него дѣло? Они или дураки, или лицемѣры... Они отворачиваются отъ насъ и въ то же время завидуютъ...»

«А братъ?»

При воспоминаніи о братѣ у Никольскаго всегда какъ-то сжималось сердце. При всемъ желаніи, испытываемомъ каждымъ человѣкомъ съ нечистой совѣстью, найти грязныя побужденія въ другомъ человѣкѣ, онъ не могъ этого сдѣлать.

Братъ его былъ честный человѣкъ, безусловно честный. Когда-то — давно то было—были они дружны, любили другъ друга, а теперь?..

«Мечтатель!» прошепталъ какъ-то злобно Евгеній Николаевичъ, поднимаясь къ Кривскимъ.

Digitized by Google

Онъ прошелъ прямо къ Аннѣ Петровнѣ въ кабинетъ, поцѣловалъ ея руку, выслушалъ нѣжные упреки о томъ, что его давно не видать, и освѣдомился, скоро ли помолвка Бориса Сергѣевича.

Помолвка на-дняхъ, вслѣдъ за которой отъѣздъ за границу (и вы пріѣдете, надѣюсь?), но Анна Петровна смущена слухами о разстройствѣ дѣлъ Леонтьева и о его новой любовницѣ.

— Говорятъ, мужикъ въ нее влюбленъ, и она его обираетъ...

— Ну, мужикъ не такъ-то позволитъ себя обирать...

— Во всякомъ случаѣ надо, Евгеній Николаевичъ, намъ принять это къ свѣдѣнію. Эта дама кажется совсѣмъ невозможная женщина... Вы ее знаете?..

— Видалъ нѣсколько разъ...

— Знакомы съ ней?

— По дѣлу была у меня...

— По какому?

— Хлопотала о разводѣ съ мужемъ...

— Да... да... Вѣдь этотъ Трамбецкій, обокравшій бѣднаго полковника, ея благовѣрный... Кстати:.. какъ бы имя Леонтьева не фигурировало въ этомъ процессѣ...

— Не думаю.

— Все-таки я боюсь... И вообще недурно бы эту даму какъ нибудь отдалить отъ Леонтьева... Интересы его теперь нѣсколько близки намъ...

Ея превосходительство улыбнулась.

Digitized by Google

— Еще успѣемъ, Анна Петровна... Все это въ нашей власти...

— Ну, я на васъ надѣюсь... Кстати, вы не слышали подробностей объ этой кражѣ?.. Въ газетахъ столько пишутъ, но правда ли? Говорятъ, онъ влюбленъ въ свою благовѣрную и хотѣлъ бросить къ ея ногамъ деньги, украденныя у полковника...

— Все это вздоръ... Я увѣренъ, что Трамбецкій не укралъ...

— А кто же?

— Отыскиваемъ!

— И найдете?..

Никольскій пожалъ плечами.

— Полиція на ногахъ.

— Онъ не сознается?

— Нѣтъ...

— Но какъ же найденныя деньги?

— Вотъ это-то и смущаетъ слѣдователя...

— Все это очень странно, но мы живемъ въ такое время!.. Впрочемъ найдутъ или не найдутъ сто тысячъ, а Гуляеву печалиться нечего! прибавила, улыбаясь, Анна Петровна: — У него все-таки останется довольно...

— Надѣюсь...

Евгеній Николаевичъ всталъ, чтобъ идти въ кабинетъ къ его превосходительству, а Анна Петровна поручила Евгенію Николаевичу непремѣнно разузнать о

Digitized by Google

«невозможной» женщинѣ и, если нужно, то пригрозить ей...

— Какъ Леонтьевъ дастъ приданое... наличными? спросилъ, оборачиваясь въ дверяхъ, Никольскій.

— То-то и есть что нѣтъ. Половину деньгами, а остальное векселями...

— А когда свадьба?

— Вѣроятно въ іюлѣ... Безпокоитъ меня эта Трамбецкая... Что, хороша она?

— Нѣтъ...

— Такъ ли?

— Вы мнѣ не вѣрите? Право не хороша. Маленькая, худенькая. Я удивляюсь, какъ это влюбился Леонтьевъ.

И Евгеній Николаевичъ, какъ-бы въ доказательство, что говоритъ правду, поцѣловалъ выхоленную руку ея превосходительства, бросилъ на нее нѣжный взглядъ и пошелъ къ его превосходительству. «Она хочетъ, чтобы маленькая женщина поѣхала путешествовать, но ей еще рано!» думалъ Евгеній Николаевичъ, посмѣиваясь про себя.

Digitized by Google

ГЛАВА XVII.

I.

Баловень счастія, предметъ зависти неудавшихся милліонеровъ, разбогатѣвшій, точно сказочный герой, Савва Лукичъ, не знавшій доселѣ серьезныхъ неудачъ, въ послѣднее время съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что счастіе повернулось къ нему спиной.

Сталъ онъ чаще и чáще захаживать къ матери отвести душу и повторялъ боязливо:

— Матушка, опять потерялъ!

Суевѣрный страхъ закрадывался въ душу, когда Леонтьевъ переступалъ порогъ старухиной кельи, изъ угловъ которой казалось строго смотрѣли суровые лики стараго письма. Онъ смирялся здѣсь, тревожно ожидая слова утѣшенія на свои жалобы.

Старуха по обыкновенію устремляла на сына строгій, проницательный взглядъ. По безкровнымъ ея губамъ едва скользила снисходительная усмѣшка, и она въ отвѣтъ на слова Леонтьева строго замѣчала:

Digitized by Google

— Богъ далъ, Богъ и взялъ. Можетъ Богъ испытать тебя хочетъ?

Леонтьевъ возвращался къ себѣ въ кабинетъ и снова ободрялся.

«Не можетъ же быть, чтобы такъ-таки счастье отвернулось. Счастье счастьемъ, а ты, Савва, смастери какое нибудь такое дѣльце, чтобы всѣ ахнули!»

Несчастная полоса становилась все больше и больше. То одна, то другая крупная потеря сваливалась, какъ снѣгъ на голову.

Савва Лукичъ только встряхивалъ своими кудрями и вытиралъ вспотѣвшій лобъ.

«Ладно!.. Еще поглядимъ, какъ ты то, подлецъ, станешь раньше времени радоваться!» не разъ повторялъ Савва Лукичъ, до котораго доходили слухи объ усмѣшкахъ Сидорова на его счетъ.

И онъ «мастерилъ дѣльце».

Мастерилъ онъ его по обыкновенію порывами. То одинъ, то другой планъ занималъ его безпокойную голову, и онъ создавалъ эти планы, шагая по кабинету, сидя въ углу кареты, въ ваннѣ, по дорогѣ къ своей Валентинѣ, между дѣломъ и бездѣльемъ. Но планы все были неподходящіе, и, главное, нельзя было утереть носъ Сидорову. А этому «подлецу», какъ нарочно выгорало хорошее дѣло. Онъ долженъ былъ получить постройку желѣзной дороги. Леонтьевъ ее прозѣвалъ и могъ только закипать гнѣвомъ, представляя

Digitized by Google

себѣ, какъ Сидоровъ теперь станетъ передъ нимъ хорохориться.

Всѣ съ прежнимъ уваженіемъ относились къ Саввѣ Лукичу, но самъ то онъ чувствовалъ, что это уваженіе тотчасъ пропадетъ, какъ только сильно «крякнутъ», какъ выражался онъ, его дѣла. Пока они еще только начинали трещать. Точно передъ грозой проносились далекіе, глухіе раскаты грома...

Того и гляди гроза разразится надъ головой, и тогда... какъ тогда обрадуется Сидоровъ, его давнишній врагъ и соперникъ въ погонѣ за поживой.

Савва Лукичъ не даромъ радовался, что «дѣвка» согласилась идти замужъ за Бориса Сергѣевича. Родство съ Кривскимъ, во-первыхъ, удовлетворяло самолюбію мужика; во-вторыхъ, поднимало его кредитъ, а въ-третьихъ—съ умнымъ парнемъ можно будетъ дѣла дѣлать. Онъ вездѣ говорилъ о скорой свадьбѣ съ «сынкомъ Сергѣя Александровича» и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ Сидоровъ побагровѣлъ даже, поздравляя Савву Лукича.

«Такъ ли еще свернется его скула на сторону, какъ Савву Лукича произведутъ въ генералы!» думалъ не разъ Леонтьевъ и весело ухмылялся, представляя себѣ пакостную рожу Хрисанфа Петровича Сидорова. «То-то и ему захочется въ генералы!»

Однажды Савва Лукичъ весело проснулся утромъ, перекрестился и необыкновенно веселый вскочилъ съ постели.

Digitized by Google

Во снѣ или на яву, вчера ли вечеромъ, когда онъ, точно сумасшедшій влюбленный, утѣшалъ Валентину, раскачивая «малютку» на своихъ мускулистыхъ рукахъ, или на зарѣ, когда онъ по старой привычкѣ просыпался и выхлебывалъ цѣлый графинъ квасу прямо изъ горлышка, — онъ и самъ не зналъ, но только его голову озарила счастливая мысль.

Въ одной рубашкѣ, на босу ногу, ходилъ онъ по кабинету, и довольная улыбка озаряла его лицо. Временами онъ по старой памяти сморкался, прикладывая къ носу палецъ и вытирая его о сорочку, и подходилъ къ отворенному окну, подставляя широкую, крѣпко посаженную грудь, чернѣвшую мохомъ волосъ, свѣжей струѣ вѣтра, врывавшейся съ рѣки.

«Рожу-то рожу онъ скорчитъ!» проговорилъ Савва Лукичъ и вслѣдъ затѣмъ разсмѣялся такъ добродушно и такъ громко, что стая воробьевъ, чирикавшихъ на ближнемъ деревѣ, съ шумомъ вспорхнула прочь.

Савва Лукичъ наконецъ «смастерилъ» пастоящее дѣльце.

Дѣльце со всѣхъ сторонъ выходило хорошее. Въ счастливую минуту зародилось оно въ головѣ и вылилось со всѣми подробностями, какъ вдохновенное созданіе художника.

«И какъ это раньше невдомекъ! произнесъ онъ, весело потряхивая кудрями: — Точно Господь затмѣніе напустилъ! А кажется чего проще!»

И при воспоминаніи объ этой простотѣ Леонтьевъ

Digitized by Google

зажмурилъ отъ удовольствія глаза, словно матерой котъ передъ распростертой крысой, и произнесъ:

— Ну, Хрисашка, теперича держись только. Полетятъ клочья-то!

Грузно опустился онъ въ наполеонку у письменнаго стола и принялся выводить на листѣ бумаги крупныя каракули, имѣвшія нѣкоторое сходство съ цифрами.

Лакей заглянулъ въ кабинетъ, а Савва Лукичъ все выводилъ каракули.

Кончилъ, просмотрѣлъ цифры и сталъ ловко отщелкивать на счетахъ, посусливъ предварительно пальцы. То ли дѣло счеты! Тутъ Савва Лукичъ словно дома... Пріятно было глядѣть, какъ быстро мелькали подъ мощными пальцами костяжки,—только рябило въ глазахъ.

Покончивъ съ работой, Савва Лукичъ весело фыркалъ, подставивъ лицо и шею подъ струю свѣжей влаги, лившейся изъ крана, напился чаю и быстро сталъ одѣваться.

— Ты, милый человѣкъ, скажи Трофиму, чтобы поскорѣй обладилъ коляску, да сѣрыхъ коней! приказалъ онъ лакею.

Одѣвшись, онъ по обыкновенію зашелъ къ матери.

Старуха пристально взглянула на веселое лицо сына.

— Али онять грабить кого собрался?

— Дѣльце, матушка, смастерилъ... Самъ Господь надоумилъ...

Digitized by Google

— Охъ, ужь хоть Господа-то ты оставь, Савва, въ покоѣ... Не Господь, а дьяволъ смущаетъ тебя...

— Я, матушка, теперича Хрисашкѣ покажу... Будетъ помнить.

— Обидѣлъ развѣ?

— Онъ у меня толсторожій вотъ гдѣ...

— Такъ его грабить собрался?..

— Нѣтъ, весело разсмѣялся Савва Лукичъ:—зачѣмъ грабить, а только онъ теперь посмотритъ!...

Мать покачала головой, но такъ любовно взглянула на Савву, что Савва вышелъ отъ матери еще веселѣе чѣмъ вошелъ.

Онъ было свернулъ въ комнаты жены, но отдумалъ и повернулъ назадъ.

Не могъ онъ выносить болѣзненной, молчаливой, покорной жены.

Впереди все ему улыбалось, такъ что-жь за радость лишній разъ прочесть безмолвный укоръ въ этомъ исхудаломъ лицѣ и въ робкомъ, покорномъ взглядѣ когда-то любимыхъ глазъ?

Черезъ пять минутъ пара великолѣпныхъ въ сѣрыхъ яблокахъ хрѣновскихъ рысаковъ понесла Савву Лукича съ дачи въ городъ. Покачиваясь на эластичныхъ подушкахъ коляски, Леонтьевъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ, занятый мыслями о торжествѣ надъ Хрисашкой.

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ, сдерживая

Digitized by Google

на тугихъ возжахъ лошадей, когда коляска, скативши съ Троицкаго моста, загрохотала по мостовой.

— Въ департаментъ!

Кучеръ сдалъ возжи, и рысаки понеслись. Онъ отлично зналъ дорогу въ департаментъ.

Погруженный въ мысли, Савва Лукичъ и не замѣтилъ, какъ Евгеній Николаевичъ нѣсколько разъ кивалъ ему рукой, и очнулся только тогда, когда рысаки, какъ вкопанные, остановились у департамента сдѣлокъ.

II.

При появленіи Саввы Лукича старый сѣдой швейцаръ просіялъ, словно подъ животворными лучами яснаго солнышка. Онъ подскочилъ къ Леонтьеву съ низкими поклонами и, торопливо снимая пальто, проговорилъ:

— Давненько у насъ не изволили бывать, ваше высокородіе!

— Давненько, милый человѣкъ... Давненько... Богъ грѣхамъ терпитъ?

— Терпитъ-съ, Савва Лукичъ...

— И рыбка клюетъ?

Старый плутъ ухмыльнулся и отвѣтилъ:

— Тише стало...

— Тише! улыбнулся Савва Лукичъ, давая швейцару бумажку, которую тотъ зажалъ въ рукѣ: — Не гнѣви Бога, старина!

Digitized by Google

По хорошо знакомой широкой лѣстницѣ поднимался Савва Лукичъ въ департаментъ сдѣлокъ, въ которомъ почти каждый чиновникъ былъ пріятелемъ Леонтьева. Онъ отсчитывалъ ступени, и попадающіеся навстрѣчу чиновники весело раскланивались, останавливались и, пожимая широкую руку, привѣтливо говорили:

— Саввѣ Лукичу! Давненько у насъ не были.

— Давненько, милый человѣкъ... Давненько...

Вотъ и знакомый корридоръ, гдѣ чиновники курятъ и бесѣдуютъ съ посѣтителями попроще по душѣ. Въ длинномъ корридорѣ у оконъ кое-гдѣ стоятъ пары и тихо шепчутся. Савва Лукичъ весело проходитъ мимо, кивая головой направо и налѣво. Все знакомые ребята, — славные ребята. Онъ хорошо зналъ этотъ департаментскій шепотъ,— слава Богу много дѣлъ передѣлалъ онъ тутъ! — и, пройдя корридоръ, вошелъ въ двери, на которыхъ разумѣется было написано воспрещеніе постороннимъ посѣтителямъ проникать въ святилище храма сдѣлокъ.

Но развѣ онъ посторонній?

Сторожъ такъ привѣтливо поклонился ему и съ такой готовностью распахнулъ передъ нимъ двери въ хозяйственное отдѣленіе департамента сдѣлокъ, что Савва Лукичъ весело потрепалъ сторожа по плечу и сказалъ, что еще увидитъ его.

При входѣ Савва Лукича въ отдѣланіе всѣ радостно подняли на него глаза, и лица всѣхъ осклабились

Digitized by Google

тою пріятной улыбкой, которая словно бы говорила: «Вотъ Богъ и подалъ нашему брату!»

Всѣ низко поклонились, а Савва Лукичъ, пожимая всѣмъ руки, шутливо бросалъ по сторонамъ:

— Строчите, строчите ребятушки. Дѣтямъ на молочишко настрочите. А пріятель-то мой Егоръ Ѳомичъ гдѣ?

— У директора... Сейчасъ придетъ!

— А можетъ нескоро? Вы, ребята, не морочь, а то уйду...

Всѣ засмѣялись въ отвѣтъ на шутку.

Савва Лукичъ присѣлъ у стола, на которомъ лежала груда дѣлъ въ синихъ оберткахъ. За столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ и привѣтливо спрашивалъ:

— Премію получать?

— Нѣтъ, милый человѣкъ, другое дѣло, а насчетъ преміи срокъ не вышелъ, а то бы нужно... Нынче мошну порастрясъ.

Лицо молодаго человѣка приняло вдругъ серьезное выраженіе.

— Если вамъ нужно, Савва Лукичъ... началъ онъ вполголоса.

— Обработаешь?

— Для васъ, Савва Лукичъ, сами знаете...

— Знаю... Ты у меня, братъ, вѣрный пріятель... Обработывай...

— Срокъ когда?

Digitized by Google

— Въ сентябрѣ съ васъ, со строчилъ, сотню тысячъ получить...

— Авансомъ угодно?

— Какъ хочешь. Аванецъ, такъ аванецъ!.. Я и не думалъ о преміи, а ты-таки, спасибо, напомнилъ!

Молодой человѣкъ куда-то скрылся и черезъ пять минутъ вернулся обратно.

— Можно! проговорилъ онъ тѣмъ же полуголосомъ:— Мы выдадимъ вамъ сегодня, а вы завтра что ли пришлете удостовѣреніе изъ завода, что столько-то рельсовъ отработано.

— Ладно... ладно... А вотъ и пріятель! проговорилъ Савва Лукичъ, протягивая руку пожилому маленькому чиновнику съ самымъ обыкновеннымъ простымъ лицомъ и маленькими сѣрыми глазками, скромно опущенными долу...

Этого маленькаго скромнаго человѣчка всѣ дѣльцы знали хорошо и старались его задобрить. Въ своемъ департаментѣ онъ былъ настоящимъ воротилой и работникомъ, и если Егоръ Ѳомичъ обѣщалъ, хотя бы самъ министръ отказалъ въ чемъ нибудь, то проситель былъ спокоенъ, потому что «Егоръ Ѳомичъ обѣщалъ». Должность у него была не видная, въ родѣ столоначальника, а съумѣлъ онъ сдѣлать свою должность такою, какую многіе охотно бы купили тысячъ за двѣсти, да Егоръ Ѳомичъ не продавалъ.

Пріятели поцѣловались.

— Давненько, Савва Лукичъ...

Digitized by Google

— А ты и дорогу ко мнѣ забылъ?.. Бога не боишься?

— Служба, Савва Лукичъ...

— То-то!.. пардону просишь! Я безъ тебя тутъ нежданно сотню тысченокъ получу...

— Премію?..

— Самую... Твой помощникъ надоумилъ.

— Что же, съ Богомъ получайте. Петръ Петровичъ! обратился онъ къ чиновнику: — поскорѣе ордеровъ...

— А я къ тебѣ, Егоръ Ѳомичъ, по душѣ пріѣхалъ покалякать... Слободенъ?..

— Нельзя ли завтра?

— Завтраками-то ты не корми, а если хочешь, я тебя накормлю. Ѣдемъ, что ли, въ кабакъ. Всего часикъ...

— Развѣ, что часикъ...

— Гайда... Вернемся кстати деньги у васъ получать...

Пріятели отправились къ Борелю, и тамъ за бутылкой вина Савва Лукичъ разсказалъ свое дѣльце. Дѣло было очень простое. Надо было выкрасть у «Хрисашки» изысканіе желѣзной дороги, вырвать изъ-подъ носа концессію, на которую онъ разсчитываетъ, и утереть ему носъ.

Егоръ Ѳомичъ слушалъ съ невозмутимымъ вниманіемъ, ни разу не перебивая Леонтьева, точно дѣло шло о самомъ обыкновенномъ изъ дѣлъ, которыя онъ пе-

Digitized by Google

редѣлалъ въ теченіе своей жизни. Когда Савва Лукичъ кончилъ, то Егоръ Ѳомичъ прежде хлебнулъ изъ стакана и замѣтилъ:

— Трудно это, Савва Лукичъ. Министръ обѣщалъ Сидорову.

— Я, братецъ, это дѣло на себя беру. Это уже мы съ тобой послѣ оборудуемъ, а оборудуй ты мнѣ изысканіе и добудь, почемъ онъ беретъ съ версты... Объ условіяхъ нечего говорить, честь честью...

— Однако... Вѣдь тутъ расходы большіе...

— Полсотни тысячъ?..

Егоръ Ѳомичъ только взглянулъ на Савву Лукича, но ничего не сказалъ.

— Грабь сотню.

— И двѣ сграблю, если вы получите дорогу, Савва Лукичъ. Вѣдь шестьсотъ верстъ!

Пріятели знали другъ друга и скоро сошлись. Егоръ Ѳомичъ обѣщалъ подыскать «человѣка» изъ служащихъ у Сидорова, который на денекъ добудетъ планы, привести цѣну и задержать докладъ министру на мѣсяцъ.

— А въ мѣсяцъ и вы будете готовы?

Савва Лукичъ возвращался домой веселый и сіяющій. При встрѣчѣ съ Сидоровымъ на Невскомъ, онъ такъ небрежно кивнулъ Сидорову, что «Хрисашка» отъ злости позеленѣлъ. Между двумя тузами была старинная вражда. Много кусковъ считали они другъ на другѣ и при встрѣчахъ всегда щетинились, какъ два

Digitized by Google

какъ два свирѣпыхъ пса, хотя и старались быть любезными, какъ два приличныхъ человѣка.

Черезъ недѣлю машина была пущена въ ходъ. Копія съ изысканія лежала въ столѣ у Саввы Лукича, и онъ сталъ «работать». Цѣлые дни посвящалъ онъ на то, чтобы «смастерить дѣльце», толковалъ съ Егоромъ Ѳомичемъ, ѣздилъ къ министрамъ съ докладными записками, шептался съ камердинерами, узнавалъ ходы и лазейки, обѣщалъ любовницамъ вліятельныхъ лицъ, считающихся неподкупными, промессы, устроилъ, что противъ Сидорова была напечатана статья въ газетѣ,— однимъ словомъ Савва Лукичъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ.

Онъ готовился торжествовать и вырвать у «Хрисашки» шестьсотъ верстъ дороги, чтобъ окончательно доканать его, рѣшилъ задать по случаю помолвки пиръ горой, со старикомъ Кривскимъ на почетномъ мѣстѣ.

«Пусть посмотрятъ, каковъ у мужика Савки сватушка!»

Усталый въ хлопотахъ дня, Савва Лукичъ по вечерамъ ѣздилъ на тройкѣ къ своей пташкѣ, но тамъ вмѣсто отдыха изнывалъ отъ ревности. Мужикъ все болѣе и болѣе врѣзывался въ «малютку», а она какъ нарочно все становилась холоднѣй и холоднѣй.

Digitized by Google

ГЛАВА XVIII.

«Послѣдніе счеты».

Передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться оффиціальнымъ претендентомъ на милліонъ приданаго, Борису Сергѣевичу предстояло закончить кое-какіе счеты холостой жизни.

Аккуратный до щепетильности въ дѣлахъ, онъ однако со дня на день откладывалъ одно дѣло. При воспоминаніи о немъ безукоризненный джентльменъ, никогда не чувствовавшій смущенія передъ рѣшеніемъ вопросовъ государственной важности, приходилъ, надо сказать правду, въ большое смущеніе и каждый разъ со вздохомъ повторялъ,—увы! — поздно, что связь съ порядочной женщиной при нѣкоторыхъ удобствахъ имѣетъ весьма значительныя неудобства.

«Удобства» забыты теперь неблагодарнымъ человѣкомъ, а «неудобства», напротивъ, возстаютъ передъ нимъ въ видѣ сценъ, упрековъ и слезъ, — слезъ безъ конца.

Едва ли не въ первый разъ въ жизни Борисъ Сергѣевичъ въ душѣ пожалѣлъ о своей экономической

Digitized by Google

предусмотрительности. Любовь безъ большихъ расходовъ—хорошая вещь, но... но каковъ-то теперь будетъ разсчетъ?

О, если бы только объясненіе было какъ можно короче... Отчего это женщины не любятъ короткихъ объясненій!? Имъ непремѣнно объясняйся во всѣхъ подробностяхъ!

Если бы слезъ было меньше, по крайней мѣрѣ при немъ, а упреки... совсѣмъ бы не нужно упрековъ. То-то было бы хорошо! По крайней мѣрѣ она показала бы себя совсѣмъ умной женщиной!

Длинныя любовныя объясненія недурны въ Михайловскомъ театрѣ съ Паска и Вормсомъ, но въ жизни...

Мечтая такимъ образомъ, Кривскій очень хорошо зналъ, что никогда не сбыться его мечтамъ. Не разъ онъ собирался храбро покончить все разомъ, но малодушно робѣлъ при одной мысли о сценѣ, въ которой онъ волей-неволей долженъ будетъ подавать реплики въ качествѣ любовника, оставляющаго любовницу.

Надо было Борису Сергѣевичу дипломатически объявить разрывъ женщинѣ, но какой женщинѣ?

Молодой, хорошенькой, страстно любящей женщинѣ.

Дѣло было очень трудное, пожалуй болѣе трудное, чѣмъ вести дипломатическіе переговоры въ качествѣ полномочнаго посла.

«И зачѣмъ она ужь черезчуръ любитъ!» съ досадой вспоминалъ Борисъ Сергѣевичъ.

Какое любитъ!? Любовь не исключаетъ благоразумія,

Digitized by Google

а она, къ несчастію, обожаетъ, какъ можетъ только экзальтированная женщина обожать человѣка, имѣвшаго несчастіе позволить это обожаніе. За то конечно она теперь сочтетъ себя въ правѣ терзать свой кумиръ, если только онъ захочетъ отказаться отъ счастія быть обожаемымъ!

Такъ раздумывалъ Борисъ Сергѣевичъ и наконецъ дня за три до помолвки рѣшился поѣхать и кончить. Онъ постарается объяснить ей обстоятельства дѣла. Онъ начнетъ изъ далека, дипломатически... Онъ призоветъ на помощь ея любовь... Онъ... Она умная женщина... Она пойметъ...

«Да развѣ женщина можетъ это понять! съ раздраженіемъ воскикнулъ онъ, прерывая свои мечты:—Развѣ она дастъ мнѣ время развить свою идею?.. Какъ же! Она сейчасъ же преподнесетъ порцію сценъ!..»

Молодой генералъ кисло поморщился, воображая себѣ, какова будетъ эта «порція»

«И чортъ меня заставлялъ связываться!» съ сердцемъ повторилъ нѣсколько разъ Борисъ Сергѣевичъ, поднимаясь въ 8 часовъ вечера по знакомой лѣстницѣ въ третій этажъ. Вотъ и дощечка съ надписью «Марья Евгеньевна Веребьева». Борисъ Сергѣевичъ почему-то нѣсколько разъ повторилъ имя и фамилію и дернулъ наконецъ звонокъ.

Горничная отворила двери, привѣтливо улыбаясь.

— Марья Евгеньевна дома?

— Какъ же-съ, дома. Пожалуйте.

Digitized by Google

Къ чему онъ спросилъ? Она въ это время, между шестью и восемью часами, всегда дома, поджидая Бориса Сергѣевича.

Небольшая, уютная, мило убранная квартира. Изъ гостинной дверь въ будуаръ.

Борисъ Сергѣевичъ съ секунду остановился въ раздумьѣ. Въ головѣ его пробѣжала мысль: «Если бы кого нибудь застать. Можно было бы придраться, сдѣлать сцену ревности». Но онъ тотчасъ же съ горечью подумалъ, что «къ ней ни за что нельзя придраться... Ужасно добродѣтельная женщина».

Молодой генералъ рѣшительно вошелъ въ двери и очутился въ хорошенькой комнатѣ, убранной со вкусомъ и не безъ роскоши. Все въ этой комнатѣ было хорошо знакомо Борису Сергѣевичу. Онъ обвелъ глазами комнату и почему-то вспомнилъ, что цвѣты недавно были подарены имъ, а обивка мебели, очень изящнаго рисунка, была куплена по его выбору. «Она непремѣнно хотѣла. Что тебѣ нравится, то и мнѣ нравится!»

«Ахъ, ужь эти влюбленныя женщины!»

Но гдѣ же она, — она, единственный серьезный врагъ Бориса Сергѣевича въ эту минуту?

Отворились двери, и въ комнату быстро вошла Марья Евгеньевна, красивая, стройная молодая брюнетка смуглаго типа, съ большими, черными, выразительными глазами. По словамъ Марьи Евгеньевны, ей 25 лѣтъ. Глядя на нее, этому можно повѣрить. Она была свѣжа съ прелестнымъ румянцемъ по щекамъ.

Digitized by Google

При видѣ Кривскаго Марья Евгеньевна просіяла. Пришелъ кумиръ, и на лицѣ ея разлилось такое счастіе любящаго созданія, что генералъ почувствовалъ въ эту минуту и досаду, и смущеніе.

Она подбѣжала къ нему, обняла его и, держа его за руку, спросила:

— Отчего такъ поздно?

Она произнесла эти слова слегка вибрирующимъ контральто и. остановила безпокойный, любящій взглядъ на Борисѣ Сергѣевичѣ.

— Здоровъ?

— Здоровъ. Что мнѣ дѣлается?

— Отчего-жь ты такъ поздно? Теперь восьмой часъ, а ты всегда приходишь въ седьмомъ?..

Она какъ-то нервно спрашивала. Сейчасъ было видно, что передъ вами женщина, поглощенная страстью и ревнивая. Страсть и ревность сказывались въ дрожавшемъ голосѣ, въ подозрительномъ взглядѣ, въ нервныхъ движеніяхъ хорошенькой головки и маленькихъ рукъ.

— Дѣла были. Дома былъ! проговорилъ генералъ, все болѣе и болѣе смущаясь передъ предстоящимъ объясненіемъ.

Но Марья Евгеньевна съ проницательностью женщины поняла это смущеніе по своему.

— Дома?.. Борисъ, и тебѣ не стыдно?

«Начинается!» подумалъ Борисъ Сергѣевичъ и замѣтилъ:

— Честное слово дома, Мари. Гдѣ мнѣ быть?

Digitized by Google

Тогда она порывисто обняла его и прошептала:

— Прости, прости... Я вѣрю... вѣрю!.. Прощаешь?

— Охотно.

— Нѣтъ, ты прости, какъ слѣдуетъ... Ты—святой человѣкъ, а я... я, глупая, гадкая, подозрительная женщина, позволяю себѣ оскорблять моего кумира... Прости же, чтобы я повѣрила, что ты простилъ... Ну?..

Борисъ Сергѣевичъ поцѣловалъ въ лобъ молодую женщину, но, Боже мой, если бы только она видѣла, какое комическое лицо было въ это время у генерала, то бѣдной Марьѣ Евгеньевнѣ было бы жутко. По счастію она не видала и подарила его однимъ изъ тѣхъ любящихъ взглядовъ, отъ котораго у его превосходительства вдругъ явилась храбрость сейчасъ же приступить къ объясненію.

— Ты вечеръ, надѣюсь, у меня?

— Видишь ли, Мари, я сегодня не могу... Мнѣ...

— Ты гдѣ?

— Въ коммиссіи!..

— Ахъ, ужь эти твои коммиссіи! Гадкія онѣ!

Гадкія!? Напротивъ! Спасибо коммиссіямъ. Онѣ не разъ выручали Бориса Сергѣевича. Онъ въ столькихъ коммиссіяхъ членомъ, что внезапно слетѣвшій отвѣтъ нисколько не смутилъ Марью Евгеньевну.

— Бѣдный Борисъ... столько работы... столько занятій!

Однако пора начинать. Борисъ Сергѣевичъ пере-

Digitized by Google

сѣлъ на кресло, а Марья Евгеньевна уже безпокойно взглядываетъ на Кривскаго...

Пора!

Онъ кашлянулъ, и лицо его вдругъ сдѣлалось такое же серьезное, какое бываетъ у Бориса Сергѣевича, когда онъ дѣлаетъ замѣчаніе чиновникамъ, опаздывающимъ на службу. Взоръ его бродилъ по ковру, и онъ заговорилъ тихимъ, мягкимъ голосомъ:

— Мари, мнѣ съ тобой надо серьезно поговорить!

«Серьезно поговорить?»

Она взглянула на Кривскаго, но вмѣсто лица увидала ровную бѣлую дорожку пробора по головѣ.

Сердце у нея екнуло. Она вдругъ вся выпрямилась, поблѣднѣла и приготовилась слушать.

— Я слушаю, Борисъ.

Марья Евгеньевна произнесла эти слова тихо и спокойно, такъ что Борисъ Сергѣевичъ даже обрадовался. Начало обѣщало хорошій конецъ. Быть можетъ обойдется безъ сценъ.

Напрасно онъ не поднялъ головы.

Онъ увидалъ бы, какъ отлила вдругъ кровь изъ-подъ нѣжной кожи лица молодой женщины, какой тревогой блистали ея взгляды и какъ сильно прижала она побѣлѣвшую руку къ сердцу, словно желая умѣрить его біеніе.

— Обѣщай, Мари, только не перебивать меня.

Она собрала всѣ свои силы, чтобы не выдать волненія, и сказала:

Digitized by Google

— Обѣщаю.

— Ты умная женщина, Мари, и ты поймешь...

Борисъ Сергѣевичъ запнулся, а она уже поняла. Она все поняла и чувствовала, какъ замерло сердце и какъ вдругъ все помрачилось въ ея глазахъ. Онъ только началъ, а для нея уже было все кончено.

Маленькая запинка была необходимой данью смущеннаго оратора. Маленькое усиліе надъ собой, — и слова Бориса Сергѣевича полились мягкимъ бархатнымъ голосомъ съ едва замѣтной дрожью.

Онъ говорилъ:

— Ты умная женщина, Мари, и ты конечно поймешь, что въ жизни людей бываютъ обстоятельства, когда человѣкъ невольно дѣлается рабомъ ихъ. Что дѣлать? Приходится съ ними считаться и часто покорять требованія сердца голосу разсудка, сознавая въ то же время невозможность поступить иначе... И вотъ, Мари, я нахожусь въ такомъ именно положеніи... Я долженъ принести свою привязанность, горячую привязанность, въ жертву долга передъ обществомъ, среди котораго я живу. Если бы я былъ изъ числа тѣхъ людей, которымъ не доступны высшіе интересы, тогда къ чему жертвы, но моя дорога—не ихъ дорога... Я долженъ...

Борисъ Сергѣевичъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, изумленный и обрадованный, что Марья Евгеньевна хранила мертвое молчаніе. На одномъ изъ самыхъ, по его мнѣнію, удачныхъ мѣстъ онъ поднялъ голову,

Digitized by Google

чтобы взглянуть, какое впечатлѣніе произвела его рѣчь, и окончаніе замерло на его устахъ.

Молодая женщина глядѣла на него пристальнымъ страдальческимъ взглядомъ. Казалось она собралась выпить всю чашу до дна. Борисъ Сергѣевичъ ожидалъ сценъ, упрековъ, слезъ,—и вдругъ вмѣсто этого убійственное молчаніе.

Чего она молчитъ? Лучше бы упрекала, плакала!

Но она не упрекала, не плакала. А кажется могла бы упрекнуть. Не онъ ли ухаживалъ за ней, за замужней женщиной? Не онъ ли былъ причиной, что Марья Евгеньевна оставила мужа, хотя Борисъ Сергѣевичъ былъ противъ такого «рѣшительнаго», по его мнѣнію, шага; не онъ ли обѣщалъ всегда помнить ея «жертву»?..

Пауза становилась тягостной.

— Что жь вы остановились? Вы еще не кончили? проговорила наконецъ молодая женщина.

— Мари!

— Послушайте, Кривскій... оставьте это имя... Теперь не нужно... Кончайте поскорѣй! серьезно замѣтила она.

— Я женюсь.

— Съ этого бы и начали. На комъ? чуть слышно проронила она.

— На Леонтьевой!

— А!

Въ этомъ «а!» была и радость, и презрѣніе.

Digitized by Google

— Что дѣлать... Деньги—сила!

Марья Евгеньевна болѣе ни слова не сказала. Она тихо поднялась съ мѣста и, шатаясь, вышла изъ комнаты.

Кривскій стоялъ смущенный. Такая развязка совсѣмъ сбила его съ толку. Онъ не зналъ, чему приписать эту сдержанность въ Марьѣ Евгеньевнѣ.

Неужели такъ и уѣхать теперь?

— Марья Евгеньевна... Одно слово! проговорилъ онъ, подходя къ двери.

Она вышла на порогъ спокойная, точно ничего не случилось.

— Что вамъ еще?

— Неужели мы такъ разстанемся?

— Что же дальше?

— Простите ли вы меня, не будете ли вспоминать лихомъ?.. Позвольте иногда навѣщать васъ...

— Не хотите ли еще остаться моимъ любовникомъ?.. Что-жь не просите?.. Я можетъ быть соглашусь... Просите...

Борисъ Сергѣевичъ не зналъ, что отвѣтить. Она ли, эта женщина, еще нѣсколько минутъ обожавшая его, а теперь говорящая съ такимъ презрѣніемъ?

— Довольно, Кривскій... Винить васъ не буду. Виновата я.

Въ голосѣ ея звучали рыданія.

Вы виноваты? Въ чемъ же?

Digitized by Google

— Еще бы... Вѣдь я... Вѣдь я считала васъ, Кривскій, честнымъ человѣкомъ!

Съ этими словами она тихо повернулась и ушла къ себѣ.

Рыданія, давно сдерживаемыя, вырвались изъ груди брошенной женщины, когда она осталась одна съ своимъ горемъ.

Борисъ Сергѣевичъ ѣхалъ домой не въ духѣ. Конечно женщина сказала ему, что онъ нечестный человѣкъ, но все же...

«По крайней мѣрѣ теперь счеты покончены!» проговорилъ онъ, вздыхая съ облегченнымъ сердцемъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XIX.

День помолвки.

I.

— Ты, другъ Николай Василичъ, ужь размечтайся и денегъ не жалѣй, но только выдумай ты мнѣ обѣдъ что ни на есть сюпремистый... Такую миню смастери, милый человѣкъ, чтобы только ахнуть... Ты вѣдь по этой части въ Питерѣ, почитай, первый генералъ... Ужь удружи пріятелю!

Непомѣрно жирный, маленькій, съ пухлымъ, бѣлымъ лицомъ розоватаго отлива, безбородый и безусый молодой еще человѣкъ, похожій болѣе на откормленнаго для убоя боровка, чѣмъ на подобіе образа Божія, съ трудомъ приподнялся съ оттоманки. Маленькіе, бойкіе глазки его метнули изъ своихъ щелокъ искоркой. На лицѣ появилось серьезное выраженіе, онъ какъ-то особенно причмокнулъ пухлыми губами и весело отвѣтилъ:

— Такому порученію радъ, очень радъ. Я васъ такимъ обѣдомъ накормлю, такимъ, что вы только оближетесь...

Digitized by Google

И «милый человѣкъ» такъ вкусно причмокнулъ свои наливные пухлые пальцы, что Савва Лукичъ засмѣялся.

— Гляди, ужь и нутренность заходила... И въ какихъ такихъ заведеніяхъ эту науку ты проходилъ?..

— Это талантъ отъ Бога, достойнѣйшій милліонеръ. Всякому свой талантъ. Вы вотъ умѣете сочинять финансовыя комбинаціи, а я гастрономическія... Слава Богу, два состоянія проѣлъ, было время научиться!.. смѣясь говорилъ Николай Васильевичъ Трояновъ, прихлебатель, обжора, членъ какого-то правленія, извѣстный мастеръ заказывать обѣды, потомокъ, какъ говорилъ онъ самъ, смѣясь, Аскольда.

— А третье проѣшь?..

— Дайте-ка третье... Я вамъ покажу!.. Однако вотъ что, Савва Лукичъ. Поваръ вашъ хоть и ничего себѣ, а для настоящаго обѣда не годится...

— Какъ не годится... Сто рублей повару плачу и не годится?..

— Ужь вы предоставьте мнѣ carte blanche... Я приглашу Дюкана изъ англійскаго клуба... Дюканъ— артистъ, и мы поймемъ другъ друга...

— Ну, ну... какъ знаешь...

— Сколько человѣкъ у васъ будетъ обѣдать?

— Да надо думать человѣкъ тридцать!

— Покажите-ка списокъ.

Савва Лукичъ подалъ списокъ.

— Гмъ... Гости будутъ у васъ такіе, что надо постараться... Свѣтлѣйшій только вѣрно не пріѣдетъ?

Digitized by Google

— Это почему не пріѣдетъ?.. Его свѣтлость обѣщалъ безпремѣнно...

— Онъ кажется на-дняхъ уѣзжаетъ... Ну, а старикъ Кривскій?

— Разумѣется будетъ. Помолвка сына, и не быть. Это почему?

Николай Васильевичъ тонко улыбнулся, отдалъ списокъ назадъ, поднялся съ трудомъ съ оттоманки и заходилъ, переваливаясь и пыхтя, по кабинету.

Савва Лукичъ молчалъ, не осмѣливаясь нарушать гастрономическаго вдохновенія молодаго человѣка.

Наконецъ Николай Васильевичъ присѣлъ къ письменному столу, взялъ листокъ бумаги и сталъ набрасывать меню. Онъ нѣсколько разъ перечеркивалъ свой набросокъ, задумчиво смотрѣлъ вокругъ и наконецъ торжественно произнесъ:

— Слушайте, что я вамъ дамъ: Ну, разумѣется, первымъ дѣломъ закуска très riche, ботвинья съ осетромъ и лососемъ... подадимъ рыбу во всей красѣ и rintanier съ разными пирожками,—пирожками, которые таютъ во рту, знаете ли, этакими маленькими съ начинкой, разобрать которую можетъ только самъ Господь Богъ... Вино хересъ и мадера... Затѣмъ я вамъ дамъ filet de boeuf съ бѣлыми грибами, да только какое филе! Оно у меня будетъ три дня мокнуть въ мадерѣ, а мадера, по 12 руб. бутылка, будетъ перемѣняться каждый день подъ моимъ наблюденіемъ.

Digitized by Google

Вся говядина пропитается, и вы будете ѣсть не говядину, а восторгъ...

— Эка, говоритъ, собака, вкусно какъ! облизывался Савва Лукичъ, еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ смаковавшій тюрю съ лукомъ.

— Вино бордосское Поильякъ и Bram-Mouton... Конечно отъ Рауля... Засимъ truites de Gatchina à la Belle vue... Форель теперь вкусна. Запивать будемъ хорошимъ рейнвейномъ... Ну, разумѣется, форель только такъ, а послѣ форели crême de gibier à la Toulouse съ соусомъ изъ трюфелей, а пить бургонское. Послѣ этого мы сдѣлаемъ sorbeis à l'ananas; затѣмъ жаркое кто что любитъ: молодые бекасы, дупеля, куропатки, цыплята съ саладомъ, шампанское... и поздравленія помолвленныхъ послѣ того какъ вы объявите о томъ въ краткомъ, но трогательномъ спичѣ...

— Когда объявлять-то?...

— За жаркимъ непремѣнно... Какъ только разольютъ шампанское, вы, Савва Лукичъ, вставайте и начинайте...

— А начинать какъ... ужь ты скажи, милый человѣкъ... Ты за обѣдомъ у насъ рѣчистый...

— Просто объявите, что молъ родительское ваше сердце трепещетъ при мысли о необходимости отдать милліонъ въ руки Кривскаго, но такъ какъ вы молъ разсчитываете какъ нибудь избавиться отъ печальной необходимости...

Digitized by Google

— Полно врать-то... Какъ въ самомъ дѣлѣ объявить... Вкратцѣ, что ли?...

— Объ этомъ рѣчь впереди... Эхъ, быть бы мнѣ, какъ вижу, оберъ-церемоніймейстеромъ, а подите-жь... Спичь я вамъ, Савва Лукичъ, сочиню. Будетъ кратко и трогательно, а теперь послѣ тостовъ и рѣчей,—рѣчь о значеніи васъ, какъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ экономіи природы, я беру на себя!—а теперь послѣ тостовъ и рѣчей мы дадимъ артишоки aux fines herbes, спаржу непомѣрной толщины, выпьемъ еще Heidsig или Шандона и угостимъ свѣжей земляникой, а затѣмъ подадимъ parfait à la reine Victoria съ бріошами, á la marechal Mac-Magon. Затѣмъ дюшессы, ананасы, мандарины, стильтонъ, рокфоръ, кофе и двадцати пяти-рублевый зеленый чай и наконецъ винтъ по рублю фишка, съ тѣмъ что вы мнѣ держите 35 к. въ случаѣ проигрыша и ни одной полушки въ случаѣ выигрыша. Идетъ?

— Идетъ... Въ карты грабить будешь?

— Буду... Надо коммиссію за обѣдъ взять... Каково меню-то... Хорошо?

— Вѣрно хорошо, только малость не понялъ...

Николай Васильевичъ перевелъ непонятныя Леонтьеву названія и проговорилъ:

— Ну, теперь денегъ... Обѣдецъ этотъ вамъ тысченки въ двѣ влѣзетъ... Кстати... серебра и всей сервировки довольно?...

— Хоть сто человѣкъ зови...

Digitized by Google

Леонтьевъ выдалъ деньги. Николай Васильевичъ распростился и поѣхалъ дѣлать нужныя распоряженія.

Савва Лукичъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Дѣло съ дорогой спорилось. Впереди мерещились золотыя горы... Дѣвка дѣлаетъ хорошую партію. Могъ ли онъ объ этомъ мечтать? Онъ, Савка, битый не разъ исправниками и становыми, могъ ли думать, что онъ породнится съ его превосходительствомъ Сергѣемъ Александровичемъ, по приказанію котораго Савку два раза отодрали на съѣзжей?...

— Сила, силушка—мошна-то! Охъ, какая си ушка! самодовольно проговорилъ Савва Лукичъ, отходя въ тотъ вечеръ ко сну.

II.

Ясный, прекрасный лѣтній день 2-го іюня засталъ Савву Лукича въ наилучшемъ настроеніи. По обыкновенію сидѣлъ онъ утромъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ съ растегнутой рубашкой и выводилъ каракули на бумагѣ и пощелкивалъ счетами. Но не сидѣлось ему и не считалось. Онъ то и дѣло подходилъ къ окну—взглянуть, не пріѣхалъ ли кто объявить ему о генеральскомъ званіи. Онъ зналъ, что чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника будетъ радостнымъ подаркомъ въ этотъ день, приказъ подписанъ вчера и сегодня будетъ напечатанъ, а все какъ-то не вѣрилось.

Онъ, Савка, генералъ... его превосходительство!

Digitized by Google

Главное то, что теперь онъ, Савва Лукичъ, уже совсѣмъ баринъ, какъ есть по всѣмъ статьямъ...

Чувство гордости и тщеславія бывшаго мужика не могло не отразиться радостнымъ выраженіемъ на его красивомъ, энергичномъ лицѣ. Онъ невольно припоминалъ свое прошлое, сравнивая его съ настоящимъ, перекрестился тихимъ крестомъ и проговорилъ гордо и самоувѣренно:

— Въ пыли былъ, а теперь слава тебѣ, Господи!

Савва Лукичъ самодовольно оглянулся вокругъ. Дѣйствительно слава тебѣ, Господи. И изъ пыли-то вылѣзъ онъ самъ, благодаря уму, смекалкѣ и отвагѣ.

Одна за другой картины быстро мелькали передъ нимъ. Человѣку, добившемуся счастія, весело вспоминать, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ сталъ теперь.

А чѣмъ онъ былъ до тѣхъ поръ, пока «линія» не пошла?

Широкій просторъ деревенскихъ полей, запахъ навоза и спертый воздухъ покосившейся избы смѣнился бьющимъ въ носъ сивушнымъ запахомъ кабачнаго подземелья, гдѣ шустрый, черноглазый, бойкій Савка впервые учился житейскому обиходу, всматриваясь пристально въ продѣлки хозяина, скрадывая пятачки и невинно встряхивая кудрявой головенкой при допросахъ хозяина, почему водка отдаетъ черезчуръ водой. Случалось, били Савку, больно били, но онъ только посверкивалъ глазенками, скаля острые зубки, какъ молодой волченокъ, у котораго зубы не отросли еще

Digitized by Google

настолько, чтобы вцѣпиться, какъ слѣдуетъ... Били Савку и говорили, что Савка плутъ, что Савка—воръ мальчишка, но такъ говорили, что Савка только весело ухмылялся отъ такихъ комплиментовъ и сталъ вмѣсто пятаковъ скрадывать гривны, присматриваясь въ чаду кабака въ людей и подмѣчая пакость человѣческую... Выросталъ Савка удалымъ красавцемъ и когда заходилъ въ свою деревню, дѣвки вскидывали на него глаза, а онъ такъ взглядывалъ, что поневолѣ глаза опустишь. Пронзительный, плутоватый, насмѣшливый взглядъ былъ у Савки.

Сбился—и самъ кабачишко открылъ. Люди помогли, и своя рука - владыка помогла, а Савка былъ отваженъ... Дальше—дѣла шли лучше, и Саввушка уже три кабака снялъ, сталъ отъ своихъ деревенскихъ рожу воротить и одѣваться по-купечески... Тоже и въ долгъ за «проценту» сталъ давать,—видитъ, дѣло не мудрое, а прибыльное... Сталъ Саввушка у крестьянъ и мѣщанскаго люда Саввой Лукичемъ. «Савва Лукичъ, не обезсудь. Савва Лукичъ, помоги. Савва Лукичъ, нельзя ли...» Все можно. Неси закладъ. Вся округа понесла...

Въ тѣ поры, въ городишкѣ, гдѣ свилъ себѣ гнѣздо Саввушка, жила бѣдная дворянка, и была у этой бѣдной дворянки дочь—блѣдная, худенькая, тщедушная, изъ лица пріятная, съ голубыми глазами. Саввушка посматривалъ, заглядывался и сталъ мимо оконъ ходить. Ни малѣйшаго вниманія. Плюнулъ было Сав-

Digitized by Google

вушка и подумалъ: «Не намъ съ дворянкой связываться», а сердце клокочетъ. Эта худенькая бѣлобрысая дворянка понравилась красавцу Саввушкѣ, что-то въ ней было такое сиротливое и жалкое... Семейка бѣдная, а туда же, дворянство... Сталъ Саввушка чаще подъ окнами ходить и однажды повстрѣчалъ дѣвушку одну и такъ взглянулъ на нее, что дѣвушка покраснѣла и, какъ вспуганная перепелка, засеменила прочь.

Сталъ Саввушка наводить справки. Офицеръ ходитъ, жениться собирается... «Голь, голь разводитъ!» подумалъ Саввушка, а сердце все клокочетъ. Однако бросилъ ходить подъ окнами. Прошло полгода. Повстрѣчалъ онъ дѣвушку въ церкви, и Боже ты мой, какая она стала печальная, да жалостная... Дѣло видно съ офицеромъ врознь. Опять справки. Дѣло дрянь: офицеришко обманулъ и бросилъ, дѣвка младенца ждетъ, а мать воетъ, воетъ и поѣдомъ дѣвку ѣстъ. Призадумался Саввушка—и къ матери. Бѣдность непокрытая, а тоже форсъ какой. «Такъ и такъ.»—«Ты съума спятилъ, мужикъ.»—«Въ купцы выпишусь и перестану мужикомъ быть.»—«Подумаю.»

Черезъ три мѣсяца блѣднолицая дѣвушка вѣнчалась съ купцомъ 3-й гильдіи Саввушкой. Плакала она и спрашивала передъ свадьбой, не станетъ ли онъ бить ее. А Саввушка въ отвѣтъ такъ обнялъ ее, что блѣднолицая съ благодарностью поцѣловала у него руку. Но благодарность—не любовь, и Саввушка скоро

Digitized by Google

увидалъ, что жена не любитъ его... Сталъ онъ сперва поколачивать ее, больше для срыва сердца, а потомъ пересталъ. Младенецъ умеръ, а какъ родилась дочь Дуня, да сынъ, Савва Лукичъ увидалъ, что жена и совсѣмъ сохнетъ, и оставилъ ее въ покоѣ. Тутъ вдругъ подошла линія. Саввѣ тѣсно стало въ трехъ кабакахъ. Саввѣ захотѣлось простору. Приглядывался онъ долго. Надо было дѣйствовать.

День этотъ, когда «линія» вышла, Савва Лукичъ помнитъ, какъ будто сегодня это было... въ городишко пріѣхалъ большой петербургскій баринъ заглянуть въ свое имѣніе. Имѣніе большое, а доходу никакого или очень мало. Саввушка призадумался, заглянулъ въ кубышки, одѣлся и пошелъ къ барину. «Тебѣ чего?» спрашиваетъ камердинеръ. «Съ его сіятельствомъ на счетъ дѣла.»—«На счетъ какого?»—«На счетъ важнаго», а вмѣстѣ съ тѣмъ Саввушка синенькую, и проситъ доложить. Пустили. Поклонился и глазами вскинулъ. «Ты кто такой?»—«Купецъ.»—«А по какому дѣлу?»—«По вашему, ваше сіятельство. Слышали мы, что имѣніе доходу мало даетъ?»—«Это правда. Мошенники обкрадываютъ.—«Это точно, ваше сіятельство»; ноньче мошенникъ какъ клопъ развелся, а что ваше имѣніе—дно, золотое дно. Намъ это извѣстно, и если бы ваша милость, то я бы аренду со всѣмъ моимъ удовольствіемъ.»—«Какую же аренду дашь?»—«А на первый разъ десять тысячъ, а тамъ видно будетъ, какъ по совѣсти.» Его сіятельство чуть не привскочилъ.

Digitized by Google

Никто двухъ тысячъ не давалъ, а нашелся человѣкъ—десять даетъ, да еще обѣщаетъ больше.

Поманилъ пальцемъ—подойди по-ближе. Саввушка подошелъ. «Разскажи, какъ ты съ имѣніемъ-то». Саввушка подробно на счетъ золотаго дна: и тутъ доходъ, и тамъ доходъ, и отовсюду доходъ. «Ты, вижу, умный мужикъ?» Савва только встряхнулъ кудрями.

Дѣло было облажено скоро. Въ первый годъ выслалъ Саввушка 10,000, во второй 12,000, а на третій самъ въ Питеръ пріѣхалъ и 15,000 привезъ, да божится, что и самъ нажилъ.

Очень понравился Савва его сіятельству,—видитъ, умный хозяинъ. А Савва не будь дуракъ насчетъ подряда... Обѣщали, да вмѣсто подряда цѣлую дорожку строить дали...

Съ тѣхъ поръ какъ попалъ Саввушка на вольную воду, онъ ужъ поплылъ крупной рыбиной... Почетъ, уваженіе—все пришло, точно въ сказкѣ.

«А допричь всего было!» вспомнилъ Савва Лукичъ.

Однако никто не ѣдетъ! Или отложено?

— Имѣю честь поздравить, ваше превосходительство, съ монаршей милостью! проговорилъ, входя, курьеръ, подавая печатный листокъ.

У Саввы Лукича бросилась кровь въ голову.

«Наконецъ-то!»

Радужная курьеру, и онъ одинъ впился глазами въ листокъ и прочитываетъ: «Коммерціи совѣтникъ Леонтьевъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники».

Digitized by Google

Пріятно щикотитъ по всему тѣлу и въ сердцѣ какъ-то щекотно. Кажется всего только нѣсколько словъ напечатано, а радости...

«То-то Хрисашка сегодня!» не могъ не вспомнить Савва Лукичъ.

А въ домѣ уже вся челядь узнала. Всѣ подходятъ, всякій норовитъ урвать бумажку. «Ваше превосходительство», жужжитъ въ ушахъ Саввы Лукича. Подаютъ телеграмму. «Управленіе NN—ской дороги, поздравляя ваше превосходительство съ монаршей милостью, сообщило телеграммой по линіи о радостномъ для всѣхъ событіи.»

Всѣ уже знаютъ.

Пріѣхали инженеры, прихлебатели и разный людъ. Савва Лукичъ, едва успѣвшій одѣться, дѣлаетъ видъ, что равнодушенъ къ чину. Онъ уже успѣлъ въ нѣсколько часовъ привыкнуть.

— Не чинъ важенъ, а вниманіе...

— Такъ.,. такъ...

Савва начинаетъ немного совѣть. Уже слишкомъ много народа въ кабинетѣ у него поздравляютъ и говорятъ: «Давно бы вамъ, Савва Лукичъ, быть генераломъ!» «Это, Савва Лукичъ, всѣмъ намъ отличіе...» «Вы, Савва Лукичъ, вѣдь три тысячи верстъ построили и какъ построили.»

Савва не знаетъ, что отвѣчать. Его красивое, энергическое лицо глупѣетъ, а природный здравый смыслъ

Digitized by Google

и находчивость вдругъ исчезаютъ подъ шумомъ всѣхъ этихъ привѣтствій...

— Ну-ка, генералъ, повернись! иронически замѣчаетъ милліонеръ старикъ Потаповъ.

Подали шампанское...

Пользуясь случаемъ, не мало изъ гостей призаняли у Саввы Лукича.

Отказа не было.

Наконецъ кабинетъ опустѣлъ. Шмели разлетѣлись. Савва Лукичъ пошелъ сперва къ матери, объявилъ ей, но на нее никакого впечатлѣнія генеральскій чинъ не произвелъ. Жена—та обрадовалась, когда Савва Лукичъ, ласково цѣлуя ее въ губы, сказалъ.

— Поздравляю, ваше превосходительство!

Дуня молча обняла отца, а сынъ, мальчикъ пятнадцати лѣтъ, спрашивалъ, какой будетъ у отца мундиръ.

Въ четвертомъ часу пріѣхалъ Николай Васильевичъ и, наскоро поздравивъ его превосходительство, отправился на кухню.

Генералъ нетерпѣливо ждалъ обѣда, на которомъ долженъ быть непремѣнно «Хрисашка». Изъ-за него у Леонтьева была даже стычка съ Борисомъ.

Когда Борисъ Сергѣевичъ просмотрѣлъ списокъ приглашенныхъ на обѣдъ,—а въ спискѣ были «отборные» гости,—то онъ сказалъ:

— Зачѣмъ вы Сидорова зовете?...

Digitized by Google

Зачѣмъ онъ Сидорова зоветъ? Да развѣ безъ Сидорова обѣдъ будетъ обѣдомъ? Зачѣмъ тогда и свѣтлѣйшій, и старикъ Кривскій, и разные директоры канцелярій будутъ, какъ не для «Хрисашки»?... Онъ лучше согласится исключить изъ списка его сіятельство чѣмъ Хрисашку...

— А отчего жь? Хрисанфъ Петровичъ, слава Богу, не мелочь какая нибудь....

— Все-таки....

— Нѣтъ, Борисъ Сергѣевичъ... Кого другаго я вамъ уступлю, а пріятеля моего ни за что!...

Такъ Борисъ Сергѣевичъ и не настоялъ...

А будетъ ли его превосходительство Сергѣй Александровичъ?

Что-то говорило ему, что онъ не пріѣдетъ, а безъ старика торжество не полное... Положимъ его свѣтлость одинъ чего стоитъ, но все же сватъ...

«И чего гордится-то сватушко... Нынче, слава Богу, другія времена... не прежнія... На тебѣ чинъ, да въ карманахъ пусто!.. Сановникъ! И мы нонече въ генералы вышли!»

Онъ вспомнилъ, какъ холоденъ былъ съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ его превосходительство, и мысль эта омрачила торжественное настроеніе счастливаго мужика...

Онъ даже начиналъ сердиться при мысли, что его превосходительство вдругъ не пріѣдетъ на обѣдъ.

Digitized by Google

— Эка невидаль сынъ-то твой... Нонече не то что за генерала, а за прынцевъ можно нашихъ дочерей отдавать, только не оставь насъ Богъ своей милостью. Прынецъ теперь обнищалъ, а сила—мы, бывшіе посконные мужики и нынѣшніе генералы! проговорилъ Савва Лукичъ, встряхивая кудластой головой.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

Парадный обѣдъ.

I.

Повидимому его превосходительство Сергѣй Александровичъ, какъ истинный современный философъ, примирился съ фактомъ.

Со времени послѣдняго объясненія съ сыномъ, онъ болѣе не поднималъ вопроса о бракѣ своего первенца ни съ женой, ни съ Борисомъ Сергѣевичемъ, и казалось относился къ браку безъ неудовольствія.

По крайней мѣрѣ никто изъ домашнихъ не замѣтилъ въ его превосходительствѣ никакой перемѣны. Кривскій по прежнему былъ бодръ, свѣжъ и привѣтливъ. За обѣдомъ онъ, такъ же какъ и прежде, ласково шутилъ съ дочерьми, бесѣдовалъ съ Борисомъ о политикѣ, выслушивалъ свѣтскія сплетни, передаваемыя мастерски Анной Петровной, и весело улыбался удачнымъ анекдотамъ Евгенія Николаевича Никольскаго.

Digitized by Google

«Наконецъ то старикъ одумался!» весело говорили мать и сынъ, обманутые наружнымъ спокойствіемъ Кривскаго.

Но еслибъ они заглянули какъ нибудь вечеромъ въ кабинетъ, когда его превосходительство оставался одинъ, предупреждая, чтобы его не безпокоили, то они увидали бы, какъ обманчиво было спокойствіе старика, и поняли бы, что старикъ совсѣмъ не «одумался».

Въ глубокой задумчивости нерѣдко сидѣлъ онъ, склонивъ свою респектабельную голову надъ бумагами, но мысли его были далеко отъ разныхъ мѣропріятій, приготовленныхъ на благоусмотрѣніе его превосходительства.

Тяжелая рана, нанесенная ему такъ неожиданно, до сихъ поръ не заживала. Напротивъ, чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе она растравлялась. Бракъ Бориса съ дочерью мужика представлялся ему позорнымъ знаменіемъ времени и тяжелымъ несчастіемъ, обрушившимся на его сѣдую голову. А онъ недавно еще въ совѣтѣ такъ горячо защищалъ реабилитацію дворянства и въ одномъ благородномъ сословіи совѣтовалъ искать прочной опоры порядка.

А теперь?

Какъ посмотрятъ на него самого, когда сынъ его— и тотъ отрекается отъ традицій, готовый смѣшать благородную кровь Кривскихъ съ паскудной кровью Леонтьева?

Гдѣ же сила его идей? Куда жь наконецъ приве-

Digitized by Google

детъ бѣдную Россію это разложеніе единственнаго сословія, отъ котораго еще можно ждать спасенія?

И какъ мало для него утѣшенія даже въ томъ, что его свѣтлость недавно при докладѣ, освѣдомившись о бракѣ его сына, ласково изволилъ поздравить и, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ смущенія старика, сказалъ нѣсколько благосклонныхъ и ободряющихъ словъ.

Но что же дѣлать старику? Не поднимать же скандала? Да еще послушаетъ ли сынъ?

Тихимъ шагомъ расхаживалъ старикъ по кабинету, заложивъ руки за спину, и мрачныя мысли бродили въ его головѣ.

«Борисъ не понимаетъ, что дѣлаетъ! шепталъ онъ уныло:—Онъ горько раскается за ложный шагъ!»

Особенно нѣжно какъ-то Кривскій прощался двѣ недѣли тому назадъ съ Шуркой, отпуская его за границу. Доктора сказали, что Шуркѣ полезно попить воды, и старикъ тотчасъ же отпустилъ Шурку.

Передъ прощаніемъ его превосходительство какъ то торжественно совѣтовалъ Шуркѣ не забывать, что онъ—Кривскій, и съ ласковой снисходительностью пожурилъ его за долги.

Шурка стоялъ передъ отцомъ смущенный, опустивъ глаза. Онъ тихо прошепталъ обѣщаніе не «огорчать» отца, но слова его звучали какъ то холодно.

Старикъ съ любовью обнялъ здороваго, свѣжаго, румянаго юношу и тихо проговорилъ:

Digitized by Google

— Ты, Шурка, надѣюсь, не женишься какъ Борисъ?

«Вотъ глупости старикъ говоритъ. Отчего не жениться?..»

Но онъ ни слова не сказалъ, а торопился скорѣй кончить сцену прощанія, не понимая, съ чего это отецъ, обыкновенно не отличающійся сердечными изліяніями, вдругъ размякъ...

Шуркѣ было какъ-то не по себѣ. Онъ избѣгалъ смотрѣть отцу въ глаза и радъ былъ, когда наконецъ вышелъ изъ кабинета.

А старикъ долго еще глядѣлъ вслѣдъ за нимъ взоромъ, полнымъ любви и надежды.

«Этотъ не огорчитъ меня!»

Приближался день помолвки, и Анна Петровна за нѣсколько дней, какъ-бы невзначай, сказала его превосходительству:

— На-дняхъ у Леонтьева обѣдъ, на которомъ объявятъ Бориса какъ жениха Леонтьевой... Ты будешь?

Его превосходительство поблѣднѣлъ, но сдержалъ себя и тихо проговорилъ:

— Меня пожалуйста увольте.

— Ты хочешь оскорбить Бориса. За что?

«Оскорбить Бориса? Вы меня оскорбляете, а не я васъ!» чуть было не вырвалось изъ его груди, но его превосходительство не даромъ сжился съ своей англій-

Digitized by Google

ской складкой и вмѣсто рѣзкаго отвѣта процѣдилъ сквозь зубы:

— Мнѣ бы, Анна Петровна, не хотѣлось присутствовать на этой помолвкѣ... Я предупреждалъ и просилъ Бориса, чтобы какъ нибудь безъ меня...

Анна Петровна болѣе не настаивала, но она на другой день какъ будто нечаянно сказала его превосходительству, что на обѣдѣ будетъ его свѣтлость князь Вячеславъ Петровичъ, и перечислила списокъ остальныхъ гостей. Люди все были порядочные, за исключеніемъ двухъ-трехъ фамилій, при имени которыхъ его превосходительство какъ-то поморщился.

— А князь зачѣмъ?

— Онъ такъ любитъ Леонтьева... Онъ у него бываетъ запросто.

Его превосходительство пожалъ плечами. Въ самомъ дѣлѣ неловко было ему не ѣхать. Разъ онъ согласился на бракъ, надо было выпить чашу до дна.

А Анна Петровна, какъ нарочно, сообщила старику, что Борисъ очень огорченъ.

— Вѣдь я просилъ его не сердиться на меня...

Кривскій сказалъ эти слова такимъ тономъ, что Анна Петровна уже торжествовала побѣду.

Еще нѣсколько убѣдительныхъ рѣчей,—и его превосходительство наконецъ обѣщалъ исполнить свой долгъ передъ Борисомъ.

— Передай ему, что, не желая огорчить его, я буду тамъ, чего-бы это мнѣ ни стоило...

Digitized by Google

— Я право удивляюсь, отчего ты такъ не любишь бѣднаго Леонтьева?..

— Ну, ужь объ этомъ предоставьте мнѣ самому знать! сухо отвѣтилъ старикъ, прерывая разговоръ.

II.

Къ пяти часамъ собрались почти всѣ гости, приглашенные къ обѣду. Недоставало только князя Вячеслава Петровича и его превосходительства. Савва Лукичъ сіялъ. Борисъ Сергѣевичъ сказалъ ему, что отецъ непремѣнно будетъ, а что князь пріѣдетъ—въ этомъ Савва Лукичъ не сомнѣвался. Анна Петровна съ дочерьми сидѣла въ саду, стараясь приласкать Евдокію, смущенную, блѣдную, нѣсколько пугавшуюся блестящихъ гостей. Анна Петровна нашла, что Евдокія со вкусомъ одѣта, и такъ добродушно восхищалась молодой дѣвушкой, что бѣдная Дуня не разъ то краснѣла, то блѣднѣла. За то Леонтьева, больная, изсохшая женщина, казавшаяся старухой, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, глядѣла на Кривскую со слезами благодарности въ глазахъ и тихо разсказывала ей, какая Дуня кроткая и хорошая дѣвушка. Бѣдной матери хотѣлось какъ можно скорѣе задобрить Кривскую въ пользу Дуни. Она принимала за чистую монету ласковыя слова Кривской и торопилась найти своей Дунѣ въ будущей тещѣ покровительницу.

Анна Петровна раза два съ чувствомъ пожимала руку этой больной, умирающей женщинѣ, терпѣливо

Digitized by Google

выслушивая наивно-трогательныя похвалы матери. А она все говорила, все говорила, счастливая, что ее слушаютъ, ободренная мягкимъ, ласковымъ взглядомъ и самымъ дружескимъ обращеніемъ Кривской. И какъ ей было не радоваться! Объ Аннѣ Петровнѣ ей говорили какъ о гордой, важной генеральшѣ, а между тѣмъ какъ проста и добродушна оказалась эта генеральша.

На Евдокію Кривская не произвела хорошаго впечатлѣнія, но она по своему обыкновенію не дѣлала поспѣшныхъ заключеній. Она вглядывалась въ нее своимъ глубокимъ, вдумчивымъ взглядомъ и только вспыхивала до ушей, когда Анна Петровна ужь чересчуръ восхищалась богатой невѣстой.

Евдокія, впрочемъ, дѣйствительно была сегодня очень мила въ бѣломъ платьѣ съ цвѣткомъ въ русыхъ волосахъ. Стройная, граціозная, совсѣмъ молодая, она была необыкновенно симпатична, именно симпатична съ своимъ кроткимъ, задумчивымъ взглядомъ, придававшимъ блѣдному, нѣжному ея личику какую-то прелестную восторженность. Напрасно старикъ Кривскій полагалъ найти въ будущей невѣсткѣ вульгарныя манеры и мѣщанское самодовольство богатой купеческой невѣсты. Именно въ ней не было самодовольства никакого, и манеры ея не могли шокировать своей вульгарностью. Онѣ были нѣсколько рѣзки, порывисты, но въ то же время въ нихъ было столько благородства и простоты.

Хорошенькія, изящныя, какъ куколки одѣтыя двѣ

Digitized by Google

барышни Кривскія отнеслись къ Евдокіѣ Савишнѣ съ большимъ тактомъ. Онѣ не навязывались ей съ дружбой, не расточали мягкихъ словъ, а отнеслись просто и мягко. Евдокія ихъ нѣсколько удивила своей простотой, простодушіемъ, манерами и понравилась.

«Простенькая!» подумали онѣ, посматривая на богатую невѣсту.

И Евдокіѣ чувствовалось несравненно легче съ молодыми сестрами Бориса, чѣмъ съ его матерью, и она поспѣшила предложить имъ пройтись по саду, чтобъ избавиться отъ изліяній Анны Петровны.

Когда Князь Вячеславъ Петровичъ вошелъ въ гостинную, то говоръ на мгновеніе смолкъ. Всѣ присмирѣли и невольно обратили взоры на низенькаго старичка съ сѣдой бородой, пріостановившагося на порогѣ и выглядывавшаго изъ-подъ очковъ зоркимъ и живымъ взглядомъ. Старикъ былъ особа довольно крупная. При видѣ его въ гостяхъ у Саввы Лукича, «Хрисашка», толстый, краснорожій воротила, дѣйствительно побагровѣлъ отъ зависти и даже крякнулъ.

А Савва Лукичъ уже шагалъ навстрѣчу, склонивъ на ходу свою типичную, кудреватую голову.

Вся его грандіозная фигура какъ-то съежилась въ низкомъ поклонѣ, когда онъ остановился, почтительно пожимая руку его свѣтлости.

— Ну, поздравляю молодаго генерала и желаю ему всяческихъ успѣховъ... Очень радъ за васъ, Савва Лукичъ!

Digitized by Google

Князь очень ловко уклонился отъ изліянія Саввы Лукича, обратившись съ привѣтствіемъ къ одному изъ гостей и завязавши съ нимъ разговоръ.

Савва Лукичъ постоялъ около и подошелъ къ «Хрисашкѣ».

— Послѣ обѣда винтимъ? весело сказалъ онъ Хрисашкѣ.

А въ голосѣ звучала нота: «Видишь, кто пріѣхалъ?»

— Винтимъ!.. съ напускнымъ добродушіемъ отвѣтилъ Хрисашка, а въ глазахъ его, налитыхъ кровью, глядѣлся волкъ, готовый перервать горло.

— Такъ-то, другъ любезный... смотри только, не очень-то въ карты грабь...

И довольный, что сдѣлалъ пакость «Хрисашкѣ», отошелъ къ путейскому генералу. Съ генераломъ Савва заговорилъ тѣмъ почтительно-фамильярнымъ тономъ, которымъ онъ вообще говорилъ съ людьми, которыхъ можно было покупать по той или другой цѣнѣ.

Еще не прошло впечатлѣніе послѣ появленія князя Вячеслава Петровича, какъ въ дверяхъ показалась высокая, стройная, изящная фигура его превосходительства Сергѣя Александровича.

Чуть чуть блѣдный, усталый, но съ привѣтливой улыбкой на устахъ, онъ тихо проходилъ, радушно отвѣчая на низкіе поклоны и пожимая руки знакомымъ.

При видѣ этого гордаго старика у себя въ домѣ Савва Лукичъ осовѣлъ и смѣшался. Онъ обхватилъ руку его превосходительства двумя руками и казалось

Digitized by Google

не хотѣлъ съ ней разставаться, такъ что его превосходительство поспѣшилъ освободить руку. Прикосновеніе этихъ мужицкихъ толстыхъ рукъ произвело на него ощущеніе, далекое отъ удовольствія; но онъ съ неизмѣннымъ самообладаніемъ не выдалъ своего смущенія, а напротивъ съ большимъ уваженіемъ привѣтствовалъ Савву Лукича, освѣдомился о здоровьѣ супруги и Евдокіи Савишны и тихо прибавилъ:

— Простите, что утромъ не могъ поздравить васъ, были спѣшныя дѣла, но это не мѣшаетъ мнѣ, Савва Лукичъ, теперь отъ души порадоваться за стараго пріятеля.

Онъ сдѣлалъ все, что слѣдовало, и теперь могъ свободно болтать съ княземъ Вячеславомъ Петровичемъ. Онъ весело болталъ, но скверно было у старика на душѣ.

— Чай пора и за столъ. Какъ по твоей луковкѣ, «Хрисаша»? опять донимаетъ Хрисашку Савва Лукичъ.

— Безъ пяти пять! хрипитъ отъ злости Хрисашка.

Его превосходительство вспоминаетъ, что еще долгъ не доведенъ имъ до конца. Онъ оставляетъ князя, пробирается къ Саввѣ, отводитъ его въ сторону и говоритъ:

— А барынямъ вашимъ и забыли меня представить...

Они идутъ въ садъ. Его превосходительство почтительно проситъ ошалѣвшую Леонтьеву любить его и

Digitized by Google

жаловать и останавливается, пріятно пораженный, при видѣ скромной и симпатичной Дуни.

Такъ вотъ она, мужичка?

Такъ вотъ онъ, Кривскій?

Старикъ и молодая дѣвушка странно переглянулись, точно и тотъ, и другая пріятно обманулись при встрѣчѣ. Дуня какъ-то особенно крѣпко пожала старику руку и въ отвѣтъ на привѣтствіе его превосходительства отвѣчала такой открытой улыбкой, что его превосходительство нѣсколько секундъ не выпускалъ руки молодой дѣвушки и промолвилъ:

— Надѣюсь, когда короче познакомимся, вы полюбите старика.

— Я въ этомъ увѣрена! проговорила, вспыхнувъ дѣвушка.

Старику Дуня видимо понравилась.

Лакей доложилъ, что поданъ обѣдъ. Его превосходительство предложилъ руку Евдокіи Савишнѣ и повелъ ее къ столу съ такимъ видомъ, точно онъ велъ подъ руку не дочь посконнаго мужика, а настоящую владѣтельную принцессу.

Съ болью въ сердцѣ, но замѣчательно художественно, его превосходительство игралъ свою роль.

Обѣдъ былъ превосходный, и Николай Васильевичъ Трояновъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и съ гордостью видѣлъ, что всѣ отдаютъ дань искусству Дюкана.

Савва сіялъ. На его красивомъ лицѣ блистала радостная, счастливая, ребячья улыбка. Онъ не гово-

Digitized by Google

рилъ почти ни слова, а только глядѣлъ на всѣхъ этихъ блестящихъ гостей и улыбался. Улыбался и подливалъ себѣ вина. Когда подали жаркое, лицо его раскраснѣлось, и глаза блистали огонькомъ. Въ головѣ немного стучало. Онъ испытывалъ торжество счастливца, достигшаго всего, о чемъ только можно мечтать. Тутъ у него князь и его превосходительство, не считая разныхъ правителей канцелярій, членовъ правленій, генераловъ. Тщеславіе и гордость его вполнѣ удовлетворены. Но этого ему еще мало. Онъ самъ генералъ, но ему хочется бросить тутъ при этомъ блестящемъ собраніи всѣмъ въ глаза, что онъ не генералъ, а мужикъ, простой мужикъ, котораго его превосходительство приказалъ однажды отодрать.

Мысль встать и сказать объ этомъ лѣзетъ къ нему въ голову и дразнитъ его. «Пусть всѣ знаютъ, что я мужикъ.»

Его превосходительство съ безпокойствомъ посматриваетъ на Савву. Его добродушно наглый взглядъ начинаетъ пугать Сергѣя Александровича. Онъ переглядывается съ Борисомъ. Борисъ совсѣмъ смущенъ.

— Милостивые государи!

Его превосходительство закрываетъ глаза, въ ожиданіи скандала... Всѣ стали вдругъ серьезны.

— Милостивые государи! снова повторяетъ Савва, но вдругъ при видѣ устремленныхъ на него глазъ робѣетъ.

Бывшій мужикъ, робѣвшій бывало передъ исправни-

Digitized by Google

комъ, сказался теперь въ Саввѣ, и онъ вмѣсто признанія о томъ, какъ его пороли, робко, едва связывая слова, объявляетъ, что Дуня—невѣста Бориса Сергѣевича...

Начинаются поздравленія и тосты.

Николай Васильевичъ Трояновъ тянетъ за фалды Савву, желающаго что-то сказать, и обѣдъ кончается благополучно.

Послѣ обѣда князь и его превосходительство незамѣтно исчезаютъ, а Савва Лукичъ уже винтитъ съ Хрисашкой и предлагаетъ «Хрисашкѣ» по сту рублей на туза.

— Намъ съ тобой это наплевать. Шампанскаго! раздается пьяный его голосъ по комнатамъ богатой дачи.

Къ концу вечера началась оргія и чуть было не разрѣшилась вражда Саввы Лукича съ Хрисашкой. Оба они пьяные стояли другъ передъ другомъ, какъ два волка, готовые перервать другъ другу горло. Если бы ихъ не развели по комнатамъ, они бы подрались.

Поздно всѣ разъѣхались. Савва Лукичъ уже спалъ богатырскимъ сномъ въ опустѣвшей дачѣ, а Дуня не спала. Она лежала на кровати, полная разнообразныхъ думъ о будущемъ.

Конецъ первой части.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Пріемный день 3
» II. Исповѣдь 16
» III. Тиранъ мужъ и «добрая малютка» 28
» IV. «Шурка Кривскій» 53
» V. Отставной полковникъ, дающій деньги за «небольшіе» проценты 64
» VI. Валентинина звѣзда 81
» VII. Солидный молодой человѣкъ 106
» VIII. Отецъ и сынъ 121
» IX. Дѣло улаживается 140
» X. Въ поискахъ 162
» IX. Домашняя сдѣлка 174
» XII. Богатая невѣста 189
» XIII. Счастливыя минуты 214
» XIV. Короткое счастіе 227
» XV. Газетные слухи 241
» XVI. Никольскій 249
» XVII. Продолженіе 256
» XVIII. Послѣдніе счеты 269
» XIX. День помолвки 280
» XX. Парадный обѣдъ 294

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Продается у издателя: Большая Садовая, д. Пажескаго Е. И. В. Корпуса, торговля № 5, въ С.-Петербургѣ.

Digitized by Google

НАШИ НРАВЫ

РОМАНЪ

въ

ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

К. М. Станюковича

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отставной полковникъ.—Въ театрѣ.—Ударъ за ударомъ.—Въ Литовскомъ замкѣ.—Отставка его превосходительства.—Приговоръ присяжныхъ.—Молодые.—У смертнаго одра.—Въ отставкѣ.—Свиданіе.—Охота за звѣремъ.—Торжество Саввы.—Евдокія.—Рѣшеніе.—Пріятныя новости.—Тяжкій ударъ.—Разрывъ.—Эпилогъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца Н. А. Шигина

1880

Digitized by Google

Digitized by Google

НАШИ НРАВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ

ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

К. Станюковича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. А. Шигина.
1880.

Digitized by Google

Типографія (бывшая) **А. М. Котомина**, у Обух., моста, д. № 93.

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Отставной полковникъ.

Дождливое, мрачное, наводящее хандру, сентябрское утро занялось надъ столицей.

Заглянувъ въ маленькую квартиру отставнаго полковника Ивана Алексѣевича Гуляева, оно застало старика у письменнаго стола за обычными занятіями.

Въ неизмѣнномъ сѣромъ байковомъ халатѣ, обмызганномъ и истасканномъ, въ высокихъ плисовыхъ сапогахъ и вязаномъ шерстяномъ колпакѣ, старикъ склонилъ голову надъ своимъ рыжимъ отъ времени гроссъ-бухомъ, куда вносилъ цифры и буквы, таинственныя для другихъ, но для него полныя значенія и жизни.

Толстое гусиное перо дрожало слегка въ старческой рукѣ, когда рядомъ съ громкими фамиліями старинаго дворянства полковникъ выводилъ крупныя литеры Н. Н. (Не надеженъ) или П. В. (Подать ко взысканію).

Digitized by Google

Оно задрожало сильнѣй и со скрипомъ вывело около одной фамиліи зловѣщія буквы: П. Б. Эти буквы значили: Подложный бланкъ.

Полковникъ отложилъ перо, досталъ изъ папки вексель, поднесъ его къ глазамъ и, всматриваясь въ бланковую надпись, безнадежно вздохнулъ. Онъ зналъ, что тотъ, чей подложный бланкъ стоялъ на векселѣ, не дастъ ни гроша за своего племянника.

Вотъ отчего онъ такъ тяжко вздохнулъ. Сумма была не маленькая: десять тысячъ.

Медленно перелистывалъ полковникъ страницу за страницей свою «книгу судебъ» и, останавливая зоркій взглядъ изъ-подъ очковъ на таинственныхъ своихъ отмѣткахъ, мрачно покачивалъ головой.

Названіе, данное въ шутку какимъ-то веселымъ кредиторомъ, заключало въ себѣ серьезный, глубокій смыслъ. Дѣйствительно оригинальная бухгалтерская книга полковника была настоящей книгой судебъ дворянства послѣ крестьянской реформы. Подъ таинственными знаками, проставленными безпристрастной рукой деньголюбца, скрывалась правдивая историческая лѣтопись разоренія, обнищанія, легкомыслія и мошенничества. Все чаще и чаще въ послѣднее время мелькали на страницахъ современнаго Нестора зловѣщія буквы П. Б., и полковнику труднѣе и труднѣе приходилось получать деньги.

Наступили и для него печальныя времена. Онъ начиналъ терять нюхъ. Не зналъ, кому вѣрить, кому

Digitized by Google

нѣтъ. Самые надежные, повидимому, люди оказывались ненадежными. Солидные, почтенные джентельмены прибѣгали къ мошенническимъ уловкамъ, чтобы не платить денегъ...

Полковникъ усилилъ осторожность, наводилъ предварительныя справки съ большею тщательностью и все-таки при наступленіи сроковъ нерѣдко узнавалъ, что у кредитора нѣтъ никакого имущества; оно заблаговременно переводилось на чужое имя. Онъ стращалъ долговымъ, но угрозы его встрѣчались презрительнымъ взглядомъ, и однажды даже полковнику намекнули, что надо понимать, кого можно сажать, а кого нельзя...

Потери были чувствительныя. Полковникъ сталъ рѣже и рѣже давать деньги и рѣшилъ совсѣмъ прекратить дѣла.

Съ тѣхъ поръ какъ у него украли сто тысячъ, полковникъ сталъ еще болѣе недовѣрчивъ. Боязливо встрѣчалъ онъ у себя на квартирѣ родныхъ и знакомыхъ, и при наступленіи вечера испытывалъ муки страха... Длинными, нескончаемыми казались ему ночи съ прерывистымъ безпокойнымъ сномъ и тяжелыми кошмарами. Напрасно шепталъ онъ молитвы и припадалъ къ образамъ... Сердце его тревожно билось, и онъ осматривалъ запоры въ своей квартирѣ, словно въ осажденной непріятелемъ крѣпости.

Желѣзное здоровье его было подточено въ конецъ. Покража ста тысячъ подѣйствовала на него сильно. Пол-

Digitized by Google

ковникъ осунулся и постарѣлъ. Румянецъ пропалъ съ его щекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропало и хорошее расположеніе духа, бывавшее у него въ прежнее время.

Старикъ упалъ духомъ. Подозрѣвая близкихъ и кровныхъ въ намѣреніи его ограбить, мрачный, подозрительный и больной, старикъ начиналъ чувствовать, что заниматься дѣлами ему уже нельзя. Силы оставляли его, и онъ цѣлые дни просиживалъ дома, самъ приготовлялъ на спирту кушанье и отыскалъ себѣ вмѣсто Ѳомы какую-то старушку, которой прежде помогалъ. Къ роднымъ онъ почти пересталъ ходить. Ему казалось, что всѣ ждутъ его смерти, и въ самыхъ обычныхъ вопросахъ о здоровьѣ его подозрительный слухъ прозрѣвалъ злорадство...

Одинокій проводилъ онъ цѣлые дни дома, и съ каждымъ днемъ здоровье его становилось хуже и хуже.

Объ боялся смерти, но боялся и докторовъ. Доктора такъ дорого берутъ за визиты, и наконецъ кто ихъ знаетъ... нынче такъ много ядовъ...

Но чувство самосохраненія сказалось въ немъ. Онъ вспомнилъ, что въ числѣ многочисленныхъ его племянниковъ есть одинъ докторъ, недавно кончившій курсъ, о которомъ говорили, какъ объ очень талантливомъ врачѣ съ блестящей будущностью. Но молодой человѣкъ никогда не бывалъ у своего дяди и относился къ нему при встрѣчахъ съ самой холодной вѣжливостью. Полковникъ уважалъ племянника, втайнѣ сердился на него за невниманіе и зорко слѣдилъ, не

Digitized by Google

сдѣлаетъ ли онъ какой нибудь пакости, чтобы имѣть право и его записать въ счетъ того разряда подлецовъ, какими полковникъ считалъ всѣхъ людей.

Объ не разъ предлагалъ молодому врачу денегъ, но тотъ отказывался. Онъ пробовалъ другія средства, но всѣ оказывались тщетными, и полковникъ въ изумленномъ раздумьѣ нерѣдко повторялъ: «Неужели онъ честный человѣкъ?» и съ злобнымъ чувствомъ долженъ былъ согласиться, что «кажется честный».

«Отъ этого онъ и презираетъ меня! думалось старику:—Ростовщикомъ считаетъ! Такъ не будетъ же ему ничего послѣ моей смерти. Пусть остается нищимъ!»

И полковникъ вычеркнулъ племянника-доктора изъ духовнаго завѣщанія, о чемъ и разсказалъ роднымъ, чтобы тѣ довели до свѣдѣнія племянника.

Еще болѣе озлобился онъ, узнавъ, что докторъ принялъ это извѣстіе совсѣмъ равнодушно. Озлобился и въ то же время, при встрѣчахъ съ нимъ, оказывалъ ему особенное уваженіе и держалъ себя съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ съ другими родственниками.

Нравственное превосходство невольно дѣйствовало на мрачнаго старика.

Однажды отправился полковникъ на Выборгскую сторону къ племяннику посовѣтоваться о здоровьѣ. Лицо молодаго врача приняло серьезное выраженіе. Онъ какъ-то строго-оффиціально сказалъ: «Потрудитесь раздѣться!» и сталъ тормошить старика съ азартомъ и добросовѣстностью юнаго врача. Полковникъ послушно

Digitized by Google

сталъ раздѣваться. «Совсѣмъ, совсѣмъ!» прибавилъ племянникъ. Дядя раздѣлся до-нага и конфузливо смотрѣлъ, какъ племянникъ отошелъ шага два назадъ, приказалъ вытянуть руки, окинулъ серьезнымъ взглядомъ пухлый торсъ старика, затѣмъ приблизился и сталъ тыкать пальцомъ въ рыхлое тѣло. Подъ давленіемъ пальца бѣлыя пятна медленно окрашивались розоватымъ цвѣтомъ. Не смотря на полноту, тѣло очевидно было больное.

— Теперь мы постучимъ!

И племянникъ сталъ постукивать молоточкомъ, не оставляя ни одного мѣстечка на груди и на спинѣ нетронутымъ. Наконецъ молоточекъ спрятанъ. Вдавивъ косматую свою голову въ заплывшую жиромъ грудь полковника, племянникъ слушалъ, слушалъ такъ долго, что у старика закружилась голова.

— Устали дядя?

— Усталъ!

— Сейчасъ отдохнете, а пока считайте: разъ, два, разъ, два!

Полковникъ покорно считалъ «разъ, два, разъ, два», а племянникъ казалось хотѣлъ съѣсть глазами дядину грудь. Старикъ все считалъ: «разъ, два, разъ, два!», а къ сердцу, къ самому сердцу подступала назойливая мысль: «Этотъ подлецъ—честнѣйшій парень!»

— Довольно? проговорилъ онъ, когда племянникъ, отирая вспотѣвшій лобъ, отвелъ наконецъ глаза отъ тѣла полковника.

Digitized by Google

— Нѣтъ еще. Ложитесь-ка, дядя, на диванъ... Вотъ такъ! повторялъ онъ веселымъ голосомъ, помогая полковнику.

Опять самое добросовѣстное изслѣдованіе, и когда казалось все было осмотрѣно какъ слѣдуетъ, племянникъ разрѣшилъ одѣваться.

— Однако измучилъ ты меня братецъ!..

Въ словахъ полковника звучала ласковая нота.

Племянникъ, некрасивый молодой человѣкъ, только усмѣхнулся въ отвѣтъ.

— А какъ дѣла?

— Погодите, дядя... Сперва поговоримъ...

И племянникъ сталъ разспрашивать о томъ, какъ живетъ дядя, что ѣстъ, что пьетъ и т. п.

Когда наконецъ все было разспрошено и племянникъ задумался, полковникъ спросилъ:

— Что жь ты мнѣ пропишешь?..

— Знаете ли, что я вамъ скажу, дядя?..

— Ну?..

— Бросьте вы всѣ ваши дѣла и уѣзжайте куда нибудь...

— Какая же у меня болѣзнь?..

— У васъ разстройство всего организма. Вамъ нуженъ покой, полный покой...

Старикъ печально свѣсилъ голову и проговорилъ:

— Я давно его ищу и...

— И что же?..

— Не нахожу его! уныло прошепталъ старикъ, взгля-

Digitized by Google

дывая на молодаго племянника какимъ-то растеряннымъ, виноватымъ взглядомъ.

Оба молчали. Обоимъ было какъ-то неловко продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ.

— За границу бы прокатились...

— Развѣ я такъ плохъ?..

— Нѣтъ, дядя, вы не плохи, но только при настоящихъ условіяхъ вашей жизни трудно васъ лечить...

«Настоящія условія жизни!»—вотъ оно что! А какъ ихъ измѣнить? Куда поѣдетъ онъ, одинокій старикъ, на чужбину? Кто будетъ около него?.. Кому можетъ онъ довѣрить свои дѣла, а неконченныхъ дѣлъ такъ много... Сколько денегъ роздано на руки, и надо эти деньги вернуть!

При мысли о деньгахъ старикъ даже оживился.

— Нельзя мнѣ ѣхать, Володя... Дѣла...

— По крайней мѣрѣ оставьте ихъ на время...

Что онъ говоритъ?.. Ахъ, эти доктора, доктора... Они быть можетъ знаютъ, какъ лечить тѣло, но не понимаютъ человѣческаго сердца. Оставить на время дѣла—это значитъ потерять деньги, а развѣ онъ рѣшится сознательно потерять деньги...

— Невозможно... Годъ, другой... тогда я могу ѣхать куда тебѣ угодно.

Племянникъ только пожалъ плечами.

— Я вамъ пропишу лекарство...

— Спасибо, Володя. Только не скрывай ты отъ меня и скажи: плохъ я?

Digitized by Google

— Пока ничего, но только состояніе ваше серьезно...

— Поправиться возможно?.. Знаешь ли, безсонница меня одолѣваетъ...

— Вотъ принимайте это лекарство! проговорилъ врачъ, подавая рецептъ.

— А затѣмъ еще одна просьба! началъ полковникъ:—Будешь ты меня лечить... Ѣздить ко мнѣ, а?..

— Я, дядя, избѣгаю практики...

— Прошу тебя...

Онъ проговорилъ просьбу умоляющимъ голосомъ.

— Извольте. Я буду ѣздить.

— Спасибо! Ну, теперь позволь, Володя, тебя поблагодарить, какъ паціентъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ, отводя руку полковника, сказалъ:

— Не надо... прошу васъ не надо...

«Глупый парень!» подумалъ полковникъ, пожимая руку племяннику.

— Ну, по крайней мѣрѣ, какъ ко мнѣ станешь ходить, будешь брать...

— На извозчика, дядя...

Полковникъ покачалъ головой и, выходя на улицу, задумчиво прошепталъ:

«Честный парень... Славный парень... Только долго ли онъ будетъ такимъ!»

Грустный вернулся онъ домой. Положеніе серьезное, необходимъ покой...

— Господи, да гдѣ же его найти? не разъ взды-

Digitized by Google

халъ полковникъ, просыпаясь по ночамъ въ испугѣ... Ему все чудилось, что ломятся къ нему въ дверь. Люди такіе подлецы и такъ вѣдь зарятся на чужое добро!

—

Уже нѣсколько разъ звонили, а полковникъ не слыхалъ, погруженный въ мысли, навѣянныя ему его бухгалтерской книгой. Наконецъ звонокъ раздался сильнѣй. Полковникъ вздрогнулъ, съ трудомъ поднялся съ кресла и поплелся на кухню.

— Степанида! Оглохла! Звонятъ... Да не забудь, старая... Сперва спроси, кто...

— Не забуду! прохрипѣла старуха, торопливо направляясь къ дверямъ.

Она пріотворила двери, не снимая толстой желѣзной цѣпи, и спросила, какъ доложить.

— Подайте лучше карточку!

Степанида отнесла полковнику карточку.

— Пусти... проси въ кабинетъ! проговорилъ полковникъ въ необыкновенномъ волненіи.

Въ кабинетъ быстро вошелъ толстенькій, кругленькій господинъ съ брюшкомъ и лысой головой. Это былъ господинъ Сивковъ, агентъ сыскной полиціи и повѣренный полковника.

— Ну, что?.. Удачно ли съѣздили, Антонъ Ивановичъ? спрашивалъ полковникъ, со страхомъ посматривая въ лицо господина Сивкова.

— Никакихъ слѣдовъ... Я нигдѣ не могъ найти до-

Digitized by Google

чери Ѳомы... Она словно въ воду канула... Вчера только вернулся.

Старикъ мрачно опустилъ голову.

— Значитъ надежды никакой?..

— Подождите еще, Иванъ Алексѣевичъ, отчаяваться...

— Три мѣсяца, сударь, жду...

— Такія дѣла, батенька, и дольше заставляютъ ждать... Посмотримъ, что на судѣ окажется.

— Такъ неужели вы думаете, что Трамбецкій укралъ мои деньги?..

— Ни мало не думаю... Тутъ Трамбецкій невинная жертва и больше ничего... Того и гляди умретъ въ домѣ предварительнаго заключенія до суда.

— А развѣ онъ плохъ?...

— Очень... Только что сейчасъ видѣлся съ его адвокатомъ. Говоритъ: совсѣмъ плохъ... Только еще свиданія съ сыномъ поддерживаютъ бѣднягу, да надежда, что какой-то его пріятель откроетъ это таинственное дѣло...

— Никольскій?..

— А вы какъ знаете?

— Этотъ господинъ былъ у меня вскорѣ послѣ покражи... Интересуется очень дѣломъ.

— Наврядъ ли только онъ успѣетъ. Ужь если я ничего не могъ узнать, то что можетъ сдѣлать этотъ господинъ Никольскій...

— Нечего сказать, порядки у насъ! У человѣка среди бѣлаго дня крадутъ сто тысячъ и не могутъ найти...

Digitized by Google

— Еще подождите, не печальтесь, Иванъ Алексѣевичъ.

Сивкову легко было говорить «не печальтесь», а каково было полковнику слушать?

Въ самомъ дѣлѣ исторія покражи ста тысячъ до сихъ поръ нисколько не выяснилась. Трамбецкій продолжалъ отрицать свою виновность, и слѣдователь не могъ отъ него добиться никакихъ указаній, которыя бы пролили свѣтъ на это загадочное дѣло.

Тѣмъ не менѣе Трамбецкаго держали подъ арестомъ и не соглашались даже выпустить изъ тюрьмы на поруки.

Улики противъ Трамбецкаго были настолько полновѣсны, что не смотря на нравственное убѣжденіе слѣдователя въ невинности Трамбецкаго, прокурорскій надзоръ предалъ его суду, и газеты уже извѣстили о днѣ, назначенномъ для слушанія этого таинственнаго дѣла, съ различными болѣе или менѣе пикантными подробностями.

Полковникъ обѣщалъ г. Сивкову двадцать пять тысячъ, въ случаѣ отысканія денегъ, и ловкій сыщикъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы получить обѣщанный кушъ, но всѣ его старанія до сихъ поръ были безплодны.

Изъ найденной въ карманѣ Ѳомы записки видно было, что у Ѳомы есть дочь.

Г. Сивковъ узналъ, что дѣйствительно у лакея полковника есть незаконная дочь, которую Ѳома очень любилъ, но розыскать ее онъ не могъ, какъ не могла и судебная власть.

Digitized by Google

Г. Сивковъ однако не терялъ надежды и утѣшалъ полковника, когда раздался рѣзкій звонокъ, и старуха подала полковнику клочекъ бумажки, на которой было написано: «Петръ Николаевичъ Никольскій проситъ свиданія по дѣлу Трамбецкаго».

— Проси! Быть можетъ Никольскій былъ счастливѣе! проговорилъ полковникъ.

Толстенькій господинъ только презрительно усмѣхнулся въ отвѣтъ на замѣчаніе полковника.

II.

Жаднымъ взглядомъ впился полковникъ въ молодаго человѣка, когда онъ, послѣ безмолвнаго рукопожатія, опустился въ кресло у письменнаго стола, напротивъ полковника. Только напрасно старикъ надѣялся прочесть что нибудь на утомленномъ лицѣ Петра Николаевича. Оно было холодно и безстрастно.

Молодой человѣкъ обвелъ взглядомъ кабинетъ и только-что замѣтилъ притаившуюся въ темномъ углу кабинета толстую маленькую фигуру г. Сивкова. Передъ входомъ молодаго человѣка сыщикъ пересѣлъ подальше отъ свѣта. Никольскій взглянулъ въ уголъ нѣсколько разъ, и чуть замѣтная судорога скользнула по его лицу.

И господинъ Сивковъ въ свою очередь пристально разглядывалъ молодаго человѣка изъ своего убѣжища. Лицо Никольскаго напомнило сыщику что-то знакомое, и вглядываясь въ профиль молодаго человѣка, (Никольс-

Digitized by Google

скій повернулъ голову), г. Сивковъ припоминалъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ съ нимъ встрѣчался.

А что встрѣчался—это несомнѣнно. Эти вьющіеся непокорные бѣлокурые волосы и шрамъ у виска, онъ очень хорошо помнитъ!..

— Давно изволили вернуться въ Петербургъ? заговорилъ наконецъ полковникъ, томимый любопытствомъ.

— Сейчасъ только!

— Откуда?

— Изъ разныхъ мѣстъ!

— Ну, и успѣшно съѣздили?

Никольскій молчалъ.

— Вы, господа, незнакомы? спохватился полковникъ:—Мой повѣренный г. Сивковъ! Господинъ Никольскій!

Оба гостя привстали и поклонились, но руки другъ другу не подали.

— Мы кажется гдѣ-то встрѣчались! проговорилъ г. Сивковъ, вставая съ мѣста и приближаясь къ столу:—Кажется встрѣчались?

— Я не помню. Впрочемъ можетъ быть... Въ Петербургѣ такъ легко встрѣтиться!

— Ваше лицо, г. Никольскій, кажется мнѣ знакомымъ... А впрочемъ быть можетъ меня обманываетъ сходство съ кѣмъ нибудь. Это бываетъ! поспѣшилъ прибавить г. Сивковъ, добродушно посматривая на молодаго человѣка.

Digitized by Google

— Да, бываетъ! промолвилъ равнодушнымъ тономъ Никольскій.

— Однако хорошъ я! спохватился вдругъ Сивковъ:—Засидѣлся у васъ и забылъ, что мнѣ къ одиннадцати часамъ надо въ одно мѣсто. Эге, половина одиннадцатаго! удивился онъ, взглянувъ на часы:— До пріятнаго свиданія, Иванъ Алексѣевичъ! Ужо вечеркомъ заверну, а пока не тревожьтесь по напрасну, право не тревожьтесь. Богъ дастъ вора-то настоящаго мы найдемъ. Онъ и не ждетъ, какъ мы его накроемъ...

Сивковъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ при этихъ словахъ. Онъ опять пристально взглянулъ на молодаго человѣка и, опуская глаза подъ встрѣчнымъ взглядомъ Никольскаго, проговорилъ:

— Позвольте спросить, какъ здоровье г. Трамбецкаго?

— Ничего себѣ...

— А я такъ слышалъ, что плохо... Впрочемъ вамъ лучше знать. Онъ кажется вашъ пріятель? Мое почтеніе! прибавилъ онъ, уходя изъ кабинета.

«Странная встрѣча! проговорилъ Сивковъ, очутившись на улицѣ:—Лицо это почему-то мнѣ очень памятно, но почему?»

Онъ припоминалъ, но не могъ припомнить и, какъ мастеръ своего дѣла, рѣшилъ теперь же прослѣдить за молодымъ человѣкомъ.

«Иногда неожиданно нападешь на что нибудь чрез-

Digitized by Google

вычайно любопытное!» усмѣхнулся Сивковъ, останавливаясь на углу Большаго проспекта.

Когда за Сивковымъ затворились двери кабинета, Петръ Николаевичъ началъ:

— Поиски мои были неудачны, Иванъ Алексѣевичъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы совсѣмъ неудачны... У меня кое-что есть.

— Что... что такое?..

— Я ничего не отвѣчу на вашъ вопросъ. Это кое-что слишкомъ неопредѣленное... А пока я пришелъ къ вамъ съ просьбой. Не можете ли показать мнѣ книгу вашихъ заимодавцевъ?

— Зачѣмъ вамъ? Эту книгу нѣсколько разъ ужь смотрѣли. И слѣдователь смотрѣлъ, и Сивковъ смотрѣлъ, да только все безъ толку.

— Быть можетъ, полковникъ, я просмотрю съ толкомъ...

— Самонадѣянны вы, молодой человѣкъ!..

— Вѣдь вамъ все равно, полковникъ? Позвольте взглянуть! Кто знаетъ, пожалуй я буду счастливѣе слѣдователя и вашего повѣреннаго г. Сивкова... Онъ присяжный повѣренный?

— Какое! Онъ просто агентъ сыскной полиціи...

— Вотъ какъ!

— Мнѣ рекомендовали его какъ превосходнаго сыщика.

— И что же сдѣлалъ вашъ превосходный сыщикъ? усмѣхнулся Петръ Николаевичъ.

Digitized by Google

— То-то и есть что ничего. Ѣздилъ розыскивать дочь этого мерзавца Ѳомы и вернулся съ пустыми руками. Кажется пропали мои денежки! Нечего сказать, порядки у насъ! Хороши порядки! Хороша сыскная часть! Просто Азія какая-то!

Полковникъ, разъ сѣвъ на своего конька, не скоро останавливался. Съ тѣхъ поръ какъ украли у него сто тысячъ, онъ сталъ чаще нападать на порядки. Онъ и прежде не вполнѣ доволенъ былъ ими, но теперь негодованію его не было границъ.

— Никто ни за чѣмъ не смотритъ! Вездѣ продажные люди... Свое добро нельзя вернуть съ какого нибудь мошенника, прикрытаго формой...

Не безъ улыбки слушалъ Никольскій ламентаціи старика и, когда тотъ кончилъ, снова повторилъ просьбу просмотрѣть книгу полковника.

— Пожалуй, смотрите! Только едва ли вы что нибудь найдете въ ней, молодой человѣкъ... Нѣкоторые господа, записанные въ моей книгѣ, пожалуй не прочь надуть или подложный бланкъ поставить...

— А украсть? перебилъ Никольскій:—Какъ вы объ этомъ думаете?

— Слишкомъ дерзкая кража... Тутъ смѣлость нужна...

— А между ними развѣ смѣлыхъ нѣтъ? Смѣлые люди вездѣ попадаются, полковникъ!

Петръ Николаевичъ со вниманіемъ перелистывалъ гроссъ-бухъ полковника и особенно тщательно выпи-

Digitized by Google

сывалъ сроки векселей. Таинственные знаки были ему непонятны.

Злая, ядовитая усмѣшка искривила губы молодаго человѣка, когда онъ выслушалъ характиристики старика.

«Вотъ ихъ подлинная исторія. И есть еще болваны, которые на нихъ надѣются! Чего можно ждать отъ этого вырождающагося класса... Чего?»

— Однако, полковникъ, вы точно Пименъ Пушкина... Спокойно зрите на правыхъ и виновныхъ... У васъ вотъ тутъ, прибавилъ онъ, кивая косматой головой: — настоящая лѣтопись.

— Всего есть, молодой человѣкъ. Надѣюсь, что вы не употребите во зло моего довѣрія.

— Еще бы! Я, полковникъ, шантажемъ не занимаюсь! усмѣхнулся Никольскій: — До свиданія!

— Ну, дай вамъ Богъ успѣха. Если вы будете счастливы и розыщете мои деньги, то я готовъ извѣстную часть...

— Не обѣщайте никакой части...

— Вы отказываетесь?

— А что?

— Нѣтъ, я такъ... Странно...

— Вы помните, полковникъ, шекспировскія слова: «Есть много, другъ Горацio», и такъ далѣе. Я ввязался въ это дѣло больше по глупости! улыбнулся Никольскій.

— Какъ по глупости?

— Да такъ, просто по глупости. Жаль человѣка,

Digitized by Google

хоть и пустаго, а все человѣка. Вѣдь пожалуй его и dahin за то, что сыскная часть-то несовершенна. По ошибкѣ!.. Ужь вы на судѣ-то, полковникъ, пожалѣйте бѣднягу...

— Хорошій ли у него адвокатъ?

— Адвокатъ хорошій, но вѣдь все въ рукѣ Божіей...

Никольскій простился со старикомъ, а полковникъ въ раздумьѣ проговорилъ:

— Странный, очень странный этотъ молодой человѣкъ?.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Въ театрѣ.

I.

Вечеромъ 21-го сентября красивая голубая зала Маріинскаго театра представляла необычайное зрѣлище. Давалась русская пьеса, а между тѣмъ блестящее, избранное общество, никогда не показывающееся въ русскомъ театрѣ, наполняло нижніе ярусы ложъ и первыхъ рядовъ креселъ.

Въ партерѣ мелкали звѣзды, генеральскіе эполеты, аристократическія благоуханныя лысины, аксельбанты и фраки. Извѣстные всему Петербургу дѣльцы, журналисты, адвокаты, чиновники были здѣсь. Бель-этажъ сіялъ свѣжестью и роскошью дамскихъ нарядовъ, блескомъ бриллiантовъ, сверкающей бѣлизной голыхъ плечъ и наведеннымъ на щекахъ румянцемъ.

Обычная бенефисная публика русскихъ спектаклей исчезла среди блеска изящныхъ туалетовъ, расчесан-

Digitized by Google

ныхъ затылковъ, вырѣзныхъ жилетовъ и сдержаннаго французскаго говора.

Въ бенефисъ премьера русской сцены шло первое представленіе трагедіи извѣстнаго писателя, принадлежавшаго къ аристократическому кругу.

Пьеса возбуждала ожиданія. Какъ говорили тогда, она явилась на сценѣ, благодаря лишь аристократическому имени автора. Онъ самъ ставилъ пьесу. Обстановку обѣщали невиданную еще при исполненіи русскихъ пьесъ. Высокопоставленныя особы обѣщали быть въ театрѣ.

Ровно въ семь часовъ взвился занавѣсъ. Сдержанный шумъ театральной залы мало по малу смолкалъ. Всѣ глаза устремились на спену.

Незамѣтно вошла Валентина въ крайній бенуаръ, тихо опустилась у барьера и стала глядѣть на сцену. Вслѣдъ за нѣй вошелъ Савва Лукичъ и сѣлъ сзади. Валентина повернула въ полъ-оборота головку, что-то шепнула, улыбаясь обворожительной своей улыбкой, и Савва Лукичъ покорно пересѣлъ впередъ. Изъ третьяго ряда креселъ Евгеній Николаевичъ навелъ на Валентину бинокль и быстро опустилъ его, усмѣхнувшись довольной улыбкой. При появленіи Валентины, дамы сосѣдней ложи переглянулись, пожали плечами и вздохнули. Мужчины изъ ближайшихъ креселъ на время отвели глаза отъ сцены, посматривая на хорошенькую женщину, разорявшую милліонера Савву и щеголявшую нарядами и безумной роскошью.

Digitized by Google

Изъ крайней ложи бель-этажа на Валентину направился бинокль. Ея превосходительство Анна Петровна Кривская внимательно осматривала Валентинины бриллианты и недовольно покачала головой, поворачиваясь къ сценѣ.

Сдержанный шумъ, точно шумъ замирающей волны, пронесся по залѣ, когда послѣ перваго акта спустился занавѣсъ. Въ проходѣ толпилась публика, медленно пробираясь къ выходу. На женскихъ лицахъ появились улыбки. Можно было разсматривать свободно другъ друга и не стѣсняться дѣлать замѣчанія.

«Хрисашка», тотъ самый Хрисашка, который не забылъ леонтьевскаго обѣда, сидѣлъ въ бенуарѣ напротивъ Леонтьева въ обществѣ нѣсколькихъ инженеровъ и весело улыбался. Красное лицо его, еще болѣе раскраснѣйшееся отъ духоты и газа, сіяло необыкновеннымъ довольствомъ. Онъ указалъ инженерамъ на Валентину и проговорилъ:

— Околдовала Савву-то дамочка. Совѣсть потерялъ человѣкъ... Еще впередъ лѣзетъ!

— Разоряетъ его, говорятъ, эта барыня...

— Скоро совсѣмъ Саввѣ Лукичу конецъ! прохрипѣлъ Хрисашка, выходя изъ ложи.

Партеръ снова сталъ наполняться. Впереди у барьера стояла толпа. На Валентину обратили вниманіе.

— Кто это?

— Развѣ не знаете?.. Трамбецкая...

— Прелестная женщина...

Digitized by Google

— Только кусается... Она, говорятъ, стоитъ Леонтьеву!

— Мужикъ не глупъ, оказывается!

— Да... Но только развѣ вы не слыхали, онъ наканунѣ банкротства?

— Не можетъ быть! Онъ на-дняхъ получаетъ концессію.

— Кажется Сидоровъ ее получитъ...

— Нѣтъ!.. Она обѣщана Леонтьеву.

— Посмотрите, какимъ Отелло сидитъ мужикъ. Онъ, говорятъ, бьетъ прелестную малютку...

— Бьетъ?.. Что вы! Напротивъ, говорятъ, она его къ себѣ не пускаетъ и позволяетъ любить только платонически...

Валентина смотрѣла въ партеръ, счастливая, что на нее обращены бинокли изъ партера и ложъ. Дамы разглядываютъ ее и отворачиваются съ гримасками. Мужчины напротивъ пожираютъ изящное маленькое созданіе. Костюмъ на ней скромный: она вся въ черномъ, съ брилліантами въ ушахъ и брилліантовой діадемой на изящной головкѣ. Закрытое платье придаетъ еще болѣе пикантности ея пышному, гибкому стану, оставляя просторъ воображенію. Она лѣниво обмахивается вѣеромъ и жмуритъ глаза отъ удовольствія и блеска. Черный цвѣтъ удивительно идетъ къ ней, оттѣняя матовую бѣлизну и нѣжность кожи.

Она замѣтила въ партерѣ Евгенія Николаевича, навела на него бинокль и едва замѣтно кивнула.

Digitized by Google

— Ты кому это? спрашиваетъ Савва.

Онъ смотритъ на Валентину глазами, налитыми кровью, и въ жо время робѣетъ передъ этимъ красивенькимъ звѣркомъ.

— Знакомому! смѣется Валентина.

Савва только багровѣетъ, молча глотаетъ насмѣшку и разсѣянно смотритъ кругомъ. А вотъ и Хрисашка здѣсь. Отчего подлецъ этотъ такой веселый?

Онъ отвелъ глаза и взглянулъ на верхъ. Въ бельэтажѣ сидѣла ея превосходительство Анна Петровна съ дочерьми. Савва замѣтилъ Кривскихъ и сказалъ:

— Кривскіе здѣсь, Валентина.

— А ваша дочь?

— Кажется нѣтъ, вздохнулъ Савва.

Опять смолкъ говоръ. Начался второй актъ.

Но Савва ничего не видитъ. Ему не до пьесы. Ревность не даетъ ему покоя и пожираетъ его. Онъ «влопался» въ малютку, она дразитъ его и вотъ уже двѣ недѣли, какъ не принимаетъ Савву по вечерамъ... Приметъ ли сегодня? А онъ ли не тѣшитъ ея? Онъ ли не сыплетъ деньги къ ея ногамъ?

Онъ отводитъ глаза отъ малютки и разсѣянно глядитъ въ партеръ.

Но чего Хрисашка радуется?

«Ужо погоди... Еще недѣльку ждать, всего недѣльку,—и ты лопнешь съ зависти!..»

А вопросъ для Саввы былъ рѣшительный. Онъ хорошо понималъ, что безъ концессіи онъ погибъ. Дѣла

Digitized by Google

его шли хуже и хуже; къ тому же Валентина стоила безумныхъ денегъ. Но Савва точно опьянѣлъ отъ близости къ этой кроткой малюткѣ, казалось забылъ счетъ деньгамъ, не понималъ своего положенія и не замѣчалъ, что надъ нимъ собирается гроза. Если бы онъ обладалъ болѣе тонкимъ чутьемъ, то замѣтилъ бы, что прихлебатели не такъ уже гнули спину передъ нимъ и на биржѣ не такъ здоровались съ нимъ, какъ прежде. Едва уловимое злорадство сквозило въ отношеніяхъ къ склонявшейся звѣздѣ.

Въ антрактѣ въ ложу къ Аннѣ Петровнѣ вошелъ Никольскій.

Анна Петровна была очень авантажна. Подрумяненая, съ подведенными бровями, въ прелестномъ нарядѣ, она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ. Кокетливо улыбнулась она, пожимая значительно руку Никольскаго, и, усаживаясь съ нимъ на маленькомъ диванѣ аванъ-ложи, томно шепнула:

— Наконецъ-то! я думала, что вы не заглянете къ намъ. Какъ вамъ нравится піеса?..

— Недурна...

— Да... очень... Сегодня здѣсь можно быть... Порядочное общество. Послушайте, Никольскій, вашъ Леонтьевъ съума сошелъ... Вѣдь это ни на что не похоже показываться съ этою тварью... Когда же наконецъ мы образумимъ эту женщину! Она разоряетъ мужика, а онъ вѣдь до сихъ поръ отдалъ Борису толь-

Digitized by Google

ко 300,000. На-дняхъ обѣщаетъ дать 500,000. По-видимому дѣла его очень плохи... Правда ли это?

— Говорятъ.

— Пора кончить, Евгеній Николаевичъ! шепнула Анна Петровна.

— Скоро все кончится! значительно проговорилъ Никольскій, давая мѣсто какому-то генералу.

Онъ спустился внизъ, встрѣтилъ Савву, бесѣдующаго съ Хрисашкой, и прошелъ къ ложѣ Валентины. Онъ тихо постучалъ. Она подошла къ дверямъ.

— Ну, милая женщина, сегодня кончайте съ мужикомъ. Скоро отъ него останутся одни перышки...

Въ отвѣтъ Валентина кротко улыбнулась, махнувъ головкой.

— Завтра я буду у васъ. Addio, прелестная малютка! желаю вамъ успѣха... Впрочемъ развѣ въ этомъ можно сомнѣваться, глядя на васъ?

Не въ духѣ пришелъ Савва въ ложу. Хрисашка что-то черезчуръ былъ любезенъ и лебезилъ передъ Леонтьевымъ. Онъ сѣлъ угрюмый. Мрачныя мысли лѣзли ему въ голову.

— Что съ вами? нѣжно спросила Валентина.

— Такъ... голова болитъ...

— Вы сердитесь?..

Она такъ взглянула на Савву, что Савва только пробормоталъ:

— Да развѣ на тебя можно сердиться? Ты изъ меня вѣдь веревки вьешь! Ты на меня только не сердись...

Digitized by Google

— Я не сержусь и въ доказательство... поѣдемъ послѣ театра ко мнѣ... Мы будемъ ужинать вдвоемъ... хотите? прибавила она беззвучнымъ шопотомъ, обжигая мужика страстнымъ взглядомъ.

Хочетъ ли онъ?

Онъ весь просіялъ, встряхнулъ своими кудрями и бросился бы къ ногамъ Валентины тутъ же въ авансложѣ, если бы она не поспѣшила сѣсть на свое мѣсто.

Началось третье дѣйствіе.

II.

Ропотъ театральной залы мгновенно стихъ, когда медленно поднялся занавѣсъ. Сцена сразу приковала вниманіе зрителей.

Въ полутемной горницѣ, уставленной образами, чуть-чуть склонивъ задумчиво голову, сидѣлъ въ креслѣ съ съ высокой спинкой худой, дряхлый, изможденный грозный царь, слушая монотонное чтеніе синодика.

Лицемѣрнымъ смиреніемъ и спокойствіемъ дышала мрачная фигура Грознаго, и только судорожное движеніе костлявой руки по ручкѣ кресла обличало внутреннее волненіе. При нѣкоторыхъ именахъ своихъ жертвъ старикъ, вздрагивая, поднималъ голову. Изъ темныхъ впадинъ сверкалъ взглядъ хищнаго звѣря. Что-то идіотски злобное было въ выраженіи мрачнаго лица аскета. Затѣмъ снова потухалъ взоръ, голова склонялась на грудь, и дряхлый, изможденный старикъ казался погруженнымъ въ раздумье.

Digitized by Google

Артистъ, игравшій Грознаго, былъ великолѣпенъ въ этой сценѣ. Характеръ царя былъ переданъ имъ художественно; видно было, что превосходный актеръ глубоко вдумался въ роль и если не провелъ ее всю съ артистической художественностью, то въ этомъ виноватъ былъ недостатокъ внѣшнихъ средствъ, а не таланта.

Въ то время, какъ зрители, притаивъ дыханіе, смотрѣли на сцену, двери ложи Анны Петровны тихо скрипнули. Вошелъ его превосходительство Сергѣй Александровичъ и тихо опустился на стулъ сзади жены.

Анна Петровна повернула голову. Хотя лицо его превосходительства по обыкновенію было серьезно и спокойно, но Анна Петровна замѣтила, какъ вздрагивала верхняя губа его превосходительства и судорожно двигались скулы. Анна Петровна, хорошо изучившая характеръ мужа, тотчасъ угадала, что Сергѣй Александровичъ чѣмъ-то разстроенъ.

— Что такъ поздно? прошептала она тревожно вглядываясь въ мужа.

— Раньше не могъ.

Анна Петровна хотѣла было продолжать разговоръ, но его превосходительство, улыбаясь, показалъ головой на сцену, и Анна Петровна обратилась къ сценѣ.

«Что могло случиться?» думала она, разсѣянно глядя на сцену, гдѣ въ эту самую минуту грозный царь только что пригвоздилъ посохомъ ногу посланца Курбскаго и дрожа отъ гнѣва, прочитывалъ обличительное посланіе князя.

Digitized by Google

Что могло такъ взволновать мужа? Кажется онъ въ милости и еще три дня тому назадъ удостоился рѣдкой чести запросто обѣдать у его свѣтлости.

Сергѣй Александровичъ внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣйствія. Грустная улыбка скользила по его лицу. Онъ видѣлъ на сценѣ, какъ перемѣнчиво человѣческое счастье, и трепеталъ за свое. Конечно онъ много послужилъ на своемъ вѣку, вблизи отъ его свѣтлости, но власть имѣетъ неотразимую прелесть. Быть сегодня у власти, а завтра остаться въ забытомъ почетѣ, — это было черезчуръ тяжело для его превосходительства. Онъ слишкомъ свыкся съ властью, слишкомъ избалованъ милостями его свѣтлости, привыкъ направлять свою ладью съ искусствомъ опытнаго кормчаго, — и вдругъ...

Это было такъ неожиданно, такъ странно, что его превосходительство, глядя на сцену, снова припоминалъ до малѣйшихъ подробностей то роковое предостереженіе, которое сегодня получилъ отъ судьбы, никакъ не ожидая его...

Онъ хорошо зналъ, что значило это предостереженіе. Не даромъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей характеръ его свѣтлости, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго онъ такъ освоился съ прелестью власти.

Онъ все-таки недоумѣвалъ, что значила внезапная немилость. Вчера еще при докладѣ его осчастливили ласковымъ словомъ, а сегодня его неожиданно потре-

Digitized by Google

бовали къ его свѣтлости, и только что его превосходительство вошелъ и взглянулъ послѣ глубокаго поклона на князя, какъ сразу понялъ, что въ мягкомъ взглядѣ его свѣтлости уже нѣтъ тѣхъ согрѣвающихъ лучей, которыя вызывали улыбку счастія на лицѣ его превосходительства.

Обращеніе было по-прежнему мягкое, ласковое, его превосходительству подали руку, но что-то-едва замѣтное только для такого опытнаго человѣка, какъ Кривскій, легло между его свѣтлостью и его совѣтникомъ. Это «что-то» виднѣлось въ глазахъ, сказывалось въ тонѣ, звучащемъ какой-то недовольной ноткой, въ нерѣшительности и какой-то особенной деликатности, съ которой его свѣтлость изволилъ усадить старика въ своемъ кабинетѣ, какъ-бы ободряя и себя, и его, передъ предстоящимъ объясненіемъ.

Невольно его превосходительство вдругъ сдѣлался необыкновенно серьезенъ. Съ особенной почтительностью еще разъ глубоко склонилъ голову передъ тѣмъ какъ сѣсть и, замирая не столько отъ страха, сколько отъ возможности потерять благосклонность своего благодѣтеля, онъ только въ эту минуту понялъ, какъ привлекательна власть, какъ тяжело было бы лишиться возможности быть близкимъ къ его свѣтлости и какъ можетъ судьба въ одинъ мигъ сдѣлать человѣка глубоко несчастнымъ.

Еще его свѣтлость не объяснилъ, зачѣмъ пригласилъ его превосходительство, а Кривскій уже увидѣлъ, что

Digitized by Google

его пригласили для непріятнаго объясненія, и когда услыхалъ мягкій голосъ, звучащій еще мягче въ обширномъ кабинетѣ, полномъ мягкой мебели и ковровъ, и замѣтилъ взглядъ, обращенный не на него, а на бумаги, то, наклонивъ почтительно голову, понялъ, что имъ серьезно недовольны.

«За что?»

— Я позвалъ васъ, Сергѣй Александровичъ, не въ урочный часъ, нѣсколько удивленный, что не отъ васъ, а отъ другаго лица получилъ весьма непріятное извѣстіе о происшествіи въ нашемъ вѣдомствѣ. Посмотрите! Съ этими словами его свѣтлость чуть-чуть отодвинулъ отъ себя бумагу. Его превосходительство прочиталъ, и смертная блѣдность покрыла его лицо.

— Вы знали о немъ?...

— Зналъ, ваша свѣтлость...

— И не доложили?

— Я полагалъ завтра, при докладѣ...

Отвѣта нѣтъ. Глаза его свѣтлости опущены внизъ.

— Происшествіе очень важное, и мнѣ бы не мѣшало знать о немъ отъ васъ раньше, чѣмъ я узналъ отъ другихъ, чтобы донести его высочеству!

Важное ли происшествіе? Едва ли. Но его свѣтлость говоритъ, что важное, и его превосходительство вдругъ чувствуетъ, что онъ дѣйствительно совершилъ ужасное преступленіе. Не онъ ли всегда отличался тактомъ? Не онъ ли умѣлъ приноравливаться къ настроенію непосредственнаго своего начальника?

Digitized by Google

Дѣйствительно онъ промахнулся,—промахнулся ужасно. Но неужели за это старика обидятъ?... Нѣтъ. Тутъ разумѣется кроется интрига.

Его свѣтлость князь Леонидъ Андреевичъ Рязанскій поднялъ на Кривскаго глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ, замѣтивъ, какъ взволнованъ былъ старикъ.

Дрожавшимъ отъ волненія голосомъ его превосходительство просилъ милостиво простить его и не считать его «дѣйствительно важную» ошибку за преднамѣренное утаиваніе. Онъ такъ обласканъ, свыше заслугъ, милостями князя, что одна мысль о немилости повергнетъ его въ величайшее горе.

— Я, ваша свѣтлость, уже старъ... Здоровье мое разстроено, и если только вашей свѣтлости угодно будетъ предоставить другому...

Тутъ голосъ старика задрожалъ, и онъ отъ волненія не могъ продолжать начатой рѣчи.

Князь Леонидъ Андреевичъ поднялся съ кресла, протянулъ руку и тихо привлекъ старика къ себѣ, обнимая его другой рукой. Самъ разстроенный при видѣ разстроеннаго старика, съ влажными глазами, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я не имѣлъ и мысли обидѣть васъ, дорогой Сергѣй Александровичъ. Я слишкомъ довѣряю вамъ, имѣвъ случай оцѣнить въ васъ преданнаго и опытнаго чиновника...

Его превосходительство чутко слушалъ. Еще надежда казалось звучала въ милостивыхъ словахъ князя. Вотъ,

Digitized by Google

вотъ сію минуту князь скажетъ, что никакъ не можетъ остаться безъ его совѣтовъ.

Его превосходительство пережилъ мучительныя секунды паузы, пока снова не раздался мягкій голосъ:

— Но если вы въ самомъ дѣлѣ, дорогой Сергѣй Александровичъ, хотите отдохнуть и поправить разстроенное въ трудахъ ваше здоровье, то, какъ мнѣ ни тяжело, но я готовъ буду исполнить ваше желаніе, въ надеждѣ, что, укрѣпивъ свое здоровье, вы снова дадите мнѣ случай воспользоваться вашей опытностью и совѣтами, оставаясь всегда моимъ вѣрнымъ, испытаннымъ другомъ...

При этихъ словахъ князь Леонидъ Андреевичъ поцѣловалъ его превосходительство. Старикъ былъ убитъ. Безмолвно стоялъ онъ, склонивъ голову. Слезы блестѣли въ его глазахъ.

Онъ чувствовалъ, что все кончено. Власть деликатно вырываютъ изъ его рукъ.

— Вы подумайте, подумайте, Сергѣй Александровичъ. Пока все остается по старому! проговорилъ князь, снова обнимая старика.

Старикъ тихо вышелъ изъ кабинета.

Но о чемъ думать? Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Надо подавать просьбу объ увольненіи. Надо, надо, надо!

Его превосходительство смотрѣлъ на сцену и недоумѣвалъ, чья интрига пошатнула его положеніе. Кто заступитъ его мѣсто? Развѣ дѣйствительно все поте-

Digitized by Google

ряно?.. Онъ нарочно пріѣхалъ въ театръ, чтобы повидаться съ Викторомъ Павловичемъ, разузнать въ чемъ дѣло и чѣмъ недовольны имъ.

Занавѣсъ опустился. Раздались громкіе, единодушные апплодисменты.

Вызывали автора, вызывали талантливаго артиста. Снова заволновался партеръ, и любопытные взоры обратились къ директорской ложѣ, откуда раскланивался съ публикой авторъ. При появленіи автора апплодисменты увеличились. Дамы апплодировали изъ ложъ. Прошло пять минутъ, пока не успокоилась публика.

Толпа партера, перебрасываясь замѣчаніями о пьесѣ, хлынула къ выходу. Въ залѣ было душно и жарко.

— Ты здоровъ? спросила встревоженная Анна Петровна.

— Ничего, по обыкновенію, а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что ты разстроенъ. Развѣ какія нибудь непріятности?

— Да... нѣтъ... Впрочемъ непріятности—неизбѣжные спутники нашего положенія... Надоѣло все это... Пора отдохнуть!

Кривскій говоритъ лѣниво, какимъ-то загадочнымъ тономъ, и Анна Петровна сообразила, что случилось нѣчто серьезное. Но что именно? Она сейчасъ это узнаетъ. Въ ложу вошелъ Никольскій.

— А! И вы здѣсь, молодой человѣкъ! проговорилъ, щуря глаза Кривскій, и лѣниво протягивая секретарю руку:—Что, Викторъ Павловичъ здѣсь?

Digitized by Google

— Здѣсь! отвѣчалъ Никольскій, почтительно пожимая руку его превосходительства.

— Гдѣ онъ сидитъ?

— Въ бенуарѣ подъ вашей ложей.

— Не замѣтили нумера?

— Четырнадцатый.

— Спасибо, молодой человѣкъ. Понравилась пьеса?.. А вамъ какъ? обратился онъ къ дочерямъ: — Пьеса очень хорошо написана, очень хорошо... Ну, я пойду къ Виктору Павловичу...

И затѣмъ его превосходительство, обратившись къ Евгенію Николаевичу, проговорилъ:

— Кстати, Евгеній Николаевичъ. Потрудитесь завтра быть у меня къ девяти часамъ и привезите съ собой записку, о которой я вчера говорилъ. Надѣюсь, она готова?

— Готова-съ.

— То-то! вдругъ почему-то прибавилъ Кривскій сухимъ, повелительнымъ тономъ, какъ-бы чувствуя потребность позволить себѣ эту роскошь именно теперь, наканунѣ паденія.

По корридору ходили группами. Два свитскихъ генерала, остановившись въ сторонѣ, оживленно разговаривали. Въ отрывистыхъ рѣчахъ слышалось имя Кривскаго. Въ фойе и въ партерѣ уже передавали извѣстія объ отставкѣ его превосходительства. Въ антрактѣ кто-то сообщилъ о новости и новость облетѣла весь театръ съ быстротою молніи.

Digitized by Google

«Отчего?» — «Что за причина?» — «Правда ли?» — «Не можетъ быть!» — «Никто ничего не зналъ!» — «Пора старику на покой, засидѣлся!» — «Онъ мягко стлалъ, но было жестко спать!» — Кто на мѣсто Кривскаго?» Назвали нѣсколько фамилій. «Пора подтянуть вѣдомство?» — «А развѣ Кривскій?» — «Онъ слишкомъ мягокъ. Намъ надо Бисмарка!» — «Но гдѣ его найдешь?» — «Просто, господа, князь недоволенъ Кривскимъ. Хитрый старикъ думалъ, что онъ несмѣняемъ».

Его превосходительство проходилъ, высоко поднявъ голову, по корридорамъ. До него доносились отрывки изъ разговоровъ о немъ. Онъ не обращалъ на нихъ вниманія и ласково кланялся въ отвѣтъ на почтительные поклоны.

При видѣ его превосходительства, по прежнему гордаго, спокойнаго, многіе не повѣрили слухамъ о его паденіи.

«Не можетъ быть. Онъ вовсе не похожъ на опальнаго человѣка. Скорѣй онъ имѣетъ видъ человѣка, получившаго повышеніе!»

— Все вздоръ!.. замѣтилъ какой-то молодой карьеристъ, подходя къ группѣ у барьера:—Кривскій и не думалъ выходить въ отставку. Кто-то сочинилъ, и всѣ повторяютъ.

Но желаніе узнать правду волновало чиновные кружки, и множество лицъ перебывало у Анны Петровны, разсчитывая что нибудь узнать. Но ловкая женщина съ обычной любезностью принимала знакомыхъ, съ осо-

Digitized by Google

беннымъ увлеченіемъ расхваливала пьесу и казалось была сегодня удивительно весела.

А между тѣмъ Никольскій уже сообщилъ ей о слухѣ, пробѣжавшемъ въ театрѣ. Волненіе Сергѣя Александровича и слова о томъ, что пора отдохнуть, какъ-будто подтверждали его. Правда ли? Нельзя ли помочь?

Она послѣ театра поговоритъ съ мужемъ и завтра поѣдетъ хлопотать. Она знаетъ всѣ лазейки и умѣетъ проскользнуть въ нихъ, защищая интересы дома. О, она знаетъ, чья это интрига. Это интрига Сергѣя Петровича Вяткина. Онъ давно мѣтитъ на мѣсто мужа, и за него хлопочутъ многіе вліятельные люди. Но она знаетъ лучшую тропинку, по которой можно обойти интригу и сохранить за мужемъ мѣсто. Не разъ уже ловкая женщина отклоняла удары. Только зачѣмъ мужъ не сказалъ ей ничего. Кажется отъ нея скрывать нечего.

Анна Петровна терзалась нетерпѣніемъ узнать наконецъ, въ чемъ дѣло, и оживилась, какъ обыкновенно оживлялась, какъ только приходилось ей окунуться въ тину интригъ и свѣтскихъ сплетенъ. Она поручила Евгенію Николаевичу разузнать, что говорятъ объ отставкѣ мужа въ театрѣ и придти въ слѣдующемъ антрактѣ съ отчетомъ. А то мужъ опять ничего не скажетъ, откладывая новость до конца спектакля. Развѣ уѣхать раньше? Боже сохрани.

Его превосходительство въ это время сидѣлъ въ ложѣ у Виктора Павловича. Викторъ Павловичъ Заборовскій

Digitized by Google

былъ стариннымъ его пріятелемъ и занималъ одинаковое съ нимъ положеніе. Онъ всегда держалъ его руку, и ихъ называли неразлучными. Кривскій жадно слушалъ пріятеля.

Викторъ Павловичъ собирался послѣ театра заѣхать къ Сергѣю Александровичу и очень радъ, что встрѣтилъ его въ спектаклѣ. «Не быть здѣсь сегодня нельзя!» прибавилъ онъ, какъ-бы въ объясненіе, что раньше не пріѣхалъ къ Кривскому. Онъ узналъ только часъ тому назадъ отъ графа Короткаго, что противъ Сергѣя Александровича устроена была интрига. Вели ее старикъ Вяткинъ и его компанія, при помощи Надежды Васильевны.

— Вчера нарочно пригласили князя Леонида Андреевича на домашній концертъ и тамъ убѣдили его, что будто бы вы, Сергѣй Александровичъ, скрываете отъ него всѣ важныя бумаги, получаемыя въ департаментѣ... И въ доказательство старикъ Вяткинъ доложилъ тутъ же князю о томъ пустомъ происшествіи... Вотъ какъ все это случилось!

— Но я сегодня былъ у князя...

— Какъ онъ васъ принялъ?

Его превосходительство разсказалъ.

— Тутъ дѣло не въ томъ глупомъ происшествіи, Сергѣй Александровичъ,—тутъ дѣло поважнѣе.

— Въ чемъ же?

— Хотятъ посадить на ваше мѣсто Стрѣлкова!... проговорилъ Викторъ Павловичъ, усмѣхаясь.

Digitized by Google

— Стрѣлкова?.. Но вѣдь это идіотъ!..

— Тссъ... Онъ родной дядя Надежды Васильевны. C'est tout dire.

— Хорошъ дѣятель! презрительно усмѣхнулся Сергѣй Александровичъ: — Хорошъ Бисмаркъ, котораго ищутъ. Послѣ этого... я завтра же подамъ въ отставку... Знать, что васъ смѣняютъ какіе-то Стрѣлковы... выскочки!..

— Не спѣшите... поспѣшно замѣтилъ Викторъ Павловичъ: — Время будетъ, а до тѣхъ поръ еще мы попытаемся...

И онъ разсказалъ свой планъ. Только надо, чтобы князь никакъ не подумалъ, что на него оказываютъ давленіе. Его свѣтлость не выноситъ мысли, что кто нибудь на него вліяетъ. Необходимо, чтобы мысль о невозможности Стрѣлкова явилась какъ-бы отъ него.

— Мы поставимъ на ноги старуху Наталью Ивановну. Она поѣдетъ къ княгинѣ... Понимаете?..

Кривскій махнулъ головой.

— А я завтра же мимоходомъ разскажу князю анекдотъ о безкорыстіи Стрѣлкова!..

Его превосходительство слушалъ планъ, молча. Вся эта исторія ему вдругъ показалась донельзя скверной и грязной. По губамъ его пробѣгала грустная, брезгливая усмѣшка. Онъ всталъ и, пожимая руку пріятеля, проговорилъ:

— Спасибо, мой дорогой Викторъ Павловичъ, за

Digitized by Google

участіе, но знаете ли, что я вамъ скажу? Оставьте вашъ планъ въ сторонѣ.

— Отчего? Неужели вы хотите, чтобы Стрѣлковъ сѣлъ на ваше мѣсто, чтобы такого человѣка, какъ вы, замѣнилъ... проходимецъ?..

— Не стоитъ хлопотать!.. Днемъ раньше, днемъ позже... все равно...

— Какъ все равно?..

— Нынче, милый мой, очередь проходимцевъ... Они одни умѣютъ попадать въ самый тонъ... А мы... мы все-таки еще нѣсколько люди! прибавилъ онъ какъ то грустно: — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, прошу васъ, оставьте это дѣло. Я выхожу въ отставку... Мнѣ все равно теперь не удержаться... Пройдетъ время, — и быть можетъ его свѣтлость вспомнитъ обо мнѣ... У меня какая ни на есть, а все-таки система... Меня бранятъ вездѣ и, называютъ слишкомъ крутымъ,—увидятъ, каковъ будетъ Стрѣлковъ, человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что система его въ томъ и состоитъ, что у него нѣтъ никакой системы. Ну, до свиданія, мой другъ! закончилъ его превосходительство: — Сейчасъ начинается!

Въ корридорѣ его превосходительство встрѣтился съ тѣмъ самымъ Стрѣлковымъ, котораго прочили на его мѣсто въ департаментъ. Стрѣлковъ, невзрачный на видъ толстякъ, сконфузился и пробормоталъ:

— Ваше превосходительство! Вотъ неожиданная встрѣча!..

Digitized by Google

Сергѣй Александровичъ чуть-чуть усмѣхнулся и съ изысканной вѣжливостью, пожимая руку Стрѣлкова, проговорилъ:

— И неожиданная, и пріятная! Какъ изволите поживать, ваше превосходительство? Не правда ли, превосходная пьеса?

Когда его превосходительство занялъ мѣсто въ ложѣ, Анна Петровна хотѣла было завести разговоръ, но его превосходительство строго замѣтилъ вполголоса:

— Послѣ, послѣ. Еще будетъ время!

Множество биноклей изъ партера и ложъ устремились на него. Но старикъ казалось не замѣчалъ общаго любопытства. Съ обычнымъ достоинствомъ и невозмутимостью, спокойно и внимательно смотрѣлъ онъ на сцену, повидимому совсѣмъ поглощенный созерцаніемъ Грознаго царя.

Кончился послѣдній актъ. Пьеса очевидно понравилась, но избранная публика сегодняшняго спектакля проявила восторгъ свой довольно сдержанно. Автора нѣсколько разъ вызвали, изъ артистовъ удостоился вызововъ только артистъ, исполнявшій роль Грознаго, но и то далеко не единодушно. Находили, что артистъ не совладалъ съ ролью. Обращали больше вниманія на недостатки внѣшней передачи и забывали глубоко-вѣрную психическую передачу характера.

Сумрачный раздѣвался въ уборной артистъ. Нѣсколько журналистовъ вошли къ нему поздравить его. Онъ грустно принималъ поздравленія.

Digitized by Google

— Не того имъ нужно! проговорилъ онъ, мотнувъ головой по направленію къ сценѣ: — Имъ нуженъ саженный ростъ, пріятный голосъ. Они развѣ понимаютъ игру нутромъ? Вотъ будетъ играть эту роль Никитинъ. Тогда посмотрите, какъ будутъ принимать. Никитинъ— это ихъ актеръ, а я....

Въ голосѣ художника звенѣла злобная нотка.

— А развѣ онъ артистъ? Онъ не артистъ, а фигляръ, вотъ кто такой Никитинъ. Онъ понимаетъ развѣ душу? Знаетъ ли онъ, какъ играть душой? Загримируется, онъ выйдетъ этакимъ Людовикомъ какимъ-нибудь на сцену,—и публика эта сейчасъ браво. Очень ужь Людовикъ хорощій, а того и не разберутъ, что царь Иванъ Васильевичъ не Людовикъ, а русскій человѣкъ, русскій злодѣй. Вотъ покажи ты мнѣ душу-то этого русскаго злодѣя. Покажи-ка. Нако-сь!

Артистъ даже плюнулъ

— Полно, полно. Вы играли превосходно.

— Для двадцати, тридцати человѣкъ... развѣ! Эхъ, господа, напрасно вы утѣшаете... Не понравился я... Чувствую.

И артистъ вдругъ поднялся съ дивана какъ былъ полураздѣтый, сталъ въ классически-театральную позу, приложилъ одну руку къ сердцу и сталъ декламировать съ такой поразительной пародіей на своего соперника и вмѣстѣ съ такой уничтожающей каррикатурностью, что нельзя было удержаться отъ смѣха. Артистъ представилъ превосходный образчикъ русскаго мужика импо-

Digitized by Google

нирующаго внѣшность, рѣчами на распѣвъ и изысканными манерами французскаго маркиза.

— Вотъ имъ какого Людовика нужно!.. Откажусь я отъ этой роли.

— Что вы?

— Ей Богу, откажусь... Вижу я—не потрафилъ.. Ѣдемъ, что ли, ужинать?..

— Ѣдемъ!.,

— Ну, я сейчасъ готовъ...

И артистъ началъ торопиться стирать гримировку.

Молча возвращалась семья Кривскихъ изъ театра. Его превосходительство сидѣлъ въ каретѣ, закрывши глаза, и во всю дорогу не проронилъ слова. Поднявшись наверхъ, онъ съ особенною нѣжностью поцѣловалъ дочерей и, обращаясь къ Аннѣ Петровнѣ, замѣтилъ:

— Прошу тебя зайти въ кабинетъ на пару словъ.

А Савва, бережно усадивъ прелестную малютку въ карету, крикнулъ такимъ голосомъ «пошелъ», что кучеръ вздрогнулъ и погналъ лошадей.

Мужикъ вздрагивалъ, пожирая глазами Валентину, пріютившуюся въ углу кареты. Онъ выставлялъ свою голову на свѣжій воздухъ, и ему все казалось, что карета медленно катится по мостовой.

— Пошелъ! повторилъ онъ.

— Голубка моя... пріѣхали! шепнулъ онъ дремав-

Digitized by Google

шей усталой Валентинѣ. Онъ обхватилъ маленькое созданіе и вынесъ ее на своихъ мощныхъ рукахъ изъ кареты.

Валентина тихо смѣялась, лежа въ объятіяхъ обезумѣвшаго мужика, словно ребенокъ въ колыбели.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Ударъ за ударомъ.

I.

Савва бережно опустилъ съ рукъ Валентину у дверей ея квартиры въ нижнемъ этажѣ. Онъ нанялъ для прекрасной малютки цѣлый этажъ, поручивъ Лизере отдѣлать его съ безумной роскошью, не стѣсняясь расходами. Бронза, картины, фарфоръ и серебро покупались безъ торга,—только бы все было лучшее. Савва хотѣлъ поразить пташку и ничего не жалѣлъ на обстановку уютнаго гнѣздышка.

Черезъ нѣсколько слабо освѣщенныхъ комнатъ они вошли въ маленькую игрушку-гостиную. Валентина остановилась и, поворачивая голову, сказала:

— Сію минуту будемъ ужинать,—я только переодѣнусь! и съ этими словами скользнула въ двери.

Словно звѣрь въ клѣткѣ кружилъ Савва по маленькой гостиной. У него стучало въ виски и пересохло

Digitized by Google

въ горлѣ. Ужасно долго тянулась эта минута. Онъ подходилъ къ дверямъ будуара, откуда врывалась тонкая струйка душистаго аромата, щекотавшаго его нервы, и какъ ужаленный отходилъ назадъ. Красивый лакей, освѣтивъ комнаты, прибавилъ свѣта въ маленькой гостиной и удалился.

Минуты казались Саввѣ безконечными.

Но вотъ и Валентина!

Она явилась въ дверяхъ въ бѣломъ батистѣ, плотно облегавшемъ мягкія, изящныя формы, съ распущенными волосами, прищуривая глаза на свѣтъ лампы.

— Пойдемъ ужинать. Я проголодалась.

Савва обхватилъ рукой молодую женщину. Она тихо выскользнула и прошла впередъ.

Они сѣли за столъ. Савва ѣсть не могъ, а только пилъ, чувствуя жажду. Валентина напротивъ ѣла съ большимъ аппетитомъ и казалось не замѣчала жадныхъ взглядовъ влюбленнаго мужика. Она подливала ему вина, а онъ припадалъ въ это время къ ея рукѣ.

Савва молчалъ и все поглядывалъ, скоро ли Валентина кончитъ, а у прелестной малютки какъ нарочно аппетитъ былъ превосходный, и Савва поневолѣ осушалъ стаканъ за стаканомъ.

Но отчего вдругъ маленькая женщина стала грустна?.. Въ глазахъ у нея было столько тревоги.

— Голубка моя! что съ тобой?

Она не отвѣчала.

— Что съ тобой? Ты опять сердишься?

Digitized by Google

Савва подсѣлъ рядомъ и нѣжно обнялъ Валентину. Она теперь не пробовала освободиться изъ его объятій и Савва чувствовалъ, какъ мурашки пробѣгали у него по спинѣ.

— Что же съ тобой, лапушка моя, сказывай!

Она подняла на него взглядъ, полный слезъ, и заговорила тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Ей совѣстно безпокоить его, — онъ такъ много для нея сдѣлалъ, но дѣлать нечего, она должна сказать. У нея долгъ, который она отъ него скрывала, — долгъ, сдѣланный еще прежде, при мужѣ, и теперь его требуютъ.

— Много?

— Ахъ, очень много!.. Сто тысячъ!..

— Есть о чемъ горевать... Утри слезки. Я дамъ деньги на дняхъ.

— Но нужно завтра, непремѣнно завтра...

Савва поморщился. Завтра? У него приготовлены деньги для Бориса Сергѣевича, а больше денегъ нѣтъ.

— Да развѣ недѣльку подождать нельзя?

Невозможно. Она просила, но не соглашаются и требуютъ. Она предлагала переписать вексель. Она даже приготовила его, но ея подписи не вѣрятъ.

— Ну, такъ моей повѣрятъ...

Малютка не понимала и печальная смотрѣла на Савву.

— Очень просто. Я поставлю бланкъ... У тебя вексель?..

Digitized by Google

— Да, у меня...

— Ну, и говорить нечего... Вытри же свои свѣтлые глазки, родная моя... Для тебя, сама знаешь, ни въ чемъ нѣтъ отказа!..

О, какъ она благодарна. Она теперь убѣдилась, что онъ ее любитъ.

— Благодарю... благодарю! шептала она, обдавая его горячимъ дыханіемъ.

Она повеселѣла и выпила вина. Савва теперь цѣловалъ ее, а она смѣялась и подливала вина совсѣмъ охмѣлѣвшему Леонтьеву и глядѣла на него такъ ласково...

На другой день въ двѣнадцатомъ часу утра Евгеній Петровичъ вошелъ въ будуаръ Валентины.

— Ну, что?..

Вмѣсто отвѣта она подала ему вексель съ бланкомъ Леонтьева.

— Молодецъ дама! весело проговорилъ молодой человѣкъ: — Теперь вы можете спокойно разстаться съ этимъ мужикомъ. Давайте его сюда... Мы завтра же его учтемъ, а теперь въ благодарность за добрый совѣтъ я васъ обниму...

II.

Черезъ недѣлю Савва Лукичъ испытывалъ большую тревогу. Въ этотъ день въ совѣтѣ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о концессіи. Онъ почти не сомнѣвался, что дѣло останется за нимъ,—пріятель его, Егоръ

Digitized by Google

Ѳомичъ, воротила въ департаментѣ, увѣрялъ его въ успѣхѣ,—а все-таки сомнѣнія терзали Леонтьева. Отъ сегодняшняго дня зависѣла его участь. Безъ концессіи онъ погибъ. Долги значительно превышали его состояніе, и хотя въ глазахъ многихъ Савва все еще считался милліонеромъ, но самъ онъ очень хорошо зналъ, что если ликвидировать дѣла, то у него едва ли останется нѣсколько десятковъ тысячъ. А еще онъ долженъ дать на-дняхъ Борису Сергѣевичу обѣщанное приданое. Онъ приготовилъ было триста тысячъ, но надо было заплатить нетерпящій отлагательства долгъ въ 150,000, и когда Борисъ Сергѣевичъ въ назначенный срокъ пріѣхалъ къ Леонтьеву, то Леонтьевъ извинился и, отдавая 150,000, обѣщалъ остальныя 500,000 положить на имя дочери въ самомъ скоромъ времени.

Савва Лукичъ ходилъ по кабинету, временами заглядывая въ двери. Ужь былъ пятый часъ, и совѣтъ вѣрно конченъ. Чтожь не ѣдетъ Егоръ Ѳомичъ порадовать его?.. О, Господи, какъ тянется время и какъ замираетъ сердце.

— Эй, кто тамъ!

Явился слуга.

— Вели запречь Ваську и мигомъ слетай въ департаментъ!

Лакей ушелъ.

Прошло четверть часа, Савва Лукичъ неистово шагалъ по кабинету. Раздался звонокъ. Онъ бросился

Digitized by Google

въ прихожую. Въ прихожей стоялъ департаментскій курьеръ.

Отчего же онъ не поздравляетъ?

Савва Лукичъ вырвалъ изъ рукъ протянутый конвертъ, вошелъ въ кабинетъ и, разорвавъ конвертъ, прочиталъ записку, въ которой были написаны слѣдующія строки:

«Наше дѣло погибло. Хрисашка получилъ дорогу!»

Леонтьевъ, казалось, не понималъ, что читаетъ. У него помутилось въ глазахъ; голова кружилась. Прошла секунда. Онъ заметался какъ бѣшеный по кабинету.

— Они меня зарѣзали! зарычалъ онъ, какъ звѣрь.

Когда лакей заглянулъ въ кабинетъ, то Савва Лукичъ сидѣлъ на креслѣ, опустивъ кудрявую свою голову на грудь. Припадокъ бѣшенства прошелъ; наступила минута тяжкаго раздумья. Онъ нищій, онъ, Савва Леонтьевъ, разоренъ! Отъ этого туза, передъ которымъ всѣ кланялись, остался одинъ прахъ.

«Нѣтъ, этому не бывать!» вскочилъ онъ, какъ ужаленный, и вышелъ на улицу. Рысакъ дожидался его.

— Въ департаментъ!

Тамъ воротилы не было, только-что ушелъ.

— Въ Офицерскую! Да что есть духу!

Рысакъ помчался. Савва разсѣянно глядѣлъ кругомъ и, казалось, ничего не видалъ. Мимо промчалась коляска, но онъ видѣлъ, кто въ ней, отлично видѣлъ «Хрисашку», пославшаго ему поклонъ.

Digitized by Google

«Подлецъ!» прохрипѣлъ Леонтьевъ.

Онъ поднялся во второй этажъ.

— Дома?

— Дома-съ! Пожалуйте.

Егоръ Ѳомичъ встрѣтилъ Савву Лукича съ постной миной.

— Что это значитъ?

Онъ ничего не понимаетъ. Еще вчера министръ говорилъ, что концессія будетъ отдана Леонтьеву, а сегодня совѣтъ вдругъ рѣшилъ иначе.

— Но вѣдь большинство за насъ. Зачѣмъ же деньги мы побросали?

Въ отвѣтъ Егоръ Ѳомичъ началъ длинный разсказъ объ интригѣ, которую велъ «Хрисашка». Онъ совѣтовалъ Саввѣ Лукичу съѣздить завтра къ министру.

Савва упалъ духомъ. Никто не зналъ силы удара, полученнаго такъ внезапно. «Какъ это случилось?.. Тутъ что нибудь не ладно. Ужь не продалъ ли меня этотъ самый Егоръ Ѳомичъ Хрисашкѣ, такъ же какъ прежде продалъ самого Хрисашку».

— Ты говоришь, къ министру! переспросилъ Савва

— Ну, да, поѣзжайте... Еще быть можетъ...

— Послушай... Я не пожалѣю пятисотъ тысячъ, если бы...

— Полноте, Савва Лукичъ, успокоивалъ его Егоръ Ѳомичъ:—Теперь наша пѣсня спѣта... На дняхъ будетъ докладъ.

— Эхъ вы, пріятели! прорычалъ Савва, уходя вонъ.

Digitized by Google

Ему было душно на воздухѣ. Дождь хлесталъ въ лицо, но онъ этого не замѣчалъ.

— Куда прикажете?

Куда ѣхать? Ужь поздно. Огни мелькаютъ на улицахъ. Куда ѣхать? На него напала тоска. Ему вдругъ захотѣлось услышать отъ кого нибудь слово ласки и участія.

«Развѣ къ Дунѣ поѣхать?»

Но мысль о мужѣ, о Борисѣ Сергѣевичѣ, остановила его. «Онъ вѣрно уже знаетъ. Онъ вѣрно слышалъ, что я теперь не прежній Савва... И куда это все пошло прахомъ? Какъ, когда?» Онъ теперь не могъ сообразить. Милліонъ былъ еще нѣсколько времени тому назадъ, а теперь?.. Линія вышла.

Онъ вспомнилъ о Валентинѣ. Голубушка послѣдніе дни такъ была ласкова и внимательна; она говорила о своей любви.

— Пошелъ къ Трамбецкой!

Онъ все ей разскажетъ... Онъ признается ей въ своемъ разореніи. Она пойметъ его.

Рысакъ остановился у крыльца. Онъ выскочилъ изъ дрожекъ и вошелъ въ квартиру.

Валентина сидѣла одна въ маленькой гостиной. Саввѣ показалось, что кто-то скользнулъ въ дверь. «Вѣрно Аннушка!» Онъ приблизился къ Валентинѣ и опустился рядомъ съ прелестной малюткой.

— Что съ вами?.. Вы совсѣмъ разстроены!

Digitized by Google

— Я разоренъ... Валентина. Подлецы меня разорили...

И онъ опустилъ голову.

Валентина молчала. Савва поднялъ голову и встрѣтилъ безучастный взглядъ прелестной малютки. Этотъ взглядъ сказалъ ему все. Леонтьевъ тихо поднялся и, горько усмѣхаясь, шепнулъ:

— Баба, баба! Зачѣмъ ты лукавила? Ты деньги мои любила?

Она надула губки. Онъ разстроенъ и не знаетъ, что говоритъ.

— Чай и обманывала. Съ другими шаталась?..

— Савва Лукичъ! Послушайте, это наконецъ черезчуръ...

— Что жь смолкла? Говори!..

Валентина не отвѣчала. Савва пожиралъ глазами маленькое созданіе и проговорилъ:

— Я испытать только... Я все навралъ. Я богатъ... Я озолочу тебя... Скажи только, что я любъ тебѣ, что ты не обманывала меня?..

Что такое съ этимъ мужикомъ? Валентина не знала, какъ быть? Сегодня онъ такой странный. Она обдумывала, какъ бы отдѣлаться отъ него, а онъ ждалъ отвѣта.

— Я васъ никогда не обманывала! наконецъ отвѣчала она, невольно бросая быстрый взглядъ на двери будуара.

Мужикъ поймалъ этотъ взглядъ, и ревность охва-

Digitized by Google

тила все его существо. Онъ вспомнилъ о мелькнувшей фигурѣ, быстро отворилъ двери и остановился. Красивый молодой человѣкъ поспѣшно юркнулъ изъ спальной.

Савва медленно подошелъ къ Валентинѣ.

— Кто это былъ? задыхаясь, спросилъ онъ.

— Знакомый...

— Зачѣмъ же онъ убѣжалъ?..

— Вольно вамъ ревновать...

— Послушай, Валентина... Не ври. Это полюбовникъ былъ?..

— А если бы и такъ... Какое вамъ дѣло... Я кажется свободна и прошу васъ больше не бывать у меня!

— Ахъ ты, тварь! вдругъ зарычалъ Савва.

При видѣ звѣря съ налитыми кровью глазами и раздувающимися ноздрями, Валентина быстро выбѣжала изъ комнаты и стала звать людей.

Словно раненый звѣрь выбѣжалъ онъ изъ квартиры, оглашая ее ругательствами.

Онъ велѣлъ кучеру ѣхать домой. Какая подлая эта маленькая тварь и какъ она хороша!.. Нѣтъ денегъ,— и она сейчасъ же выгнала. То-то въ недѣлю она сто тысячъ выманила... Ахъ Савва, Савва, какой ты дуракъ!

Тяжело было на душѣ у Саввы; злоба душила его. Неужели счастіе такъ-таки и отвернулось отъ него... «Нѣтъ... не дамся я такъ, еще мы посмотримъ...» Но чего смотрѣть? Сегодня уже всѣ узнали, что онъ

Digitized by Google

не получилъ концессіи, и завтра всѣ станутъ требовать уплаты. Пріѣдетъ Кривскій... Что онъ скажетъ ему?..

Когда онъ вошелъ въ комнату матери и разсказалъ, что онъ разоренъ, то старуха тихо перекрестилась и промолвила:

— Моли Бога, Савва, что Господь послалъ тебѣ милость,

— Матушка... да вѣдь я теперь нищій... Теперь какъ на меня смотрѣть-то будутъ... Какъ я взгляну вокругъ... Какая милость?

— Глупый, глупый, Савва! Развѣ богатство не тлѣнъ?... Ну, что въ немъ? На что оно тебѣ? Давало ли оно спокой тебѣ?.. Вѣдь ты, Савва, на угольяхъ сидишь. Думаешь, тебя уважали? Твою мошну, глупый, уважали...

Савва слушалъ, безпомощно склонивъ голову, и вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Старуха усмѣхнулась и молча стала гладить могучую голову сына блѣдной исхудалой рукой. Эта нѣжная ласка подѣйствовала лучше словъ.

Онъ вышелъ отъ нея съ облегченнымъ сердцемъ, но когда пришелъ въ кабинетъ, то снова забушевало его сердце. Главное, какъ теперь Храсашка то будетъ смѣяться... И всѣ будутъ смѣяться: «Вотъ молъ милліонеръ! Хорошъ милліонеръ!»

— Не хочешь ли чаю? тихо проговорила жена, входя въ кабинетъ.

Digitized by Google

Это что значитъ? Она рѣдко входила къ нему, а теперь вотъ пришла и такъ ласково смотритъ на Савву.

— Спасибо... Выпью...

Савва посмотрѣлъ на жену. Она была словно восковая, тихая и худая, кроткая, несчастная!

— Здорова ли ты! спросилъ Савва, и голосъ его звучалъ ласково.

— Ничего... худое дерево скрипитъ... улыбнулась она:—а ты кажется разстроенъ?..

— Дѣла плохи...

— Только-то?.. Ну, это еще не велико горе. Плохи—поправятся!

Эти простыя слова оживляюще подѣйствовали на Савву.

— Вотъ только Дуня меня смущаетъ! продолжала Леонтьева.

— А что?

— Счастлива ли она?.. Сегодня безъ тебя была такая хмурая, нерадостная. Я спрашивала, а она, голубушка, улыбается и говоритъ, что ничего... Но сердце мое чувствуетъ... Не на Дунѣ онъ женился, а на деньгахъ...

— Полно... полно... Онъ кажись хорошій человѣкъ...

— Такъ ли?..

Она вздохнула и тихо поплелась изъ кабинета.

Рано Савва легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. Невеселыя мысли лѣзли ему въ голову. Ему не вѣрилось, что онъ въ самомъ дѣлѣ нищій. Онъ

Digitized by Google

забылся въ короткомъ снѣ и бредилъ, повторяя имена Хрисашки и Валентины.

III.

Рано проснулся Савва. Онъ протеръ глаза, выпилъ по привычкѣ графинъ квасу, крякнулъ и присѣлъ на кровати.

Скверно! Голова тяжела отъ тревожнаго, прерывистаго сна. На душѣ скребетъ милліонъ кошекъ. Вчерашній ударъ сегодня кажется еще ужаснѣе!

Мрачно помахивалъ Савва косматой головой, словно стараясь отогнать тяжелыя думы. Напрасно! Не даромъ такъ тяжело дышетъ могучая, косматая грудь; тревога и скорбь видны на лицѣ мужика.

На мгновеніе оживляется оно торжествующей улыбкой, радостью звѣря, настигшаго жертву. Но мгновеніе прошло,—и снова звѣрь, припертый охотникомъ, мрачно пощелкиваетъ зубами, злобно сверкая глазами. Какая нибудь ловкая комбинація, на мгновеніе оживлявшая Савву надеждой, разлеталась прахомъ. Нѣтъ выхода. Онъ совсѣмъ затравленъ. Впереди,—онъ ясно видѣлъ,—близкое и неминуемое паденіе съ грохотомъ и трескомъ.

Нервная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу, едва вспоминалъ Савва Хрисашку. А какъ нарочно довольная, толстая рожа, съ мясистымъ крупнымъ носомъ и плотоядными губами стояла передъ намъ.

«Почемъ, Савка, платить-то будешь за рубль? слы-

Digitized by Google

шится ему подлый Хрисашкинъ голосъ:—Смотри, на прожитокъ себѣ что нибудь сокрой. Мы тебя несчастнымъ безъ послѣдствій объявимъ, друга милаго!»

Всѣ заговорятъ. Всѣ пальцами будутъ показывать на Савву, оставшагося въ дуракахъ. Вчерашній воротила, милліонщикъ, предметъ почтенія и искательствъ, слова котораго подхватывались на биржѣ, появленія котораго боялись на торгахъ... сегодня несчастный сиволапый мужикъ, ворона въ павлиньихъ перьяхъ!

И началось уже!

Вчера «пташка» выгнала. «Не съ твоими молъ капиталами теперь такую шельму содержать!» А что впереди-то будетъ? Сколько народа придетъ смотрѣть на Савву! Сколько будетъ смѣха, лицемѣрныхъ сожалѣній со стороны прихлебателей и всякой сволочи, которую держалъ при себѣ Савва, кормилъ, поилъ и еще одѣлялъ деньгами. Какъ будутъ отворачиваться отъ него тѣ самые «благопріятели», съ которыми Савва дѣла дѣлалъ, не забывая конечно всемогущей «смазки».

Савва очевидно зналъ, что все это будетъ такъ. Умный мужикъ, хорошо понимавшій людей, не обманывалъ себя теперь, во время тяжелаго раздумья.

«Подлецъ народъ!» часто говаривалъ онъ, и въ то же время добивался чести вести дѣла съ «подлецомъ народомъ», водить съ нимъ дружбу и оказывать трогательные знаки вниманія.

«Пропадешь безъ нихъ! По чести развѣ дѣла можно дѣлать?» смѣялся Савва, разсказывая иной разъ по

Digitized by Google

душѣ, какія дѣла удавались ему именно благодаря тому, что этотъ «народъ—подлецъ и за деньги продастъ отца роднаго».

Савва вскочилъ съ постели. Въ ушахъ его стоялъ громкій хохотъ. Это потѣшаются надъ нимъ, дуракомъ, у котораго по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

«Посмотрите-ка на сиволапаго генерала! Мужикъ пускалъ пыль въ глаза: домъ не домъ, дача не дача, однѣхъ мамзелей сколько перемѣнилъ, денегъ какую прорву, дуракъ, просадилъ, какіе обѣды задавалъ, а теперь?»

«И по дѣломъ дураку. Очень ужь на свое счастіе надѣялся, а Хрисашка его и усадилъ!»

А «Хрисашка»,—представляется Саввѣ,—тоже вышелъ въ генералы и, скотина, персидскую звѣзду купилъ. У Хрисашки не домъ, а дворецъ, хотя бы прынцу жить. Хрисашка, не будь дуракъ, денегъ не ахаетъ, а всего одну даму содержитъ. Постройка Хрисашкѣ очистила милліонъ чистоганомъ за всѣми издержками. У Хрисашки цѣлая свора прихлебателей, все Саввины друзья-пріятели. Сидитъ Хрисашка послѣ обѣда и во все проклятое свое горло хохочетъ:

«А вѣдь, господа, по правдѣ-то сказать Савва большой плутъ былъ!»—«Большой мошенникъ!», вторятъ ему, присаживаясь за винтъ по рублю фишка.

У Хрисашки теперь обѣды съ генералами. У него всѣ свои люди, а онъ?..

Онъ, Савва, осмѣянный, оплеванный, опозоренный,

Digitized by Google

нищій... Никто не узнаетъ его... Всякій норовитъ мимо...

Злобно усмѣхнулся Савва, подзадоривая себя мрачными картинами: «Неужто такъ-таки и пропасть?»

«Нако-сь! прошепталъ Савва, задыхаясь отъ злости:—Еще мы поглядимъ, какъ-то ты, Хрисашка, урвешь концессію. Самъ пропаду вовсе и тебя утоплю!» мечталъ Савва, и въ эти минуты торжествовалъ, злобно сжимая свои могучіе кулаки.

Но придется ли глядѣть?

Если бы ему дали хоть вздохнуть, онъ бы поправился, но главное дѣло времени мало. Сроки платежей не за горами. Кредитъ по банкамъ рухнетъ, когда узнаютъ, что Савва прогулялъ дороженьку. Въ банкахъ догадывались ужь, что Савва трещитъ, и какъ всѣ загалдятъ, что Леонтьевъ ненадеженъ, мигомъ начнетъ все рушиться. Начнется настоящая травля, и тогда полетятъ клочья уцѣлѣвшаго богатства.

«Бѣдныя дѣти!» вспомнилъ вдругъ Савва.

Но быть можетъ не все потеряно? Онъ поѣдетъ къ министру и объяснитъ все его высокопревосходительству. Человѣка молъ понапрасну обидѣли, обѣщали дѣло и не дали. Онъ конечно не за себя хлопочетъ—онъ человѣкъ маленькій!—а горько ему, что казна потеряетъ, если ему не дадутъ возможности поправиться, такъ какъ въ государственномъ банкѣ заложены въ милліонъ пустопорожнія земли, не приносящія пока дохода, но если ему дадутъ средства, то онъ соберетъ необходи-

Digitized by Google

мый капиталъ и построитъ на этихъ земляхъ заводы, согласно обѣщанію. Такому тузу, какъ онъ, нельзя давать падать. Отъ этого интересы казны пострадаютъ.

Но если министръ не обратитъ вниманія на слова Саввы, то онъ поѣдетъ къ другимъ лицамъ. Наконецъ онъ найдетъ еще тропку, вѣрную тропку...

«Хрисашка ужь вѣрно проторилъ!» шепчетъ ему внутренній голосъ, и Савва уныло опускаетъ голову на грудь.

Въ кабинетъ вошелъ сынъ и приблизился къ отцу. Это былъ красивый юноша лѣтъ шестнадцати, очень схожій съ отцомъ, румяный, съ бойкими глазами и вьющимися, какъ у Саввы, черными, какъ смоль, волосами.

Андрюша былъ любимцемъ отца. Андрюшу баловали, ростили въ изобиліи и нѣгѣ. Мальчикъ не видалъ ни въ чемъ отказа, былъ избалованъ, капризенъ, зналъ, что онъ богатъ, мечталъ о служебной карьерѣ и блестящемъ обществѣ. Онъ скрывалъ отъ товарищей, что его отецъ бывшій мужикъ, и когда Савву произвели въ генералы, Андрюша былъ въ восторгѣ. Его воспитывали какъ барина Андрюша прекрасно говорилъ на трехъ языкахъ, игралъ недурно на фортепіано, водилъ знакомство съ подростками блестящихъ фамилій, кутилъ по трактирамъ, зналъ отлично французскія шансонетки и могъ составить отличный меню. Онъ два года, по желанію отца, провелъ въ Англіи и теперь готовился поступить въ университетъ.

Digitized by Google

— Ты что это папа не въ духѣ?

Савва поднялъ голову и любовно взглянулъ на сына. Такой онъ стоялъ передъ нимъ свѣжій, красивый, изящный. Мучицкій сынъ заткнулъ бы за поясъ настоящаго заправскаго барина. Савва какъ-то нѣжно прижалъ сына къ груди и проговорилъ:

— Дѣла, Адрюша, плохи.

— А ты, шатунъ, гдѣ вчера шатался?

— У графа Жоржа былъ...

— По ночамъ поздно шатаешься, Андрюша. Пора за ученье!

— Никольскій еще не пріѣхалъ, папа! Онъ мнѣ писалъ что будетъ на-дняхъ.

— То-то! Смотри, хорошенько приналягъ... Самъ, братъ, понимаешь, что нонче надо, чтобы образованный человѣкъ былъ... Я простой мужикъ, за то ты у меня будешь по статьямъ... Такъ ли?

Савва опять обнялъ сына и долго смотрѣлъ ему въ лицо.

— Что жь ты не одѣваешься, папа?

— А вотъ сейчасъ!.. Пошли-ка ко мнѣ Тимофея, родной мой!

«Какъ же я сына то оставлю безъ средствъ. Вѣдь онъ у меня привыкъ, родненькій, и ѣсть сладко, и спать мягко!..»

Савва сталъ одѣваться, когда явился слуга и доложилъ, что какой-то писарь проситъ позволенія видѣть Савву Лукича.

Digitized by Google

— Какой такой писарь?

— Не знаю-съ. Говоритъ: изъ департамента!

— Ну, зови писарька!

Въ кабинетъ вошелъ низенькій, худощавый, старый, коротко остриженный писарекъ, съ маленькимъ, сморщеннымъ, чистенько выбритымъ лицомъ. Онъ остановился у порога, бросилъ быстрый, лукавый взглядъ бѣгающихъ глазокъ на Савву Лукича и, поклонившись, проговорилъ тоненькой фистулой съ таинственнымъ видомъ:

— Я къ вашему превосходительству съ маленькимъ дѣломъ!

— Подойди, подойди, писарекъ. Какое такое твое дѣло?.. Я что-то твое лицо запамятовалъ... Въ департаментѣ служишь?

— Точно такъ-съ, но только я въ откомандировкѣ при Егорѣ Ѳомичѣ состою...

— Вотъ какъ! Садись писарекъ... какъ звать-то тебя?..

— Ипатомъ Алексѣевымъ...

— Садись-ка, Ипатъ Алексѣичъ... Гостемъ будешь...

— Помилуйте... Я и постоять могу...

— Садись... не ломайся, милый человѣкъ... Въ чемъ дѣло-то?

Старичекъ писарь сѣлъ и сказалъ:

— Слышалъ я, Савва Лукичъ, что будто Хрисанфъ Петровичъ отъ васъ дорогу отбили...

— Ну?...

Digitized by Google

— И вы, Савва Лукичъ, будто теперь, не взирая на обѣщаніе Егора Ѳомича, должны остаться безъ постройки!..

— Къ чему это ты гнешь, Ипатъ Алексѣичъ... Вижу по твоей рожѣ, что ты человѣкъ умный, а не смекаю, куда ты гнешь...

— А къ тому я, Савва Лукичъ, ваше превосходительство, гну, что не извольте вы объ этомъ дѣлѣ сокрушаться. Дѣло это хотя и какъ будто кончено, а вы не извольте сокрушаться.

Старый писарь говорилъ серьезнымъ, таинственнымъ шепотомъ, значительно взглядывая на Леонтьева.

Леонтьевъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Смѣешься, что ли, ты, Ипатъ Алексѣевичъ, али съ ума спятилъ?

— Помилуйте, Савва Лукичъ, посмѣлъ ли бы я докучать вамъ, если бы не въ своемъ умѣ былъ! улыбнулся старый писарь.

— Какъ же ты говоришь: не безпокойтесь! Дорогато теперича тю-тю!

— Я осмѣлюсь вновь доложить вамъ, Савва Лукичъ, что не извольте безпокоиться.

— Вотъ заладила сорока Якова. Видно не знаешь,— а еще писарь,—что вчерась совѣтъ былъ и рѣшили отдать дорогу подлецу Хрисашкѣ?

— Очень хорошо, Савва Лукичъ, я объ этомъ освѣдомленъ. Я и бумагу для господина министра перебѣ-

Digitized by Google

лялъ, докладъ съ изложеніемъ причинъ, и опять позволю себѣ доложить вамъ, что это ничего не значитъ.

— Какъ ничего не значитъ?

— Такъ-съ, Савва Лукичъ. Дѣло повернуть можно.

— Послѣ рѣшенія совѣта?

— Очень просто.

Старый писарь произнесъ эти слова такимъ увѣреннымъ тономъ, что, глядя на его сморщенное, старое, совершенно серьезное лицо, Савва Лукичъ привсталъ съ мѣста, подсѣлъ къ писарю рядомъ и прошепталъ:

— Ипатъ Алексѣичъ, какъ же это повернуть. Сказывай... Сдается мнѣ, что нельзя?

— И не такія дѣла поворачивали! произнесъ писарь, даже нѣсколько обиженный скептицизмомъ Леонтьева:—Изволили слышать, какъ годъ тому назадъ Петръ Петровичъ Трифоновъ на десять милліоновъ заказъ получили?

— А какъ?

— Тоже сомнѣвались. Два года г. Трифонову не давали заказа. Два министра лично обѣщали Петру Петровичу. Между министерствами по этому случаю переписка поднялась: одно другое спрашиваетъ, какія препятствія къ заказу. Нѣсколько разъ министръ лично приказывалъ скорѣй составить контрактъ, г. Трифоновъ чуть ли не каждый день пріѣзжали къ намъ въ департаментъ, а все контрактъ не былъ составленъ, все справки собирали, да разныя свѣдѣнія, такъ что наконецъ черезъ два года Петръ Петровичъ плюнули

Digitized by Google

на это дѣло, и контрактъ былъ подписанъ съ другимъ заводчикомъ,—оставалось только ему авансомъ пятьсотъ тысячъ получить. Въ тѣ поры явился я къ г. Трифонову и направилъ ихъ.

— И что же? весело перебилъ Савва.

— Направилъ куда слѣдуетъ, а на другой же день контрактъ былъ подписанъ съ г. Трифоновымъ.

— А тотъ-то... съ другимъ?..

— Отмѣненъ-съ! съ достоинствомъ прогово рилъ Ипатъ Алексѣевичъ.

Маленькій этотъ человѣкъ оказывался очень большимъ плутомъ, и дѣло пахло серьезно. Савва Лукичъ заперъ дверь кабинета и самъ заговорилъ, какъ и собесѣдникъ, вполголоса. Теперь ужь на губахъ его не бродила насмѣшливая улыбка при взглядѣ на этого тщедушнаго, маленькаго стараго писарька.

— Ипатъ Алексѣевичъ! Я... Я, милый человѣкъ, денегъ не пожалѣю... Чай, слышалъ про меня, каковъ я человѣкъ?.. Сказывай же, не томи... Во-первыхъ, какъ это Хрисашка подлецъ устроилъ?..

— Они въ соглашеніе съ Егоромъ Ѳомичемъ вошли.

— Да вѣдь и я кажется...

— Егоръ Ѳомичъ польстились, нечего скрывать. Я въ увѣренности, Савва Лукичъ, что вы по благородству тайну эту изволите скрыть въ глубинѣ души?..

— Могила! Одно слово, могила!

— Ужь я буду въ надеждѣ, Савва Лукичъ, но только

Digitized by Google

я бы хотѣлъ напередъ, какъ слѣдуетъ, чтобы послѣ не было чего либо сумнительнаго...

— Спрашивай. Грабь, писарекъ.

— За предварительное совѣщаніе, Савва Лукичъ, двѣ тысячи, а по окончаніи дѣла...

— Двадцати пяти не пожалѣю.

— Вполнѣ достаточно. Оно и кстати будетъ! прибавилъ словоохотливый старикъ. Домикъ достраиваю,— такъ деньги-то нужны. Можетъ изволили замѣтить, на Литейной домикъ строится?

— Это пятиэтажный, громадина?

— Онъ самый и есть!.. Такъ вотъ, изволите ли видѣть, Савва Лукичъ, Хрисанфъ Петровичъ передъ вами оказались тароватѣе, и хотя предварительно Егоръ Ѳомичъ и держали вашу линію,—въ этомъ смыслѣ я два раза докладъ перебѣлялъ,—но послѣ нашлись кое-какія упущенія...

— Скотина! промолвилъ Савва.

— Но только теперь можно повернуть опять, такъ какъ Егоръ Ѳомичъ, можетъ изволили слышать, имѣютъ очень большую и даже, можно сказать, пагубную приверженность къ одной дѣвицѣ, изъ ревельскихъ нѣмокъ. Фамилію ея запамятовалъ, а зовутъ ее Каролина Карловна. Дѣвица очень норовистая, а Егоръ Ѳомичъ ихъ боятся. Никого Егоръ Ѳомичъ не боятся, а Каролину Карловну боятся, и такъ боятся, что когда Каролина Карловна ихъ не принимаетъ, то Егоръ Ѳомичъ ходятъ какъ-бы потерянные и на службѣ тог-

Digitized by Google

да очень взыскательны! И слѣдственно черезъ Каролину Карловну можно дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ.

— Гдѣ она живетъ? Сколько ей нужно дать?

— Вы не извольте спѣшить, Савва Лукичъ, потому сама Каролина Карловна очень глупая дама и, если можно такъ выразиться, не имѣетъ достаточнаго образованія, чтобы дѣйствовать по своему понятію. Но эта самая Каролина Карловна очень влюблена въ одного тоже ревельскаго нѣмца, господина Готлиба. Человѣкъ непутящій и пьяница и бьетъ Каролину Карловну, а подите жь, Каролина Карловна очень любитъ господина Готлиба. Правда и то: нѣмецъ очень красивый, этакій здоровый, высокій, молодой, а званія простаго. Содержалъ было магазинъ, а теперь больше по билліардамъ. Каролина Карловна содержитъ его. Такъ на него можно налечь, а тогда и Каролина Карловна войдетъ въ правильное понятіе и въ свою очередь на Егора Ѳомича подѣйствуетъ. И самъ Егоръ Ѳомичъ къ вамъ пріѣдетъ. Съ нѣмцами дѣло обойдется не дорого. Хрисанфъ Петровичъ не знали о Каролинѣ, потому что Егоръ Ѳомичъ въ большемъ секретѣ ее держатъ. Главное отъ супруги. Супруга очень бы, узнавши это, была недовольна, и пожалуй Егоръ Ѳомичу сдѣлала бы большія непріятности. Егоръ Ѳомичъ вообще къ женскому полу боязнь чувствуютъ.

— Но какъ же докладъ?

— Не безпокойтесь. Недѣльку я, хоть и маленькій человѣкъ, берусь задержать,—попрошу помощника сто-

Digitized by Google

лоначальника, да кстати г. министръ уѣзжаютъ на двѣ недѣли для осмотра подвѣдомственныхъ учрежденій. Выходитъ: всѣхъ три недѣли, а этимъ временемъ, вы съ своей стороны извольте-ка пригласить къ себѣ камердинера его превосходительства и...

Иванъ Алексѣевичъ даже фамильярно шепнулъ на ухо Саввѣ Лукичу, куда надо еще ѣхать.

Затѣмъ онъ всталъ и пожелалъ всяческихъ успѣховъ его превосходительству, пряча въ карманъ деньги, полученныя за «предварительное совѣщаніе».

— А насчетъ г. Готлиба я берусь, Савва Лукичъ, привести его къ вамъ. Когда прикажете?

— Завтра утромъ, а то сегодня вечеромъ.

— Ужь лучше завтра утромъ. Сегодня надо еще розыскать его!

Старый писарь ушелъ, почтительно пожавъ протянутую Саввой Лукичемъ руку, и Леонтьевъ почувствовалъ, что надежда снова подняла упавшій было духъ.

Странное дѣло! Савва Лукичъ ожилъ послѣ неожиданнаго вѣзита писарька. Казалось бы, чему могъ научить такого опытнаго человѣка писарекъ, а глядишь— научилъ.

И Савва Лукичъ надѣялся и вѣрилъ теперь утѣшительнымъ словамъ писарька болѣе чѣмъ кому либо другому. Скажи ему сію минуту какой нибудь, ну, хоть директоръ департамента, что онъ «повернетъ дѣло», Савва не такъ былъ бы увѣренъ, что еще не все потеряно, какъ былъ увѣренъ теперь.

Digitized by Google

О Господи, какое это будетъ счастье! Нѣтъ, видно Господь еще не отвратилъ милосердія своего отъ раба своего Саввы!» проговорилъ Савва, кладя усердные земные поклоны передъ образомъ.

А въ городѣ ужь всѣ говорили, что Леонтьевъ не получилъ концессіи, а получилъ Хрисанфъ Петровичъ Сидоровъ. Въ газетахъ были помѣщены замѣтки въ этомъ же смыслѣ, и Валентина, прочитавъ о Саввѣ, очень была рада, что раздѣлалась съ мужикомъ. Надоѣлъ онъ ей. Только-что кончится дѣло въ судѣ, гдѣ она должна быть свидѣтельницей, Валентина уѣдетъ за границу и отдохнетъ въ Парижѣ. Кстати тамъ она встрѣтится съ Шуркой. И, вспоминая этого красиваго, изящнаго молодца, Валентина чувствовала, какъ сильнѣе билось ея сердце...

Засѣданіе назначено на дняхъ. Ей уже прислана повѣстка. Она надѣнетъ черное платье и явится въ судъ въ сіяніи красоты, въ скромномъ видѣ несчастной жертвы, у которой такой ужасный мужъ... Она надѣялась, что мужа осудятъ, и тогда она возьметъ Колю. Бѣдный Коля! Если бы не совѣты Евгенія Николаевича Никольскаго, то она давно бы его взяла. Но онъ почему то не совѣтовалъ. Почему? Онъ серьезно сердился, когда она объ этомъ спрашивала, и она умолкала, такъ какъ побаивалась этого солиднаго молодаго человѣка.

Когда Анна Петровна прочла въ газетахъ о томъ, что Леонтьевъ не получилъ концессіи, она тотчасъ же

Digitized by Google

написала записку Борису Сергѣевичу, въ которой совѣтовала «скорѣе получать съ мужика все, что можно, такъ какъ онъ наканунѣ банкротства».

Но записка не застала Бориса. Онъ уже уѣхалъ къ тестю, встревоженный, недовольный и злой подъ маскою невозмутимости...

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Въ Литовскомъ замкѣ.

I.

Неудовлетворенный вышелъ Петръ Николаевичъ Никольскій изъ квартиры отставнаго полковника.

Свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ оригинальной гроссъбухъ Ивана Алексѣевича, не разсѣяли мрака, окружавшаго таинственное дѣло похищенія.

По обыкновенію, разъ взявшись за дѣло, Никольскій хотѣлъ довести его до конца, возмущенный мерзавцемъ-воромъ, желавшимъ погубить невиннаго человѣка. Жаль было молодому человѣку этого несчастнаго неудачника, и онъ, отправляясь на лѣто въ провинцію, обѣщалъ Трамбецкому сдѣлать все, что было возможно. Къ сожалѣнію, поиски его были неудачны. Онъ не розыскалъ дочери Ѳомы, бывшаго лакея полковника, хотя и напалъ на ея слѣдъ, собравъ предварительно справки о ней въ Петербургѣ. Болѣе серьезныя дѣла

Digitized by Google

помѣшали молодому человѣку ѣхать въ тотъ городъ, гдѣ,—сообщили ему,—жила въ то время молодая женщина, когда онъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ, ея уже не было; она уѣхала за день до его пріѣзда, но никто не зналъ—куда. Слѣдъ былъ потерянъ.

Обидно было Петру Николаевичу. Молодая женщина была единственнымъ лицомъ, которое могло бы пролить свѣтъ на таинственное дѣло и подтвердить подозрѣнія, случайно запавшія, въ голову Никольскому. Подозрѣнія были съ точки зрѣнія молодаго человѣка довольно серьезныя противъ одного лица (имени его Никольскій никому не сообщалъ), но, на основаніи этихъ подозрѣній нельзя было ничего сдѣлать. Надо было ждать случая, чтобы напасть на звѣря тогда, когда онъ не могъ бы вывернуться. А звѣрь былъ красный, хорошій звѣрь. Если бы онъ фигурировалъ на судѣ, то скандалъ былъ бы большой.

Оставалось нѣсколько дней до суда. Остановить дѣло было невозможно. Трамбецкій рисковалъ совершенно невинно попасть въ мѣста не столь отдаленныя.

Раздумывая такимъ образомъ, Никольскій вышелъ изъ подъѣзда и повернулъ къ Большому проспекту.

Господинъ Сивковъ, повѣренный полковника и агентъ сыскной полиціи, признавшій въ Никольскомъ знакомое лицо и рѣшившійся прослѣдить молодаго человѣка, терпѣливо дожидался на углу Большаго проспекта. Какъ только Никольскій вышелъ изъ подъѣзда, сыщикъ быстро спрятался за уголъ. Но не даромъ

Digitized by Google

и Никольскій былъ опытный человѣкъ. Онъ не забылъ любопытныхъ взглядовъ господина Сивкова и тотчасъ же замѣтилъ движеніе сыщика. У молодаго человѣка были зоркіе глаза. Онъ усмѣхнулся про себя и, какъ ни чемъ не бывало, порядилъ извозчика и поѣхалъ на Петербургскую сторону, вполнѣ увѣренный, что за нимъ, на благородномъ разстояніи, слѣдуетъ маленькій, толстенькій и добродушный на видъ сыщикъ, очень хорошо извѣстный своею ловкостью и умѣньемъ.

Никольскій еще у полковника вспомнилъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ имѣлъ счастіе встрѣчаться съ этимъ любопытнымъ господиномъ, но увѣренъ былъ, что г. Сивковъ, не смотря на свою ловкость, едва ли припомнитъ всѣ подробности. Во первыхъ, это было такъ давно, во вторыхъ, и обстоятельства были очень сложны, а въ—третьихъ—Никольскій познакомился тогда съ Сивковымъ въ сумеркахъ и былъ представленъ ему подъ другой фамиліей.

«Напрасно прокатался!» подумалъ молодой человѣкъ, останавливая извощика у скромнаго деревяннаго домика, въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Петербургской стороны.

Расплатившись съ извозчикомъ, Никольскій бросилъ взглядъ на улицу и отлично разсмотрѣлъ маленькую, толстенькую фигурку съ поднятымъ воротникомъ, слѣзающую съ извозчика у поворота въ переулокъ.

Молодой человѣкъ улыбнулся и поднялся во второй этажъ, гдѣ жила его тетка, у которой во время своего

Digitized by Google

отсутствія Никольскій помѣстилъ Колю Трамбецкаго. Тетка эта, пожилая, простая, добрая женщина, вдова чиновника, души не чаяла въ своемъ племянникѣ и готова была сдѣлать для него все, что бы онъ ни пожелалъ. Никольскій помогалъ бѣдной женщинѣ, и часто баловалъ старуху наливкой, до которой она была охотница.

Едва Никольскій вошелъ въ прихожую, какъ навстрѣчу къ нему бросился Коля. Онъ горячо обнялъ молодаго человѣка и пытливо взглянулъ на него, ловя на лицѣ Никольскаго какое нибудь радостное извѣстіе. Во взглядѣ большихъ черныхъ глазъ ребенка было столько тревоги, что Никольскій поспѣшилъ успокоить мальчика.

— Ты что такъ смотришь, Коля? Ты не унывай...

— Ты нашелъ вора? перебилъ мальчикъ.

— Нѣтъ еще, но подожди, найдемъ...

— А папа?.. прошепталъ мальчикъ, поникая головой:—Что будетъ съ папой?..

— Ничего не будетъ съ папой твоимъ! вступилась тетка Никольскаго:—Ну, чего ты повѣсилъ голову, родной мой, а?.. Ну... ну... не плачь же, Колюнъ мой! ласково утѣшала старая женщина, проводя своей рабочей, шершавой рукой по лицу мальчика:—Развѣ возможно, чтобы невиннаго человѣка осудили?.. Глупенькій! Скоро папа возьметъ тебя, и вы будете вмѣстѣ жить... Только меня старуху не забывай... Я къ тебѣ вѣдь привыкла, къ сиротинкѣ...

Digitized by Google

Прасковья Ивановна утѣшала ребенка, а сама безпокойно взглядывала на племянника.

— Давно папу видѣлъ, Коля?

Онъ былъ съ тетей въ прошлое воскресенье у папы. Папу перевели въ Литовскій замокъ. Папа очень кашляетъ, у него лихорадка. Онъ все спрашивалъ, скоро ли пріѣдетъ Петръ Николаевичъ. Онъ очень ждетъ Петра Николаевича.

— Папа говорилъ, что ты привезешь ему счастье! Привезъ ты ему счастье?

— Эка, что спрашиваешь, Коля! вступилась Прасковья Ивановна:—Да развѣ мой Петя кому нибудь можетъ привезти несчастье?.. Сердце-то у него, мальчикъ, у нашего Пети, золотое...

— Полно, полно, тетя!.. Лучше поѣсть дайте.

— Глупая!.. И не догадалась. Чай, голоденъ? Ну пойдемте, милые мои... У меня мигомъ все будетъ готово.

За завтракомъ Прасковья Ивановна то и дѣло подкладывала своему племяннику на тарелку, а сама ѣла какъ-то урывками, носясь изъ кухни въ комнату.

Она между прочимъ шепнула Никольскому, что видѣлась съ адвокатомъ.

— Что жъ говоритъ онъ? тихо спросилъ Никольскій.

Коля пересталъ ѣсть и жадно слушалъ.

— Адвокатъ увѣренъ, что Александра Александровича оправдаютъ! громко сказала добрая женщина, значительно взглядывая на племянника.

Digitized by Google

— Еще бы! Смѣли бы не оправдать папу! крикнулъ мальчикъ, сверкая глазенками.

Грустно усмѣхнулся Никольскій, бросая ласковый, нѣжный взглядъ на нервнаго, блѣднаго мальчика.

— А если бы, Коля, отца не оправдали? Если бы его невиннаго осудили?

— Этого не можетъ быть.

— Милый мой, на свѣтѣ все бываетъ! угрюмо проговорилъ молодой человѣкъ.

Мальчикъ поблѣднѣлъ. Глазенки его заблестѣли, и по всему лицу пробѣгала нервная дрожь.

— Если на свѣтѣ такъ бываетъ, если Богъ оставитъ папу... Нѣтъ, Петръ Николаевичъ, развѣ Богъ не видитъ, что папа не виноватъ? Онъ видитъ, все видитъ, и когда судьи будутъ судить его, Онъ шепнетъ всѣмъ имъ на ухо, что папа невиненъ... Вѣдь правда, тетя? Онъ шепнетъ имъ?

— Правда... Богъ не оставитъ отца! проговорила растроганная Прасковья Ивановна.

Никольскій молчалъ и старался не глядѣть на блѣднаго мальчика.

Ребенокъ задумался. Въ его несоразмѣрно большой головѣ копошились какія-то мысли. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ твердымъ голоскомъ:

— А если бы Богъ оставилъ папу и его невинно обвинятъ, я не оставлю папу. Я поѣду съ нимъ и буду молиться за него, а когда выросту, то отыщу вора и докажу, что папа честный, добрый, славный.

Digitized by Google

— Голубчикъ ты мой! шептала Прасковья Ивановна, вытирая одною рукой набѣгавшія слезы, а другой подкладывая Колѣ на тарелку еще кусочекъ говядины:—Доброе ты дитя мое... Кушай, кушай... Господь не оставитъ тебя!

Послѣ завтрака Петръ Николаевичъ съ Колей поѣхали къ Трамбецкому въ Литовскій замокъ. Былъ пріемный день.

Они въѣхали въ Тюремный переулокъ. Изъ оконъ тюрьмы сквозь желѣзныя почернѣвшія полосы выглядывали блѣдныя, желтыя и зеленыя лица.

Коля отвернулся, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Бѣдные! прошепталъ онъ.

Они подъѣхали къ воротамъ. Тяжелая желѣзная калитка взвизгнула на своихъ петляхъ, и Никольскій съ ребенкомъ очутились въ темномъ пространствѣ между наружными и внутренними воротами. Въ этомъ темномъ пространствѣ стояла толпа городовыхъ, мужиковъ и бабъ. То и дѣло взвизгивали двери и проходили полицейскіе, съ книжками подъ мышками. Полицейскіе, стоявшіе у воротъ, подозрительно оглядывали приходящихъ.

— Вамъ куда... на свиданіе?

— На свиданіе! отвѣтилъ Никольскій.

Онъ только-что хотѣлъ пройти влѣво, сквозь сѣрую толпу, тѣснившуюся у маленькой лѣсенки въ ожиданіи разрѣшенія, какъ вдругъ крикнули: «Посторонись!» Никольскій съ мальчикомъ прислонились къ стѣнѣ и

Digitized by Google

услышали глухой скрипъ отворявшихся воротъ. Темное пространство освѣтилось вдругъ ворвавшимся свѣтомъ.

Изъ внутренняго двора съ глухимъ шумомъ выѣхала маленькая, низенькая тюремная карета, закрытая со всѣхъ сторонъ. Сзади шли два солдата съ ружьями. Изъ крошечнаго отверстія, закрытаго частой рѣшеткой, выглянуло совсѣмъ молодое лицо въ сѣрой арестантской шинели и уродливой шапкѣ. Другихъ лицъ нельзя было разглядѣть въ темнотѣ кареты. Казалось, что въ этой каретѣ должно быть душно, и тотъ, кому пришлось сидѣть у отверстія, былъ счастливцемъ.

Никольскій взглянулъ на мелькнувшее лицо арестанта и нервно сжалъ руку мальчика.

— Папа? крикнулъ мальчикъ.

— Нѣтъ... нѣтъ...

Съ глухимъ грохотомъ проѣхала маленькая карета небольшое пространство. Снова заскрипѣли ворота,—и стало темно.

Никольскій поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ маленькую грязную комнатку, гдѣ сидѣли городовые.

— Вамъ кого?

— Трамбецкаго!

— Изъ дворянскаго отдѣленія?

— Изъ дворянскаго!

Онъ сунулъ двугривенный въ руку солдата. Солдатъ поблагодарилъ и поспѣшно вышелъ, проговоривъ: «Сейчасъ!»

Минутъ черезъ пять вышелъ полицейскій офицеръ.

Digitized by Google

— Свидакія?

— Свиданія!

— Съ кѣмъ?

— Съ Трамбецкимъ!

— Подождите.

Никольскій съ Колей присѣли на лавку. Въ этой комнатѣ дожидалась публика почище. На свиданіе пускали партіями человѣкъ въ десять. Въ комнатѣ шелъ тихій говоръ. У ждавшихъ свиданія лица были серьезныя. У большинства въ рукахъ были свертки. Эти свертки тщательно осматривали и уносили въ другую комнату.

— А у васъ что? подошелъ чиновникъ къ Никольскому.

— Чай и сахаръ.

— Больше ничего?

— Еще булки и кусокъ говядины.

— Птицы нѣтъ?

— Нѣтъ...

Городовой взялъ свертокъ и понесъ въ контору.

Мальчикъ со страхомъ прижался къ Никольскому.

— О какой птицѣ онъ спрашивалъ?

— Птицу нельзя сюда носить...

— Отчего?..

— Чтобъ арестантъ не подавился! улыбнулся Никольскій.

— А...

Хотя Коля не первый разъ былъ здѣсь, но всякій

Digitized by Google

разъ онъ испуганными глазами смотрѣлъ вокругъ. Около него сидѣла молодая баба съ грудным ребенкомъ и тихо укачивала малютку. Мальчикъ видѣлъ, какъ мелькало маленькое красненькое пятно изъ-за полосатаго одѣяла... Баба искоса взглянула на Колю и, замѣтивъ его любопытный взглядъ, сказала:

— Тоже мальчикъ.

Коля сконфузился.

— А ты къ кому пришелъ?

— Къ отцу! чуть слышно прошепталъ Коля:—Онъ по ошибкѣ здѣсь.

— И мужъ мой тоже безвинно! вздохнула баба:— Изъ-за пачпорта!..

Немного подалѣе сидѣла молодая, хорошо одѣтая дама. Она нетерпѣливо поглядывала на двери конторы и нѣсколько разъ спрашивала городоваго: «Скоро-ли?»

Наконецъ отворилась дверь изъ другой комнаты и изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ свиданіе. На многихъ женскихъ лицахъ еще блестѣли слезы. Когда они вышли, полицейскій чиновникъ сталъ выкликать имена арестантовъ, съ которыми разрѣшено свиданіе. Выкликнули девять фамилій. Молодая женщина, сидѣвшая съ боку, привстала. Лицо ея, красивое, симпатичное лицо, все вытянулось, и по немъ пробѣгали судороги.

— Къ Трамбецкому! крикнулъ чиновникъ.

— А что-жъ къ Никифорову? спросила дама.

Чиновникъ взглянулъ, улыбнулся, кланяясь дамѣ,

Digitized by Google

точно хорошей знакомой, подошелъ къ ней съ изысканной вѣжливостью, ловко звяннулъ шпорами и произнесъ:

— Я поставленъ въ непріятную обязанность сообщить вамъ, сударыня, что сегодня вамъ нельзя имѣть свиданія...

— Это почему?.. Развѣ...

— Не безпокойтесь... Вашего мужа повезли сегодня къ допросу къ судебному слѣдователю. Мнѣ право очень жаль, что вы напрасно сегодня безпокоились...

— Прошу васъ, передайте ему все, что я принесла.

— О, будьте покойны...

Она поднялась, а Коля не спускалъ глазъ съ молодой дамы. Она замѣтила этотъ взглядъ и ласково улыбнулась и потрепала мальчика по щекѣ. Онъ почему-то поцѣловалъ ея руку.

— Пожалуйте, господа!

Нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ Никольскій съ Колей пошли, съ чиновникомъ во главѣ, изъ комнаты въ другую и наконецъ въ третью, побольше, раздѣленную рѣшеткой пополамъ. За рѣшеткой было темно. У рѣшетки уже дожидались арестанты. Прибывшіе на свиданіе торопливо бросились къ рѣшеткѣ. Городовые стояли около. Раздались сдержанныя восклицанія и тихій говоръ. Старались говорить всѣ какъ можно тише. Около Коли стояла старушка и жадно припала къ рѣшеткѣ, цѣлуя какого-то блѣднолицаго

Digitized by Google

юношу, одѣтаго въ обыкновенное платье. Городовой отвернулся при этой сценѣ.

Трамбецкаго еще не было. Коля жадно всматривался въ глубь комнаты, откуда выходили арестанты. Вдругъ онъ вздрогнулъ и дернулъ Никольскаго за руку. Къ рѣшеткѣ поспѣшно подошелъ Трамбецкій, улыбаясь на ходу своему мальчику. Онъ нагнулся, протянулъ исхудалыя руки и прильнулъ къ губамъ сына.

Грустно взглянулъ Никольскій на стараго неудачника, онъ совсѣмъ посѣдѣлъ; лицо было землистое, большіе глаза совсѣмъ ввалились и лихорадочно блестѣли изъ темныхъ ямъ. Это была тѣнь живаго человѣка, а не человѣкъ.

— А я тебѣ, папа, Петра Николаевича привелъ!

— Господи! Васъ я и не видалъ! Ну, что? воскликнулъ глухимъ голосомъ Трамбецкій, крѣпко пожимая руку молодаго человѣка. Нашли какіе нибудь слѣды?

Въ глазахъ измученнаго человѣка свѣтилась надежда.

Но Трамбецкій тотчасъ же опустилъ голову, прочитавъ отвѣтъ въ глазахъ Никольскаго.

— Не падайте духомъ, Александръ Александровичъ. Я не теряю еще надежды.

— Впрочемъ все равно. Черезъ недѣлю я буду на скамьѣ подсудимыхъ! проговорилъ Трамбецкій.

— Тебя оправдаютъ, папа! крикнулъ Коля.

— О, голубчикъ мой. Еслибы не ты, да развѣ не

Digitized by Google

все ли мнѣ равно, что со мной будетъ? Вѣдь ты, ты одинъ привязываешь меня къ жизни.

Онъ вдругъ закашлялся и отвернулся. Изъ горла хлынула кровь.

— Папа, папочка, что съ тобой?

— Ничего, ничего, не пугайся, мой мальчикъ, — пройдетъ... Вотъ видишь ли?

Онъ обернулся и улыбнулся испуганному мальчику.

А въ глазахъ у самого стояли слезы.

— Васъ разумѣется оправдаютъ! проговорилъ Никольскій.

— Оправдаютъ! А кто вернетъ мнѣ мѣсяцы тюрьмы? Ахъ, еслибы я зналъ этого подлеца... Еслибы только зналъ.

Онъ задыхался, торопясь говорить. При воспоминаніи объ этомъ подлецѣ въ немъ снова вспыхивала энергія.

Занятый своимъ горемъ, Трамбецкій и не спрашивалъ Никольскаго о подробностяхъ его поѣздки. Что ему до подробностей? Онъ видѣлъ только, что пріятель его ничего не сдѣлалъ.

Но вдругъ онъ спохватился и сказалъ:

— Хорошъ я .. Вы ѣздили, хлопотали, а я и не благодарю васъ, но вѣдь вы знаете, какъ цѣню я ваше расположеніе... Вѣдь знаете и безъ словъ, какъ я вамъ обязанъ... Безъ васъ что сталось бы съ Колей?..

— Полно, полно... дорогой мой... Скоро все кончится, и мы васъ отправимъ съ Колей въ деревню...

Digitized by Google

Ужь я вамъ и мѣстечко пріискалъ на Югѣ... Вамъ хорошо тамъ будетъ...

Никольскій говорилъ, а самъ думалъ, что дни бѣдняги сочтены... Едва ли придется ему ѣхать въ деревню. А впрочемъ...

Трамбецкій оживился.

— Да, папа, мы вмѣстѣ уѣдемъ и ужь никогда не разстанемся!

И умирающій вѣрилъ возможности этого счастья. Ему такъ хотѣлось вѣрить. Онъ сталъ мечтать въ слухъ, какъ имъ будетъ хорошо вдвоемъ. Ему такъ хотѣлось скорѣе изъ Петербурга. Адвокатъ тоже увѣренъ въ его оправданіи.

— Скорѣе бы только насталъ этотъ день!

Онъ ни словомъ не вспомнилъ своей жены, и Никольскій думалъ, что онъ теперь послѣ всего ее возненавидѣлъ, но молодой человѣкъ, какъ видно, плохо зналъ человѣческое сердце. Когда Коля отвернулся, Трамбецкій тихо шепнулъ:

— О ней что нибудь слышали?

— Нѣтъ...

— Узнайте, голубчикъ... Вѣдь я...

Онъ не докончилъ и какъ-то стыдливо опустилъ глаза.

— Впрочемъ... я буду имѣть счастіе видѣть ее въ судѣ!..

Никольскій сколько могъ ободрялъ бѣднягу... Наступило время прощанія. Отецъ снова нѣсколько разъ

Digitized by Google

крѣпко поцѣловалъ сына. Оба были разстроены. У отца и сына глаза были полны слезъ.

— Еще разъ спасибо вамъ, Петръ Николаевичъ. Добрый вы человѣкъ!.. проговорилъ Трамбецкій дрожащимъ голосомъ:—Ну, ну... не сердитесь. Я знаю, вы изліяній не любите, ну, да простите стараго неудачника... Теперь не долго ждать... Осталось всего шесть дней, а тамъ въ деревню...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— А еслибы я нашелъ мерзавца, который..!

— Не сокрушайтесь... онъ еще найдется...

— Вы кого нибудь подозрѣваете?..

Никольскій махнулъ головой.

— Кого же?

— Зачѣмъ вамъ знать... Все равно пока ничего нельзя сдѣлать... И подозрѣнія мои слишкомъ шатки...

— Умоляю васъ... скажите... Даю вамъ слово, что раньше вашего позволенія я ни единой душѣ не скажу.

— Даете?..

— Даю.

Никольскій нагнулся и шепнулъ ему на ухо. Трамбецкій изумился.

— Не можетъ быть! проговорилъ онъ:—Это... это... невозможно!..

— Отъ нихъ все возможно, Трамбецкій, угрюмо проговорилъ Никольскій: — Если бы вы видѣли гроссъ-бухъ Гуляева, то поняли бы, что все возможно...

— Нѣтъ... нѣтъ... вы ошибаетесь!

Digitized by Google

— Увидимъ...

Еще поцѣлуй сыну, пожатіе руки, — и они разстались.

Сумрачный вышелъ изъ воротъ тюрьмы Петръ Николаевичъ. Видъ Трамбецкаго смущалъ молодаго человѣка.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Отставка его превосходительства.

I.

Несмотря на совѣты жены и друзей «переждать» и не подавать прошенія объ отставкѣ, его превосходительство Сергѣй Александровичъ твердо рѣшился просить объ увольненіи, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья.

«Его свѣтлость изволилъ сдѣлать меня больнымъ!» пробовалъ было шутить старикъ, но шутка выходила какая-то болѣзненная, грустная шутка.

Его превосходительство рѣшилъ на другой же день, послѣ деликатнаго намека, подать прошеніе, но... не хватало силы. Онъ медлилъ, чего-то надѣялся, вглядываясь во время докладовъ въ лицо его свѣтлости. Старика щадили. Ему не повторили намека, но разъ не подали руки, другой не уважили его представленія.

Digitized by Google

Послѣ всего этого оставаться долѣе было невозможно, неприлично... Достоинство гордаго старика заставляло немедленно удалиться отъ дѣлъ ..

Пятнадцать лѣтъ занималъ онъ видный постъ, пользуясь неизмѣнной благосклонностью его свѣтлости, пятнадцать лѣтъ неустанно работалъ онъ на благо Россіи; сколько перенесъ онъ заботъ, непріятностей, сколько пережилъ интригъ. Довольно! Пора и въ самомъ дѣлѣ отдохнуть! Вѣчныя тревоги надоѣли...

«Замѣнить меня какимъ-то Стрѣлковымъ!» Это слишкомъ тяжело. Конечно на все воля князя. Его превосходительство слишкомъ обязанъ его свѣтлости и боготворитъ его... Онъ не смѣетъ порицать его выбора, и наконецъ его свѣтлость вѣроятно жертва интриги, но куда же приведутъ господа Стрѣлковы судьбу отечества? Вотъ что обидно, вотъ что сокрушаетъ старика...

По крайней мѣрѣ его превосходительство хотѣлъ увѣрить себя въ этомъ, ощущая горькое чувство оскорбленнаго самолюбія.

Да, пора на покой! Онъ становится старъ. Онъ начинаетъ терять способность попадать въ струю теченія. «У насъ теперь столько теченій!» грустно усмѣхнулся старикъ. Выскочки въ наше время en vogue... Желая угодить, они не останавливаются ни передъ чѣмъ. Сегодня либералы, завтра неумѣренные ретрограды. Убѣжденій никакихъ! Порядочный, приличный

Digitized by Google

консерватизмъ съ послѣдовательными реформами теперъ не нуженъ.

«Бѣдная Россія! проговорилъ со вздохомъ старикъ, отождествляя судьбу Россіи съ собственной своей судьбой.

Планъ, предложенный Викторомъ Павловичемъ, подѣйствовать на свѣтлѣйшаго черезъ ея свѣтлость былъ нѣсколько разъ съ брезгливостью отвергнутъ его превосходительствомъ. Этого еще не доставало! Все равно дѣло потеряно.

Его превосходительство, зная хорошо свою супругу, строго предупредилъ Анну Петровну «не пускаться въ авантюры». Ея превосходительство конечно дала слово, но на другой же день пустилась на развѣдки и съ любовью занялась интригой.

Неутомимая, ловкая, даже нахальная, когда дѣло касалось интересовъ дома, она перебывала у всѣхъ своихъ друзей, имѣла свиданіе съ высокимъ духовнымъ лицомъ, вездѣ говорила, что Россія погибнетъ, если Стрѣлковъ сдѣлается вліятельнымъ лицомъ; однимъ говорила, что Стрѣлковъ неблагонамѣренный человѣкъ. другимъ,—что Стрѣлковъ слишкомъ крутъ; духовному лицу тонко намекнула, что Стрѣлковъ атеистъ, а при помощи близкихъ къ ея свѣтлости лицъ довела до свѣдѣнія, что Стрѣлковъ безнравственный человѣкъ, и откуда-то откопала самыя достовѣрныя извѣстія о числѣ жертвъ, погубленныхъ будто бы господиномъ Стрѣлковымъ. Не оставлены были безъ вниманія и намеки

Digitized by Google

на корыстолюбіе восходящаго на административномъ горизонтѣ свѣтила. Благодаря неутомимой агитаторшѣ, была пущена въ ходъ грязная исторія объ источникахъ состоянія Стрѣлкова; при помощи Евгенія Николаевича въ одной изъ газетъ была напечатана горячая статья о заслугахъ Сергѣя Александровича и о томъ прискорбномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на «всю Россію» слухъ, «очевидно вымышленный», объ отставкѣ его превосходительства. Въ статьѣ перечислялись доблести старика и длинный рядъ реформъ, проведенныхъ имъ въ департаментѣ...

Когда за обѣдомъ его превосходительство освѣдомлялся у жены, гдѣ это она пропадаетъ по цѣлымъ днямъ, то Анна Петровна ссылалась на занятія въ благотворительныхъ комитетахъ. У нея ихъ такъ много! Намъ, порядочнымъ женщинамъ, надо подавать примѣръ!

Его превосходительство болѣе не спрашивалъ, а Анна Петровна, поглядывая на старика, задумывала новую комбинацію какой нибудь новой интриги.

Она хорошо знала его превосходительство, знала его привычку къ власти и почету. Она была увѣрена, что Сергѣй Александровичъ притворяется, разсказывая, что онъ усталъ и ищетъ покоя. Сдѣлай его свѣтлость малѣйшій намекъ, скажи ласковое слово, удержи старика,—и его превосходительство, теперь какъ будто сгорбившійся и удрученный недугами, снова выпрямится на страхъ своихъ недоброжелателямъ...

Digitized by Google

Однако, не смотря на опытность Анны Петровны въ интригѣ, не смотря на то, что супруга его свѣтлости приняла горячее участіе въ этомъ дѣлѣ и имѣла разговоръ съ мужемъ о господинѣ Стрѣлковѣ (она освѣдомилась о близкомъ родствѣ его съ женщиной, которой она не любила), хлопоты не удались, и Анна Петровна изъ вѣрныхъ источниковъ узнала, что его свѣтлость недавно сказалъ объ ея мужѣ, что «бѣдный старикъ кажется совсѣмъ боленъ и едва ли можетъ заниматься дѣлами».

Тогда Анна Петровна сообразила, что надо воспользоваться положеніемъ обиженнаго старика и испросить ходатайства его свѣтлости объ оставленіи содержанія и о какой нибудь существенной наградѣ въ благодарность за долговременную службу. Хорошо было бы получить приличный денежный подарокъ или нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Когда кто-то изъ ея друзей замѣтилъ, что «финансы разстроены» и что лучше хлопотать о землѣ, то Анна Петровна возразила на это, что какая нибудь сотня тысячъ ничего не значитъ для казны и наконецъ «они не прочь вмѣсто денегъ получить землю».

Неутомимая Анна Петровна прямо сказала его превосходительству, что если онъ уходитъ со службы, то надо по крайней мѣрѣ «подумать о дѣтяхъ».

— Теперь тебѣ легко просить, чтобы князь за тебя похлопоталъ. Многимъ даютъ землю.

Digitized by Google

Сергѣй Александровичъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

— Неловко! произнесъ онъ.

Неловко! Чего смотрѣть? Нашелъ время стѣсняться! Его же обидѣли, его мѣняютъ на Стрѣлкова, а онъ говоритъ о неловкости. У нихъ двѣ дочери. У нихъ Шурка. Въ новомъ положеніи связи порвутся. Непремѣнно надо взять *съ нихъ*, что только можно. Она удивляется, какъ такой умный человѣкъ, какъ Сергѣй Александровичъ, до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ.

Его превосходительство слушалъ жену и хмурился. Его слухъ рѣзалъ этотъ рѣзкій тонъ попрошайства. Онъ не прочь былъ воспользоваться милостью князя, но нельзя было дѣйствовать наглостью... Этого онъ не могъ вынести. Кривскому даже показалось, что жена теперь говоритъ съ нимъ не такъ, какъ говорила вчера, когда еще онъ былъ въ силѣ. Что-то вульгарное было въ ея тонѣ, какая-то фамильярность, которой онъ не допускалъ.

Онъ обѣщалъ подумать и нагнулся къ бумагамъ, давая этимъ понять, что разговоръ конченъ. Но Анна Петровна, раздраженная неудачей своихъ интригъ, не обратила вниманія на уклончивость старика и замѣтила:

— Мнѣ кажется, думать долго нечего... Если теперь ты не похлопочешь, то мы останемся нищими...

Его превосходительство медленно поднялъ глаза на жену и строго замѣтилъ:

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, что ты уже слишкомъ неумѣренно заботишься... Мнѣ кажется, было бы несравненно лучше предоставить заботы о дѣтяхъ моему усмотрѣнію. Такъ мнѣ кажется! подчеркнулъ его превосходительство послѣднія слова.

Анна Петровна ушла, оскорбленная. Ему кажется! «Старый самолюбивый дуракъ!» наградила она старика, возвратившись въ свой кабинетъ, и въ тотъ же день сама принялась хлопотать черезъ супругу его свѣтлости.

Прошеніе объ отставкѣ нѣсколько дней уже лежитъ въ письменномъ столѣ его превосходительства. Сегодня старикъ поѣдетъ съ докладомъ—послѣднимъ докладомъ—и почтительно вручитъ прошеніе вмѣстѣ съ частнымъ письмомъ къ его свѣтлости.

Согнувшись надъ большимъ листомъ почтовой бумаги, старикъ доканчивалъ письмо. Онъ перечиталъ его, и слезы показались на глазахъ его превосходительства. Въ письмѣ онъ благодарилъ за милости, которыми пользовался въ теченіе долгихъ лѣтъ, и изъявлялъ чувства безпредѣльной преданности. Онъ надѣялся, что теченіе дѣлъ въ вѣдомствѣ пойдетъ при новыхъ силахъ быстрѣе и сообразнѣе съ видами его свѣтлости, и просилъ простить старика, если онъ когда либо навлекъ неудовольствіе своего благодѣтеля. Если онъ и виноватъ, то виноватъ безъ вины.

Сергѣй Александровичъ вложилъ письмо въ конвертъ, досталъ изъ письменнаго стола прошеніе объ отставкѣ, вынулъ изъ другаго ящика превосходно пе-

Digitized by Google

реписанную записку съ четкимъ на ней заголовкомъ: «Мнѣніе о современномъ положеніи Россіи въ политическомъ и гражданственномъ отношеніи» и бережно уложилъ всѣ эти бумаги въ портфель. Тонкіе пальцы его превосходительства слегка дрожали при этомъ. Онъ чувствовалъ волненіе; обыкновенно солидныя и увѣренныя движенія его были нервны и рѣзки. Онъ поднялся быстро изъ за стола, — какъ противенъ ему показался теперь этотъ столъ, за которымъ онъ пятнадцать лѣтъ подписалъ столько бумагъ!— и, встрѣтивъ печальный взглядъ дожидавшагося камердинера Василія Ивановича, приподнялъ голову и рѣзко сказалъ:

— Одѣваться!..

— Мундиръ прикажете?

— Да...

Василій Ивановичъ давно приготовилъ мундиръ, но спросилъ, надѣясь, не отдумалъ ли старикъ подавать въ отставку. Старый плутъ очень близко принималъ къ сердцу служебное положеніе его превосходительства, такъ какъ съ отставкой барина лишался и самъ значительныхъ доходовъ.

«Придется и мнѣ кажется выходить въ отставку!» думалъ Василій Ивановичъ, подавая его превосходительству одѣваться.

У камердинера его превосходительства были деньжонки и порядочныя. Василія Ивановича знали всѣ въ вѣдомствѣ. Съ нимъ были предупредительны и да-

Digitized by Google

рили его деньгами не только мелкіе чиновники, но даже и крупные, не говоря уже о просителяхъ.

Старый плутъ отлично зналъ, что положеніе камердинера выгоднѣе пожалуй, чѣмъ положеніе директора департамента, и Василій Ивановичъ въ пятнадцать лѣтъ прикопилъ себѣ цѣлое состояньице.

«Пожалуй и довольно!» подумалъ онъ, провожая до кареты его превосходительство.

II.

Угрюмый сидѣлъ въ углу кареты Крівскій. По временамъ нервная дрожь прохватывала его тѣло. Изрѣдка среди мрачныхъ мыслей проскальзывалъ лучъ надежды.

Быть можетъ его свѣтлость удержитъ его, будетъ просить? Тогда онъ пожалуй и согласится!

Напрасныя мечты. Твоя пѣсенка спѣта. Остается допѣть ее съ достоинствомъ, какъ слѣдуетъ настоящему джентльмену съ англійскою складкою. Можно распуститься наединѣ, но тамъ, при другихъ, надо подтянуться и доиграть пьесу съ честью. Не даромъ же его превосходительство былъ завзятый англоманъ.

Карета остановилась у подъѣзда большаго роскошнаго дома на Сергіевской улицѣ. Какъ любилъ старикъ ѣздить сюда и какъ часто онъ ѣздилъ увѣренный, спокойный, горделивый, а теперь...

Почтительно кланяясь, швейцаръ снялъ съ его превосходительства пальто. Старикъ оправился передъ зеркаломъ, спустилъ вьющійся локонъ на свой лобъ и,

Digitized by Google

высоко поднявши голову, спокойно поднялся по широкой свѣтлой лѣстницѣ въ пріемную.

Тамъ было много народа. Дежурный чиновникъ обходилъ лицъ, дожидавшихся аудіенціи его свѣтлости. Въ огромной залѣ всѣ говорили тихо, шепотомъ. Только въ сторонѣ у окна два молодыхъ генерала, нисколько не стѣсняясь, весело смѣялись, громко разсказывая о вчерашнемъ спектаклѣ во французскомъ театрѣ.

При входѣ его превосходительства всѣ обратили на него вниманіе. Многіе почтительно кланялись и подходили засвидѣтельствовать почтеніе. Молодые генералы взглянули на Кривскаго и продолжали разговаривать. Его превосходительство зналъ этихъ господъ и недавно еще видѣлъ, какъ низко сгибали они спины при встрѣчѣ съ его превосходительствомъ, а теперь...

«Вѣрно моя отставка рѣшена!» мелькнуло въ головѣ старика, когда онъ любезно пожималъ знакомымъ руки, привѣтливо освѣдомляясь о здоровьѣ.

Дежурный чиновникъ тотчасъ же приблизился къ Сергѣю Александровичу и, почтительно наклоняя голову, доложилъ, что у его свѣтлости Викторъ Павловичъ, а какъ только онъ выйдетъ, князь приметъ его превосходительство.

Его превосходительство отошелъ въ сторону и присѣлъ на кресло. Онъ сидѣлъ одинокій. Никто къ нему не подходилъ. Приходившіе почтительно кланялись и проходили мимо. Нѣсколько дней тому назадъ около

Digitized by Google

него собралась бы тотчасъ группа. Всѣ жадно ловили бы его слова, и каждый считалъ бы для себя большою честью удостоиться пожатія руки его превосходительства.

«Моя отставка рѣшена!» подумалъ еще разъ старикъ и еще выше поднялъ голову.

Два генерала отошли отъ окна и прошли мимо Кривскаго. Взглядъ Сергѣя Александровича скользнулъ мимо. Они повернули назадъ и, какъ будто только-что замѣтивъ его превосходительство, поклонились Кривскому. Кривскій едва кивнулъ головой, но за то какъ-то особенно любезно пожалъ руку толстому, лысому господину со звѣздой, котораго годъ тому назадъ распекалъ у себя въ кабинетѣ.

— А, ваше превосходительство, по какому здѣсь случаю? весело спрашивалъ Кривскій.

— Пріѣхалъ благодарить за награду, ваше превосходительство!

— Поздравляю... Я и не зналъ... Очень радъ. Надолго сюда?

— На недѣлю.

Отворились двери. Всѣ вздрогнули. Тихій говоръ моментально смолкъ. Изъ дверей вышелъ озабоченный Викторъ Павловичъ, съ портфелемъ въ рукахъ. Онъ быстро прошелъ до середины пріемной и, встрѣтившись съ Сергѣемъ Александровичемъ, едва замѣтно пожалъ плечами и какъ-то печально взглянулъ на него, пожимая ему руку.

Digitized by Google

«Моя отставка рѣшена!» промелькнуло опять въ головѣ старика, когда онъ вошелъ въ кабинетъ и пожималъ ласково протянутую ему руку его свѣтлости.

Ему указали на кресло, и онъ тотчасъ же началъ свой докладъ. Въ этотъ разъ докладъ Сергѣя Александровича какъ нарочно длился очень долго. Было много важныхъ вопросовъ. Его превосходительство сегодня докладывалъ съ особеннымъ мастерствомъ. Онъ съ такою точностью, и притомъ кратко, резюмировалъ сложнѣйшіе вопросы, что его свѣтлость, слушая блестящій докладъ старика, пріятно улыбался. И старикъ точно расцвѣталъ подъ этой обаятельной улыбкой. На всѣ вопросы онъ давалъ обстоятельные отвѣты съ какою-то изящной аффектаціей исполнительнаго и преданнаго совѣтника. Въ немъ точно проснулся молодой ретивый чиновникъ. Куда дѣвалось его лѣнивое, скептическое равнодушіе, съ какимъ онъ бывало прежде дѣлалъ доклады?

Докладъ конченъ. Обоимъ вдругъ сдѣлалось неловко. Его превосходительство чувствуетъ, что князь чего то ждетъ.

Онъ знаетъ чего. «Моей отставки!»

Его превосходительство подымается съ кресла и почтительно проситъ его свѣтлость, принявъ во вниманіе его разстроенное здоровье, уволить его отъ должности.

Князь дѣлаетъ удивленные глаза, но въ то же время его превосходительство ловитъ веселое выраженіе, мелькнувшее по лицу его свѣтлости.

Digitized by Google

— Такъ скоро? говоритъ князь, и въ то же время быстро протягиваетъ нѣжную руку за бумагой.

— Если вашей свѣтлости будетъ угодно, то я постараюсь, въ ожиданіи пріемника...

— Э, нѣтъ, дорогой Сергѣй Александровичъ, перебиваетъ князь:—я не хочу злоупотреблять вашимъ здоровьемъ...

Наступаетъ послѣдній актъ. Князь благодаритъ старика за труды и прижимаетъ Сергѣя Александровича къ груди. Кривскій растроганъ, но на этотъ разъ сдерживаетъ волненіе. Онъ только проситъ милости принять письмо и записку, которая пригодится быть можетъ его преемнику...

Его опять благодарятъ. Старикъ видитъ, что его свѣтлость доволенъ и старается позолотить пилюлю.

— Ну, до свиданія, Сергѣй Александровичъ... Желаю вамъ скорѣй поправиться. Надѣюсь еще видѣть васъ у себя.

Князь ласково пожалъ холодную руку бывшаго совѣтника, со слезами на глазахъ проводилъ его превосходительство до дверей и еще разъ сказалъ:

— Прощайте, дорогой Сергѣй Александровичъ. Помните, что я никогда не забуду вашей службы.

Еще выше поднялъ голову Кривскій, когда вышелъ изъ кабинета свѣтлѣйшаго и увидалъ идущаго навстрѣчу своего преемника.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Приговоръ присяжныхъ.

I.

Любители и въ особенности любительницы пикантныхъ процессовъ и сильныхъ ощущеній забрались 5-го октября 187* года въ окружный судъ съ ранняго утра, вооружившись терпѣніемъ, въ замѣнъ связей и знакомствъ въ судебномъ мірѣ.

Бѣдные мученики и мученицы любопытства! Имъ приходилось провести нѣсколько убійственныхъ часовъ ожиданія, скучившись въ толпу у барьера, отдѣляющаго входы въ завѣтную залу. Толпа между тѣмъ росла и росла. Сзади напирали, вызывая ропотъ счастливцевъ, бывшихъ впереди. Дамы протискивались впередъ, какъ-то проскальзывая подъ руками, съ легкимъ визгомъ, улыбаясь направо и налѣво въ отвѣтъ на недовольные взгляды. Онѣ не обращали вниманія на давку, толчки и ворчанье. Имъ такъ хотѣлось попасть туда, въ залу. Впереди предстояло столько наслажденія, что можно рискнуть на испытаніе.

Digitized by Google

Въ толпѣ говоръ, пререканія и смѣхъ. Каждому хочется удержать съ бою пріобрѣтенную пядь каменнаго пола подъ ногами. Сквозь толпу то и дѣло проходятъ счастливцы изъ судебнаго міра, и этимъ временемъ дамы въ толпѣ пользуются, чтобы пробраться чуть-чуть впередъ. Мужчины слегка отталкиваютъ отважныхъ дамъ. Раздаются женскіе окрики: «Невѣжа!» и тихіе, вразумительные мужскіе голоса: «Сударыня, не толкайтесь!» Говорятъ разумѣется о процессѣ. Разсказываютъ свои соображенія и передаютъ слухи о подсудимомъ.

О судебномъ разбирательствѣ идутъ толки, точно о новой пьесѣ въ день бенефиса.

«Скоро ли начнется?» раздается нетерпѣливый женскій голосъ въ толпѣ.

Начало ровно въ одиннадцать часовъ. Спектакль обѣщаетъ быть чертовски интереснымъ. Назначена къ представленію драма, съ тираномъ мужемъ въ главной роли. Обставлена пьеса превосходно. Предсѣдатель скажетъ такое резюме, что можно съ ума сойти. Обвинять будетъ восходящее свѣтило прокурорскаго надзора, совсѣмъ молодой человѣкъ; онъ пять лѣтъ, какъ кончилъ курсъ въ школѣ, но обнаружилъ замѣчательный ораторскій талантъ. Онъ очень хорошъ! Онъ такъ пылко обвиняетъ и кажется иногда въ благородномъ негодованіи даже плачетъ... Защищать будетъ знаменитый нашъ Жюль-Фавръ. Свидѣтели очень интересны, особенно жена подсудимаго. Несчастная женщина! У

Digitized by Google

кого она на содержаніи теперь? Кажется Леонтьевъ оставилъ ее?.. Ее винить нельзя. Мужъ у нея не человѣкъ, а извергъ.

Оказывается, что всѣ болѣе или менѣе знаютъ этого человѣка. Всѣ слышали о немъ отъ людей, близко съ нимъ знакомыхъ. Трамбецкій скрытный и дурной человѣкъ. На этомъ особенно настаиваютъ дамы. «Однако куда же дѣвались деньги?» — «Онъ ихъ припряталъ конечно! замѣчаетъ чиновникъ: — Послѣ окажется состояніе!»

Одиннадцатый часъ. Все чаще и чаще приходится толпѣ разступаться, чтобы пропускать счастливцевъ, передъ которыми открываются дверцы барьера.

— Пропустите пожалуйста... Господа, прошу васъ. не толкайтесь!..

Судебные пристава въ ажитаціи. Толпа ростетъ, а между тѣмъ почти уже всѣ мѣста внизу заняты. Остается только верхъ для мучениковъ, забравшихся съ утра.

Городовые и жандармы сдерживаютъ напоръ. Пора однако впускать. Того и гляди барьеръ не выдержитъ. Судебный приставъ проходитъ на верхъ и даетъ знакъ городовому отворить двери. Толпа хлынула на верхъ. Счастливцы быстро стали занимать мѣста. Мигомъ все переполнилось, и снова барьеръ запертъ. Въ толпѣ, оставшейся за барьеромъ, слышенъ ропотъ.

— Г. приставъ, ради Бога... Я васъ прошу! умоляетъ миловидная брюнетка, схватывая пристава за руку.

Digitized by Google

На хорошенькомъ, раскраснѣвшемся личикѣ такое страданіе, что приставъ пожимаетъ плечами.

— Всѣ мѣста заняты.

— Вы только пропустите, я найду...

— Невозможно...

— Послушайте... я имѣю право... я родственница подсудимаго...

Приставъ улыбается.

— Я... я сестра его! говоритъ дама, кокетливо поглядывая на пристава.

Всѣ смѣются. Однако дама тронула сердце пристава (тоже и онъ человѣкъ!), и съ счастливой улыбкой проскальзываетъ за барьеръ.

— Сестра по Христу! замѣчаетъ кто-то.

— Господа, позвольте... Позвольте, господа... Пропустите даму!..

Сопровождаемая членомъ магистратуры проходитъ ея превосходительство Анна Петровна съ Евгеніемъ Николаевичемъ Никольскимъ. Судебный приставъ отворяетъ ей двери. Мѣста всѣ заняты, но это ничего не значитъ. Приносятъ два кресла и ставятъ въ проходѣ у самаго барьера. Анна Петровна благодаритъ, усаживается и оглядываетъ публику.

Въ темномъ низкомъ помѣщеніи много дамъ. Кажется никого знакомыхъ?

Кто-то ей кланяется. Она взглядываетъ и привѣтливо машетъ головой и пожимаетъ плечами, окидывая глазами, словно бы жалуясь, что нѣтъ мѣста.

Digitized by Google

— Бориса нѣтъ?

— Кажется нѣтъ.

— Значитъ Евдокія одна...

Никольскій оглядывается.

— Кажется одна...

— Ужасно тѣсно здѣсь... Кто этотъ господинъ съ бородой... Вонъ тамъ... у стола?

— Вы развѣ не знаете? Это русскій Гамбетта! съ усмѣшкой проговорилъ Никольскій.

— Интересный господинъ! А вотъ этотъ, курчавый, бѣлокурый?

— Это тоже знаменитость изъ адвокатовъ.

Никольскій назвалъ фамилію.

Полутемная зала была набита биткомъ. Трибуны для чиновъ судебнаго вѣдомства и журналистовъ тоже были полны. Передъ трибунами сидѣли присяжные засѣдатели. Въ боковыхъ проходахъ толпились адвокаты, кандидаты на судебныя должности и мелькали пристава. Къ барьеру, отдѣляющему мѣста для публики, подходили мужчины и, разговаривая со знакомыми, разглядывали дамъ. Около ея превосходительства сидѣло нѣсколько дамъ, старуха и трое молодыхъ, громко называвшихъ по фамиліямъ всѣхъ свѣтилъ судебнаго міра. Онѣ чувствовали себя въ судѣ какъ дома, сыпали юридическими терминами и восхищались умомъ отечественныхъ Гамбеттъ, Жюль Фавровъ, Беррье и т. п. Къ нимъ то и дѣло подходили члены магистратуры и адвокатуры.

Digitized by Google

— Вы не знаете, кто эти дамы?

— Судебное семейство! отвѣчалъ Никольскій:—Вся семья чувствуетъ слабость къ юристамъ.

И онъ назвалъ фамилію.

— Обвинятъ? спрашивала маленькая, худенькая миловидная женщина у красиваго брюнета, подошедшаго къ барьеру.

Брюнетъ только пожалъ плечами.

— Поручинъ будетъ стараться!

— О, Поручинъ, Поручинъ, Если онъ захочетъ. Это такой талантъ, такой талантъ. Я такъ люблю слушать Поручина, когда онъ обвиняетъ.

— Ну, и нашъ Жюль-Фавръ, надѣюсь, будетъ прелестно говорить! вступилась барышня изъ судебнаго семейства:—Онъ такъ умѣетъ тронуть.

— Посмотримъ, посмотримъ! внушительно замѣтилъ брюнетъ:—Сперва предложили мнѣ это дѣло, но я отказался, такъ какъ у меня процессъ гораздо серьезнѣе на рукахъ. Однако сегодня у насъ полно.

Изъ боковой двери торопливо вышелъ высокій молодой человѣкъ, совсѣмъ еще мальчикъ, красивый блондинъ, въ мундирѣ. Онъ положилъ какія-то бумаги на пюпитръ, и спустившись внизъ, сталъ разговаривать съ какимъ-то присяжнымъ повѣреннымъ, поглядывая на дамъ и видимо рисуясь. Онъ говорилъ громко, смѣялся, открывая рядъ прелестныхъ зубовъ, и изгибался словно выѣзженный конь на царскомъ смотру.

Digitized by Google

— Какъ хорошъ этотъ Поручинъ! пронеслось между дамами.

— И необыкновенно уменъ... Ему предстоитъ блестящая карьера!..

— И образованъ... На-дняхъ онъ былъ у насъ и объяснялъ, что такое счастье. Господи! Какъ это было умно и мило!.. разсказывала одна изъ дѣвицъ судебнаго семейства:—И главное... такъ ясно и просто. Счастье, говорилъ онъ, это гармоническое сочетаніе желаемаго и возможнаго...

— Нѣтъ... и достижимаго! перебиваетъ другая барышня судебнаго семейства:—и достижимаго!..

— Ну, это все равно, но это было такъ хорошо... Посмотри. Поручинъ смотритъ сюда...

Поручинъ кланяется и подходитъ.

— Какъ вы думаете, Поручинъ... побѣда?

— Я не думаю, mesdames, я увѣренъ, что подсудимый укралъ деньги, но, вы знаете, побѣда зависитъ отъ господъ присяжныхъ.

— Но все-таки...

— Развѣ съ нашими присяжными можно на что нибудь разсчитывать?.. Вѣдь это идіоты!.. прошепталъ онъ и отошелъ, напутствуемый пожеланіями.

Нѣсколько старыхъ генераловъ и высокопоставленныхъ лицъ скромно прошли и заняли кресла сзади судейскихъ мѣстъ. Его превосходительство Сергѣй Александровичъ тихо прошелъ и сѣлъ на кресло.

— Посмотрите! удивилась Анна Петровна, обра-

Digitized by Google

щаясь къ Никольскому:—Старикъ нашъ скучаетъ и ищетъ развлеченія...

Шумный говоръ въ залѣ смолкъ. Вошелъ подсудимый, и всѣ глаза устремились на него.

Высокій, долговязый, мертвенно-блѣдный, съ косматыми посѣдѣвшими волосами и большой бородой, Трамбецкій не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія на публику. Онъ сѣлъ и взглянулъ лихорадочнымъ взглядомъ на массу головъ, повернувшихся къ нему, улыбнулся какой-то страдальческой, загадочной улыбкой, точно удивляясь, къ чему это столько народа собралось сюда, и медленно опустилъ глаза, склонивъ голову.

Вдругъ сверху раздался дѣтскій звонкій голосъ: «Папа!»

Судебные пристава внушительно подняли головы. Трамбецкій вздрогнулъ и бросилъ на верхъ взглядъ, полный безконечной любви.

Этотъ голосокъ точно ободрилъ его, и онъ то и дѣло посматривалъ наверхъ.

— Судъ идетъ!

Разговоры смолкли. Всѣ поднялись.

Торопливо прошли господа судьи и сѣли.

Публика откашлялась и приготовилась къ интересному зрѣлищу. Дамы не отводили биноклей отъ глазъ.

Послѣ обычныхъ формальностей началось чтеніе обвинительнаго акта.

Молодой прокуроръ лѣниво откинулся назадъ, а

Digitized by Google

судьи совсѣмъ потонули въ своихъ высокихъ креслахъ. Предсѣдатель дѣлалъ какія-то замѣтки и не слушалъ обвинительнаго акта. Не слушалъ его и подсудимый. Онъ разглядывалъ умное лицо предсѣдателя и находилъ, что г. предсѣдатель держитъ себя съ большимъ достоинствомъ.

«Ахъ, какъ долго онъ тянетъ! казалось ему, когда до ушей его долетали знакомыя слова обвинительнаго акта:—Скорѣй бы!»

Защитникъ Трамбецкаго, высокій, худой, некрасивый, коротко остриженный господинъ, съ замѣчательно умнымъ лицомъ, на которомъ блуждала саркастическая улыбка, тоже что-то писалъ на бумагѣ. Затѣмъ онъ повернулся къ подсудимому и о чемъ-то пошептался съ нимъ. Казалось, онъ въ чемъ-то убѣждалъ стараго неудачника, но въ отвѣтъ Трамбецкій энергически мотнулъ головой. Защитникъ пожалъ плечами и снова принялся за ремарки.

А Трамбецкій опять былъ далеко отъ суда, отъ этой торжественной обстановки. Онъ вспоминалъ свою молодость, вспоминалъ рядъ неудачъ и,—подите жь,—вспоминалъ Валентину. Онъ увидитъ ее сегодня. Что-то будетъ говорить эта женщина сегодня? Временами онъ кашлялъ, кашлялъ глухо, отрывисто, и поднималъ глаза на верхъ, не видя, но чувствуя, что мальчикъ его тамъ и быть можетъ одинъ во всей этой массѣ людей глядитъ на него съ любовью и вѣрою.

А другіе?..

Digitized by Google

«Что мнѣ до другихъ?»

А секретарь продолжалъ свое утомительное чтеніе...

Обвинительный актъ,—надо отдать честь юному прокурору,—очень ловко сгруппировалъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ похищеніе Трамбецкимъ денегъ у отставнаго полковника являлось какъ будто правдоподобнымъ. Ревность, неудачная жизнь, любовь къ сыну, пистолетъ, похищеніе ребенка у матери—всѣ эти обстоятельства были искусно пригнаны на свое мѣсто и вмѣстѣ съ подавляющей уликой,—нахожденіемъ нѣкоторыхъ изъ числа похищенныхъ у полковника бумагъ въ карманѣ пальто Трамбецкаго,—произвели на большинство присутствующихъ впечатлѣніе далеко не въ пользу подсудимаго.

Почти у всѣхъ сложилось убѣжденіе, что Трамбецкій виноватъ.

— Его обвинятъ! проговорила какая-то дама вполголоса.

— Неужели? вздохнула Евдокія, все время внимательно слушавшая обвинительный актъ.

— Но развѣ онъ не укралъ?

Евдокія сконфузилась и какъ-то серьезно замѣтила:

— Мнѣ кажется, этотъ человѣкъ невиненъ.

Дама пожала плечами.

— Довольно взглянуть на его лицо! говорила въ то же время Анна Петровна:—Не правда ли?

Никольскій, къ которому она обратилась съ вопросомъ, не отвѣчалъ. Онъ съ какимъ-то любопытствомъ

Digitized by Google

смотрѣлъ на Трамбецкаго. Въ первую минуту онъ обрадовался, что видитъ его на скамьѣ подсудимыхъ, но прошло нѣсколько времени, и чувство злобной радости мало по малу пропадало. Съ удивленіемъ замѣчалъ онъ, что человѣкъ, когда-то оскорбившій его, не возбуждалъ въ немъ больше злобнаго чувства.

Евгеній Николаевичъ увѣренъ былъ, что Трамбецкій невиненъ, и съ любопытствомъ ждалъ, что станется съ этимъ человѣкомъ. Его вѣроятно обвинятъ.

«Видно братецъ ничего не могъ сдѣлать!»

При воспоминаніи о «братцѣ» Евгеній Николаевичъ насупился. Онъ гналъ отъ себя эти воспоминанія, зная, что они приводятъ его всегда въ дурное расположеніе.

«Глупые, непрактичные люди! произнесъ онъ, какъ-бы отвѣчая на свои мысли: — Вотъ хоть бы этотъ... Трамбецкій... Тоже думалъ о какой-то правдѣ, а теперь погибаетъ, какъ ничтожная тварь!»

«А братцу?.. Братцу конецъ извѣстный!» мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ засмѣялся, скверно засмѣялся, такъ что Анна Петровна взглянула на него.

— Что съ вами?

— Со мной? Ровно ничего. Я смѣюсь, глядя на этого дурака...

— На какого дурака?.

— На подсудимаго... Могъ быть человѣкомъ, а сдѣлался...

— Вы развѣ его знали?

Digitized by Google

— Зналъ. Это впрочемъ было давно...

— Непріятное у него лицо; такъ и видно, что этотъ господинъ готовъ на всякое преступленіе.

— Еще бы... Совсѣмъ непорядочный человѣкъ...

«Не то, что мы съ вами!» мысленно добавилъ Никольскій, съ едва замѣтной насмѣшкой взглядывая на ея превосходительство.

Обвинительный актъ окончился.

— Подсудимый! Не угодно ли будетъ вамъ объяснить суду, при какихъ обстоятельствахъ къ вамъ попали бумаги, принадлежащія полковнику Гуляеву?

— Я уже нѣсколько разъ объяснялъ слѣдователю.

— Но быть можетъ вамъ будетъ угодно объяснить это суду. Впрочемъ считаю долгомъ предупредить васъ, подсудимый,—отъ васъ вполнѣ зависитъ отвѣчать или не отвѣчать на мой вопросъ.

— Отчего же... Я пожалуй могу повторить.

И Трамбецкій разсказалъ извѣстныя уже читателю обстоятельства, причемъ не единымъ словомъ не упомянулъ о своей несчастной семейной жизни.

— Не можете ли вы объяснить, для какой цѣли вы пріобрѣли револьверъ?

— Я не желаю отвѣчать на этотъ вопросъ.

Эта манера держать себя еще болѣе усилила дурное впечатлѣніе, производимое подсудимымъ.

— Г. приставъ. Пригласите свидѣтельницу Валентину Трамбецкую.

Digitized by Google

II.

Склонивъ хорошенькую головку, словно бы подъ бременемъ горя и стыда, медленно приблизилась «добрая малютка» къ судьямъ, подняла на нихъ кроткій, страдальческій взоръ и тотчасъ въ смущеніи опустила глаза.

Бѣдняжка! Она казалась совсѣмъ безпомощной, подавленной и несчастной—эта маленькая, скромная, изящная женщина съ прелестными формами, вся въ черномъ.

Такъ вотъ она какая эта женщина?

Въ публикѣ замѣтно было движеніе. Всѣ съ любопытствомъ разсматривали Валентину. Появленіе ея было для большинства неожиданнымъ и пріятнымъ эффектомъ, значительно возбудившимъ интересъ къ судебному представленію. Про Валентину такъ много говорили, особенно въ послѣднее время. Разсказывали, что она разорила Леонтьева. Зрители ждали, что войдетъ блестящая, шикарная, развязная барыня, сводящая съ ума мужчинъ, и вдругъ вмѣсто того скромное, безпомощное, замѣчательно хорошенькое Божіе созданіе.

Даже старый неудачникъ—и тотъ на мгновеніе изумился при видѣ «кроткой малютки», въ видѣ ангела страданія, но это было мгновеніе. Вслѣдъ за нимъ онъ грустно улыбнулся и отвелъ глаза.

Digitized by Google

«Бѣдняжка!» пронеслось между дамами при первомъ взглядѣ на Трамбецкую.

«Изящная, прелестная женщина!» передавали шопотомъ мужчины.

Въ мѣстахъ, гдѣ сидѣли почетные посѣтители, замѣтно было нѣкоторое оживленіе. Многіе зашевелились на своихъ мѣстахъ, засматривая черезъ кресла членовъ суда на Валентину. Даже его превосходительство Сергѣй Александровичъ Кривскій чуть-чуть вытянулъ шею, нѣсколько разъ взглядывая на хорошенькую свидѣтельницу, и какъ-то пріосанился.

— Очень... очень пикантная женщина, ваше превосходительство! шепнулъ ему на ухо сидѣвшій рядомъ знакомый военный генералъ.

Его превосходительство вдругъ сдѣлался серьезенъ и сквозь зубы процѣдилъ: «Не нахожу!», нѣсколько шокированный фамильярнымъ замѣчаніемъ военнаго генерала.

Невольно Валентину сравнивали съ мужемъ. Какой контрастъ! Угрюмый, мрачный, съ лихорадочнымъ взглядомъ и какой-то загадочной улыбкой, онъ казался такимъ злымъ передъ этимъ симпатичнымъ созданіемъ. Достаточно разъ взглянуть на обоихъ, чтобъ искренно пожалѣть бѣдняжку. Общія симпатіи были на сторонѣ Валентины.

Ея превосходительство Анна Петровна отвела бинокль и, обратившись къ Никольскому, замѣтила:

— Право эта Трамбецкая внушаетъ сожалѣніе. Я

Digitized by Google

начинаю даже думать, что мужъ довелъ ее до крайности, и она, какъ женщина, не воспитанная въ строгихъ правилахъ, бросилась во всѣ тяжкія...

Евгеній Николаевичъ усмѣхнулся про себя и подумалъ:

«Пока «кроткая малютка» превосходно ведетъ роль, какъ будетъ дальше?»

Но и дальше Валентина вела роль отлично. На замѣчаніе предсѣдателя о томъ, что она можетъ отказаться отъ свидѣтельства, Валентина чуть слышно отвѣтила, что она готова исполнить свой долгъ, надѣясь, что ея показанія не повредятъ мужу.

Она разсказала все, что знала по этому дѣлу, вскользь коснулась безпокойнаго характера мужа и «ужаснаго недуга», которому онъ подверженъ, и подробно описала сцену, когда мужъ явился къ ней и отнялъ ребенка. О, это была ужасная сцена! Конечно она не обвиняетъ мужа,—онъ отецъ; но вѣдь и она мать.

Во время разсказа Валентина должна была нѣсколько разъ останавливаться. Сдержанныя рыданія мѣшали ей говорить, и судебный приставъ два раза подавалъ ей воду. Валентинѣ предложили сѣсть.

Трамбецкій жадно слушалъ показаніе жены и тоскливо взглядывалъ на верхъ. Къ чему она говоритъ ложь? О Господи, неужели она даже и теперь будетъ продолжать лгать? Вѣдь тамъ, наверху, сидитъ Коля...

А мальчикъ жадно слушалъ, подперевъ ручонками

Digitized by Google

свою большую голову, и ненавистью сверкали глаза ребенка.

— Тетя... тетя... вѣдь это все неправда!.. говоритъ онъ Прасковьѣ Ивановнѣ, сидѣвшѣй около него:— Мама обманывала папу!..

— Тише... тише, родной мой! шептала добрая женщина.

— Такъ зачѣмъ же она лжетъ?.. Я никогда не пойду къ ней... никогда! Я не хочу знать маму... Богъ съ ней...

Валентина между тѣмъ кончила. Она какъ будто и не единымъ словомъ не обвинила мужа, но общее впечатлѣніе изъ ея разсказа выходило такое, какъ будто Трамбецкій былъ способенъ на все...

Начался допросъ сторонъ.

Молодой прокуроръ очень хорошо понялъ, что свидѣтельница возбудила довѣріе въ присяжныхъ и что показанія жены будутъ прекраснымъ матеріаломъ для обвиненія мужа.

Онъ повелъ допросъ съ большой ловкостью.

Худощавый, изящный брюнетъ допрашивалъ Валентину нѣжнымъ, ласкающимъ слухъ баритономъ, отчеканивая слова съ той аффектаціей, которая такъ идетъ къ молодымъ прокурорамъ.

— Свидѣтельница! Вы, если мнѣ не измѣняетъ память, упомянули въ вашемъ правдивомъ и безпристрастномъ разсказѣ, что вашъ супругъ страдалъ какимъ-то недугомъ?..

Digitized by Google

— Къ сожалѣнію, да! чуть слышно проронила Валентина.

— Не можете ли вы объяснить, какимъ именно?

Валентина молчала.

— Быть можетъ онъ былъ подверженъ какимъ нибудь болѣзненнымъ припадкамъ?

— О нѣтъ...

— Быть можетъ онъ неумѣренно употреблялъ спиртные напитки?

— Это было...

— Онъ пилъ запоемъ?..

— Мнѣ такъ тяжело отвѣчать, что я просила бы не спрашивать объ этомъ.

— Свидѣтельница! Въ день посѣщенія вашимъ мужемъ дачи, не замѣтили ли вы особеннаго возбужденія въ Трамбецкомъ?

— Онъ былъ очень взволнованъ...

— Грозилъ онъ вамъ пистолетомъ?

Валентина опять замолчала.

— Вы не желаете, свидѣтельница, отвѣчать на этотъ вопросъ?

— Нѣтъ...

— Такъ-съ... У него былъ въ рукахъ пистолетъ, когда онъ явился къ вамъ на дачу?..

— Былъ...

— Онъ махалъ имъ или нѣтъ?..

— Я не помню.

Digitized by Google

— Такъ-съ. Такъ-съ. Вы не помните, но вы однако видѣли пистолетъ въ его рукахъ?

— Видѣла.

— И не помните, махалъ ли онъ имъ?..

— Не помню.

— Хорошо-съ. Я не буду больше касаться этого вопроса, понимая, какъ вамъ тяжело вспоминать объ этомъ обстоятельствѣ. Скажите пожалуйста, вашъ мужъ прежде служилъ?

— Служилъ.

— Не знаете-ли, сколько мѣстъ онъ перемѣнилъ въ теченіе того времени, какъ вы съ нимъ познакомились?

— Не припомню. Я слышала отъ него, что онъ много мѣстъ перемѣнилъ.

— Отчего же онъ перемѣнялъ мѣста? Не уживался или просто любилъ мѣнять мѣста?

— Я право не знаю.

— Вы не знаете? Очень хорошо-съ. Если вы этого не знаете, то не знаете ли вы, имѣлъ ли вашъ мужъ какія нибудь занятія въ послѣднее время?

— Онъ служилъ у нотаріуса въ конторѣ.

— Большое онъ получалъ жалованье?

— Кажется небольшое...

— А до того времени было у него мѣсто?

— Не было.

— Не было, такъ что супругъ вашъ жилъ на вашъ счетъ?

— У насъ были общія средства.

Digitized by Google

— Такъ-съ. Что побудило васъ просить отдѣльный видъ на жительство?

— Мы расходились во взглядахъ...

— Вы и раньше разъѣзжались съ нимъ?..

— Да...

— И снова согласились сойтись, предполагая, что супругъ вашъ болѣе не страдаетъ недугомъ?..

Но такъ какъ Валентина опять ни слова не отвѣтила, то молодой человѣкъ спросилъ:

— Бывалъ вашъ мужъ у полковника Гуляева?..

— Не помню...

— Не помните? хорошо-съ... Но онъ зналъ, что полковникъ богатъ?..

— Вѣроятно зналъ.

— Зналъ! А зналъ ли вашъ супругъ, что вы бывали у своего дяди полковника?

— Зналъ. Я не скрывала отъ мужа, гдѣ я бывала.

— Очень хорошо-съ. Не помните ли вы, что въ послѣднее время вашъ супругъ говорилъ о томъ, что онъ желалъ бы имѣть средства?..

— Онъ это говорилъ.

— И часто?

— Не помню...

— Не помните... Очень хорошо... Не можете ли вы припомнить! упрашивалъ ли вашъ мужъ, чтобы вы не оставляли его?

— Онъ часто объ этомъ говорилъ...

— Онъ очень былъ привязанъ къ вамъ или нѣтъ?

Digitized by Google

Съ Валентиной сдѣлалось дурно. Судебный приставъ долженъ былъ опять подать стаканъ воды.

«Несчастная женщина!» пожалѣли дамы.

Во все время допроса Трамбецкій внимательно слушалъ показанія жены и нерѣдко вздрагивалъ. Скорбная улыбка бродила на его губахъ, когда онъ поднималъ голову наверхъ.

«Бѣдный мальчикъ!»

Защитникъ опять обернулся къ Трамбецкому и съ жаромъ сталъ ему говорить, что надо разоблачить показанія жены.

— Не надо! отвѣчалъ неудачникъ.

— Но вѣдь тогда ваше дѣло можетъ быть проиграно.

— Я не желаю выворачивать публично мои отношенія къ женѣ.

— Но вы позвольте только коснуться слегка.

— Я васъ прошу... Не надо, не надо, брезгливо замахалъ головой Трамбецкій.

— Упрямый человѣкъ. А вашъ сынъ?

— Сынъ, что сынъ?

— Если вы такъ упорно отказываетесь, то повторяю: присяжные могутъ быть противъ васъ, и тогда васъ могутъ обвинить.

— За что? Впрочемъ пусть. Мнѣ все равно! угрюмо проговорилъ Трамбецкій. Жить не долго. Впрочемъ дѣлайте какъ знаете, но ради Бога, не очень. Вѣдь и безъ того пытка. Этотъ молодой человѣкъ кажется уже довольно меня пыталъ. Пощадите хоть вы.

Digitized by Google

Защитникъ обрадовался разрѣшенію кліента. «Удивительный человѣкъ этотъ кліентъ. Дѣло такое интересное. Предстоитъ блестящій случай оборвать прокурора и уничтожить впечатлѣніе, произведенное показаніемъ свидѣтельницы, а онъ проситъ пощадить. Сейчасъ я имъ покажу...»

И защитникъ при одной мысли о предстоящемъ спектаклѣ почувствовалъ большое удовольствіе. Его подвижное, умное лицо какъ-то съежилось, одинъ глазъ прищурился, и злая, насмѣшливая улыбка перекосила его губы. Онъ начиналъ злиться. Слегка наклонивъ голову, онъ попросилъ судъ предложить нѣкоторые вопросы свидѣтельницѣ.

— Мнѣ такъ тяжело! со вздохомъ шепчетъ Валентина.

— Я не буду васъ допрашивать такъ долго, какъ допрашивалъ васъ г. прокуроръ. Я позволю себѣ предложить вамъ всего два-три вопроса.

Валентина поворачиваетъ головку къ защитнику. Защитникъ выходитъ изъ-за скамьи и съ изысканною вѣжливостью начинаетъ свои «два-три вопроса».

— Свидѣтельница! Вы изволили упомянуть, что вслѣдствіе несходства характеровъ не могли ужиться съ мужемъ?

— Да.

— Это несходство обнаружилось вскорѣ послѣ свадьбы?

— Нѣтъ. Мы жили согласно нѣсколько лѣтъ.

— Вы не припомните, сколько лѣтъ?

Digitized by Google

— Лѣтъ восемь.

— Это значитъ съ 1865 по 1873 годъ?

— Кажется.

— Было у вашего мужа состояніе, когда вы вышли замужъ?

— Да, небольшое.

— А у васъ?

— У меня не было ничего, кромѣ приданаго.

— Ничего, кромѣ приданаго? Вы кажется путешествовали съ мужемъ за границей?

— Путешествовала.

— Вы не припомните; сколько вы проживали въ годъ?

— Не припомню.

— Тысячъ пятнадцать въ годъ?

— Въ родѣ этого.

— Когда разорился вашъ мужъ?

— Я не помню.

— Въ 1874 году онъ поступилъ на службу въ В. мировымъ судьей?

— Да.

— Тогда вы жили скромно?

— Очень.

— Значитъ состоянія не было?

— Нѣтъ.

— Такъ-съ, и, если не ошибаюсь, вы въ томъ же 1874 году оставили мужа въ первый разъ?

— Да.

Digitized by Google

— Тогда, слѣдовательно, уже обнаружилось несходство характеровъ?

Валентина ни слова не отвѣтила.

— А когда въ послѣдній разъ уѣхали отъ мужа?

— Лѣтомъ.

— Вы достали отдѣльный видъ на жительство?

— Мнѣ его выхлопотали.

— Вы ни слова не говорили объ этомъ мужу?

— Я не хотѣла его огорчать.

— Поэтому вы увезли и сына?

— Я мать!

— Превосходно. Гдѣ вы изволили жить лѣтомъ?

— Въ Финляндіи на дачѣ!

— Не припомните ли, чья была дача?

— Кажется дача Леонтьева.

— Какого Леонтьева? Не извѣстнаго ли милліонера Леонтьева?

— Право не знаю.

— Не знаете? Очень хорошо-съ. Скажите пожалуйста, вашъ мужъ привязанъ къ своему сыну?

— Онъ — отецъ.

— А сынъ любитъ своего отца?

— Разумѣется...

— Когда Трамбецкій пріѣхалъ за сыномъ, онъ неохотно поѣхалъ съ нимъ или напротивъ охотно?

— Я была такъ взволнована, что не помню, что было...

— Скажите пожалуйста, ребенокъ теперь при васъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ... Его отняли у меня...

— Но вѣдь вы могли бы его взять... Вамъ извѣстно было, гдѣ онъ находится...

— Да... извѣстно.

— Вы видѣлись съ нимъ?..

— Нѣтъ...

— Долгое время не видались?

— Два мѣсяца...

— Такъ-съ... Я не желаю болѣе предлагать вопросовъ! обрѣзалъ защитникъ.

И пора было кончить. Трамбецкій едва выносилъ эту пытку, а Коля едва сдерживалъ рыданія. Бѣдный мальчикъ такъ былъ разстроенъ, что подъ конецъ Прасковья Ивановна его увезла изъ суда, несмотря на его обѣщаніе быть спокойнымъ.

Вслѣдъ за Валентиной былъ допрошенъ цѣлый рядъ свидѣтелей: полковникъ, Никольскій, дворники дома, гдѣ жилъ полковникъ, лавочникъ, еврей, продавшій револьверъ, помощникъ пристава, къ которому обращался Трамбецкій въ день пропажи денегъ... Изъ всѣхъ этихъ показаній, благопріятное для Трамбецкаго показаніе, было только показаніе Никольскаго. Онъ горячо говорилъ о своемъ пріятелѣ и видимо произвелъ впечатлѣніе на присяжныхъ.

Допросъ свидѣтелей окончился только къ четыремъ часамъ, и предсѣдатель объявилъ перерывъ на полтора часа.

Публика хлынула въ корридоры суда. Многіе объ-

Digitized by Google

дали въ судѣ, въ ожиданіи финала этого интереснаго спектакля—рѣчей прокурора и защитника. Послѣ допроса свидѣтелей дурное впечатлѣніе противъ подсудимаго нѣсколько изгладилось, но все-таки ожидали обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ же образомъ похищенныя бумаги оказались въ карманѣ Тамбецкаго?

III.

— Слово за прокуроромъ!

Зала притихла. Взоры публики и присяжныхъ обратились на прокурора. Только Трамбецкій сидѣлъ, опустивъ голову.

Изящный, молодой человѣкъ медленно поднялся съ кресла, выпрямился во весь ростъ, выдержалъ на нѣсколько секундъ паузу, провелъ рукой по волосамъ и заговорилъ.

Между дамами пронесся шепотъ. Всѣ почти дамы нашли, что г. прокуроръ очень интересный брюнетъ. Всѣ приготовились слушать съ большимъ вниманіемъ и съ тѣмъ любопытствомъ, какое возбуждаетъ любимый оперный пѣвецъ.

Онъ началъ свою рѣчь мягкимъ, тихимъ, бархатнымъ баритономъ. Постепенно его голосъ становился громче и тверже и подъ конецъ дрожалъ благороднымъ негодованіемъ. Онъ говорилъ недурно, съ огонькомъ и выразительной дикціей. Видимо онъ увлекался самъ.

То тихими журчащими нотами, то негодующими,

Digitized by Google

какъ бы изъ сердца вырывающимися звуками, говорилъ онъ въ защиту оскорбленнаго закона и требовалъ достойнаго наказанія нарушителю его. Началъ онъ рѣчь съ бойкаго наброска картины современнаго общества. Красивыми, подчасъ остроумными штрихами набросалъ онъ причины появленія на скамьѣ подсудимыхъ въ послѣднее время лицъ изъ образованнаго класса, пожалѣлъ, что идеи законности столь трудно распространяются въ наше время, столь чреватое многочисленными реформами, и, объяснивъ, что такое собственность и почему преступленіе противъ собственности служитъ мѣриломъ общественной нравственности, выпилъ стаканъ воды, взглянулъ на лежавшіе передъ нимъ на пюпитрѣ листки бумаги и перешелъ къ подсудимому.

Изящный молодой человѣкъ набросалъ характеристику подсудимаго, шагъ за шагомъ прослѣдивъ жизнь Трамбецкаго съ самыхъ малыхъ лѣтъ, причемъ время отъ времени ссылался на показанія свидѣтелей. Онъ сдѣлалъ блестящій очеркъ безхарактернаго, безпокойнаго, лѣниваго человѣка, любившаго женщину, но не умѣвшаго возбудить взаимности, подозрительнаго, ревниваго, не останавливающагося въ минуты вспышекъ даже передъ угрозами лишить любимую женщину жизни. Всѣ эти данныя неминуемо обусловливали паденіе. Въ мастерскомъ очеркѣ г. прокурора задатки злой воли подсудимаго видны были съ молодыхъ лѣтъ. Послѣдовательное психологическое развитіе этихъ задатковъ въ

Digitized by Google

порочную волю представлялось совершенно логичнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ.

Увлекшись своей характеристикой, изящный молодой человѣкъ въ концѣ концовъ уже громилъ безнравственнаго человѣка, у котораго чувственная страсть къ женщинѣ преобладала надъ всѣми нравственными качествами, который, потерявъ любовь порядочной женщины, думаетъ вернуть не любовь,—такіе люди развѣ могутъ любить чистою любовью!—а обладаніе этою женщиной посредствомъ денегъ. Но честнымъ путемъ пріобрѣсти онъ не могъ,—стоитъ припомнить только, какъ часто онъ терялъ мѣста,—и вотъ онъ рѣшается на преступленіе.

— Какъ хорошо онъ говоритъ! замѣчаютъ въ трибунахъ.

— Посмотрите, какое возбужденное у него лицо!

Бинокли наводятся на изящнаго молодаго чловѣка. Онъ какъ будто чувствуетъ это и въ самомъ дѣлѣ начинаетъ думать, что подсудимый—величайшій злодѣй въ мірѣ.

Трамбецкій вздрагивалъ, когда прокуроръ импровизировалъ свою блестящую характеристику. Онъ стыдился поднять глаза. Ему казалось, что всѣ, рѣшительно всѣ въ самомъ дѣлѣ считаютъ его велимъ злодѣемъ. Онъ какъ-то ежился въ своемъ углу и то и дѣло отиралъ со лба крупные капли пота. Пытка продолжалась слишкомъ долго.

Защитникъ слушалъ и злился. Рѣчь его соперника

Digitized by Google

видимо произвела впечатлѣніе. Онъ дѣлалъ ремарки на клочкахъ бумаги и нервно подергивалъ свою жидкую бородку.

Прокуроръ между тѣмъ перешелъ къ исторіи самаго факта преступленія. Исторія была разсказана имъ такъ правдоподобно, такъ ясно вытекала изъ свидѣтельскихъ показаній, г. прокуроръ съ такой наглядной убѣдительностью разсказывалъ всѣ мельчайшія подробрости совершенія кражи, что можно было подумать, будто г. прокуроръ все это видѣлъ своими глазами.

Онъ началъ съ того самаго дня, когда «бѣдная женщина рѣшилась оставить этого человѣка». Начертивъ картину отъѣзда и того момента, когда подсудимый узналъ объ отъѣздѣ, г. прокуроръ ясно показалъ (на основаніи показанія дворника), что уже съ этого момента у него зародилась мысль о преступленіи. Можно видѣть, что подсудимый готовъ былъ на все. Онъ сперва ѣдетъ въ полицію, потомъ къ свидѣтелю. Никольскому и, не смотря на обѣщаніе помощи со стороны свидѣтеля, ѣдетъ будто бы за свѣдѣніями къ полковнику Гуляеву. Дѣло было подстроено ловко, чтобы скрыть слѣды преступленія. Онъ спрашиваетъ адресъ въ мелочной лавкѣ, затѣмъ у дворника, и поднимается въ квартиру. Квартира отперта. Онъ не слышитъ въ ней человѣческаго голоса. Вмѣсто того чтобы тотчасъ же уйти, онъ входитъ въ нее, запираетъ изнутри двери и тамъ совершаетъ кражу. Но для того,

Digitized by Google

чтобы не пало на него подозрѣнія, онъ заявляетъ дворнику объ отпертой квартирѣ и ѣдетъ прямо на дачу и тамъ грозитъ убить бѣдную женщину и увозитъ ребенка, убѣдившись, что похищенныя деньги не вернутъ ему любви когда-то любящей женщины.

Но на всякаго мудреца довольно простоты. Подъ вліяніемъ волненія и страха онъ забываетъ спрятать всѣ деньги, и въ карманѣ у него остается нѣсколько билетовъ... Онъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ они попали къ нему. Не святымъ же духомъ въ пустой квартирѣ положены эти деньги къ нему въ карманъ... Преступленіе было совершено ловко, но все-таки слѣды его не укрылись отъ правосудія, и присяжнымъ предстоитъ рѣшить по совѣсти, можетъ ли избѣгнуть кары воръ столь рѣшительный, смѣлый,— воръ, изъ-за котораго лишилъ себя жизни другой человѣкъ, лакей Ѳома, очевидно подговоренный подсудимымъ.

Молодой прокуроръ говорилъ около 2 часовъ, и когда онъ кончилъ, то всѣ взглянули на Трамбецкаго.

Этотъ рѣшительный «воръ» по прежнему не поднималъ глазъ. «Онъ виновенъ!» подумали всѣ.

«Онъ невиненъ!» прошептала Евдокія, почувствовавшая сразу какую то симпатію къ Трамбецкому.

— Слово за защитникомъ!

Защитникъ Трамбецкаго стремительно поднялся съ мѣста, и его лицо тотчасъ же искривилось ядовитой

Digitized by Google

усмѣшкой, и въ умныхъ его глазахъ заблисталъ злой огонекъ.

Онъ началъ съ того, что отдалъ должную дань таланту почтеннаго представителя обвиненія и умѣнію его строить на пескѣ стройное повидимому зданіе обвиненія, но обѣщалъ сейчасъ же показать, что это зданіе разлетится тотчасъ же отъ самаго легкаго прикосновенія. Затѣмъ онъ сказалъ въ крайне деликатной формѣ, что г. прокуроръ столь же глубокій психологъ (на этомъ мѣстѣ г. защитникъ сдѣлалъ паузу и иронически прищурился), сколь онъ, защитникъ, знатокъ санскритскаго языка (*А я о немъ не имѣю никакого понятія, улыбнулся защитникъ), сказалъ затѣмъ еще нѣсколько пріятныхъ словъ г. прокурору, стараясь выставить его смѣшнымъ, былъ по просьбѣ ужаленнаго молодаго человѣка два раза остановленъ предсѣдателемъ и уже послѣ всего этого приступилъ къ разрушенію зданія обвиненія.

Казалось, что г. защитникъ именно былъ созданъ для полемической защиты. Онъ не столько защищалъ, сколько полемизировалъ. Онъ поражалъ слушателей блескомъ остроумія, силой сарказма и выставилъ обвиненіе въ самомъ смѣшномъ видѣ, нарисовалъ злую пародію на рѣчь прокурора и объяснивъ, что если идти по слѣдамъ психологіи г. прокурора, то слѣдовало бы за одно обвинять подсудимаго и въ покушеніи на убійство своей жены. Рѣчь защитника была умна, остроумна и подвергала безпощадной критикѣ всѣ положенія про-

Digitized by Google

курора. Увлекаясь полемикой, онъ казалось забывалъ, что ему надо защищать подсудимаго, и заботился только о томъ, какъ бы доѣхать г. прокурора. И онъ доѣхалъ его совершенно. Мастерская его рѣчь произвела впечатлѣніе. Шагъ за шагомъ и онъ въ свою очередь прослѣдилъ за подсудимымъ въ день покражи и пришелъ къ заключенію, что воровство совершено кѣмъ нибудь другимъ, и подсудимому подложены деньги въ карманъ, но кѣмъ—на этотъ вопросъ надо ждать отвѣта отъ слѣдственной части.

Защитникъ не дѣйствовалъ на нервы слушателей и присяжныхъ. Онъ не впадалъ въ мелодраму и очень коротко охарактеризовалъ Трамбецкаго какъ честнаго и порядочнаго человѣка. За то онъ не пощадилъ Валентину.

Послѣ рѣчи изящнаго молодаго прокурора рѣчь защитника была очень пріятнымъ разнообразіемъ для публики. О Трамбецкомъ всѣ какъ будто забыли и только вспомнили, когда предсѣдатель обратился къ нему съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ что нибудь сказать?

Трамбецкій поднялся и сказалъ:

— Мнѣ нечего говорить. Защитникъ все сказалъ.

— Быть можетъ вамъ будетъ угодно представить какія нибудь доказательства вашей невиновности?

— Я невиненъ! Вотъ все, что я могу сказать, а затѣмъ дѣло присяжныхъ рѣшить по совѣсти.

Когда присяжные удалились для совѣщанія, только

Digitized by Google

и было разговора что о рѣчахъ, да о томъ, обвинятъ или оправдаютъ. Большинство все таки полагало, что обвинятъ. Дамы сравнивали двухъ судебныхъ свѣтилъ съ Фаустомъ и Мефистофелемъ. Прокуроръ былъ Фаустомъ, а защитникъ—Мефистофелемъ.

Когда опять Трамбецкій вошелъ въ залу суда, то онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Ему казалось, что онъ услышитъ роковое: «Да, виновенъ.»

Торжественно одинъ за однимъ прошли присяжные засѣдатели изъ совѣщательной комнаты, и старшина вручилъ предсѣдателю отвѣты на вопросы.

Въ залѣ воцарилась могильная тишина. Публика, до этого равнодушная къ подсудимому, будто прониклась торжественностью минуты. Всѣ точно поняли, что долженъ переживать въ эту минуту подсудимый, и взглядывали на изможденнаго, исхудалаго неудачника, дожидавшагося рѣшенія.

Евдокія совсѣмъ поблѣднѣла и съ трепетомъ ждала чтенія. Петръ Николаевичъ Никольскій сидѣлъ угрюмый, а Прасковья Ивановна утирала слезы, заранѣе оплакивая бѣднаго человѣка. Даже Евгеній Николаевичъ насупился и ждалъ приговора съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Онъ зналъ, что Трамбецкій невиненъ.

Но вотъ старшина засѣдателей сталъ читать первый вопросъ... Трамбецій пристально смотрѣлъ ему въ лицо. По выраженію лица онъ хотѣлъ узнать рѣшеніе. Секунды казались ему вѣчностью.

Digitized by Google

— Нѣтъ, невиновенъ! послышался отчетливый голосъ старшины.

Крикъ радости раздался наверху. Это вскрикнула Прасковья Ивановна. Съ Евдокіей сдѣлался обморокъ. Одинъ Трамбецкій только не выразилъ особенной радости. Онъ крѣпко пожалъ руку защитника, но говорить не могъ.

Черезъ полчаса Трамбецкій уже былъ у Никольскаго и, обнимая Колю, зарыдалъ. Прасковья Ивановна давно утирала слезы, да и самъ Никольскій поторопился выйти въ другую комнату.

— Теперь, Коля, ничто насъ не разлучитъ...

— Мы уѣдемъ отсюда, папа, да?

— Уѣдемъ, уѣдемъ, родной мой, и какъ можно скорѣй: Петръ Николаевичъ—нашъ другъ—обѣщалъ мнѣ... Мы будемъ жить въ деревнѣ... Тамъ такъ хорошо...

Трамбецкій вдругъ улыбнулся какой-то скорбной улыбкой и схватился за грудь...

— Папа, папочка... что съ тобой.!. папа! крикнулъ мальчикъ.

— Ничего... не бойся... Это пройдетъ... Мы уѣдемъ... тамъ...

Онъ больше продолжать не могъ. Кашель душилъ бѣднаго человѣка.

Никольскій уложилъ его на диванъ; начался пароксизмъ лихорадки.

— Александръ Александровичъ, что съ вами? Вамъ не хорошо?

Digitized by Google

— Неужели жь... мнѣ уже пора умирать?... Теперь, когда впереди жизнь съ Колей... Нѣтъ... это было бы ужасно!.. отчаянно проговорилъ старый неудачникъ, безпомощно прижимая руки къ груди.

Никольскій его утѣшалъ, а самъ, глядя на Трамбецкаго, думалъ, что не жилецъ онъ на свѣтѣ.

Къ ночи Трамбецкому сдѣлалось хуже. Пріѣхалъ докторъ и такъ угрюмо покачалъ головой, что Никольскій тихо спросилъ:

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Совсѣмъ плохъ... Дни его сочтены! проговорилъ докторъ.

Коля ничего этого не зналъ и осторожно заглядывалъ въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ.

— Папа... Тебѣ лучше?..

— Лучше, лучше, милый мой!.. шепталъ отецъ, и горячія слезы лились изъ его глазъ...

— Ты, Коля, не безпокой папу. Ему заснуть надо! Да и тебѣ пора спать! проговорилъ Никольскій.

— Я уйду! покорно проговорилъ мальчикъ, цѣлуя свѣсившуюся, исхудалую руку своего любимаго, дорогаго отца.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Молодые.

I.

«Писарекъ», оказалось, подалъ Саввѣ Лукичу недурной совѣтъ. Прошло двѣ недѣли со времени ихъ свиданія,—и уже Савва Лукичъ снова поднялъ голову и злобно радовался, что онъ утретъ носъ «Хрисашкѣ». Онъ имѣлъ свиданіе съ нѣмцемъ Готлибомъ, съ Каролиной Карловной, съ камердинеромъ его превосходительства, и черезъ двѣ недѣли состоялось рѣшеніе о новомъ разсмотрѣніи вопроса о концессіи, въ виду коекакихъ дополнительныхъ свѣдѣній, собранныхъ по этому дѣлу.

Самъ Егоръ Ѳомичъ пріѣхалъ къ Леонтьеву съ повинною и объявилъ ему это пріятное извѣстіе.

— Я такъ радъ, такъ радъ, что дѣло это теперь кажется будетъ за вами.

— Спасибо, любезный человѣкъ. Будь спокоенъ,—

Digitized by Google

каяться не будешь, только поскорѣй бы подписали это дѣло.

Опять повысились фонды Саввы Лукича. Снова въ кабинетѣ его появились тѣ самые прихлебатели, которые было оставили Савву Лукича. И онъ такъ радъ былъ этому, что не гналъ въ шею этихъ людей, хотя и презиралъ ихъ. Опять кредитъ Саввы Лукича поднялся, когда узнали, что концессія будетъ получена имъ.

Савва Лукичъ хлопоталъ съ обычной энергіей, возвращался домой только къ обѣду и заставалъ у себя нѣсколькихъ человѣкъ посѣтителей. Опять ему глядѣли въ глаза и подхватывали его слова. Опять мужикъ швырялъ деньгами.

Борисъ Сергѣевичъ имѣлъ съ тестемъ объясненіе. Вскорѣ послѣ извѣстія о разореніи Саввы Лукича, Борисъ Сергѣевичъ пріѣхалъ къ Леонтьеву. Молодой генералъ былъ взволнованъ, рѣшившись приступить къ объясненію насчетъ приданаго.

— Здорово, Борисъ Сергѣевичъ, какъ живешь? Какъ поживаетъ Дуня?..

— Благодарю васъ, Савва Лукичъ...

— Да ты никакъ, Борисъ Сергѣичъ, какъ будто разстроенъ, ась? Али и тебя смутили толки на счетъ меня?..

— Вы сами поймете, Савва Лукичъ, очень хорошо, что, собственно говоря, я лично не могу смущаться никакими толками, но что...

— Да ты не виляй, генералъ... Брось свою кани-

Digitized by Google

тель, а говори толкомъ. Приданое, что ли, хочешь получить?

— Вы знаете, что не я хочу получить...

— Развѣ Дуня тебя послала, что ли?

— Моя жена не посылала. Она слишкомъ молода, чтобы понять всю важность...

— Да прошу тебя, не финти. Пока я буду вамъ платить проценты на остальной капиталъ, а ужо,—вотъ только дай передохнуть,—и капиталъ отдамъ. Нешто я Дуню обижу?..Ты только ее не обидь... Ты не сердись, а я слышалъ, будто она, сердешная, что-то груститъ... Что съ ней?..

— Кажется ничего...

— То-то ничего... Дуня вѣдь—золотое сердце. Обидѣть ее впрямь легко... Она такая тихая да послушливая...

Взбѣшенный ѣхалъ Борисъ Сергѣевичъ домой. Въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлалъ ли онъ опрометчиваго шага, что женился? Во-первыхъ, обѣщаннаго милліона онъ не получилъ, а во-вторыхъ—жена его, не смотря на его старанія, осталась по прежнему той же загадочной, странной, сдержанной натурой. Она положительно смущала его и ставила нерѣдко втупикъ. Не смотря на его совѣты, она избѣгала знакомствъ, избѣгала выѣздовъ и одѣвалась слишкомъ скромно. Въ ней, по мнѣнію Бориса Сергѣевича, было что-то для него непонятное. Повидимому она была привязана къ нему, но

Digitized by Google

отчего же она иногда такъ пытливо на него смотритъ и вдругъ щеки ея вспыхиваютъ яркимъ румянцемъ?..

Первые мѣсяцы послѣ свадьбы прошли за границей. Евдокіѣ все было ново и она путешествовала съ удовольствіемъ. Между супругами первое время были самыя дружескія отношенія. Борисъ Сергѣевичъ относился къ ней съ оттѣнкомъ покровительства, считалъ ее чѣмъ-то въ родѣ экзальтированной дурочки, находилъ, что она черезчуръ просто одѣвается, и снисходительно замѣчалъ ей объ этомъ.

Евдокія слушала, но все-таки вела себя по прежнему. Скоро Борису Сергѣевичу пришлось убѣдиться, что молодая женщина не только не дурочка, но напротивъ очень не глупая женщина и съ характеромъ.

Это открытіе даже изумило Бориса Сергѣевича. Онъ воображалъ, что ему будетъ легко передѣлать по своему эту простую дѣвочку, и вдругъ эта простенькая дѣвочка сразу заявила серьезно требованія на уваженіе. Приходилось съ нею считаться—ему, Борису, изящному, умному и способному администратору. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы Евдокія какъ будто стала грустить, и когда Борисъ Сергѣевичъ спрашивалъ, что это значитъ, она избѣгала прямаго отвѣта. Борисъ Сергѣевичъ не настаивалъ, и между мужемъ и женой точно пробѣжала кошка. Борисъ Сергѣевичъ былъ ласковъ, ровенъ и по временамъ нѣженъ съ женой; Евдокія, напротивъ, была неровна: то ласкова, то вдругъ какая-то странная и молчаливая.

Digitized by Google

Нѣтъ, не такая жена нужна была Борису Сергѣевичу!

Она присматривалась къ мужу и слушала его, но сама не высказывалась, какъ будто чего-то боялась... Это смущало Бориса Сергѣевича, и онъ чуствовалъ не то досаду, не то обиду, что на него жена не смотритъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, на который онъ разсчитывалъ. По крайней мѣрѣ всѣ женщины такъ на него смотрѣли.

И вдругъ эта мужичка...

— У насъ никого нѣтъ?.. спросилъ Борисъ Сергѣевичъ, когда лакей отворилъ двери.

— У барыни гости.

— Кто такой?

— Господинъ Никольскій.

— Евгеній Николаевичъ?

— Никакъ нѣтъ...

Кривскій ничего не сказалъ и прошелъ въ кабинетъ.

«Ужь не нигилистъ ли этотъ у жены въ гостяхъ?» подумалъ Кривскій и презрительно перекосилъ губы. Надо положительно посовѣтовать ей не вести такихъ знакомствъ. Онъ вспомнилъ, что его уже не разъ коробило присутствіе въ домѣ какихъ-то странныхъ барынь—знакомыхъ Евдокіи, но онъ ничего не говорилъ. Теперь вдругъ появился какой-то Никольскій...

«Надо это прекратить! рѣшилъ Кривскій:—Подобныя знакомства просто неприличны».

И безъ того раздраженный бесѣдой съ Леонтьевымъ, онъ еще болѣе раздражился, и когда ушелъ

Digitized by Google

Никольскій, Борисъ Сергѣевичъ вошелъ въ маленькій женинъ кабинетъ, чтобы серьезно съ нею переговорить по этому поводу.

II.

— Я не помѣшаю твоимъ занятіямъ? проговорилъ Борисъ Сергѣевичъ, пріостанавливаясь на порогѣ.

Тонъ Кривскаго всегда мягкій и любезный, сегодня былъ какъ-то изысканно вѣжливъ. Едва слышная ироническая нотка звучала въ немъ.

Евдокія вспыхнула и, отодвигая книгу, сказала:

— Ты смѣешься, Борисъ? Какія у меня занятія?

— Я не смѣюсь, мой другъ. Ты такъ была погружена въ чтеніе, что я боялся потревожить тебя.

— Я даже и не читала. Я просто задумалась.

— Можно полюбопытствовать, что это за книга, заставившая тебя такъ задуматься? смѣясь, проговорилъ Борисъ Сергѣевичъ, присаживаясь рядомъ съ женой.

Евдокія передала книгу.

— Учебникъ исторіи! усмѣхнулся Борисъ Сергѣевичъ, передавая обратно книгу:—Кто это тебѣ посовѣтовалъ?.. Впрочемъ извини меня за вопросъ. Я беру его назадъ. Ты такъ любишь читать...

— Развѣ въ этомъ есть что нибудь дурное?..

— Боже меня сохрани сказать, что читать дурно!

— Но тебѣ, какъ кажется, это не нравится...

— Напрасно, душа моя, ты такъ думаешь... Отчего мнѣ можетъ не нравиться?..

Digitized by Google

Борисъ помолчалъ и замѣтилъ:

— Сейчасъ я у твоего отца былъ!

— Всѣ здоровы?

— Здоровы. Ты слышала, отецъ твой наканунѣ банкротства?

— Слышала!

— Ты такъ спокойно говоришь, какъ будто тебѣ все равно?

— Мнѣ жаль отца...

Борисъ перекосилъ губы и тихо проговорилъ:

— Конечно жаль, но тѣмъ не менѣе...

Евдокія глядѣла пристально въ глаза мужу. Борисъ остановился.

— Мнѣ кажется, Борисъ, что наше дѣло помочь отцу! прошептала Евдокія.

«Она съ ума сошла? подумалъ Борисъ:—Это какая-то блажная женщина.»

— Помочь, а самимъ какъ?..

Евдокія молчала.

— Ты думаешь, что наше состояніе такъ велико?

Евдокія еще ниже опустила голову.

— Но развѣ намъ надо такъ много?

— Мой другъ, ты, какъ я посмотрю, совсѣмъ не понимаешь жизни... Впрочемъ мы оставимъ этотъ вопросъ. Наши несчастные крохи не спасутъ отца во всякомъ случаѣ. Я хотѣлъ съ тобой поговорить не о томъ. Скажи пожалуйста, что это за господинъ былъ у тебя?

Digitized by Google

— Никольскій.

— Кто онъ такой?

— Онъ даетъ уроки моему брату...

— Онъ былъ у тебя по дѣлу?

— Да.

— Можно узнать, по какому?

— Я обѣщала ему дать мѣсто Трамбецкому въ деревнѣ... но кажется поздно.

— И ты не сочла нужнымъ посовѣтоваться со мной?

— Развѣ тебѣ не все равно?..

Борисъ пожалъ плечами.

— Мнѣ кажется, что я въ качествѣ мужа имѣлъ бы право интересоваться... Впрочемъ опять-таки это твое дѣло, но вотъ что мнѣ бы хотѣлось знать, мой другъ, къ чему ты принимаешь у себя такихъ господъ, какъ этотъ учитель?..

— А что? Развѣ его нельзя принимать? проговорила Евдокія, удивленно взглядывая на мужа: — Развѣ это тебѣ не нравится?

Она подчеркнула слово: «это».

— Да, это мнѣ не нравится!

— Почему?

— Потому... потому... однимъ словомъ нельзя же изъ твоей гостиной сдѣлать притонъ... Къ тебѣ и безъ того Богъ знаетъ кто ходитъ... Какія-то барыни, курсистки, какъ вы ихъ тамъ называете... Это мой другъ, совсѣмъ неприлично...

Евдокія смотрѣла во всѣ глаза на мужа, и по мѣрѣ

Digitized by Google

того, какъ онъ говорилъ, лицо ея все дѣлалось печальнѣе.

— Я не понимаю тебя, Борисъ... Я наконецъ не знаю, что тебѣ нравится и что не нравится!

Борисъ готовъ былъ разсердиться, но онъ сдержалъ себя и только нервно пощипывалъ бакенбарды.

— Я заговорилъ объ этомъ потому, что въ послѣднее время ты, Евдокія, какъ-то странно себя держишь...

— Странно?.. Но вѣдь ты прежде ничего не говорилъ... Ты позволилъ мнѣ быть знакомой, съ кѣмъ я хочу. Развѣ мои знакомые тебя стѣсняютъ? Они вѣдь бываютъ у меня, когда тебя нѣтъ!

— Тѣмъ хуже!

Евдокія вспыхнула и еще ниже опустила голову.

— Твое положеніе въ обществѣ обязываетъ тебя...

Борисъ остановился, почувствовавъ, что говоритъ глупость.

— Ты слишкомъ мало знаешь людей и жизнь, милая моя, мягко заговорилъ Кривскій: — и потому-то слишкомъ довѣрчива и знакомишься безъ строгаго разбора, не посовѣтовавшись со мной, съ такими людьми, которыхъ совсѣмъ не знаешь... Въ вашемъ благотворительномъ кружкѣ встрѣтишься и сейчасъ же зовешь къ себѣ... Мнѣ, признаюсь, даже непонятно, что можетъ быть пріятнаго въ знакомствѣ съ этими...

Борисъ опять сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не обронить рѣзкаго эпитета.

— Одна твоя пріятельница—какая-то учительница,

Digitized by Google

другая — синій чулокъ съ невозможными манерами... Ты конечно воображаешь, что онѣ превосходныя женщины...

Евдокія тихо замѣтила:

— Ты развѣ знаешь, что онѣ нехорошія?

— Я не говорю: нехорошія, я только не понимаю, что можетъ у тебя быть съ ними общаго?.. Надѣюсь, ты не намѣрена сдѣлаться нигилисткой... Это было бы... по меньшей мѣрѣ смѣшно!

Борисъ взглянулъ на жену искоса, дотронулся до ея руки и еще мягче замѣтилъ:

— Вообще, Дуня, ты какъ-то въ послѣднее время неоткровенна со мной. Ты странная какая-то. Никуда не хочешь показываться, одѣваешься, точно тебѣ не во что одѣться... Со мной избѣгаешь говорить... Скажи, какъ другу, который любитъ тебя, искренно любитъ...

Борису показалось, что маленькая холодная рука жены вздрогнула при этихъ словахъ въ его рукѣ.

— Я вѣдь не имѣю намѣренія стѣснять тебя,—веди знакомство съ кѣмъ хочешь! Но я хотѣлъ только предупредить тебя... Мало ли что могутъ говорить!.. Отвѣть же на мой вопросъ: Что съ тобой? Чѣмъ ты недовольна?

Евдокія слушала слова мужа съ тяжелымъ чувствомъ. Что скажетъ она ему? Развѣ она прежде, въ первые мѣсяцы, не говорила ему свои завѣтныя мечты?

Digitized by Google

Развѣ она не спрашивала совѣта и поддержки; но что же сказалъ онъ?

Борисъ Сергѣевичъ подсмѣивался съ изяществомъ свѣтскаго человѣка надъ ея мечтами. Съ снисходительной ласковостью учителя онъ доказывалъ ей, что мысли ея смѣшны и что надо жить, какъ люди живутъ, а не носиться съ какими-то нелѣпостями. Онъ ей обѣщалъ устроить занятія, гдѣ, по его словамъ, ея доброе сердце найдетъ удовлетвореніе. Онъ познакомилъ жену съ дамами-благотворительницами. Евдокія сдѣлалась членомъ комитета, отдалась этому дѣлу со всею горячностью любящаго сердца и... скоро поняла, поняла скорѣе чувствомъ чѣмъ умомъ, что это не то, не то, чего хотѣла ея душа, жаждавшая подвига, жертвы...

Она опять обратилась къ мужу, но онъ опять какъ-то странно отнесся къ ней, и Евдокія осталась одна,— одна съ сомнѣніями, волновавшими ея горячую голову. Она начинала чувствовать, что Борисъ—не тотъ человѣкъ, который былъ нуженъ...

— Что жь ты молчишь мой другъ? Скажи же, что съ тобой?.. Чѣмъ ты недовольна?..

Евдокія подняла свои свѣтлые, полные думы глаза на мужа, взглянула на его чисто выбритое, красивое лицо, на его сѣрые, улыбающіеся глаза, на всю изящную фигуру, и слова отвѣта замерли на ея устахъ.

Она поняла, что нечего ему говорить.

«Не тотъ... не тотъ!» грустно отозвалось въ ея сердцѣ.

Digitized by Google

«Однако эта комедія начинаетъ надоѣдать!» подумалъ Кривскій, напрасно ожидая отвѣта. «Чего ей, какого ей рожна?» добивался онъ отвѣта и никакого отвѣта не могъ отыскать. «Чего она блажитъ!»

— Послушай, Евдокія, ты серьезно подумай о томъ, что я тебѣ говорилъ... Я не смѣю насиловать твоихъ взглядовъ, но намъ надо согласиться жить такъ, чтобы мы не доставляли другъ другу непріятностей... Не правда ли?

— Ты правъ!.. прошептала Евдокія.

— Ты сама согласна... И если ты любишь меня, то избѣгай знакомства съ господами въ родѣ Никольскаго... Ты не откажешь мнѣ въ этомъ?.. Вѣдь ты настолько любишь меня?

О Господи, какая эта пытка! Онъ еще спрашиваетъ о любви тѣмъ самымъ мягкимъ, ровнымъ голосомъ, которымъ только что отказалъ въ помощи отцу. Фальшивой нотой звучали эти мягкія слова, и бѣдная Евдокія вмѣсто отвѣта еще ниже склонила свою голову.

— И на это ты не хочешь дать отвѣта? Ну, какъ хочешь!.. тихо проговорилъ Борисъ, поднимаясь съ кресла.

«Это чортъ знаетъ что за женщина!» злобно шепталъ Борисъ Сергѣевичъ, выходя отъ жены.

Онъ озлился, что онъ, Борисъ Сергѣевичъ, не могъ сладить съ этимъ кроткимъ и на видъ безпомощнымъ созданіемъ.

Digitized by Google

«Не тотъ, не тотъ!» скорбно шепталъ какой-то назойливый голосъ въ груди молодой женщины.

Ей припомнились слова матери передъ свадьбой, и горько, горько задумалась Дуня передъ роковымъ вопросомъ, поставленнымъ жизнью на первыхъ же шагахъ ея самостоятельности.

Зачѣмъ она вышла замужъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Но развѣ она думала, что онъ не тотъ желанный, который поможетъ ей, бѣдной, ощупью искавшей дороги, жаждавшей луча свѣта въ непроглядной тьмѣ, найти эту дорогу, увидать этотъ свѣтъ?

О глупая, безталанная, она, напротивъ, думала, что Борисъ именно тотъ самый умный, добрый, великодушный, любящій, который нерѣдко смущалъ ея дѣвичій сонъ. Онъ успокоитъ тревогу неудовлетворенной души, онъ разрѣшитъ ея сомнѣнія, онъ поможетъ ей отыскать правду, которой такъ жаждало ея любящее сердце...

Но вмѣсто свѣта тотъ же мракъ кругомъ, та же ложь, и вдобавокъ какимъ холодомъ вѣетъ отъ этого ласковаго, нѣжнаго голоса. Какъ мало уваженія и любви въ его снисходительной ровности, сколько оскорбительнаго въ его ласкѣ для такой деликатной натуры!

«Не тотъ, не тотъ!»

Точно во снѣ она была тогда, когда рѣшилась, не спросивши сердца, отдать судьбу свою въ руки этого человѣка. И тѣ дни прошли какъ сонъ.

Быть можетъ и онъ былъ тогда не тотъ или ка-

Digitized by Google

зался не такимъ! Онъ такъ мягко и такъ нѣжно говорилъ ей о будущей ихъ жизни, онъ съ такой внимательностью отнесся тогда къ ея мечтамъ, обѣщая впереди путь, по которому она пойдетъ въ удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, онъ такъ ласково шепталъ ей слова любви, что она, еще колеблющаяся, протянула ему руку безъ колебанія и встала подъ вѣнецъ.

Они тотчасъ же уѣхали за границу. Это время прошло опять какъ сонъ. Два мѣсяца пролетѣли быстро. Тамъ, въ чужихъ странахъ, все было ново, все занимало молодую женщину.

Но и тогда уже бывали минуты, когда молодая женщина испуганно, удивленно смотрѣла на Бориса. Въ его рѣчахъ она какъ будто слышала отзвукъ отцовскихъ рѣчей. Не та грубая форма, но та же самая грубая сущность.

Нѣтъ, это ей кажется! думалось его тогда, и ей хотѣлось, чтобъ это казалось. Она пробовала сама говорить... Она, сдержанная, цѣломудренно таившая про себя, однажды заспорила съ мужемъ, высказала, что̀ мучитъ ее, чего жаждетъ ея сердце, и... какимъ холодомъ повѣяло отъ его снисходительныхъ отвѣтовъ... какой насмѣшкой звучали его слова.

Опять тоже, что и дома, но тамъ по крайней мѣрѣ любовь, горячая, безпредѣльная любовь отца, а тутъ...

А онъ казалось и не понималъ, что дѣлается съ Евдокіей. Онъ первое время утѣшалъ ее, какъ бывало отецъ, думая успокоить ея взволнованное сердце

Digitized by Google

набрежной лаской, вниманіемъ, подаркомъ, и не замѣчалъ, что день ото дня становился ей снова чужимъ, гораздо болѣе чужимъ, чѣмъ былъ до свадьбы.

Неужели онъ женился не на ней, а на приданомъ?..

Сперва эта мысль пришла къ ней какъ-то нечаянно, но потомъ она закрадывалась въ ея душу все чаще и чаще, и наконецъ она почти сроднилась съ ней.

«Не тотъ, не тотъ!» шептала она, съ болью вспоминая, что въ скоромъ времени она будетъ матерью... Будущее казалось ей въ какомъ-то ужасномъ туманѣ. Такъ жить, какъ она живетъ, неужели возможно? Нѣтъ, ни за что!

Но гдѣ же найдетъ она примиреніе? гдѣ тотъ крестъ, который она готова нести во имя правды и любви? гдѣ, гдѣ онъ?

И опять ни откуда нѣтъ отвѣта...

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

У смертнаго одра.

Ночь.

Въ небольшой комнатѣ, слабо освѣщенной ночникомъ, лежитъ несчастный неудачникъ на кожанномъ диванѣ. Онъ спитъ, но сонъ его безпокойный, тревожный сонъ. Больной то и дѣло просыпается, и тогда Петръ Николаевичъ подаетъ ему лекарство. Сегодня его очередь сидѣть около больнаго. Они чередуются съ теткой. Въ полумракѣ комнаты лицо Трамбецкаго кажется совсѣмъ мертвымъ. Длинное, осунувшееся, съ заостренными чертами, оно носитъ на себѣ печать смерти. Доктора объявили, что надежды никакой, развѣ какое нибудь чудо. По словамъ ихъ, волненія доканали бѣднягу въ конецъ.

Никольскій то и дѣло наклоняется надъ изголовьемъ больнаго и прислушивается къ его дыханію. Дыханіе неровное и шумное. Какой то хрипъ вылетаетъ изъ груди.

«Бѣдняга, все еще надѣется! Какъ просилъ вчера

Digitized by Google

еще скорѣй ѣхать въ деревню... Видно человѣкъ до послѣдняго момента надѣется!» усмѣхнулся Никольскій, откидываясь въ кресло.

Онъ задумался, припоминая всю жизнь этого неудачника. «Нечего сказать, жизнь! Ни другимъ, ни себѣ! Ни личнаго счастья, ни сознанія, что жилъ не безслѣдно. Такъ, сутолока какая-то. Кипятился изъ-за выѣденнаго яйца, бѣднягa, и сгорѣлъ. А кажется много ли человѣку и нужно-то было? Очень немного. Онъ бы помирился съ дѣятельностью мироваго судьи, творилъ бы судъ и расправу; да если бы вдобавокъ нѣжная женская головка склонялась на его плечо, да чтеніе вдвоемъ любимыхъ поэтовъ, бетховенскія сонаты,—жить бы ему поживать, добра не наживать,— не изъ такихъ этотъ отживающій рыцарь переходнаго времени,—въ полномъ блаженствѣ. А поди жь, и того не даетъ жизнь мало-мальски порядочному человѣку. Гоняла судьба этого неудачника съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверъ... Все искалъ онъ настоящей службы дѣлу, а не лицамъ!» печально усмѣхнулся Никольскій, припоминая, какъ горячился бывало Трамбецкій, разсказывая, какъ и почему оставлялъ онъ то одно, то другое мѣсто.

— Дьявольскія времена! проговорилъ громко Никольскій.

— Это вы вѣрно говорите... Я самъ только что объ этомъ думалъ! слабо проговорилъ больной.

— А вы не спали развѣ?

Digitized by Google

— Нѣтъ... Такъ, съ закрытыми глазами лежалъ...

— Вы лучше лекарство примите, чѣмъ о временахъ-то думать... Какъ себя чувствуете?..

— Гораздо лучше... Дышать легче. Завтра пожалуй и встать будетъ можно, а черезъ недѣлю уѣхать...

Трамбецкій принялъ лекарство и опять заговорилъ:

— Во время болѣзни какъ-то яснѣе все представляется. Вотъ и думалъ я, что времена скверныя, а когда вы сказали: «Дьявольскія», такъ я даже обрадовался... Право... Вы тоже объ этомъ думали?

— А вы не очень-то разговаривайте. Докторъ то что говорилъ?

— Что докторъ? Мало ли что говорилъ докторъ?.. Меня одинъ докторъ десять лѣтъ тому назадъ къ смерти приговорилъ, а я его надулъ... Быть можетъ и теперь ихъ обману...

— И обманывать нечего. Они надѣются, что вы поправитесь, а все поменьше говорите...

— Нѣтъ, ужь вы не мѣшайте... Очень хочется мнѣ высказать... Какъ вспомнишь, изъ-за чего я, собственно говоря, всю жизнь кипятился и почему я вышелъ такой неудачникъ, такъ знаете ли, Никольскій, даже досада беретъ...

Трамбецкій вдругъ закашлялся продолжительнымъ кашлемъ.

— Видно надо слушать докторовъ! печально проговорилъ онъ:—Вы пожалуй тоже не понапрасну ли кипятитесь, Никольскій?

Digitized by Google

— Ну, объ этомъ послѣ поговоримъ...

— Знаете ли, что я вамъ скажу... началъ было Трамбецкій, но вдругъ застоналъ.

— Что съ вами?

— Опять... опять... Нѣтъ, видно докторовъ теперь не надуть... Дышать трудно...

Онъ заметался и сталъ бредить. Въ бреду онъ часто призывалъ Валентину и Колю. Наконецъ онъ заснулъ. Дыханіе его сдѣлалось ровнѣе. Никольскій заглянулъ, и робкая надежда закралась въ его сердце,—такъ спокоенъ былъ сонъ больнаго.

На утро Трамбецкій проснулся и совсѣмъ себя почувствовалъ хорошо. Онъ выпилъ стаканъ чаю, приласкалъ Колю и все собирался ѣхать скорѣй въ деревню. Когда пріѣхалъ докторъ и Никольскій спросилъ, что значитъ эта перемѣна, то докторъ только угрюмо покачалъ головой и сказалъ, чтобы напрасно не радовались.

И дѣйствительно послѣ полудня Трамбецкому опять сдѣлалось хуже. Онъ сталъ говорить о смерти и все просилъ, чтобы Колю не отдавали женѣ.

— Будьте покойны! Мы объ этомъ давно порѣшили.

Трамбецкій протянулъ руку, и слезы тихо закапали изъ его глазъ.

— Я такъ только, для успокоенія... Я вѣрю вамъ и, благодаря вамъ, умру пожалуй спокойно...

Къ вечеру Трамбецкій заснулъ и какъ только проснулся, сказалъ Никольскому:

Digitized by Google

— Знаете ли, о чемъ я васъ еще попрошу? Вы и не ждете?

— Ну?

— Исполните мою просьбу... только пожалуйста исполните. Ужасно мнѣ хочется видѣть мою жену... Я васъ прошу, если можно... на пять минутъ... Быть можетъ въ послѣдній разъ...

— Я сейчасъ поѣду... Сію минуту...

— Мнѣ надо ей сказать... Смотрите же, привезите...

Никольскій тотчасъ же поѣхалъ къ Валентинѣ.

II.

У Валентины были гости: два молодыхъ офицера, камеръ-юнкеръ и юный, совсѣмъ юный, румяный, круглый, добродушный господинъ, единственный наслѣдникъ извѣстнаго петербургскаго милліонера. Юноша молча пожиралъ влюбленными глазами очаровательную хозяйку, вздрагивая и краснѣя, когда Валентина дарила его ласковымъ взглядомъ.

У прелестной малютки собралась веселая компанія влюбленныхъ молодыхъ поклонниковъ, наперерывъ другъ передъ другомъ старавшихся заслужить благосклонность хорошенькой женщины. Послѣ процесса она получила всеобщую пикантную извѣстность. Сдѣлаться счастливымъ любовникомъ Валентины казалось особенною честью. Объ этомъ заговорятъ всѣ, завидуя счастливцу, плѣ-

Digitized by Google

нившему сердце маленькой очаровательницы. Изъ-за такой чести стоило бросить къ ея ногамъ состояніе или по крайней мѣрѣ не желѣть векселей.

Всѣ знали, что Валентина пока свободна, прогнавши къ чорту Леонтьева. Надо было воспользоваться случаемъ; такая женщина не можетъ долго оставаться свободной. Уже ходили слухи, что «Хрисашка» дѣлалъ ей выгодныя предложенія...

Камеръ-юнкеръ закладывалъ свои послѣднія земли,— это не даромъ. Однако Валентина никому не отдавала предпочтенія. Никто не могъ назвать имени ея любовника. Она принимала къ себѣ всѣхъ своихъ поклонниковъ, по ровну между ними дѣлила свое вниманіе и казалось всѣмъ подавала очаровательную надежду, позволяя наединѣ пожимать маленькую ручку или срывать съ ея устъ холодный, мирный поцѣлуй. Всѣ находили такой случай, только одинъ круглый, румяный юноша не осмѣливался. Онъ цѣлые дни сидѣлъ у прелестной малютки, молча пожиралъ еѣ глазами и робѣлъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ при одномъ прикосновеніи къ маленькой ручкѣ. Валентина смѣялась, заставляла юнца привозить ей конфекты, держала его при себѣ на посылкахъ, и на его застѣнчивыя признанія въ горячей любви, шутя, просила подождать отвѣта.

Только-что кончили пить чай. Вся компанія шумно и весело встала изъ-за стола и двинулась въ маленькую гостиную.

Валентина по обыкновенію улеглась на диванъ и

Digitized by Google

велѣла юнцу помѣшать уголья въ каминѣ. Она была въ капотѣ, изящная, свѣжая и веселая. Отъ нея шло какое-то раздражающее благоуханіе. Распущенные волосы, перехваченные голубой лентой, моложавили это хорошенькое личико. Свернувшись на диванѣ, Валентина казалась совсѣмъ наивнымъ, прелестнымъ ребенкомъ, граціозной кошечкой, отъ которой вѣетъ мягкой теплотой. Она весело смѣялась, открывая бѣлые зубки, когда молодежь разсказывала смѣшныя вещи, и такъ рѣзво играла носкомъ крохотной туфельки подъ самымъ носомъ юнаго наслѣдника, не спускавшаго влажныхъ глазъ съ прозрачнаго чулка, сквозь который сквозила розовая ножка,—что юноша не выдержалъ и порывисто пересѣлъ на другое мѣсто.

Всѣ засмѣялись.

— Куда же вы? невинно спросила Валентина.

Но юноша молчалъ.

— Оставьте его, Валентина Николаевна, а то онъ заплачетъ! проговорилъ кто-то.

И въ самомъ дѣлѣ изъ большихъ, голубыхъ глазъ кругленькаго, выхоленнаго юноши готовы были брызнуть слезы.

Валентина спрятала ножки и подозвала юношу къ себѣ.

— Вы что? шепнула она на ухо:—Гадкій! Такъ-то вы любите меня и исполняете свое слово? Ну, садитесь на свое мѣсто, но смотрите, сидѣть смирно.

Черезъ нѣсколько минутъ Валентина попросила од-

Digitized by Google

ного изъ офицеровъ спѣть. Офицеръ вышелъ въ сосѣднюю комнату и запѣлъ пріятнымъ теноромъ шансонетку. Звуки пѣсенки оживили всѣхъ. Всѣ вышли и стали подтягивать. Одинъ юноша сидѣлъ молча на низенькомъ стулѣ у ногъ Валентины, точно наказанный. Опять розовая ножка мелькнула въ его глазахъ.

Онъ воспользовался мгновеніемъ, когда на него не обращали вниманія, и припалъ къ ней сочными, свѣжими губами.

Валентина не мѣшала юношѣ и тихонько трепала его за ухо, приподнявшись съ дивана. Онъ сталъ цѣловать ея руку и шепнулъ:

— Я васъ такъ люблю. Когда же отвѣтъ?

— На-дняхъ. Надѣйтесь! шепнула она, отводя руку.

Какое-то блаженство разлилось по добродушному юному лицу влюбленнаго. Оно сіяло восторгомъ.

— Я душу готовъ положить за васъ! какъ-то восторженно произнесъ онъ.

— Вѣрю, вѣрю! Пойдемте въ залу, а то насъ увидятъ.

Валентина поднялась и хотѣла было идти, какъ въ комнату вошла Паша и знакомъ позвала Валентину.

— Ну, ступайте, ступайте. Я сейчасъ приду.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ! расхохоталась малютка въ отвѣтъ на этотъ странный и ревнивый вопросъ.

— Что такое случилось, Паша? Евгеній Николаевичъ пріѣхалъ?

Digitized by Google

— Братъ его!

— Братъ? Какой братъ? испуганно спросила Валентина.

— Развѣ забыли? Петръ Николаевичъ, бариновъ знакомый, лохматый такой...

Валентина вспомнила и еще болѣе смутилась.

— Что ему нужно? Я съ нимъ незнакома! Зачѣмъ его впустили?

— Тимофей отказывалъ ему, но онъ проситъ васъ видѣть. Говоритъ, по очень важному дѣлу.

— Какія дѣла? У меня съ нимъ никакихъ дѣлъ нѣтъ! Это вѣрно Трамбецкій его подослалъ? Отказать ему! Пусть Тимофей скажетъ, что я не желаю его принять!

— Очень проситъ онъ, Валентина Николаевна... Вошелъ такой разстроенный... Одну минуту, говоритъ...

— Пусть объяснитъ по крайней мѣрѣ, что ему нужно.

— Лично, говоритъ, объясню.

— Я ей Богу не знаю, Паша... Этотъ господинъ мнѣ такъ не нравится... Я боюсь принять его.

— Чего вамъ бояться, Валентина Николаевна? Примите-ка лучше.

— Принять?

— Конечно примите. Бѣды никакой не будетъ, а не хотите, чтобъ онъ гостей видѣлъ, я проведу его прямо сюда... Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ что нибудь нужное....

Digitized by Google

— Ну, хорошо... Приведи его сюда!

Петра Николаевича провели корридоромъ. Никольскій слышалъ веселые голоса, пѣніе, взрывы смѣха и еще болѣе пожалѣлъ умирающаго неудачника. Онъ вошелъ къ Валентинѣ, поклонился и проговорилъ:

— Извините, что такъ поздно. Я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбой отъ умирающаго... Вашему мужу жить нѣсколько часовъ...

Валентина вздрогнула.

— Онъ проситъ васъ немедленно пріѣхать къ нему. Онъ хочетъ проститься... Вы вѣдь не откажете въ такой бездѣлицѣ?!. Нѣтъ? Онъ такъ надѣется...

— Боже мой... Вы такъ поразили меня... Но къ чему ѣхать?.. И бѣдному мужу, и мнѣ будетъ тяжело свиданіе, проговорила малютка, отирая навернувшіяся слезы.

— Послушайте, Валентина Николаевна. Съ вашей стороны будетъ жестоко отказать умирающему... Прошу васъ, поѣдемте...

Никольскій не просилъ, а умолялъ. Валентина колебалась.

— Вѣдь вы поѣдете?

— Извольте, я пріѣду.

— Надо сейчасъ ѣхать, сію минуту.

— По крайней мѣрѣ я велю заложить экипажъ.

— Насъ ждетъ извощикъ. Велите экипажу пріѣхать за вами.

— Вы такъ просите... попробовала улыбнуться сво-

Digitized by Google

ей милой улыбкой Валентина:—что я сію минуту къ вашимъ услугамъ.

Черезъ десять минутъ Никольскій съ Валентиной ѣхали на Петербургскую сторону. Паша объявила гостямъ, что барыня уѣхала къ умирающему мужу. Всѣ восхищались добротой этого ангела.

— Ну, что? шопотомъ спросилъ Никольскій, вводя Валентину въ комнаты.

— Плохъ... Онъ дожидается васъ! замѣтила Прасковья Ивановна, обращаясь къ Валентинѣ.

Прелестную малютку оставили въ залѣ, а Никольскій пошелъ къ Трамбецкому.

— Не пріѣхала? прошепталъ больной.

— Сейчасъ... сію минуту она будетъ у васъ...

Счастливая улыбка скользнула по мертвенному лицу.

— Спасибо, голубчикъ... Она сейчасъ же согласилась?.. Она... она пожалѣла меня?..

Онъ заволновался.

— Успокойтесь, Александръ Александровичъ...

— Нѣтъ, скажите правду: она пожалѣла меня?..

— Пожалѣла...

— Вы... вы... не обманываете?..

— Къ чему обманывать?..

— Такъ я счастливъ... я очень счастливъ тогда... Я все-таки вижу, что эта женщина хотя жалѣетъ меня... Что же она не ѣдетъ?.. Скоро ли?..

Никольскій ушелъ, и черезъ минуту Валентина по-

Digitized by Google

явилась свѣтлымъ призракомъ передъ одромъ умирающаго неудачника.

При появленіи Валентины, Трамбецкій слабо вскрикнулъ, пробовалъ привстать, но въ безсиліи опустился на подушки.

Словно ангелъ смиренія и кротости приблизилась прелестная малютка къ умирающему и протянула руку съ кроткой, ласковой улыбкой. Трамбецкій порывисто схватилъ слабыми, дрожащими пальцами маленькую, розовую, блиставшую кольцами, ручку и прильнулъ къ ней засохшими, помертвѣвшими губами.

Валентина взглянула въ лицо умирающаго. Чувство страха, жалости и какого-то непобѣдимаго отвращенія къ разлагающемуся тѣлу охватило ея существо. Ей сдѣлалось жаль мужа, и въ то же время ей такъ хотѣлось поскорѣе вонъ изъ этой маленькой комнаты, пропитанной запахомъ лекарствъ, гдѣ смерть явилась передъ ней въ такомъ некрасивомъ ненарядномъ видѣ. Нервы были разстроены. Что-то щекотало въ горлѣ... На мгновеніе мелькнула мысль, что со смертью мужа она совсѣмъ свободна, и эгоистическое чувство пріятно защекотало нервы, не смотря на слезы, сжимавшія горло... Ей все таки жаль его. Онъ все-таки мужъ! Она въ самомъ дѣлѣ начинала чувствовать жалость и дала волю нервамъ...

— Благодарю тебя, что ты пріѣхала!.. шепталъ Трамбецкій:—Я думалъ...

Digitized by Google

Валентина присѣла на постель и тихо плакала. Трамбецкій, глядя на эти слезы, умилялся.

— Ты — добрая... Ты пожалѣла меня... Ты вѣдь любила меня?..

Нервы Валентины совсѣмъ разстроились отъ этихъ прерывающихся, нѣжныхъ словъ.

Какъ всегда бываетъ съ чувствительными людьми, обстановка усилила впечатлѣніе чувствительности. Эта сцена представлялась ей какой то трогательной мелодрамой, въ которой она играетъ главную роль. Умирающій мужъ и она, несчастная, пожалуй виновата тутъ передъ лицомъ смерти. Да, она виновата... Она быть можетъ много виновата. Теперь ей даже пріятно быть виноватой, но умирающій проститъ ее...

И Валентина непритворно рыдала.

— Ты что же это?.. Ты, Валентина... О Господи, какое счастіе... Я вижу, ты добрая...

Валентина вдругъ поднесла руку мужа къ своимъ губамъ, потомъ опустилась на колѣни у кровати и шептала въ слезахъ:

— Прости, прости меня...

Его ли просить о прощеніи! Онъ давно простилъ. Онъ съ какимъ-то восторгомъ глядѣлъ ей въ глаза и тихо гладилъ ея голову...

Прошло нѣсколько секундъ, и Валентина почувствовала, что у нея заболѣли колѣна. «Если бы былъ мягкій, пушистый коверъ!» вспомнила она. Но ковра не

Digitized by Google

было, и колѣнамъ становилось больнѣй. Она поднялась и снова сѣла на постель.

И Трамбецкій усталъ отъ волненія. Онъ держалъ въ своей рукѣ руку жены и закрылъ глаза... Черезъ минуту онъ задремалъ... Еще другая, третья минута,—и Валентина почувствовала неловкость и страхъ. Рука начинала холодѣть. Она быстро выдернула свою руку и надѣла перчатку. Ей такъ хотѣлось скорѣе на воздухъ, скорѣе домой. Онъ простилъ,—больше нечего дѣлать!

Тихо скрипнула дверь, и вошелъ Никольскій. Онъ заглянулъ въ лицо больнаго, бросилъ быстрый взглядъ на Валентину и сказалъ:

Вашъ мужъ заснулъ...

— Ему лучше?

— Кажется! сказалъ Никольскій, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе прелестной малютки.

Она поднялась съ дивана.

— Вашъ экипажъ пріѣхалъ! проговорилъ Никольскій:—и если вы устали...

— Но вы обѣщаете дать мнѣ знать, если будетъ хуже...

— Непремѣнно...

— Такъ я поѣду... Мнѣ такъ тяжело! проговорила она, вытирая опухшіе отъ слезъ глаза и радуясь въ то же время возможности уѣхать.

Когда Никольскій провожалъ ее, она покорно спросила о Колѣ.

Digitized by Google

— Онъ здѣсь?

— Нѣтъ, онъ въ деревнѣ! храбро солгалъ Никольскій, усаживая ее въ карету.

Когда онъ вернулся въ комнату больнаго, тамъ была страшная тишина. Онъ взглянулъ на Трамбецкаго. Лицо его было спокойно, а глаза безжизненны. Неудачникъ былъ мертвъ. Никольскій поцѣловалъ холодный лобъ, закрылъ глаза, тихо вышелъ изъ комнаты и пошелъ спать.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

Въ отставкѣ.

I.

Хотя его превосходительство Сергѣй Александровичъ и бодрился, хотя онъ и увѣрялъ всѣхъ, что радъ наконецъ отдохнуть, тѣмъ не менѣе отставка сильно подѣйствовала на старика. Въ два мѣсяца онъ сильно постарѣлъ, осунулся и нерѣдко хандрилъ въ своемъ кабинетѣ, одинокій и всѣми забытый. Нерѣдко вспоминалъ онъ, какъ быстро проходили дни, когда онъ еще стоялъ на стражѣ государственныхъ интересовъ. Съ утра начиналась дѣятельность, пріемы, доклады, посѣщенія, затѣмъ поѣздки къ его свѣтлости, вечеромъ коммиссіи и совѣты, а теперь?.. Теперь дни кажутся безконечными, и старикъ придумывалъ, какъ бы наполнить время, и радъ былъ, если кто нибудь по старой памяти навѣщалъ его и бранилъ его преемника.

Его превосходительство разумѣется оппонировалъ,

Digitized by Google

но оппонировалъ слабо и улыбался, когда ему разсказывали о какомъ нибудь промахѣ или недосмотрѣ новаго стража государственныхъ интересовъ.

— Бѣдная Россія! повторялъ онъ:—Бѣдная Россія!

Онъ любопытно разспрашивалъ, доволенъ ли его свѣтлость преемникомъ, и когда до него доходили слухи о недовольствѣ его свѣтлости, его превосходительство оживалъ. Старику все казалось, что вотъ, вотъ за нимъ пришлютъ и призовутъ его къ дѣятельности.

Но прошло два мѣсяца, наступалъ третій, за нимъ не посылали и какъ будто совсѣмъ забыли о старикѣ. И его превосходительство точилъ недугъ честолюбія; онъ страдалъ втайнѣ,—страдалъ съ изяществомъ джентльмена, не показывая вида, что страдаетъ.

И все мрачнѣй казалось ему все окружающее. Печальнѣе рисовалось его превосходительству будущее, и онъ писалъ записки за записками, проектъ за проектомъ. Но къ сожалѣнію, на записки его уже не обращали вниманія. Однажды онъ даже услышалъ, что его свѣтлость, передавая одну изъ записокъ его преемнику, изволилъ замѣтить:

— Пожалуйста только не обижайте старика... Разсмотрите и отнеситесь помягче къ этимъ старческимъ упражненіямъ...

Съ тѣхъ поръ его превосходительство писалъ для своего удовольствія, затаивъ про себя глубокую обиду. Онъ по прежнему благоговѣлъ передъ его свѣтлостью и увѣрялъ, что его сбиваютъ съ толку окружающіе.

Digitized by Google

Если бы не это, то его свѣтлость давно бы прогналъ этихъ лукавыхъ слугъ.

Печально проходили однообразные дни. Его превосходительство по прежнему вставалъ въ 8 часовъ утра, одѣвался съ обычной тщательностью; но новый камердинеръ не могъ ему угодить такъ, какъ Василій Ивановичъ. Василій Ивановичъ тоже его оставилъ, и старикъ долго не могъ привыкнуть къ этой потерѣ. Дѣлать было однако нечего. По прежнему его превосходительство въ девятомъ часу оканчивалъ туалетъ, выходилъ въ свой кабинетъ и уныло присаживался къ столу. Напрасно иногда казалось ему, что сейчасъ пріотворится дверь, и дежурный чиновникъ войдетъ съ докладомъ. Никто не входилъ... Тихо и пусто было въ кабинетѣ, изъ залы не доносился сдержанный шепотъ просителей.

Къ полудню уже не являлся Евгеній Николаевичъ съ докладомъ и черновыми проектовъ. Евгеній Николаевичъ перешелъ на службу къ новому начальнику, хотя и испросилъ на это согласіе его превосходительства. Старикъ какъ-то кисло улыбнулся и посовѣтовалъ молодому человѣку принять предложеніе. При этомъ случаѣ Евгеній Николаевичъ конечно выразилъ, какъ много онъ обязанъ его превосходительству. На глазахъ солиднаго молодаго человѣка показались слезы, онъ видно былъ взволнованъ, и когда его превосходительство привлекъ его къ себѣ, то вышла даже чувствительная сцена. Но прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой,—

Digitized by Google

Евгеній Николаевичъ все рѣже и рѣже заглядывалъ въ кабинетъ его превосходительства, и Сергѣй Александровичъ узналъ, что его секретаръ не только ладитъ съ преемникомъ и пользуется его особеннымъ расположеніемъ, но уже успѣлъ получить повышеніе и съ обычнымъ умѣніемъ составляетъ для своего начальника записки совсѣмъ не въ томъ духѣ, въ которомъ составлялъ для его превосходительства. Хуже того: одна изъ записокъ его превосходительства, составленная самимъ же Евгеніемъ Николаевичемъ (дѣло шло о реалибитаціи дворянства), подверглась рѣзкой критикѣ со стороны преемника его превосходительства, и авторомъ ея, какъ узналъ Кривскій, былъ тотъ же Евгеній Николаевичъ.

Старикъ какъ-то грустно усмѣхнулся, узнавши объ этомъ, и когда черезъ нѣсколько дней увидалъ у жены Евгенія Николаевича, то ничего не сказалъ и по обыкновенію былъ любезенъ съ бывшимъ секретаремъ. Только вечеромъ онъ замѣтилъ Аннѣ Петровнѣ:

— Что, Никольскій у васъ въ комитетѣ по прежнему?

— Какъ же, а что?

— Такъ... Онъ сталъ рѣже у тебя бывать,—вѣрно дѣлъ въ комитетѣ меньше!

— Да, теперь у него помощникъ.

Анна Петровна почему-то смутилась при этомъ разговорѣ.

Его превосходительство замѣтилъ это, но не показалъ вида и ушелъ въ кабинетъ.

Digitized by Google

И ея превосходительство тоже какъ будто осунулась и постарѣла за это время.

Кривскій сталъ замѣчать, что у жены его нерѣдко красные глаза, точно она плакала, чего прежде не бывало. Не веселѣй было старику и при встрѣчахъ съ Борисомъ. До него доходили слухи о семейныхъ несогласіяхъ Бориса съ женой, и старикъ съ тоской повторялъ про себя, что онъ предвидѣлъ это. Онъ жалѣлъ невѣстку и чувствовалъ къ ней слабость. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ встрѣтился съ ней въ первый разъ на помолвкѣ сына, она все болѣе и болѣе ему нравилась, и когда она бывала у стариковъ, его превосходительство всегда послѣ обѣда уводилъ ее въ кабинетъ и игралъ съ ней двѣ партіи въ шахматы. Объ ея отношеніяхъ къ сыну старикъ никогда не говорилъ ни слова, и Дуня сама не начинала.

Однажды утромъ, когда старикъ по обыкновенію сидѣлъ за своимъ столомъ, отхлебывая чай, подали телеграмму. Его превосходительство прочиталъ ее и обрадовался. Телеграмма была отъ Шурки. Онъ извѣщалъ, что совсѣмъ поправился и черезъ день выѣзжаетъ въ Петербургъ. Его превосходительство понесъ телеграмму къ женѣ, но ея превосходительства не было дома. Горничная доложила, что барыня пошла гулять. Онъ ничего не сказалъ, но изумился, что ея превосходительство такъ рано встаетъ гулять. Этого прежде никогда не бывало.

— Барышни спятъ еще?

Digitized by Google

— Почиваютъ.

— Когда проснутся, подайте имъ эту телеграмму. Александръ Сергѣевичъ будетъ черезъ три дня! весело сказалъ старикъ, передавая телеграмму старой горничной.

Digitized by Google

ГЛАВА X.

I.

Анна Петровна приказала разбудить себя въ это утро гораздо ранѣе обыкновеннаго. Какъ нарочно, она плохо спала ночь. Тревожно ворочаясь на постели, она нѣсколько разъ плакала и только заснула, когда часы пробили четыре удара.

Ровно въ семь часовъ въ спальню вошла Параша, пожилая, благообразная, степенная горничная съ неглупымъ лицомъ и той особенной складкой, которая свидѣтельствовала, что Параша знаетъ себѣ цѣну и пользуется полнымъ довѣріемъ барыни. Не даромъ Параша жила у ея превосходительства пятнадцать лѣтъ, знала всѣ тайны Анны Петровны и, отличаясь испытанной скромностью, пользовалась полнымъ ея довѣріемъ.

Параша подошла къ постели и проговорила:

— Анна Петровна! Пора вставать! Семь часовъ!

Кривская тотчасъ же проснулась.

Digitized by Google

— Семь часовъ? переспросила она:—Ахъ, Параша, я совсѣмъ не спала эту ночь!

— Напрасно вы такъ безпокоитесь, барыня.

— Напрасно!? горько усмѣхнулась ея превосходительство:—Ты, Параша, знаешь?.. Съ его стороны это такая мерзость, такая подлость... Развѣ можно было ожидать чего нибудь подобнаго?

— Не стоитъ онъ вашей любви, право не стоитъ...

Параша благоразумно остановилась, не желая оскорбить барыню.

— Какъ онъ всегда увѣрялъ, какъ онъ былъ нѣженъ!.. Ты помнишь, когда мы ѣздили въ прошломъ году въ Крымъ?...

Параша все помнила, все видѣла и давно дивилась ослѣпленію Анны Петровны, которая вѣрила увѣреніямъ любовника и на склонѣ лѣтъ вдругъ стала дурить.

— Ты помнишь? повторила Анна Петровна.

— Какъ не помнить!..

— И все это былъ обманъ!.. Какая подлость!..

Она злобно усмѣхнулась и прибавила:

— Давай-ка одѣваться... Пора. Ванну приготовила?

— Все готово!

Поспѣшно поднялась Анна Петровна съ постели и отправилась тотчасъ же по обыкновенію брать холодную ванну. Черезъ четверть часа она торопливо прошла въ маленькую, изящно отдѣланную уборную, рядомъ съ спальней.

Digitized by Google

Вздрагивая подъ мягкимъ пушистымъ пеньюаромъ. Анна Петровна поворачивалась передъ яркимъ огнемъ пылающаго камина, а Параша въ то же время растирала ловкими руками иззябшее рыхлое, жирное тѣло когда-то стройной, блестящей красавицы.

— Какое платье одѣнете?

— Черное съ кружевами. Хорошо будетъ?

— Оно къ вамъ идетъ!

— Такъ приготовь его Параша!

Параша помогла барынѣ одѣться, накинула капотъ и удалилась.

Ея превосходительство заперла уборную на ключъ и присѣла къ туалету, собираясь приступить къ обычному утреннему таинству гриммировки. Въ это время никто никогда не смѣлъ войти въ уборную. Даже Параша не допускалась.

Сегодня надо было заняться своимъ лицомъ съ особенной тщательностью.

Анна Петровна пристально разглядывала себя въ зеркало, и грустная усмѣшка скользнула тѣнью по ея лицу. Гдѣ когда-то яркая блестящая красота? Гдѣ правильныя, изящныя черты? Гдѣ блескъ черныхъ глазъ и нѣжная свѣжесть кожи? Вмѣсто того зеркало отразило рыхлое лицо съ желтоватымъ отливомъ кожи, дрожащій мягкій подбородокъ, расплывшіяся черты, темные круги подъ глазами съ лучистыми морщинками у угловъ и замѣтныя борозды, проведенныя жизнью. Кривская, правда, еще сохранилась, въ глазахъ еще

Digitized by Google

зажигался огонекъ поздней страсти, станъ ея еще намекалъ на изящество формъ, въ чертахъ сквозилъ намекъ на бывшую красоту, но только намекъ, отдаленный намекъ...

Она отвела глаза отъ зеркала. Она не любила своего лица по утрамъ, тщательно скрывая отъ другихъ отцвѣтъ своей красоты. Невольно горькій вздохъ вырвался изъ груди отставной красавицы. Теперь когда было уже поздно, она пожалѣла минувшую пору красоты и молодости и въ первый разъ со злобой вспомнила, что прежде она такъ свято исполняла свой долгъ. О, какъ бы хотѣлось ей вернуть прошлое, чтобы пожить снова полной жизнью. А развѣ она жила? Развѣ, этотъ ровный, вѣжливый, но черезчуръ скромный въ ласкахъ супругъ далъ ей когда нибудь мгновеніе настоящаго счастья? Онъ исполнялъ долгъ мужа, а она—жены,—вотъ и все. Теперь она думала, что этого было мало.

Никогда и никого до послѣдняго времени она не любила. Никогда не давала она воли бушевавшему чувству. Она давила въ себѣ желанія во имя долга, щеголяя добродѣтелью, боясь свѣтской молвы, и гордилась неприступностью и вѣрностью мужу, истратившему въ молодости свои силы и отдавшему ей, молодой красавицѣ, одни жалкія ихъ остатки.

«Какъ все это было глупо!»

Когда наконецъ поздняя любовь охватила все ея существо огнемъ пожирающей страсти, она спѣшила

Digitized by Google

вознаградить себя съ силой послѣдней вспышки и ненасытностью долго неудовлетвореннаго чувства. Послѣднія пять лѣтъ она испытала счастіе любовницы и вдругъ теперь увидѣла себя покинутой. Это было такъ неожиданно. Умная, ловкая и практичная женщина была застигнута врасплохъ и не могла примириться съ мыслью, что пѣсенка ея спѣта, что страсть ея дѣлается смѣшной и развратной...

Но зачѣмъ такъ безжалостно, такъ грубо оскорбили ея чувство?

Она, гордая женщина, супруга сановника, репутація которой стояла внѣ подозрѣній, она, устоявшая въ дни молодости отъ искушеній, отдала весь запасъ накопившейся страсти человѣку, который былъ ничтожествомъ; она пожалѣвшая скромное робкое чувство молодаго человѣка, не смѣвшаго и подумать о взаимности,—она отдалась ему вся и полюбила его. Чего только она не дѣлала ради сохраненія этой любви? Она была другомъ, сообщникомъ, матерью и любовницей. Она, изящная, горделивая, неприступная, старалась перещеголять кокотокъ, оставаясь наединѣ съ своимъ возлюбленнымъ. Она прибѣгала ко всѣмъ ухищреніямъ развратившагося воображенія, стремясь вознаградить любовника за недостатокъ молодости избыткомъ поздней страсти. Она выдумывала, какъ подогрѣть любовь и вызвать желанія. Не было предѣла разврату, предъ которымъ бы остановилась Анна Петровна, эта добродѣтельная мать, вѣрная жена и образ-

Digitized by Google

повая хозяйка въ глазахъ свѣта. Одна Параша знала настоящую цѣну этихъ добродѣтелей.

И за все, за все это она же оскорблена!..

Невольно мелькнули предъ ней недавніе счастливые дни. Давно ли еще онъ увѣрялъ въ своей любви. Она ли не вѣрила—ей такъ хотѣлось вѣрить!—и вдругъ онъ же, ничтожество, поднятое на ноги благодаря ей, бросаетъ ее, какъ старый изношенный башмакъ, бросаетъ грубо, съ цинизмомъ зазнавшагося выскочки и неблагодарностью безсердечной натуры. Онъ даже не постарался деликатно разстаться съ женщиной, слово которой два мѣсяца тому назадъ было у него закономъ. Онъ даже не хотѣлъ прикрыть своей подлой натуры, и когда мужъ потерялъ вліяніе, когда оставаться любовникомъ не было разсчета, онъ сперва пересталъ бывать, потомъ оскорблялъ невниманіемъ и наконецъ написалъ письмо, надъ которымъ вчера ея превосходительство пролила столько слезъ поруганнаго чувства и оскорбленнаго самолюбія.

Этого она не ожидала.

Ея превосходительство старалась отогнать прочь печальныя мысли, и въ сердце ея, нѣтъ-нѣтъ, да и закрадывались проблески надежды, что еще можетъ быть не все потеряно.

Пора было однако приступать къ таинству.

Анна Петровна отперла одинъ изъ ящиковъ туалета. Въ этомъ ящикѣ хранилась лабораторія, при помощи которой ея превосходительство возвращала своему

Digitized by Google

лицу молодость, свѣжесть кожи, блескъ глазъ, нѣжный румянецъ, алый цвѣтъ губъ и даже издали нѣкоторую пикантность.

Въ ящикѣ было множество разнообразной формы и величины флаконовъ, бутылочекъ, банокъ, коробокъ, кистей и кисточекъ, мазковъ, губокъ, тряпочекъ и лайковыхъ, пропитанныхъ какимъ-то составомъ подушечекъ. Какъ опытный мастеръ, приступила она къ дѣлу. Ей такъ хотѣлось сегодня казаться молодой и красивой.

Сперва она вытерла лицо какой-то пахучей густой жидкостью, покрывшей кожу точно лакомъ; пока жидкость обсыхала, ея превосходительство сдѣлала нѣсколько штриховъ острой кисточкой въ рѣсницахъ, потомъ подчернила брови и смазала какимъ-то составомъ подъ глазами. Затѣмъ нѣсколько ударовъ мягкаго пуха съ пудрой, отдыхъ на нѣсколько минутъ, послѣ чего ея превосходительство принялась за румяна.

Вся эта процедура длилась по крайней мѣрѣ съ часъ, и когда ея превосходительство, окончивъ гримировку, взглянула въ зеркало, то зеркало показало ей такое свѣжее и красивое лицо, что ея превосходительство даже улыбнулась, открывъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ, частью вставныхъ, частью настоящихъ. Не даромъ гордилась Анна Петровна своими изящными руками. Она и имъ посвятила добрую четверть часа, дѣйствуя очень быстро разными пилочками, особенными ножницами и тоненькой роговой лопаточкой

Digitized by Google

съ остріемъ на концѣ. Приведя въ порядокъ руки, она навела какимъ-то составомъ розовый блескъ на миндалевидныхъ ногтяхъ, надѣла кольца и, задвинувъ ящикъ съ косметическимъ арсеналомъ, отперла дверь уборной и придавила пуговку электрическаго звонка.

Параша тотчасъ же явилась и особенно тщательно причесала и одѣла барыню.

Къ девяти часамъ Анна Петровна была готова, и Параша, оглядывая ее съ ногъ до головы, нашла, что ея превосходительство сегодня очень авантажна и хороша.

Ея превосходительство наскоро выпила чашку кофе, надѣла шляпку и, сопровожаемая Парашей, вышла изъ спальни.

— Если Сергѣй Александровичъ спроситъ, скажи что я пошла гулять.

— Въ Лѣтній садъ? подсказала Параша.

— Въ Лѣтній садъ! Сергѣй Александровичъ всталъ.

— Встали.

— Занимается.

— Пишутъ у себя въ кабинетѣ.

— Черезъ два часа я буду дома.

— Счастливаго успѣха, милая барыня! тихо промолвила Параша, кланяясь барынѣ.

Швейцаръ, еще неодѣтый и нѣсколько изумленный раннимъ выходомъ генеральши, бросился отпирать двери подъѣзда и, пропуская впередъ Анну Петровну, пожелалъ ей добраго утра.

Digitized by Google

Выйдя изъ подъѣзда, Анна Петровна пошла по Сергіевской улицѣ тихой, спокойной походкой, словно она совершала обычную прогулку. Но когда Кривская завернула за уголъ на Литейную, она быстро опустила на лицо густой вуаль, подъ которымъ невозможно было ее узнать, торопливо дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, наняла его въ Галерную улицу.

— Только пожалуста поѣзжай скорѣй. Я тороплюсь! прибавила она, усаживаясь съ брезгливымъ чувствомъ на извозчичьи дрожки.

II.

Въ щегольскомъ утреннемъ костюмѣ отъ Брюно, свѣжій, румяный, выхоленный, причесанный волосокъ къ волоску, Евгеній Николаевичъ поджидалъ бывшую свою любовницу, нѣсколько озабоченный предстоявшимъ объясненіемъ.

Вчера поздно вечеромъ Параша передала ему настоящую просьбу барыни принять ее. Она будетъ между девятью и десятью часами и надѣется, что въ это время у Евгенія Николаевича не будетъ ни души. «Онъ приметъ?» — «Разумѣется. Онъ будетъ ждать.»

Отклонить посѣщеніе было невозможно. Онъ къ сожалѣнію слишкомъ хорошо зналъ Анну Петровну.

Удивительно навязчивы эти влюбленныя старухи! Съ чего она лѣзетъ еще съ объясненіемъ? Развѣ ей мало было намековъ, недосказанныхъ словъ, невни-

Digitized by Google

манія къ ея просьбамъ о свиданіяхъ? Наконецъ онъ написалъ деликатное письмо, въ которомъ кажется онъ объяснилъ все... Чего же еще она требуетъ?

Смѣшныя эти женщины! Когда даже умная баба подъ старость влюбляется, то она рѣшительно дурѣетъ. Неужто она въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, будто можно безъ конца слушать ея сентиментальныя нѣжности и упиваться ея подозрительными прелестями?

И безъ того онъ очень долго былъ черезчуръ счастливымъ любовникомъ, цѣлыхъ пять лѣтъ. Пять лѣтъ лицемѣрія, пять лѣтъ обязательной службы въ качествѣ любовника пылкой женщины за сорокъ лѣтъ—это даже слишкомъ и для такого рѣшительнаго человѣка какъ Евгеній Николаевичъ.

Это конечно не совсѣмъ хорошо, но у него по крайней мѣрѣ есть оправданіе, у него была цѣль. Ему нужно было пробивать дорогу въ жизни, устроить карьеру, добиться независимаго положенія. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, случайно обративъ на себя вниманіе его превосходительства Сергѣя Александровича, мелкимъ, ничтожнымъ чиновникомъ безъ связей, безъ знакомствъ, слишкомъ хорошо знавшій людей. У него не было ничего кромѣ ума, труда и терпѣнія, но съ однимъ этимъ багажемъ,—онъ испыталъ на себѣ,—далеко не уѣдешь.

Онъ слишкомъ рано выучился презирать тѣхъ самыхъ людей, которымъ завидовалъ и передъ которыми пресмыкался, въ тоже время презирая ихъ. Онъ

Digitized by Google

слишкомъ упорно шелъ къ цѣли, хотѣлъ быть человѣкомъ, жить, какъ другіе живутъ, чтобы не быть слишкомъ разборчивымъ въ средствахъ. На пути попалась женщина,—нечего было разбирать слишкомъ внимательно, сколько ей лѣтъ. Довольно и того, что она, не разъ съ снисходительнымъ величіемъ поучавшая его добродѣтели, помогла ему скоро стать на ноги и сдѣлалась его любовницей. Это льстило его самолюбію пожалуй, но пора было покончить...

Съ торжествующей скверной улыбкой, скользившей по тонкимъ губамъ, вспомнилъ Евгеній Николаевичъ, какъ обращались съ нимъ сперва у Кривскихъ. Едва скрываемое презрѣніе подъ покровомъ холодной вѣжливости. На него всѣ смотрѣли первое время какъ на несчастнаго проходимца, которому странно было подать руку. Анна Петровна едва кивала головой на его поклоны при встрѣчахъ съ нимъ, робко проходившимъ съ бумагами въ кабинетъ его превосходительства. Борисъ Сергѣевичъ такъ презрительно щурилъ глаза, проходя мимо, что Никольскій бывало вздрагивалъ... .

Но молодой человѣкъ рѣшилъ, что все будетъ иначе, и скоро съумѣлъ поставить себя въ домѣ Кривскихъ на другую ногу. Онъ сдѣлался необходимымъ для его превосходительства, разгадавъ старика и его idée fixe о реабилитаціи дворянства. Онъ писалъ ему проекты и сочинялъ статьи. Онъ, этотъ молодой человѣкъ, подавалъ ему счастливыя мысли, которыя его

Digitized by Google

превосходительству казались собственными мыслями. Подъ конецъ старикъ даже привязался къ способному молодому человѣку, украсившему благородную голову потомка стариннаго рода Кривскихъ самыми настоящими рогами. Украшеніе пришло не сразу. Солидный молодой человѣкъ дѣйствовалъ слишкомъ осторожно съ неприступной супругой его превосходительства. Онъ сперва ѣздилъ по ея порученіямъ, потомъ сопутствовалъ при поѣздкахъ въ деревню и велъ игру съ разсчетомъ опытнаго негодяя, робко взглядывая на перезрѣлую красавицу и представляясь втайнѣ влюбленнымъ. Отвѣтомъ было сперва снисходительно презрительное вниманіе, потомъ ласковость, а дальше онъ и для Анны Петровны сталъ незамѣнимымъ человѣкомъ; еще шагъ,—и эта самая женщина стала его любовницею, а Евгеній Николаевичъ все болѣе и болѣе расправлялъ свои крылья...

Теперь они окрѣпли. Теперь онъ и безъ Кривскихъ найдетъ впередъ, теперь и онъ можетъ говорить о нравственности, долгѣ и честности съ такимъ же апломбомъ, какъ говорятъ они.

Такъ чего же хочетъ наконецъ отъ него эта старая баба? Развѣ она первая и послѣдняя въ такомъ положеніи?

Мало, что ли, этихъ развращенныхъ перезрѣлыхъ бабъ, обманывающихъ мужей, мѣняющихъ любовниковъ, устроивающихъ parties carées, завидующихъ коткамъ, въ томъ самомъ дамскомъ обществѣ

Digitized by Google

рое лицемѣрно опускаетъ глаза при чуть-чуть скабрезной сценѣ и мечетъ громы и молніи противъ безнравственности и испорченности женщинъ не ихъ общества и посѣщаетъ модныя церкви для свиданія съ любовниками.

Онѣ считаютъ себя въ правѣ дѣлать всякую мерзость, если только мерзость эта скрыта подъ изящной формой,—такъ чѣмъ же онъ-то хуже этого лицемѣрнаго, развратнаго общества? Напротивъ, онъ лучше. Онъ дѣлаетъ гадости сознательно, во имя положенія. Онъ проходимецъ, безъ этого всю жизнь остался бы проходимцемъ, а они,—они, обезпеченные, чиновные, богатые люди, они, столпы и матроны отечества,—они просто развращены до мозга костей. Такъ ему ли еще считать себя виноватымъ въ томъ, что онъ хотѣлъ пользоваться жизнью, что, встрѣтивъ на дорогѣ сорокалѣтнюю добродѣтель, онъ понялъ, что эта женщина добродѣтельна только изъ страха потерять репутацію, изъ боязни молвы, а что въ сущности она не прочь втайнѣ пошалить, какъ и другія...

Она еще смѣетъ упрекать его?..

Такія мысли бродили въ головѣ Никольскаго, когда онъ, въ ожиданіи свиданія, шагалъ по своему кабинету, припоминая послѣднюю сцену съ Анной Петровной. Онъ терпѣть не могъ сценъ, а между тѣмъ она считала себя оскорбленной голубкой, а онъ являлся зміемъ искусителемъ.

Digitized by Google

Положительно влюбленныя старыя бабы дурѣютъ!

Мягкое звяканье звонка прервало теченіе мыслей Евгенія Николаевича.

— Она! проговорилъ Никольскій и пошелъ самъ отворять двери.

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

Свиданіе.

Кривская вошла въ прихожую.

Евгеній Николаевичъ низко поклонился. Ея превосходительство еле кивнула головой, однако руки не подала.

Она приподняла вуаль и спросила:

— Надѣюсь, мы здѣсь одни?

— Совершенно одни. Я приказалъ никого не принимать.

Кривская молча прошла въ кабинетъ, сбросила на руки Евгенія Николаевича тальму и опустилась на диванъ.

Наступила минута тяжелаго молчанія.

Никольскій изподлобья взглянулъ на бывшую свою любовницу. Она сидѣла, опустивъ голову, и казалось была подавлена.

«Фокусы!» подумалъ Евгеній Николаевичъ, опуская глаза.

Digitized by Google

И Кривская въ свою очередь бросила быстрый взглядъ на своего любовника. Первый моментъ встрѣчи не обѣщалъ ничего утѣшительнаго.

«Однакожъ отчего она не начинаетъ?»

Только-что мелькнула эта мысль, какъ Анна Петровна подняла голову и тихимъ голосомъ проговорила:

— Во-первыхъ, я должна поблагодарить васъ, Евгеній Николаевичъ, за то, что удостоили принять меня...

— Помилуйте, Анна Петровна... Развѣ я...

Кривская нетерпѣливо перебила его:

— Когда я нѣсколько разъ просила васъ пріѣхать, вы не пріѣзжали. Вѣроятно занятія мѣшали вамъ исполнить мою просьбу. Не правда ли?

Въ голосѣ Кривской звучала иронія.

— Я очень былъ занятъ. Право, очень былъ занятъ!..

— А прежде, не смотря на занятія, одно мое слово,—и вы... Оставимъ впрочемъ ваши занятія въ сторонѣ... Вы кажется не догадываетесь, почему я пріѣхала?

— Я очень радъ... началъ было Никольскій.

Анна Петровна тихо усмѣхнулась.

— Это и видно! Я пріѣхала спросить, что значитъ письмо, которое я имѣла честь получить отъ васъ вчера? Что оно значитъ?..

Digitized by Google

Никольскій хотѣлъ было отвѣчать, но Анна Петровна серьезно замѣтила:

— Я прошу васъ отвѣтить на мой вопросъ, какъ... какъ честный человѣкъ...

— Анна Петровна! тихо и ласково промолвилъ Евгеній Николаевичъ:—вы кажется сердитесь?

— Я... на васъ?

Она какъ-то презрительно прищурила глаза, вглядывая на молодаго человѣка.

— Вы ошибаетесь. Я не сержусь.

— Мнѣ кажется, вы придали не то значеніе моему письму...

— Какое же прикажете придать ему значеніе?.. Говорите, не стѣсняйтесь. Я все выслушаю. Если я могла прочесть, то отчего жь мнѣ не выслушать! усмѣхнулась она:—Говорите!

Что ей сказать? Кажется въ письмѣ было ясно сказано, что между ними все кончено. Какого еще рожна надо этой бабѣ?

Она снова взглянула на Никольскаго.

Евгеній Николаевичъ сидѣлъ противъ нея въ креслѣ и казался смущеннымъ. Опять надежда мелькнула свѣтлымъ облачкомъ. Она чего-то ждала...

Незамѣтно сдернула она съ руки перчатку и поправила сбившіеся волосы.

Никольскій медлилъ отвѣтомъ, и ей почему-то казалось, что онъ быть можетъ сознаетъ свою вину, бросится къ ея ногамъ, умоляя о прощеніи. Она про-

Digitized by Google

стить. Ей такъ хочется простить его. Она не станетъ требовать отъ него многаго, не будетъ стѣснять своей любовью, но пусть только онъ вернется къ ней, пусть только изрѣдка позволитъ навѣщать его...

Умная женщина, она все еще не видѣла, что между ней и Никольскимъ все кончено. Влюбленная перезрѣлая красавица не могла понять, что ей можно только покупать любовь, а не внушать ее.

Она вздрогнула, когда Никольскій сталъ говорить. Вздрогнула и вся какъ-то вытянулась.

— Вашъ вопросъ ставитъ меня въ затрудненіе. Что я могу сказать вамъ?

— Вы не находите, что сказать?.. В... вы? прошептала Кривская:—Значитъ вы признаете себя виноватымъ?

— Не совсѣмъ такъ. Мнѣ не хотѣлось только входить въ щекотливыя объясненія, и вотъ почему я счелъ лучшимъ написать вамъ письмо, въ которомъ старался разъяснить наши отношенія... И безъ того о нихъ говорятъ...

— И вы изъ-за сохраненія моей репутаціи рѣшились оскорбить порядочную женщину? О, какъ это похвально!

— Клянусь Богомъ, я и не думалъ оскорбить васъ. Я очень помню наши отношенія, я слишкомъ уважаю васъ, и цѣню ваше вниманіе, но согласитесь, Анна Петровна,—вы слишкомъ умны, чтобы не понять этого,—есть наконецъ положенія, которыя дѣлаются не-

Digitized by Google

возможными. Наша связь могла бы компрометировать и васъ, и меня!

Солидный молодой человѣкъ говорилъ тихо, спокойно, основательно. Онъ теперь въ такомъ положеніи, что ему надо дорожить общественнымъ мнѣніемъ. Наконецъ не вѣкъ же ему быть холостымъ.

Анна Петровна слушала и не вѣрила своимъ ушамъ. Тотъ ли этотъ самый скромный, смиренный секретарь его превосходительства, который бывало считалъ за счастье, когда Анна Петровна броситъ ему ласковое слово, и вдругъ теперь онъ говоритъ съ ней такимъ тономъ... Онъ еще учитъ ее. Онъ осмѣливается такъ холодно, такъ основательно излагать, что онъ боится общественнаго мнѣнія. Онъ? Проходимецъ? Выскочка? Сынъ какого-то деревенскаго священника?

Ея превосходительство была возбуждена до глубины сердца. Оскорбленная женщина потеряла хладнокровіе и свѣтскую выдержку.

— И вы, проговорила она:—вы, господинъ Никольскій, осмѣливаетесь такъ говорить!? Это... это черезчуръ храбро со стороны человѣка, для котораго порядочная женщина столько сдѣлала, для котораго пожертвовала честью и долгомъ. Вѣдь изъ одного только чувства благодарности,—если въ васъ не осталось другаго чувства,—вы должны были бы разорвать наши отношенія порядочно, прилично, не оскорбляя меня... А вы меня же обвиняете въ вашемъ письмѣ... Меня, которая, къ стыду своему, васъ такъ любила... И теперь

Digitized by Google

вы же говорите о репутаціи... Послушайте... Это слишкомъ прозрачно...

— Упреки? процѣдилъ Евгеній Николаевичъ:—Къ чему упрекать другъ друга, Анна Петровна? Не лучше ли намъ остаться друзьями, сохраняя взаимное уваженіе?

Онъ хотѣлъ взять руку Кривской, но она брезгливо отдернула ее.

Его слова, произнесенныя тѣмъ же холоднымъ, спокойнымъ тономъ, были послѣдней каплей.

— Да развѣ я не имѣю права упрекать васъ? злобно воскликнула Кривская:—Развѣ не имѣю права?..

Она остановилась, ожидая отвѣта.

Никольскій молчалъ, покорно приготовившись къ длинному монологу.

«Только бы безъ истерики!» пронеслось въ его головѣ.

— Какъ посмотрю, вы все забыли, господинъ Никольскій,—и я вамъ напомню. Не вы ли явились къ намъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ, робкимъ, несчастнымъ, безъ положенія, безъ средствъ? Не вы ли съ упорствомъ, дѣлающимъ вамъ честь, вздыхали, когда я, пожалѣвши васъ, пустила васъ въ свою гостиную... Не вы ли тогда такъ нѣжно молили о привязанности, не вы ли говорили страстные монологи любви мнѣ, старухѣ, какъ вы назвали меня въ вашемъ письмѣ?.. И когда я прогнала васъ... вы помните? вы написали мнѣ отчаянное письмо...

Она перевела духъ и продолжала:

Digitized by Google

— Я пожалѣла васъ и... и пригрѣла змѣю на сердцѣ. Я считала васъ въ самомъ дѣлѣ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, но Боже мой! могла ли я думать, что этотъ молодой человѣкъ, поднятый изъ пыли и облагодѣтельствованный нами, играетъ фальшивую игру! Послушайте. Вѣдь надо быть большимъ негодяемъ, чтобы пять лѣтъ играть комедію и кончить какъ разъ въ то время, когда мужъ вышелъ въ отставку... Я отдаю вамъ честь, вы играли вашу роль отлично, вы обманули и мужа, и меня; такъ развѣ послѣ этого я не имѣю хотя права сказать вамъ, кто вы такой?

Евгеній Николаевичъ начиналъ злиться. Тонкія губы его перекосились совсѣмъ, а верхняя губа нервно вздрагивала. Онъ молча, пощипывая бакенбарды, выслушалъ обвиненіе Кривской и, когда она кончила, поднялъ на нее глаза и, усмѣхнувшись, тихо спросилъ:

— Это была сцена изъ мелодрамы? Вы въ роли благодѣтельной феи, я въ роли злодѣя? Я этого не ожидалъ отъ васъ, Анна Петровна. Для такой умной женщины, какъ вы, это слишкомъ банально...

Онъ смѣетъ такъ говорить!?

Этотъ презрительный тонъ въ устахъ человѣка, который еще вчера пресмыкался. Нѣтъ, это слишкомъ!..

Кривская задыхалась отъ злости и оскорбленнаго чувства.

— Послушайте! Я всегда знала, что выскочки, какъ и лакеи, отличаются наглостью, но, признаюсь,

Digitized by Google

такая подлость возмутительна даже и въ поповскомъ сынѣ!.. проговорила Кривская глухимъ голосомъ, поднимаясь съ дивана.

«Такъ вотъ она какъ. Вотъ какимъ языкомъ заговорила эта изящная женщина. Она осмѣливается бросать мнѣ въ глаза обвиненіе въ подлости. Я, сынъ попа, не могу не быть подлецомъ, а они, всѣ дѣти родовитыхъ потомковъ, честные люди?

«И она невинный агнецъ?»

Никольскій въ эту минуту припомнилъ всѣ оскорбленія, которыя ему пришлось вынести въ своей жизни. Онъ никогда не забывалъ ихъ, но никогда не говорилъ о нихъ, а теперь... теперь онъ не можетъ оставить безъ отвѣта жестокихъ словъ оскорбленной женщины. Онъ самъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ на брошенный вызовъ... Она этого хочетъ, такъ пусть же выслушаетъ!..

Евгеній Николаевичъ былъ совсѣмъ блѣденъ, когда началъ тихимъ, совсѣмъ тихимъ голосомъ:

— Если позволите, въ свою очередь, и я скажу нѣсколько словъ. Вы слишкомъ много говорили,—выслушайте же и вы меня.

Кривская сѣла.

— Я долженъ признаться вамъ откровенно,—ужь если дѣло пошло на откровенность,—улыбнулся Никольскій:—что вы во многомъ правы, обвиняя меня. Да, не смотрите такъ изумленно, вы правы. Я пять

Digitized by Google

лѣтъ игралъ комедію... Вы были нужны мнѣ, какъ средство.

— Господи... И онъ такъ объ этомъ говоритъ!

— Вѣдь въ обществѣ, гдѣ вы и вамъ подобные играютъ первенствующую роль, развѣ безъ подлости, безъ мерзостей можно чего нибудь добиться человѣку, не имѣющему такихъ связей, какъ вы,—человѣку, умѣющему называть вещи по имени и обладающему чуть-чуть независимымъ характеромъ? Вы, вы всѣ не допустите такого человѣка, хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Вы его затрете, а не-то, не-то поступите еще хуже Ваше общество сильно пока. Оно, когда нужно, съумѣтъ во имя личныхъ интересовъ погубить не только человѣка, но и погубить самое дѣло. Вы вѣдь знаете, о чемъ я говорю? Вашъ сынъ, напримѣръ, развѣ онъ когда нибудь работалъ, а вы ему разумѣется устроите карьеру, какъ устроили счастливую женитьбу. Это по вашему называется конечно умѣньемъ жить, не правда ли? Женить человѣка на милліонѣ приданнаго, разбить жизнь дѣвушки—это не подлость: какъ можно употреблять такія выраженія, они рѣжутъ ухо. Пользоваться всѣми средствами, чтобы дать мѣсто роднымъ и близкимъ, хотя бы они были идіотами,—это опять-таки не мерзость, а... а доброе дѣло? Говорить о чести, говорить о безкорыстіи и въ то же время... но продолжать ли? Мы съ вами знаемъ, съ кѣмъ дѣлятся всѣ эти Саввы, всѣ эти Хрисанфы Ивановичи! Мы съ вами хорошо знаемъ, что ваше общество, въ

Digitized by Google

которомъ и я теперь нахожусь, не остановится ни передъ чѣмъ, если можно прилично украсть безъ надежды попасть на скамью подсудимыхъ. Оно, ваше общество, развращено до мозга костей и въ то же время лицемѣрно говоритъ о долгѣ и нравственности. Такъ что же вы-то корите меня въ подлости? Ну, да, я былъ вашимъ любовникомъ, признавался вамъ въ любви, никогда не пылая къ вамъ страстью, а вы на склонѣ лѣтъ повѣрили и... и разыгрывали сперва идиллію въ пастушескомъ родѣ, а потомъ...

Кривская слушала съ изумленіемъ это циничное признаніе и при послѣднихъ словахъ закрыла лицо руками, желая скрыть слезы.

А онъ продолжалъ:

— Положимъ, я поступилъ подло, я спорить противъ этого не буду, но вы-то? Къ чему вы рискнули своей добродѣтелью? Не потому ли, что знали, что наша связь будетъ въ тайнѣ? И вы забыли, какъ посмотрю, что я былъ не только вашимъ любовникомъ, но и хорошимъ помощникомъ въ дѣлахъ? Вы вѣдь поправляли состояніе, скрываясь за спиной его превосходительства. Такъ чѣмъ же вы,—вы, цвѣтъ общества,—чѣмъ же вы лучше насъ, выскочекъ? И если мы являемся въ вашу среду, то ваши дѣти поднимаются на нашихъ же спинахъ. Мы хоть умѣемъ подличать и работать, и если подличаемъ, то потому, что иныхъ средствъ нѣтъ. Вы понимаете, что нѣтъ. Выборъ одинъ: или пропадай, или смѣло пускайся въ

Digitized by Google

волны житейскаго моря, и если ты не глупъ, то успѣхъ обезпеченъ. Ваша среда слишкомъ развращена, слишкомъ безцвѣтна, чтобы смѣлому человѣку не добиться себѣ положенія при вашей же помощи. Такъ что же вы возмущаетесь? Къ чему вы еще говорите о нравственности? Лучше оставить ее въ покоѣ и наслаждаться жизнью, какова она есть. Такова мораль этой филиппики!

Никольскій умолкъ.

Ея превосходительство порывисто поднялась съ дивана. Никольскій хотѣлъ было подать ей тальму, но она съ презрѣніемъ смѣрила его съ ногъ до головы и сказала:

— Не надо!

Евгеній Николаевичъ усмѣхнулся, отошелъ въ сторону и подумалъ:

«Удивительно онѣ любятъ сценическія представленія, и на это у нихъ большая сноровка.»

Анна Петровна накинула тальму и гордой поступью, поднявъ голову, пошла къ дверямъ.

Но вдругъ она остановилась и, не оборачивая головы, проговорила:

— Прошу возвратить мои письма!

Никольскій пожалъ плечами.

— Извините, они пока мнѣ нужны!

— Это еще что такое?

— Это, Анна Петровна, единственная моя гарантія.

— Противъ кого?

Digitized by Google

подошелъ къ столу, открылъ ящикъ и, вынимая оттуда какое-то письмо, тихо проговорилъ, подавая его женѣ:

— Кстати возьми это. Я нашелъ случайно у тебя въ кабинетѣ.

Онъ не смотрѣлъ на жену и, казалось, съ трудомъ произносилъ слава. Анна Петровна развернула письмо и замерла.

— Ты очень неосторожно оставляешь письма. Я нашелъ его на полу и спряталъ. Дѣти могли его прочитать. Надо быть аккуратнѣй.

Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, но голосъ старика замѣтно дрожалъ. Его превосходительство держался за кресло, чтобы не упасть.

— А теперь оставьте меня, прошу васъ! прошепталъ онъ.

Шатаясь, вышла Анна Петровна изъ кабинета, сжимая въ рукахъ письмо, написанное ею нѣсколько дней тому назадъ къ Никольскому, но не отправленное и забытое на столѣ.

Едва заперлись двери, какъ старикъ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками. Ударъ былъ для него черезчуръ сильный.

Digitized by Google

ѳвича на обычномъ мѣстѣ за письменнымъ сто-
Она оглядѣла кабинетъ и увидала Сергѣя Алек-
ча сидящимъ въ креслѣ въ дальнемъ углу.
тровна подошла къ нему и была поражена
въ его лицѣ. Оно совсѣмъ осунулось, по-
имѣло страдальческій видъ. Кривскій си-
ытыми глазами, но казалось не спалъ,
ъ вѣки его вздрагивали.
мой другъ. Ты нездоровъ? прого-
подходя къ мужу.
терылъ глаза Кривскій и снова за-

за докторомъ?
оровъ. Ты знаешь, Шурка на-
ла? А ты гуляла?
ду!

вны услышало едва замѣт-
евосходительства.

въ самомъ дѣлѣ ка-
ное лицо сегодня.
оонуться до головы

меня голова не

жену,

на

ъ изъ
упуская
ялъ его.
ѣ.
неожиданно
былъ растер-
ю глазами, по-
ся снова и онъ.
матерыхъ, жад-
лись ей со страстью

въ какомъ-то угарѣ.
дце билось тревожнѣй,

Digitized by Google

Надо было держать ухо востро. Чуть дашь маху,— и облюбованный звѣрь, того и гляди, будетъ растерзанъ Хрисашкой.

Это была любопытная охота.

И Савва и Хрисашка пустили въ ходъ умѣнье, алчность и энергію. И у того, и у другаго были шансы. И у того, и другаго было по нѣсколько вліятельныхъ лицъ и вліятельныхъ дамъ и дамочекъ, которыя держали сторону каждаго изъ охотниковъ, какъ держатъ пари за двухъ рысистыхъ кровныхъ скакуновъ.

Кто добѣжитъ первый и получитъ призъ въ видѣ концессіи на дорогу въ пятьсотъ слишкомъ верстъ?

По цѣлымъ днямъ пропадалъ Савва изъ дому, не зная гдѣ доведется обѣдать, гдѣ провести вечеръ, гдѣ застигнетъ ночь.

Съ ранняго утра онъ выѣзжалъ изъ дому, доставалъ подъ громадные проценты деньги, чтобы сѣять, въ виду обильной жатвы. Деньги шли точно сквозь сито, но Савва не жалѣлъ денегъ и швырялъ ими направо и налѣво съ небрежностью азартнаго игрока и тонкимъ разсчетомъ опытнаго дѣльца.

Онъ ставилъ все на карту. Или полное разореніе, или Савва—милліонеръ.

Ежедневно замыленный рысакъ останавливался у подъѣзда департамента. Савва поднимался наверхъ къ Егору Ѳомичу, и между ними начиналось шептанье:

— Какъ дѣла?

— Дѣла отличныя. Не безпокойтесь. Савва Лукичъ!

Digitized by Google

— Какъ не безпокоиться, милый человѣкъ. Сказывалъ мнѣ сейчасъ одинъ человѣкъ, что за подлеца Хрисашку хлопочетъ его свѣтлость.

— Такъ-то такъ, но только...

— Денегъ, что ли надо?.. такъ ты, любезный человѣкъ, скажи. Берите деньги; но только смотри, братецъ...

И Савва снова незамѣтно передавалъ пакеты.

— Не безпокойтесь, говорю вамъ, Савва Лукичъ, скромно обыкновенно говорилъ Егоръ Ѳомичъ:—ваше дѣло вѣрное. Мы третій разъ Хрисашку путаемъ. Три запроса было изъ министерства, и три раза мы пускали загвоздки... Будьте спокойны.

— Охъ, вы ребятехи.... Смотри, не продайте вы Савву!

Егоръ Ѳомичъ обыкновенно хмурился.

— Ну, ну... Ѳомичъ!.. Вѣдь я шучу!.. Нешто съ тобой и пошутить нельзя?.. Ты мнѣ другъ... вѣрный другъ, и когда мы дѣло кончимъ... Помни слово: Савва слово держитъ.

Пошептавшись съ Егоромъ Ѳомичемъ, Савва не забывалъ и прочую мелюзгу; онъ начиналъ шептаться съ столоночальниками, помощниками и писарьками; всѣмъ перепадало. Всѣ весело встрѣчали и провожали Савву. Между Саввой и департаментскимъ людомъ установились какія-то особенныя дружески-фамильярныя отношенія. Каждый казалось принималъ къ сердцу дѣло Леонтьева, радовался пріятнымъ извѣстіямъ и печа-

Digitized by Google

лился о дурныхъ. Савва приходилъ въ департаментъ, точно къ себѣ домой. Для него бросались другія дѣла, точно всѣ состояли на службѣ у одного Саввы. Для департаментскихъ страдальцевъ наступилъ какой-то непрерывный праздникъ. Только лѣнивый не протягивалъ руку. Всякій находилъ случай чѣмъ нибудь да помочь: одинъ передавалъ ранѣе бумагу изъ одного стола въ столъ сосѣда, другой приносилъ справку, третій снималъ планъ, четвертый, просто бралъ потому, что странно было не взять съ человѣка, который получаетъ концессію,—словомъ всѣ считали своей обязанностью при встрѣчѣ съ Саввой намекнуть о своемъ горячемъ участіи.

— Жрите! весело говорилъ на это Савва и щедрою рукой раздавалъ милости.

Но эти подачки были каплей въ морѣ сравнительно съ настоящими расходами, и Савва только крякалъ, занимая гдѣ можно подъ громадные проценты деньги, для того чтобъ смазка была настоящая.

Потолкавшись въ корридорахъ, повидавшись съ начальствомъ, показавшись на глаза его превосходительству, съ камердинеромъ котораго Савва давно свелъ дружбу, Савва весело уходилъ изъ департамента, успокоенный, что подлецу Хрисашкѣ запущена такая загвоздка, которая станетъ сопернику поперекъ горла, и случалось сталкивался лицомъ къ лицу, въ томъ же департаментѣ, съ ненавистнымъ Хрисашкой, который

Digitized by Google

тоже о чемъ-то дружелюбно шептался съ департаментскими чиновниками.

При такихъ случаяхъ оба они вздрагивали, оба глядѣли другъ на друга съ скрытымъ подозрѣніемъ. Каждый готовъ былъ перервать другъ другу горло.

Но это не мѣшало конечно двумъ врагамъ подавать другъ другу свои широкія лапы и обмѣниваться привѣтствіями.

— Савва Лукичъ! Давненько не видались. И вы сюда захаживаете?

— Какъ Богъ носитъ васъ! Хрисанфъ Петровичъ? Слава тебѣ Господи? Тоже въ департаментѣ путаешься, ась?

— Я, Савва Лукичъ, насчетъ рельца...

— Безданно чтобы, безпошлинно, Хрисанфъ Петровичъ?

— Обѣщаютъ, а вы, Савва Лукичъ?

— У меня плевое дѣло, Хрисанфъ Петровичъ! Путаюсь здѣсь за деньгами...

Они снова пожимали широкія лапы и расходились, словно два ученыхъ звѣря, понимающихъ, что нельзя вцѣпиться другъ другу въ горло при публикѣ.

Каждый про себя говорилъ:

— Скотина, вретъ-то какъ!

Съ подозрѣніемъ въ сердцѣ расходились они, стараясь угадать чьи шансы стоятъ въ данную минуту лучше.

Савва спускался съ лѣстницы, обезкураженный этой встрѣчей.

Digitized by Google

— Злодѣи! говорилъ онъ, вспоминая чиновниковъ. Чай и Хрисашку грабятъ!

Изъ департамента снова рысакъ носилъ Савву по городу. Надо было ѣхать то къ вліятельному сановнику, то къ вліятельной дамѣ, завернуть къ «Каролинѣ»,—такъ прозвалъ Савва любовницу Егора Ѳомича,—чтобы чухонка зудила стараго грѣховодника, побывать у дамочки его превосходительства; явиться къ старой ханжѣ, предсѣдательницѣ благотворительнаго общества, пожертвовать пять тысченокъ и запустить словечко; мигнуть камердинеру; поговорить съ директоромъ канцеляріи, заѣхать къ князю Z., побесѣдовать съ нимъ о покупкѣ его имѣнія. Князь Z. человѣкъ очень нужный, но ни паевъ, ни промессъ не беретъ, ни Боже мой, а имѣніе у него купить—это другое дѣло.

Хорошо Савва зналъ людей и не даромъ же утверждалъ, что рѣдкаго человѣка, по нынѣшнимъ временамъ нельзя купить со всей его аммуниціей.

— Всѣмъ деньги нужны, весело смѣялся онъ и вездѣ хлопоталъ, со всѣми говорилъ, какъ съ кѣмъ требовалось.

У вліятельнаго господина Савва оставилъ только памятную записочку, красиво перебѣленную и составленную благопріятелемъ. Въ записочкѣ, очень краткой записочкѣ, перечислялись выгоды дороги и выгоды предложенной цѣны.

Бесѣды долгой тутъ Савва не велъ. Онъ только почтительнѣйше просилъ его высокопревосходительство

Digitized by Google

обратить милостивое вниманіе на патріотическую дорогу и заявилъ, что высокій патріотизмъ его высокопревосходительства позволяетъ ему, недостойному мужику, надѣяться, что дорога не попадетъ въ жидовскія руки.

— Развѣ жидовскія? Я слышалъ, Сидоровъ конкурренть вашъ.

Савва какъ-то конфузливо опускаетъ глаза и такъ деликатно молчитъ, что его высокопревосходительство вынужденъ спросить:

— Развѣ Сидоровъ подставное лицо?

— Какъ будто ваше высокопревосходительство такое дѣло. Фирма-то русская, а дѣло жидовское...

— А...

Саввѣ довольно этого «а!», произнесеннаго ветхимъ высокопревосходительнымъ сановникомъ, не любящимъ евреевъ, тѣмъ болѣе Саввѣ довольно, что Савва и къ неподкупному ненавистнику евреевъ нашелъ лазейку, хотя и нашелъ не безъ труда.

Долго не зналъ онъ, какъ подойти къ его высокопревосходительству. Собиралъ справки на счетъ добродѣтели его высокопревосходительства, но оказалось, что вслѣдствіе глубокой старости, добродѣтель его неприступна, ни къ какой дамѣ его высокопревосходительство не питаетъ особенной склонности, а самъ отличается рѣдкою честностью.

— Нѣтъ ли по крайности у него жены или дѣтей, допрашивалъ Савва знающихъ людей.

Digitized by Google

— Ни жены, ни дѣтей, старикъ холостой.

— Быть можетъ сродственники?

— И сродственниковъ нѣтъ...

Задумался Савва. Старикъ былъ очень нуженъ ловкому мужику, а никакъ нельзя къ нему подойти. Вдобавокъ слышалъ Савва, что старикъ очень упрямый и блюдетъ государственную экономію.

— Не можетъ быть, чтобы у старика такъ-таки никого и не было... Вѣрно кто нибудь да есть! рѣшилъ Савва и вытребовалъ другаго языка.

Оказалось, что Саввины предположенія оправдались. У старика былъ незаконный сынъ.

— Каковъ таковъ сынъ?

— Кутящій!

— Старикъ любитъ сынка-то?

— Очень даже любитъ!

Савва просвѣтлѣлъ, познакомился съ сыномъ, и дѣло сладилось. Вотъ почему Савва, какъ только его высокопревосходительство произнесъ «а!», поспѣшилъ откланяться, удостоившись на прощаніе получить два тонкіе, худые и сморщенные пальца неподкупнаго старика.

Для визита къ вліятельной дамѣ Савва выискивалъ какой нибудь предлогъ и выбиралъ время, когда дама бывала одна. Съ одной легче бесѣдовать по душѣ и Савва бесѣдовалъ, зная хорошо, что вліятельная дама— дама, очень любящая деньги.

Оттуда ѣхалъ онъ къ «Каролинѣ» и съ молодой,

Digitized by Google

приглуповатой чухонкой обращался уже безъ всякой церемоніи, поручивъ писарьку обработывать Готлиба.

Однимъ словомъ Саввѣ приходилось добираться до звѣря сквозь тѣсный рядъ самыхъ разнообразныхъ личностей, прямо или косвенно имѣющихъ вліяніе.

Всѣ, самыя интимныя отношенія, всѣхъ пятнадцати членовъ совѣта, которые должны были черезъ недѣлю рѣшать участь Саввы, были превосходно извѣстны Леонтьеву, и онъ эксплуатировалъ ихъ съ опытностью хорошаго сердцевѣда.

А деньги таяли, точно снѣгъ... Уже нѣсколько сотъ тысячъ прошло между рукъ, не считая промессовъ...

Приходилось еще торговать имѣніе у однаго неподкупнаго человѣка, князя Z.

Савва пронюхалъ, что князю Z. очень нужны деньги, и онъ ищетъ случая продать имѣніе. Савва переговорилъ съ главноуправляющимъ объ имѣніи и попросилъ личнаго свиданія съ княземъ.

Въ роскошный барскій домъ извѣстнаго петербургскаго аристократа, князя Z. поднимался теперь Савва, послѣ того какъ уже успѣлъ загонять лошадь.

О посѣщеніи Саввы князь былъ предупрежденъ, и Савву приняли.

— Пожалуйте въ кабинетъ! сказалъ ему камердинеръ, провожая до дверей.

Въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ красивый плотный брюнетъ лѣтъ сорока или за сорокъ,

Digitized by Google

съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, не обличавшимъ однако характера.

При входѣ Саввы князь привсталъ изъ-за стола и, протягивая руку, проговорилъ:

— Очень радъ познакомиться. Прошу садиться.

Савва быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ князя и замѣтилъ, что князь былъ взволнованъ, хотя и старался скрыть это подъ маской холодной вѣжливости.

Онъ зналъ, что у князя разыгрывалась семейная драма.

Въ городѣ говорили, что князь былъ очень несчастливъ въ семейной жизни и собирался расходиться съ молодой женой, состояніе которой онъ растратилъ.

«Видно имѣніе-то до зарѣзу нужно продать. Какъ разъ въ центру попалъ!» подумалъ Савва.

Савва низко поклонился.

— Простите ваше сіятельство, что осмѣлился лично безпокоить васъ... Очень хотѣлось переговорить насчетъ имѣнія...

— Я слышалъ отъ управляющаго. Хотите купить?..

— Мнѣ очень было бы къ рукѣ, ваше сіятельство. Въ Курской губерніи землица хорошая...

— Да, имѣніе недурное, но подите—не покупаютъ! улыбнулся князь.

— Нынче, ваше сіятельство, какъ-то земли неохотно покупаютъ и, по моему мнѣнію, глупо дѣлаютъ...

— Глупо?... Хозяйничать трудно..,

— Это какъ кому...

Digitized by Google

— Разумѣется...

— Имѣніе мнѣ очень нравится... Я эти мѣста знаю... Какая будетъ ему цѣна?

— Развѣ вамъ управляющій не говорилъ?

— Признаться я не спрашивалъ. Думалъ съ вами объ этомъ переговорить...

Савва какъ-то пристально взглянулъ на князя и князь вдругъ почему-то покраснѣлъ...

— Видите ли, Савва Лукичъ, я дешево это имѣніе не продамъ, а вы быть можетъ...

— Помилуйте, ваше сіятельство, перебилъ Савва Лукичъ:—да вѣдь я не ребенокъ, слава Богу, понимаю толкъ въ имѣніяхъ. У меня два имѣнія есть и, ничего себѣ кормятъ! улыбнулся Савва. Дорого я не дамъ, а сотню тысячъ за ваше имѣніе, смекаю я, обиды не будетъ ни вашему сіятельству, ни мнѣ... Какъ вы изволите думать?..

Когда Савва самымъ добродушнымъ тономъ выговорилъ цыфру, то на лицѣ князя пробѣжала довольная улыбка, но вслѣдъ за тѣмъ князь снова покраснѣлъ и, не глядя на Савву, проговорилъ:

— Какъ видно вы очень хотите купить это имѣніе?

— Давно, ваше сіятельство, я зарился на него. Вѣдь оно золотое дно!..

— Но, надо правду сказать, оно запущено...

— И это знаю... Не угодно ли вашему сіятельству взглянуть, ужь у меня и плантъ построекъ новыхъ го-

Digitized by Google

товъ... Приказалъ набросать, какъ только прослышалъ, что вы продаете...

И Савва досталъ планъ и положилъ его передъ княземъ.

— Вотъ какъ... Ужь вы и планъ?..

— Какъ же-съ... Давненько я до этого угодья добираюсь... Сыну припасаю.

А все-таки князь былъ нѣсколько сконфуженъ. Онъ радъ былъ бы продать имѣніе за пятьдесятъ тысячъ и никто не давалъ ему этихъ денегъ, а тутъ вдругъ является покупатель, предлагающій двойную цѣну. Князь нѣсколько секундъ помолчалъ.

— Вы кажется, ваше сіятельство, находите цѣну малою, но больше оно не стоитъ... Извольте-ка разсчитать...

И Савва съ жаромъ началъ вычислять доходы,— оказалось по его разчетамъ пятнадцать тысячъ чистаго дохода,—и убѣдительно доказывать, что имѣніе больше ста тысячъ не стоитъ, и князь дороже не продастъ.

Князь съ удовольствіемъ, слушалъ Савву. Искренній тонъ Леонтьева, казалось, произвелъ на него пріятное впечатлѣніе и смущеніе его мало по малу проходило.

«Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ имѣніе стоитъ этихъ денегъ. Мы не умѣемъ хозяйничать, а эти люди— другое дѣло!»

— Такъ какъ же, ваше сіятельство? Воля ваша, а больше дать никакъ невозможно! съ горячностью про-

Digitized by Google

говорилъ мужикъ:—Хоть и хочется мнѣ его, а видно придется отказаться...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Цѣна подходящая... Я не прочь, но только долженъ предупредить васъ, что мнѣ бы хотѣлось продать на наличныя...

— А то какъ же, ваше сіятельство? весело заговорилъ Савва:—Я и самъ не люблю оттяжекъ... Если даете слово, то можно въ недѣлю и кончить... Отдадите за сто тысячъ?

— Отдаю...

— Такъ ужь какъ позволите насчетъ формальностей. Если угодно будетъ завтра получить задатокъ... Сколько прикажете? Двадцать пять тысячъ довольно?..

— Совершенно...

— А черезъ недѣлю остальныя деньги. Тѣмъ временемъ и купчую кончимъ. Запрещéній на имѣніи нѣтъ?...

— Никакихъ...

— Ужь вы извините, ваше сіятельство, что я недѣлю-то оттягиваю... Я бы и раньше хотѣлъ, да деньгами пока не свободенъ... Имущества много, а денегъ нѣтъ... Вотъ разсчитываю, что на-дняхъ кончится наконецъ вопросъ о дорогѣ...

Князь опять какъ-то смутился.

— Кажется въ субботу комитетъ? тихо проговорилъ онъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство!..

И вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:

Digitized by Google

— А ужь я вашему сіятельству по совѣсти теперь скажу, благо слово изволили дать: съ имѣніемъ-то вы изволили маленько продешевить... Я бы, если бы вы поприжали меня, и сто двадцать пять тысячъ далъ! весело и добродушно говорилъ Савва, поднимаясь съ кресла... Прикажете вамъ привезти деньги или управляющему?

— Управляющему!..

— Имѣю честь кланяться, ваше сіятельство... Очень вамъ благодаренъ... Сыну теперь есть черноземная землица... Что тамъ ни говори, ваше сіятельство, а землица—святое дѣло!..

Савва низко поклонился и ушелъ, а князь все еще не могъ оправиться отъ нѣкотораго смущенія.

«Видно еще не въ привычку имѣнія продавать. Голосокъ-то подашь за меня, ваше сіятельство!» ухмыльнулся Савва и приказалъ кучеру ѣхать домой. «Будетъ на сегодня-то маяться!».

На Невскомъ Савва встрѣтилъ Валентину и съ сердцемъ плюнулъ.

— Шельма! проговорилъ онъ:—И смотритъ-то какъ, безстыжая!.. Оплела тебя, дурака, и по дѣломъ, а все-жъ... задорная бабенка... Ловкачъ!..

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

Торжество Саввы.

I.

Чѣмъ ближе подходило время, когда должна была рѣшиться участь Саввы, тѣмъ возбужденнѣе и тревожнѣе становился Леонтьевъ.

Очень ужь были натянуты струны. Савва отлично понималъ, что сорвись дѣло, Савва рухнетъ и пожалуй ему не подняться никогда. Разореніе стояло у него за спиной, въ то самое время, когда милліоны были такъ близки.

Въ какую сторону повернетъ счастіе: къ нему или къ Хрисашкѣ?

Казалось бы, должно повернуть въ его сторону. Девять членовъ совѣта на его сторонѣ, повидимому министръ очень благосклонно относится къ Саввѣ, тѣмъ не менѣе Савва слишкомъ хорошо зналъ какъ дѣлаются дѣла, чтобы на этомъ успокоиться.

Digitized by Google

Кто знаетъ, куда вдругъ повернетъ счастіе въ послѣдній моментъ. Мало ли что можетъ случиться?

Безпокоенъ и прерывистъ былъ его сонъ по ночамъ. Онъ не находилъ сна и думалъ, думалъ не нужно ли еще что нибудь сдѣлать, не пропустилъ ли онъ кого нибудь...

Нерѣдко онъ вскакивалъ съ постели и босикомъ въ одной рубахѣ кружилъ по комнатѣ, точно звѣрь въ клѣткѣ. У него пересыхало въ горлѣ и напрасно онъ выпивалъ нѣсколько графиновъ кваса. Онъ присаживался къ столу и брался за счеты. Тогда среди тишины ночи слышался только сухой стукъ костяжекъ.

Савва прикидывалъ счетъ предварительныхъ расходовъ, крякалъ, почесывалъ свою косматую голову и шепталъ: «Грабители!»

Охота за краснымъ звѣремъ стоила баснословныхъ суммъ. Чтобы добраться до него надо было не жалѣть денегъ и онъ не жалѣлъ.

А много ли у него останется, если онъ схватитъ наконецъ звѣря за горло?

Снова защелкали костяжки и на возбужденномъ лицѣ мужика мелькала улыбка.

Еще останется, есть изъ за чего хлопотать. Если утвердятъ цѣну, то нѣсколько милліоновъ у Саввы въ карманѣ.

Снова ложился Савва въ постель и засыпалъ подъ утро безпокойнымъ сномъ. Хрисашка, злодѣй Хрисашка,

Digitized by Google

снился ему во снѣ въ образѣ волка, мчавшагося ему на перерѣзъ...

«Ату, ату его!» вскрикивалъ Савва и просыпался съ налитыми кровью глазами и свинцовой головой.

Пора вставать и снова рыскать...

И Савва вставалъ, заходилъ къ старухѣ матери, выслушивалъ ея старческія предостереженія, нѣжно лаская къ матери. Потомъ навѣщалъ больную жену— она уже нѣсколько недѣль не вставала съ постели— бросалъ ей нѣсколько словъ утѣшенія, обнималъ сына и приказывалъ закладывать лошадь.

Съ Борисомъ онъ давно говорилъ, что надо уломать старика. Старикъ Кривскій тоже будетъ въ совѣтѣ и Савва до сихъ поръ не знаетъ, подастъ ли его превосходительство голосъ за него или за Хрисашку.

— Слѣдовало бы твоему родителю, Борисъ Сергѣевичъ, по родственному не обидѣть человѣка... Ты переговори-кось съ батюшкой. Самъ видишь, что иначе дѣла совсѣмъ въ разстройку пойдутъ.

Борисъ самъ хорошо понималъ въ чемъ дѣло и обѣщалъ переговорить съ отцомъ. Надо же было получить отъ Саввы приданое.

Борисъ поѣхалъ къ отцу и былъ изумленъ при видѣ старика. Такъ онъ измѣнился. По обыкновенію, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ. «Неизличимая страсть къ проектамъ!» подумалъ Борисъ, подходя къ отцу.

Digitized by Google

— А, Борисъ здравствуй!.. проговорилъ старикъ слабо улыбаясь и протягивая сыну руку. Жена здорова?

— Здорова... Вы-то кажется прихварытаете?

— Я?.. Нѣтъ, я ничего... Лѣта беруть свое, Борисъ! улыбнулся старикъ. Что у васъ новенькаго?

Съ тѣхъ поръ какъ его превосходительство былъ въ отставкѣ, онъ сталъ говорить: «у васъ». Онъ уже не считалъ себя въ числѣ администраторовъ.

— Ничего особеннаго... Говорятъ, Донскаго смѣняютъ...

— За что?

Борисъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Этотъ вопросъ всѣ задаютъ и никто не можетъ дать отвѣта...

— Бѣдная, бѣдная Россія! прошепталъ свою обычную фразу его превосходительство.

Борисъ скрылъ улыбку.

— Скажи мнѣ пожалуйста, Борисъ, куда мы наконецъ идемъ?.. Кого назначаютъ на мѣсто Донскаго?

Борисъ назвалъ фамилію.

Старикъ только сморщился.

— А ты скоро губернаторствовать?

— Вѣроятно къ Новому году...

— Куда?

— На югъ?

— Жену конечно оставишь здѣсь?..

— Разумѣется. Она пріѣдетъ ко мнѣ послѣ родовъ. А я къ вамъ съ просьбой...

Digitized by Google

— Ко мнѣ? усмѣхнулся старикъ.—Ты вѣдь знаешь, что я теперь никакихъ просьбъ исполнять не могу. Если хочешь, чтобы ее не исполнили, заставь меня просить кого нибудь.

— Это дѣло зависитъ лично отъ васъ...

Борисъ обстоятельно и подробно сталъ объяснять отцу, въ чемъ дѣло и въ чемъ его превосходительство можетъ быть полезенъ.

Сергѣй Александровичъ слушалъ сына, потупивъ глаза и тихо постукивая по столу длинными, тонкими пальцами.

Если бы Борисъ обратилъ въ эту минуту вниманіе на старика, то увидалъ бы, какое страдальческое выраженіе явилось на лицѣ отца, какъ судорожно двигались его пальцы и какъ его сѣдая красивая голова склонялась все ниже и ниже...

Смертельная тоска охватила душу Сергѣя Александровича. Этого еще не доставало. Два дня тому назадъ онъ былъ потрясенъ жестокимъ неожиданнымъ ударомъ, узнавши о поведеніи жены, и вотъ теперь опять новый ударъ, правда не столь жестокій, но все-таки ударъ.

Его первенецъ, когда-то надежда отца, осмѣливается просить старика сдѣлать подлость. Онъ очень хорошо знаетъ Савву, читалъ его записку и находилъ что отдавать дорогу на предложенныхъ имъ условіяхъ Саввѣ нельзя безъ явнаго вреда государству. Онъ рѣ-

Digitized by Google

шилъ подать въ совѣтѣ голосъ противъ и давно говорилъ объ этомъ Борису.

А онъ все-таки проситъ и проситъ такимъ тономъ, будто говоритъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, будто государственные интересы ничего не значатъ...

И кто же такъ говоритъ? Его сынъ, замѣтный административный дѣятель и, быть можетъ, будущій стражъ государственныхъ интересовъ... «Куда мы идемъ... Куда мы идемъ?» проносились печальныя мысли въ головѣ его превосходительства. Онъ началъ съ того, что женился на деньгахъ и кончаетъ тѣмъ, что проситъ отца сдѣлать подлость...

Но всего ужаснѣе то, что Борисъ какъ будто даже и не понималъ значенія своей просьбы...

Совсѣмъ нахмурился старикъ и прошла ужъ цѣлая минута, какъ Борисъ кончилъ, а его превосходительство не поднималъ головы и не проронилъ слова.

Борисъ насмѣшливо посматривалъ на отца.

«Опять вѣрно старикъ начнетъ по этому поводу о реабилитаціи дворянства. Совсѣмъ фатеръ выживаетъ изъ ума!»

Когда Кривскій поднялъ голову и взглянулъ пристальнымъ, строгимъ взглядомъ на сына, то лицо старика было сурово. Борисъ понялъ, что старикъ недоволенъ.

— Ты, Борисъ, читалъ записку твоего тестя? ядовито подчеркнулъ Сергѣй Александровичъ на словахъ: «твоего тестя».

Digitized by Google

— Читалъ.

— И находишь, что можно подать голосъ за его предложеніе?

— Отчего-жъ?... По моему, предложеніе Леонтьева не лучше и не хуже тысячи подобнымъ же предложеній, которыя, какъ вамъ извѣстно, проходили...

— Или ты, Борисъ, не читалъ записки внимательно, или ты... ты недостаточно ее понялъ!.. съ дрожью въ голосѣ проговорилъ старикъ:—Подать голосъ за Леонтьева—это значитъ продать Россію, а я... я, сынъ мой, пока въ этомъ неповиненъ и на старости лѣтъ продать бѣдную Россію не намѣренъ... Его условія—дневной грабежъ!..

— Сидорова условія не лучше...

— Знаю, что не лучше... И я буду настаивать, чтобы оба предложенія были отвергнуты.

— Тогда никогда не найдутъ строителя!.. улыбнулся Борисъ:—Всѣ предложатъ подобныя же условія, такъ какъ вы очень хорошо знаете, что значитъ у насъ хлопотать о дѣлѣ... Къ сожалѣнію, люди не безсребренники и требовать какихъ-то идеальныхъ условій—значитъ никогда не имѣть дорогъ...

Борисъ умолкъ. Кривскій медленно покачалъ головой.

— Я вижу, Борисъ, и, признаюсь, съ сожалѣніемъ, что мы совсѣмъ расходимся во взглядахъ... Я конечно отсталый человѣкъ... Я, усмѣхнулся его превосходительство:—исключительно смотрю на вещи и, какъ ты изволишь выражаться, не понимаю духа времени...

Digitized by Google

Но оставь, прошу тебя, умереть мнѣ съ моими отсталыми взглядами... Каковы бы они ни были, но я останусь при нихъ... Вы какъ-то слишкомъ ужъ, любезный другъ, быстро шагаете... за вами намъ не угоняться...

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— И мы въ свое время вступали въ компромиссы— не спорю, но во всякомъ случаѣ не дѣлали того, на что нынче смотрятъ такъ легко... Я подамъ голосъ противъ! рѣзко добавилъ старикъ.

Борисъ кусалъ отъ злости губы.

— Простите, что я обратился съ просьбой... Я думалъ...

— Богъ тебя проститъ! какъ-то уныло проговорилъ старикъ...

Борисъ вышелъ изъ кабинета раздраженный, недовольный.

«Онъ совсѣмъ свихнулся по бѣдной Россіи!» ѣдко усмѣхнулся онъ, входя къ матери.

И Анна Петровна удивила Бориса. Она лежала разстроенная, съ красными отъ слезъ глазами на кушеткѣ.

— Да что такое у васъ дѣлается въ домѣ? Отецъ какой-то сердитый, а вы совсѣмъ разстроены. Что такое случилось? спрашивалъ Борисъ, цѣлуя у матери руку. Уже не порадовалъ-ли Шурка новымъ спискомъ долговъ?

— Нѣтъ... Такъ, нездоровится... Нервы...

Digitized by Google

— И у отца кажется нервы... Старикъ совсѣмъ опустился... Вообразите, я просилъ его сдѣлать мнѣ маленькую услугу,—и онъ на отрѣзъ отказалъ... что, какъ хотите, со стороны родителя не особенно нѣжно.

Онъ разсказалъ матери о своей бесѣдѣ съ отцомъ.

— Леонтьевъ разсчитываетъ получить дѣло?

— Хлопочетъ. Кажется всѣ шансы на его сторонѣ, но все-таки со стороны отца отказать сыну въ такой бездѣлицѣ... Точно въ самомъ дѣлѣ не все равно, кому дадутъ дорогу. А старикъ только и говоритъ «бѣдная Россія, бѣдная Россія!» и вздыхаетъ. Это наконецъ дѣлается смѣшнымъ. Хотя бы вы повліяли на него. Намъ нужно одно: чтобы онъ молчалъ. Не уговорите ли вы старика?

— Я? Нѣтъ, Борисъ, я не могу.

— Отчего?

— Совершенно безполезно.

— И, полноте, вѣдь вы умѣете вліять на старика.

Анна Петровна вздохнула.

— Умѣла? шепнула она.

— А теперь. Или между вами пробѣжала кошка?

— Не спрашивай, Борисъ, къ сожалѣнію, я помочь не могу.

«Чтобы это значило? Что такое случилось?»

Но мать видимо не хотѣла продолжать разговора и Борисъ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Въ тотъ же вечеръ Евдокія была у Кривскихъ. Мужъ зналъ, что старикъ почему-то чувствуетъ сла-

Digitized by Google

бость къ его женѣ и посовѣтовалъ ей навѣстить старика.

Его превосходительство очень обрадовался, когда въ кабинетъ, откуда онъ не выходилъ три дня, объясняя свое затворничество нездоровьемъ, тихо вошла Евдокія и ласково спросила о его здоровьѣ.

Старикъ не зналъ куда усадить невѣстку и такъ нѣжно на нее взглядывалъ, что Дуня была тронута.

«За что только старикъ меня любитъ?»

А старикъ давно разгадалъ честную, прямую натуру невѣстки и догадывался, что она несчастлива съ сыномъ. Теперь ихъ какъ будто еще болѣе сблизило обоюдное несчастіе.

— Здорова ли? нѣжно спрашивалъ старикъ.

Въ послѣднее время онъ сталъ говорить невѣсткѣ «ты».

— Я здорова, Сергѣй Александровичъ, слава Богу, а съ вами что? Мужъ говорилъ, что вы совсѣмъ нездоровы.

— Да, расклеиваюсь, моя милая. Расклеиваюсь... Пора и на покой.. Шестой десятокъ на исходѣ.

Дуня взглядывала на старика и своей чуткой душой поняла, что старика точитъ не болѣзнь, а какое нибудь горе. Она конечно не смѣла разспрашивать, но почуствовала искреннее участіе къ старику и это участіе невольно сказалось въ ней. Она не умѣла скрывать движеній своей души.

Старикъ бымъ растроганъ.

Digitized by Google

Послѣ всѣхъ испытаній послѣдняго времени онъ встрѣтилъ сочувствіе и въ комъ же? Въ маленькой скромной посторонней женщинѣ, дочери того самаго Саввы, котораго его превосходительство такъ презиралъ.

Дома онъ былъ совсѣмъ одинокъ. Шурка еще не пріѣхалъ, а дочери какъ-то дичились отца по старой привычкѣ рѣдко бывать съ нимъ вдвоемъ.

— Въ шахматы сыграемъ сегодня?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Да можетъ, тебѣ не хочется? Такъ только хочешь занять старика?

— Я люблю играть въ шахматы! вспыхнула Евдокія.

— Ишь ты какая горячая! усмѣхнулся ласково его превосходительство.

Они стали играть, но обоимъ было не до игры и оба дѣлали большія ошибки.

Старикъ пристально взглянулъ на Евдокію и тихо замѣтилъ:

— Да ты сегодня совсѣмъ плохо играешь. Ты сама разстроена. Что съ тобою, скажи мнѣ... Не ладишь съ Борисомъ?

Евдокія молчала. Старикъ прочелъ отвѣтъ въ ея молчаніи.

— Бѣдная! совсѣмъ тихо проговорилъ Кривскій и поднесъ ея блѣдную руку къ своимъ губамъ.

Евдокія поцѣловала въ свою очередь руку старика.

Никто изъ нихъ не проронилъ больше ни слова, но какая-то связь окрѣпла между ними и они продолжали

Digitized by Google

играть партію, старалась не выдавать другъ другу своего волненія.

II.

— А не хочетъ, такъ наплевать! рѣзко промолвилъ Савва, когда получилъ записку отъ Бориса, что отецъ не только отказался подать голосъ за Савву, но даже и обѣщалъ говорить противъ. Думаетъ въ самомъ дѣлѣ безъ него не обойдемся. Шалишь, ваше превосходительство! Нынче-то ты изъ птицъ разжалованъ. Тебя и слушать-то не будуть!

Савва былъ въ этотъ день въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ только-что вернулся отъ вліятельнаго лица, и его превосходительство изволилъ выразить увѣренность, что дорога будетъ за Саввой, причемъ надѣялся, что Савва оправдаетъ довѣріе.

Но когда, наконецъ, наступилъ давно ожидаемый день засѣданія совѣта, Савва все-таки испытывалъ необычайное волненіе.

Онъ не зналъ, что дѣлать. Ѣхать было некуда. Онъ то и дѣло посматривалъ на часы и чувствовалъ, какъ бьется его сердце и жилы наливаются на широкой шеѣ.

Ему становилось душно въ комнатѣ. Хотѣлось на воздухъ, на свѣжій, морозный воздухъ.

Надо было какъ нибудь убить время до вечера. Время сегодня казалось тянулось необыкновенно медленно.

Савва подошелъ къ окну. Бѣлымъ мягкимъ снѣгомъ

Digitized by Google

были покрыты улицы. Утро было солнечное, блестящее, морозное.

— Эй! гаркнулъ Савва:—Запречь «Молодчика», да поскорѣе!

«Молодчикъ» былъ кровный, гоночный рысакъ, на которомъ Савва почти никогда не ѣздилъ.

Черезъ четверть часа Савва вышелъ на подъѣздъ въ черномъ тысячномъ медвѣдѣ и большой боярской шапкѣ. Просто любо было смотрѣть на этого черноброваго красавца.

А другой красавецъ нетерпѣливо билъ копытами и встряхивалъ красивой породистой головой. Это былъ превосходный караковый жеребецъ, особенно любимый Леонтьевымъ. Толстый молодецъ-кучеръ держалъ коня на тугихъ возжахъ.

— Застоялся видно «Молодчикъ?» промолвилъ Савва, и съ любовью потрепалъ красиво изогнутую шею благороднаго животнаго.

Конь фыркалъ, обдавая Савву теплымъ дыханіемъ.

— Застоялся, Савва Лукичъ! Промять его не мѣшаетъ!

— Промнемъ коня!.. отвѣчалъ Савва отходя отъ коня.

Онъ сѣлъ въ маленькія санки и конь рванулъ.

— Куду прикажете?

— На острова пошелъ! да промни, промни, Степанъ, коня-то! крикнулъ Савва.

Первопутокъ былъ отличный. Въ городѣ кучеръ не

Digitized by Google

давалъ ходу «Молодчику», но когда выѣхали на острова, то рысакъ понесся вихромъ. Савва откинулъ шубу и не чувствовалъ холода. Чѣмъ-то давно прошедшимъ пахнуло на него, когда онъ быстро мчался по гладкому снѣгу. Прежній ямщикъ проснулся въ немъ и онъ какъ-то залихватски крикнулъ, выгнувшись изъ саней:

— Нажигай... нажигай, Степанъ!

Конь былъ весь въ мылѣ, когда послѣ двухчасовой ѣзды онъ остановился у загороднаго ресторана. Конь тяжело дышалъ и вздрагивалъ.

— Промяли, Степанъ?

— Промяли, Савва Лукичъ!..

— Эко славный конь-то какой!

Савва пошелъ въ комнаты и велѣлъ подать себѣ завтракать.

Онъ выпилъ цѣлый графинъ водки, съѣлъ двѣ селедки, но до блюда не дотронулся... Ѣсть ему не хотѣлось...

Савва взглянулъ на часы... «Эко какъ тянется время. Еще всего четвертый часъ!»

Въ сосѣдней комнатѣ раздался веселый смѣхъ вошедшей компаніи. Савва увидалъ въ окно пустую тройку. Изъ-за тонкой стѣны слышны были мужскіе и женскіе голоса.

Кто-то заглянулъ къ нему въ комнату и извинился. Савва узналъ знакомаго офицера.

— Милый человѣкъ! окликнулъ онъ:—Али пріятеля не призналъ?

Digitized by Google

Офицеръ весело привѣтствовалъ Савву.

— Съ кѣмъ вы здѣсь путаетесь, а?

— Съ веселыми барыньками...

— Пустишь въ вашу компанію, что ли?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Савва Лукичъ...

Савву представили дамамъ. Мужчины почти всѣ знали Леонтьева и Савва тотчасъ же приказалъ, нести дюжину шампанскаго и пилъ за троихъ.

Былъ шестой часъ, когда Савва возвращался въ городъ, оставивъ компанію за пиромъ...

Хмѣль быстро выскочилъ у него изъ головы, когда остановившись противъ дома, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, онъ увидалъ ярко освѣщенныя окна. У подъѣзда стояли кареты и сани.

«Вѣрно не рѣшили еще!» вздрогнулъ Савва и сталъ креститься, обратившись къ Петропавловской крѣпости...

Въ окнахъ мелькнули тѣни... Скоро изъ подъѣзда стали выходить члены, и швейцаръ выкрикивалъ кучеровъ.

Савва бросился къ подъѣзду, и шатаясь отъ волненія, подошелъ къ одному знакомому господину.

— И вы здѣсь?.. Ну, поздравляю, дорога за вами!

Тяжело вздохнулъ Савва и не сказалъ ни слова.

Счастіе подѣйствовало на него очень сильно.

Когда онъ садился въ сани, приказывая кучеру ѣхать домой, мимо него шмыгнула толстая фигура

Digitized by Google

Хрисашки. При свѣтѣ фонаря Савва увидалъ злу рожу соперника и отвернулся.

— Ну, матушка, Богъ не оставилъ раба своего, прошепталъ Савва, припадая къ рукѣ старухи.

Старуха глядѣла на сына и недоумѣвала:

— Я снова человѣкъ, маменька!

Черезъ двѣ недѣли Савва съ подписаннымъ уставомъ ѣхалъ за границу, въ сопровожденіи цѣлой свиты инженеровъ и мелкихъ дѣльцовъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XIV.

Евдокія.

I.

На рукахъ у Никольскаго остался маленькій Коля. Петръ Николаевичъ далъ себѣ слово свято выполнить обѣщаніе, данное покойному неудачнику. Онъ позаботится объ участи мальчика и ни за что не отдастъ его Валентинѣ.

«Быть можетъ и человѣка выростимъ!» говорилъ про себя Никольскій, съ любовью погладывая на пріемыша.

Какое-то особенно нѣжное, теплое чувство сказалось въ отношеніяхъ молодаго человѣка къ сиротѣ. Онъ, бывало, подсмѣивавшійся надъ черезчуръ сильной любовью къ дѣтямъ, самъ сдѣлался нѣжнымъ, заботливымъ отцомъ. Онъ старался всячески развлекать горевавшаго ребенка, не отходилъ отъ него ни на шагъ, сажалъ къ себѣ на колѣни и разсказывалъ сказки, а

Digitized by Google

по ночамъ на цыпочкахъ входилъ въ комнату, гдѣ спалъ Коля, и заглядывалъ въ его лицо, прислушиваясь къ дыханію ребенка.

Добрая Прасковья Ивановна ревновала даже Колю къ своему племяннику и ссорилась съ Петромъ Николаевичемъ, находя, что всѣ эти заботы—дѣло не мужское, а бабье. Она сама отдавала все время своему Колюнчику и не знала чѣмъ бы потѣшить сиротинку. Однимъ словомъ и тетка и племянникъ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили приласкать и приголубить Колю и хотя сколько нибудь утѣшить ребенка въ его тяжелой потерѣ.

— Ты хочешь всегда съ нами жить, Коля? спрашивалъ Петръ Николаевичъ, покачивая въ своихъ объятіяхъ мальчика.

— Еще бы. Разумѣется хочу! ласково шепталъ ребенокъ, прижимаясь крѣпче къ груди Никольскаго:— Послѣ папы я тебя да тетю больше всѣхъ на свѣтѣ люблю...

Никольскій крѣпче сжималъ мальчика въ своихъ рукахъ, и дѣтскій ласковый лепетъ какимъ-то теплом охватывалъ его сердце.

— Тетя наша, братъ, славная тетя... Такой другой и не сыскать...

— Ну ужь и не сыскать! подскакивала откуда-то Прасковья Ивановна, ревниво поглядывая на племянника:—Что ты все на рукахъ да на рукахъ ребенка-то носишь... Дайка мнѣ...

Digitized by Google

— Она въ обиду тебя не дастъ! продолжалъ Никольскій:—ты съ тетей въ деревню поѣдешь... Хочешь ѣхать въ деревню?

— Хочу.

— А черезъ мѣсяцъ и я къ вамъ пріѣду... Вмѣстѣ отлично заживемъ.

— Ты пріѣдешь?

— Еще бы. Не бойся, мальчикъ, не обману—пріѣду!

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Трамбецкаго Петръ Николаевичъ отправилъ тетку съ Колей изъ Петербурга въ одну изъ южныхъ губерній, въ имѣніе Евдокіи и только тогда извѣстилъ Валентину о смерти и похоронахъ мужа, причемъ написалъ доброй малюткѣ, что если она желаетъ его видѣть, то онъ къ ея услугамъ.

Валентина однако не высказала этого желанія.

Посовѣтовавшись по обыкновенію съ Евгеніемъ Николаевичемъ, она отказалась отъ мысли требовать сына къ себѣ, да и по правдѣ говоря, не особенно на этомъ настаивала, когда Евгеній Николаевичъ почему-то горячо отсовѣтовалъ ей поднимать дѣло. Повидимому онъ зналъ, гдѣ находится ребенокъ и утѣшалъ мать тѣмъ, что сынъ ея въ хорошихъ рукахъ.

При той жизни, которую вела Валентина, мальчикъ могъ только стѣснить прелестную малютку, да и наконецъ долгая разлука съ нимъ значительно ослабила ея материнскія чувства. Она почти никогда не бывала дома, а если и бывала, то окруженная веселымъ обще-

Digitized by Google

ствомъ мужчинъ. Гдѣ тутъ думать о ребенкѣ... Безъ него какъ-то свободнѣй и веселѣй, ничто не могло стѣснять ее въ наслажденіи жизнью.

И Валентина наслаждалась со страстью и легкомысліемъ тщеславной женщины. Она жила съ безумной роскошью, сорила деньгами, ощипывая въ послѣднее время перья у юнаго наслѣдника петербургскаго милліонера. Этотъ юнецъ былъ влюбленъ по уши въ очаровательную женщину и подписывалъ векселя на огромныя суммы, доставая деньги подъ баснословные проценты. Валентина подзадоривала молодаго наслѣдника, кокетничала съ нимъ, и когда наконецъ отдалась ему, то упитанный телецъ уже подписывалъ вторую сотню тысячъ векселей.

Странныя отношенія существовали между Никольскимъ и Валентиной. Онъ былъ ея ментором и любовникомъ, но любовникомъ нисколько не ревнивымъ. Онъ позволялъ кроткой малюткѣ увлеченія и требовалъ только два дня въ недѣлю для себя. Онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое знакомство съ Валентиной, никогда не показывался у нея при гостяхъ и давалъ дружескіе совѣты обворожительной женщинѣ, кому изъ поклонниковъ отдать предпочтеніе.

Валентина чувствовала къ Никольскому какой-то страхъ. Она его боялась и уважала. Онъ всегда давалъ ей хорошіе совѣты. Въ свою очередь онъ третировалъ Валентину и держалъ ее въ полномъ повиновеніи. Онъ ей доставалъ деньги, когда у нея ихъ не

Digitized by Google

было, и онъ же учитывалъ векселя юнаго наслѣдника черезъ одного еврея, достававшаго деньги. Объ этомъ конечно никто не зналъ и Никольскій при помощи Валентины исполнялъ вторую часть своей житейской программы—составить себѣ состояніе. Никто и не подозрѣвалъ въ молодомъ чиновникѣ, пробивающемъ себѣ карьеру, ростовщика. Одинъ только Петръ Николаевичъ зналъ тайны своего когда-то нѣжно любимаго брата.

Евдокія приняла искреннее и горячее участіе въ судьбѣ Коли. Благодаря молодой женщинѣ, Никольскій могъ такъ скоро отправить своего пріемыша въ деревню.

Однажды вскорѣ послѣ похоронъ, Никольскій, только-что окончивъ урокъ съ сыномъ Леонтьева, вышелъ изъ подъѣзда и тихо побрелъ по улицѣ, раздумывая, куда бы отправить своего питомца, какъ его окликнулъ тихій голосъ:

— Петръ Николаевичъ!

Никольскій обернулся и увидалъ Евдокію, торопливо догонявшую его. Онъ только-что видѣлся съ ней и нѣсколько изумился, когда молодая женщина сказала:

— Извините, Петръ Николаевичъ, что задержу васъ на минутку... Вы не торопитесь?

— Нѣтъ. А вы куда?

— Я домой...

— Такъ, если угодно, пройдемте вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ... Видите ли, Петръ Нико-

Digitized by Google

лаевичъ, давеча я не успѣла спросить васъ о сынѣ Трамбецкаго... Онъ не выходитъ у меня изъ головы.

Евдокія остановилась и прибавила:

— Вы извините меня, что я спрашиваю объ этомъ. Вы были такъ добры, что обратились тогда ко мнѣ насчетъ покойнаго и я такъ была рада...

Никольскій вспомнилъ, съ какою готовностью нѣсколько времени тому назадъ, Евдокія предложила, по его рекомендаціи, Трамбецкому мѣсто управляющаго въ ея имѣніи, и поспѣшилъ отвѣтить:

— Въ самомъ дѣлѣ, мальчуганъ-то хорошій, Евдокія Савишна... Онъ остается у меня!

— У васъ? А мать?

— Я не отдамъ его матери! рѣшительно сказалъ Никольскій.—Покойный просилъ не отдавать, и я постараюсь исполнить его просьбу.

Евдокія взглянула на Никольскаго. Ей очень понравился его рѣшительный и энергичный тонъ.

— Развѣ это можно?

— Можно! усмѣхнулся Никольскій:—Вы вѣрно слышали, какова матушка?

— Но она все-таки можетъ требовать сына?

— Ну мы съ нею сговоримся. Она кажется не особенно горюетъ о сынѣ, а впрочемъ, Богъ ее знаетъ, что она думаетъ дѣлать... Я только-что размышлялъ, куда бы спровадить подальше на первое время моего пріемыша...

— Если будетъ удобно, то... вы знаете, Петръ Ни-

Digitized by Google

колаевичъ, я съ удовольствіемъ готова предложить поселиться въ моемъ имѣніи.

— Въ самомъ дѣлѣ? можно? весело переспросилъ Никольскій. Мальчикъ съ моей теткой поѣдетъ. Это не стѣснитъ васъ?

— Что вы? Стѣснитъ? Развѣ это... это можетъ стѣснить? Я такъ рада, когда могу чѣмъ нибудь быть полезной... Только это такъ рѣдко случается! съ грустью прибавила она, краснѣя.

— Крѣпкое спасибо вамъ, Евдокія Савишна за мальчика... Только вотъ въ чемъ дѣло, я и забылъ объ одномъ обстоятельствѣ. Вы-то согласны, а вашъ мужъ?

Евдокія вспыхнула.

— Конечно и онъ будетъ согласенъ! проговорила она.

— Ну, и слава Богу... Значитъ можно съ Богомъ въ дорогу!

— Конечно...

— Такъ еще разъ позвольте поблагодарить васъ! промолвилъ Никольскій, протягивая руку.

— Вы благодарите, точно и въ самомъ дѣлѣ я что нибудь особенное сдѣлала...

— Эхъ. Евдокія Савишна, по нынѣшнимъ временамъ...

Онъ не окончилъ фразы и сталъ раскланиваться.

— Такъ что по нынѣшнимъ временамъ? остановила его Евдокія...

Digitized by Google

— Вообще... Ну, да это васъ кажется не касается!.. отвѣтилъ Никольскій, еще разъ крѣпко пожимая руку молодой женщинѣ.

II.

Хотя Никольскій уже года два, какъ зналъ Евдокію, встрѣчаясь съ ней въ домѣ ея отца, но рѣдко говорилъ съ молодой дѣвушкой и вообще не обращалъ на нея особеннаго вниманія. И Евдокія въ свою очередь не заговаривала съ нимъ, смущенная послѣ одной попытки, кончившейся очень неудачно; такъ однажды сухо и лаконично отвѣтилъ молодой человѣкъ на какой-то вопросъ, предложенный молодой дѣвушкой. Никольскій, видѣвшій Евдокію мелькомъ, совсѣмъ не знавшій ея, считалъ дочь Леонтьева за обыкновенную приглуповатую купеческую дочку, которая выйдетъ замужъ, станетъ рожать дѣтей и заботиться о томъ, чтобы все шло въ домъ и ничего изъ дому, и только въ послѣднее время обратилъ на нея вниманіе и сталъ замѣчать, что Евдокія далеко не та приглуповатая барышня, какой онъ себѣ вообразилъ. Изъ разговоровъ съ сыномъ Леонтьева онъ узналъ кое-что, заставившее его пристальнѣй всматриваться въ эту загадочную натуру, и былъ пораженъ, когда узналъ, что Евдокія выходитъ замужъ за Бориса Сергѣевича Кривскаго.

«Вѣрно очаровалъ своимъ изяществомъ!» подумалъ онъ и вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга.

Digitized by Google

Евдокія изъ разговоровъ съ братомъ тоже заинтересовалась Никольскимъ, но все-таки какъ-то не рѣшалась заговорить съ нимъ. Такъ они и не встрѣчалнсь до той поры, когда Евдокія вышла замужъ и вернулась осенью въ Петербургъ.

Когда по возвращеніи въ Петербургъ, Никольскій опять встрѣтился въ Евдокіей, то былъ пораженъ ея задумчивымъ и грустнымъ видомъ. Онъ разсчитывалъ встрѣтить довольную, веселую, счастливую молодую генеральшу, а вмѣсто этого встрѣтилъ слабенькое, застѣнчивое созданіе, съ печатью горя и какой-то внутренней работы на миловидномъ личикѣ. Въ большихъ восторженныхъ глазахъ онъ теперь прочиталъ гораздо яснѣе, чѣмъ читалъ прежде. Эти глаза говорили ему, что напрасно онъ такъ поспѣшно судилъ прежде объ этомъ странномъ созданіи, совсѣмъ не похожемъ, какъ оказывалось, на тѣхъ дочерей милліонеровъ, какихъ ему не разъ приходилось встрѣчать у Леонтьева.

Евдокія какъ будто смутилась при встрѣчѣ съ Никольскимъ.

Онъ поздравилъ ее съ замужествомъ и она смутилась еще болѣе. Никольскій хотѣлъ было поправиться и самъ сконфузился при видѣ этого смущеннаго и страдальческаго выраженія.

Такъ они не сказали ни слова въ тотъ разъ и когда Евдокія вышла изъ комнаты, Петръ Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ и пожалѣлъ ее.

«Вѣрно благовоспитанный супругъ не далъ ей сча-

Digitized by Google

стія!» подумалъ Никольскій и скоро узналъ, что Борисъ Сергѣевичъ женился на приданомъ. Ему объ этомъ намекнула вскорѣ сама Леонтьева, любившая почему-то Петра Николаевича и приглашавшая его нерѣдко послѣ урока выпить съ ней чашку чаю.

— Такъ чего же вы отдавали дочь замужъ-то?

— Мы, Петръ Николаевичъ, не неволили. Сама хотѣла.

— Сама?

— Сама, сама, голубушка... Она вѣдь у насъ,— вы-то и не знаете ея,—какая-то какъ будто порченая! разсказывала больная женщина, довольная, что можетъ передъ кѣмъ нибудь излить свое горе...

— Какъ порченая?

— А такъ, Богъ ужь ее знаетъ... Очень ужь близко къ сердцу все принимаетъ Дуня моя родная... Такъ и закипятится вся... Съ малолѣтства такая росла. И чѣмъ старше, чѣмъ загадчивѣй становилась голубушка... Бывало и къ отцу пристаетъ, зачѣмъ онъ дѣлами все занимается. Дѣла, видите ли, глупенькой не нравятся. Правды какой-то она все искала... Люди, говоритъ, не такъ должны жить...

— Правды? съ любопытствомъ спрашивалъ Никольскій.

— Да! Подите-жь! усмѣхнулась сквозь слезы мать.— Правды! а какой такой правды? и сама не могла объяснить. Такъ, мечтанія какія-то лѣзли въ голову... Отецъ, глядя на нее, жалѣлъ дочь и сокрушался...

Digitized by Google

Думалъ выйдетъ замужъ и пройдутъ ея мечтанія, да только какое? Не на радость-то она замужъ вышла...

— Она по любви вышла за Кривскаго?

— То-то не любила кажется, а тоже свободы какой-то искала. «Я, говоритъ, замужемъ начну по своему жить, только бы мужъ добрый и честный человѣкъ былъ, не мѣшалъ бы мнѣ». А она его считала очень хорошимъ человѣкомъ, ну и съ вѣсомъ... По ея мыслямъ выходило такъ, будто они вдвоемъ-то съ мужемъ и Богъ вѣсть чего не надѣлаютъ, а вышло совсѣмъ не то... Ужь я говорила ей, что не на ней онъ-то женится, а на приданомъ, такъ она, что бы вы думали? вскипѣла вся и говоритъ: «Развѣ, говоритъ, люди всѣ, маменька, негодяи и подлецы?»... Что съ ней было дѣлать, а вотъ теперь и мается... Любви нѣтъ, ладу, нѣтъ.

Дивился Петръ Николаевичъ, слушая жалобы матери, и самъ не замѣчалъ, съ какимъ любопытствомъ и злобой слушалъ разсказы о молодой женщинѣ.

Встрѣчаясь съ Евдокіей, онъ какъ-то особенно почтительно сталъ ей кланяться. Евдокія нерѣдко заходила къ матери именно въ то время, когда Никольскій послѣ урока шелъ на верхъ пить чай.

Но болѣе дружеское сближеніе ихъ началось съ того дня, когда судили Трамбецкаго.

Во время перерыва засѣданія, Евдокія подошла къ Никольскому. Она была видимо возбуждена.

— Какъ вы хорошо говорили... Я съ самаго начала думала, что Трамбецкій не виноватъ, а какъ вы-

Digitized by Google

слушала васъ, то вполнѣ убѣдилась, что онъ правъ... Вѣдь его оправдаютъ?

— Ему ужь все равно. Вы развѣ не видите, что передъ вами живой мертвецъ. Это бѣдный неудачникъ... вся жизнь его была рядомъ неудачъ.

И Никольскій разсказалъ въ короткихъ словахъ о Трамбецкомъ.

Евдокія слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и, когда Никольскій кончилъ, конфузясь, сказала:

— Послушайте, Петръ Николаевичъ, не могу ли я что нибудь сдѣлать для Трамбецкаго?..

Она ждала нетерпѣливо отвѣта и когда Петръ Николаевичъ сказалъ, что можетъ, то радость засвѣтилась въ ея кроткихъ глазахъ. Тутъ же было рѣшено, что Трамбецкій поѣдетъ въ имѣніе Евдокіи управляющимъ.

— Благодарю васъ, Петръ Николаевичъ!.. вся краснѣя отъ внутренняго волненія проговорила молодая женщина:—Вамъ я обязана, что хоть одному больному человѣку могу дать пристанище. Если бы вы знали, какъ хотѣлось бы мнѣ быть полезной... Но только я не знаю, какъ приносить пользу... что дѣлать... Научите хоть вы меня...

Никольскій съ особенной любовью взглянулъ на это кроткое созданіе и, ласково улыбаясь, проговорилъ:

— Сердце само васъ научитъ.

— Что сердце?.. Мало ли что хочетъ сердце, но съ однимъ сердцемъ ничего не сдѣлаешь...

Digitized by Google

На этомъ и оборвался разговоръ, но съ этихъ поръ между молодыми людьми мало по малу началось сближеніе. Никольскій встрѣчался съ Евдокіей у Леонтьева и когда Евдокія не бывала день другой, ему какъ будто чего-то не доставало. Онъ съ изумленіемъ сталъ замѣчать, что эта молодая женщина начинаетъ его интересовать гораздо болѣе чѣмъ простая знакомая. Сперва онъ увѣрялъ себя, что видится съ ней просто, ради изученія этой оригинальной натуры и если не встрѣчалъ Евдокію у Леонтьевыхъ, то шелъ вечеромъ къ одной общей ихъ знакомой и просиживалъ цѣлый вечеръ съ Кривской. И она радовалась, когда онъ приходилъ, весело встрѣчала его, разсказывала ему свои завѣтныя мечты и просила его совѣтовъ и помощи.

О чемъ только они не говорили! Они обо всемъ говорили, исключая любви. Этотъ вопросъ они оба какъ-то осторожно обходили постоянно. Никольскій даже посмѣивался надъ любовью, если заходилъ объ этомъ разговоръ. По его мнѣнію, любовь была излишней роскошью для такихъ людей, какъ онъ. Петръ Николаевичъ какъ будто нарочно высказывалъ иногда передъ Евдокіей оригинальную теорію любви, причемъ предъявлялъ такія требованія къ женщинѣ, которую бы онъ могъ полюбить, что Евдокія, слушая его, была вполнѣ увѣрена, что Никольскій кромѣ участія не чувствуетъ къ ней ничего, а Никольскій въ свою очередь былъ увѣренъ, что молодая женщина такъ

Digitized by Google

ласкова съ нимъ только потому, что доброе ея сердце ищетъ исхода изъ той тьмы, которая ея окружала.

«Я для нея просто новая книга, которую она жадно читаетъ!» размышлялъ нерѣдко Никольскій, провожая Евдокію домой отъ Леонтьевыхъ или отъ кого нибудь изъ ихъ общихъ знакомыхъ.

И они чаще и чаще видѣлись другъ съ другомъ, обманывая себя самымъ добросовѣстнымъ образомъ и не замѣчая, какъ дружба начинала смѣняться любовью... Начинавшееся чувство сказывалось въ мелочахъ: въ заботливости, съ которой Никольскій взглядывалъ въ лицо Евдокіи и спрашивалъ о ея здоровьѣ, въ предупредительности, съ которой онъ совѣтовалъ ей беречь себя, когда она распахивалась на улицѣ, въ напускномъ равнодушіи, съ какимъ онъ говорилъ ей при встрѣчахъ о нечаянности этихъ частыхъ встрѣчъ, словно бы боясь, чтобы она не подумала, что онъ ищетъ этихъ встрѣчъ...

И она вѣрила, вѣрила этимъ словамъ и чаще, и чаще сравнивала Никольскаго съ мужемъ и... и съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовала, что съ нимъ она не можетъ жить... Ей хотѣлось примѣренія съ возмущенной совѣстью, а развѣ его превосходительство, Борисъ Сергѣевичъ, могъ примирить ея?.. Ей хотѣлось подвига, креста, а развѣ онъ возложитъ на нее тотъ крестъ, который ей хотѣлось???

Вотъ человѣкъ, который поможетъ ей! думала она

Digitized by Google

не разъ о Никольскомъ и гнала прочь невольно закрадывавшееся въ сердце искушеніе.

Никольскій тоже испытывалъ борьбу и послѣ долгихъ размышленій рѣшилъ бросить эти «глупости» и ѣхать въ деревню.

И безъ того застрялъ онъ здѣсь на цѣлый мѣсяцъ. Довольно!

Digitized by Google

ГЛАВА XV.

Рѣшеніе.

I.

Черезъ нѣсколько дней Никольскій объявилъ Леонтьеву, что долженъ прекратить занятія съ его сыномъ.

Извѣстіе это непріятно поразило Савву Лукича.

Онъ питалъ довѣріе къ Никольскому и — что было удивительно!—этотъ прошедшій огонь и воду дѣлецъ, уважалъ молодаго человѣка и относился къ нему съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

— А за сына не безпокойтесь, Савва Лукичъ, прибавилъ Петръ Николаевичъ:—Вмѣсто себя я порекомендую вамъ отличнаго учителя.

— Какъ не безпокоиться, Петръ Николаевичъ? воскликнулъ Савва:—Вамъ хорошо говорить, а безпокойство все-таки останется...

— Да вамъ не все ли равно? спросилъ Никольскій, нѣсколько удивленный словами Леонтьева.

Digitized by Google

— Эхъ, любезный человѣкъ, мы хоша и сиволапые, а понять человѣка наскрозь можемъ. Глазъ-то у меня зорокъ на человѣка. Я башковатость-то вашу да усердность довольно хорошо вижу. Слава Богу, нѣсколько годовъ знакомы. Только съ вами и сталъ сынишка какъ слѣдоваетъ заниматься ученіемъ. Огорошили вы меня, Петръ Николаевичъ, право, огорошили!

Леонтьевъ пристально взглянулъ на Никольскаго и, нѣсколько конфузясь, проговорилъ:

— Или можетъ вы, Петръ Николаевичъ, чѣмъ нибудь не уважены? Не потрафили на васъ? Такъ вы, родной, только заикнитесь. По нашему, по мужичьему, оно, пожалуй, и не въ домекъ, а вы не жалѣйте казны нашей. На ученіе я завсегда съ удовольствіемъ, потому ученіе по нонѣшнимъ временамъ первое дѣло... Требовайте, Петръ Николаевичъ! прибавилъ Савва, поднимая глаза на Никольскаго:—Мы вину загладимъ.

— Не въ томъ рѣчь! улыбнулся Никольскій:—Причина тутъ другая—уѣзжать мнѣ надо.

— Опять въ отлетъ? Давно ли отлетывали? Мѣсто что ли вышло?

— Нѣтъ.

— По дѣламъ значитъ?

— По дѣламъ!

— Такъ, такъ! подсказалъ Леонтьевъ:—Выходитъ, такія дѣла, что и отложить нельзя?

— Нельзя, Савва Лукичъ.

Савва замолчалъ и въ раздумьѣ посматривалъ на

Digitized by Google

Петра Николаевича. Потомъ, словно бы отвѣчая на мысли, занимавшія его, онъ произнесъ, покачивая головой:

— Погляжу я на васъ, Петръ Николаевичъ, и будто все не могу васъ въ толкъ взять... вотъ тебѣ Богъ святъ, не могу!

— Будто ужь и трудно? засмѣялся Никольскій.

— Не обезсудишь за рѣчь мою, Петръ Николаевичъ? продолжалъ Савва.

— Не стѣсняйтесь, Савва Лукичъ. Разсказывайте, чего это вы въ толкъ не можете взять?

— Людей, братецъ ты мой, на своемъ вѣку я встрѣчалъ довольно. По дѣламъ, промежду всякаго калибера трешься, а только нонече завелся какой-то калиберъ, что и не въ домекъ. Чудной вы народъ!

Никольскій посматривалъ съ любопытствомъ на «сиволапаго генерала» и образъ Евдокіи пронесся передъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это подъ бокомъ у Саввы могла развиться такая противоположная натура, какъ Евдокія? Этотъ хищникъ, настоящій хищникъ, какъ слѣдуетъ быть хищнику, умный, энергичный, безстрашный пройдоха, а дочь, наоборотъ, пострадать хочетъ... Какимъ образомъ могла явиться такая разница? Сыновъ тоже скорѣе въ отца, только пожиже и умомъ и натурой, а дочь-то какъ сохранилась среди этой обстановки?

А Савва между тѣмъ продолжалъ:

— Люди вы хорошіе, люди вы мозговатые, а ка-

Digitized by Google

таетесь вы ровно перекати поле безъ устали... Глядючи на васъ, смекаешь, словно вы бродяги какіе-то по Божьему свѣту... Право бродяги. Другіе при занятіяхъ, при должности, какъ слѣдуетъ по благородному званію, а вы точно бездомники какіе-то! Поглядишь на васъ: ни одежи, ни виду настоящаго, ни сытости, а вѣдь захоти только?.. Да, напримѣръ, будемъ такъ говорить, Петръ Николаевичъ... Я вамъ какое хочешь мѣсто у себя бы предоставилъ? У меня теперь мѣстовъ этихъ много открывается... Народу, какъ саранчи налетитъ, а по совѣсти сказать, народъ все какой-то невѣрный—воръ-народъ къ намъ льнетъ, такъ и норовитъ смошенничать... А вѣрныхъ-то бытто мало... Ну, согласись вы, Петръ Николаевичъ, при моемъ дѣлѣ, да я сейчасъ же вамъ пять ли, десять ли тысячъ отвалилъ бы жалованья, потому намъ вѣрнаго-то человѣка выгоднѣе держать чѣмъ невѣрнаго... Пошелъ бы?

— Нѣтъ, Савва Лукичъ, не пошелъ бы.

— Я такъ и зналъ... Потому и говорю, что оно мнѣ не въ домекъ!.. Чудеса нонче какія-то на свѣтѣ пошли... Мы, мужики, въ генералы лѣземъ, а генеральскіе сынки вдругъ въ мужики полѣзли...

— Какъ такъ? опять засмѣялся Никольскій.

— Да такъ... У меня вотъ на чугункѣ случай былъ. Ѣхалъ я съ экстреннымъ поѣздомъ,—ну, какъ водится, при компаніи... Инженеровъ этихъ и всякаго народа вокругъ. Ну Саввѣ-то Лукичу всѣ кланяются... день-

Digitized by Google

гамъ почетъ отдаютъ... Только на станціи, гуляючи, смотрю на паровозѣ машинистъ стоитъ, молодой такой парень, только видъ у него совсѣмъ какъ будто особенный, хоть и рожа его вся грязная и руки грязные. Поглядѣлъ на него и онъ на меня такъ поглядываетъ смѣло и зубы бѣлые, ровно волченокъ, скалитъ. Отошелъ я и спрашиваю своихъ-то: Откуда машинистъ? Такъ, какъ бы вы думали: генеральскій сынъ оказался, въ ниверситетѣ обучался, сродственники богатые, а онъ въ машинистахъ ѣздитъ. Согрѣшилъ сперва: подумалъ не проворовался ли парень, нарочно справлялся. Говорятъ: парень примѣрный и башковатый и по своему дѣлу усердный... Диковина! А то еще у насъ же на чугункѣ дорожнымъ мастеромъ полковницкій сынъ былъ... Да мало ли этого калиберу нонче развелось... Люди ищутъ какъ бы имъ лучше, а вы словно норовите, какъ бы вамъ похуже, чтобы и не доѣсть, и не допить, и не доспать... Это вотъ мнѣ и не въ домекъ, Петръ Николаевичъ... Какого калибера вы будете люди и что у васъ на разумѣ?..

Но такъ какъ Петръ Николаевичъ не показывалъ намѣренія подавать реплики, то Савва продолжалъ:

— И вѣдь гоняютъ же вашего брата, ровно зайцевъ, а вы все свое... Али крестъ на себя такой приняли?.. Чудно, какъ погляжу!.. Въ департаментѣ есть воротила, про Егоръ Ѳомича можетъ слышалъ? У него мошна-то тугая, а сынъ, единственный сынъ, гдѣ то

Digitized by Google

мотается. Отецъ и то, и другое, а сынъ рожу воротитъ...

Савва задумался.

— Вотъ тоже и дочь у меня, Дуня, ровно бы блажная какая-то. Душа кроткая, а что-то въ ней нелад-ное. Чѣмъ бы ей кажется не жизнь, а поди-жь? И какъ иной разъ подумаешь объ ней, такъ сердце за нее и заноетъ. Что за причина, Петръ Николаевичъ, по вашему разуму? Пошто она блажитъ?

Никольскій взглянулъ на красиваго, энергичнаго мужика съ косматой головой.

Эту голову очевидно посѣщали мысли, съ которыми она не могла справиться. Раздумье виднѣлось въ морщинахъ, прорѣзывающихъ высокій большой лобъ Леонтьева, въ сжатыхъ крупныхъ губахъ, въ мягкомъ взглядѣ, полномъ любви, когда Савва говорилъ о дочери... Онъ дотронулся широкой рукой до руки Никольскаго и какъ-то печально проговорилъ:

— Васъ, Петръ Николаевичъ, Дуня уважаетъ. Я съ ней говорилъ, такъ она, голубушка, только жалостно какъ-то глядитъ, а отвѣта не подаетъ,—отцу поперечить не хочетъ,—а вы вѣрно смекаете, что у нея на разумѣ?.. Вѣдь долго ли бѣдненькой до грѣха, коли она—генеральша-то моя—тоже по вашему калиберу пойдетъ. А нюхъ-то мой сказываетъ, что у нея что-то засѣло въ головѣ.

Никогда Савва не говорилъ съ Никольскимъ такъ задушевно, какъ сегодня. Никогда Никольскій не ви-

Digitized by Google

дѣлъ въ этомъ мужикѣ такого нѣжнаго проявленія чувства къ дочери и страха за ея будущность.

Но что могъ отвѣчать онъ?

Ясно, что Савва не понималъ, да и не могъ понять того сложнаго процесса, который происходилъ въ его дочери. То, что пугало отца, къ тому стремилась дочь. Ничто не въ состояніи было наполнить пропасти, раздѣлявшей эти двѣ натуры. Въ дочери какъ будто олицетворился протестъ противъ всей жизни отца и обоимъ имъ совершенно естественно приходилось жалѣть другъ друга изъ противоположныхъ побужденій.

— Что-жь, Петръ Николаевичъ. Видно и вы не можете успокоить родительское сердце. Кровь-то родная!

— Человѣкъ на человѣка не походитъ, Савва Лукичъ. Что по вашему счастіе, то быть можетъ Евдокіи Савишнѣ горе. Пусть себѣ живетъ, какъ ей совѣсть велитъ! Авось будетъ счастлива. Такія натуры согнуть нельзя... Ихъ сломать можно, а согнуть никогда...

— Правда, правда ваша. Дуню не согнешь... Авось Богъ надъ ней смилуется... Пойдутъ дѣти и Господь пошлетъ миръ ея сердцу! попробовалъ успокоить себя Савва.

«Напрасно утѣшаетъ себя!» подумалъ Петръ Николаевичъ, и сталъ прощаться съ Саввой.

Леонтьевъ по обычаю три раза подѣловался съ Никольскимъ и крѣпко пожимая руку, проговорилъ:

Digitized by Google

— Ну, дай вамъ Богъ хорошаго, Петръ Николаевичъ... Богъ доведетъ вернуться, коли не побрезгуете нами, милости просимъ! Всегда я, любезный человѣкъ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ... А умаетесь бродяжничать-то, улыбнулся Савва:—только словечко черканите. Для васъ всегда мѣсто будетъ.

— Спасибо вамъ, Савва Лукичъ! проговорилъ Никольскій.

«Чудной народъ, чудной!» нѣсколько разъ повторилъ Савва, когда Никольскій ушелъ:—«Только безъ пути они маются, сердечные... Безъ плутовства нельзя прожить на свѣтѣ! Ни въ жисть.»

II.

Евдокія сидѣла за книгой, когда вошелъ Петръ Николаевичъ, и вспыхнула, увидавъ Никольскаго.

Онъ присѣлъ на кресло и заговорилъ:

— А я пришелъ проститься съ вами, Евдокія Савишна.

— Какъ проститься? Вы развѣ уѣзжаете? проговорила она испуганно.

— Уѣзжаю къ своимъ.

— Такъ скоро? проронила молодая женщина.

— И то зажился здѣсь.

— А скоро вернетесь?

— Не знаю скоро-ли... Надо думать нескоро... Здѣсь-то нечего дѣлать.

Разговоръ какъ-то не клеился. Евдокія сидѣла мол-

Digitized by Google

ча, опустивъ голову. Никольскій чувствовалъ себя неловко. Обоимъ хотѣлось такъ много сказать другъ другу, и между тѣмъ ничего не говорилось.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ Никольскій поднялся съ мѣста.

— Ужь вы уходите... совсѣмъ уходите? прошептала Евдокія:—А я хотѣла у васъ обо многомъ спросить... Обо многомъ.

— Спрашивайте.

— Да вы торопитесь. Лучше я вамъ напишу... Впрочемъ, подождите... Вы знаете, что на-дняхъ я буду богачка... Отецъ отдаетъ мнѣ огромное состояніе. Вы помните, что мы съ вами говорили объ этомъ?

— Какъ же, помню.

— Я этими деньгами не воспользуюсь... ни одной копѣйкой не воспользуюсь! прибавила Евдокія:—Но только мнѣ бы хотѣлось знать ваше мнѣніе, какъ употребить ихъ... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ были употреблены какъ можно лучше.

— Вы твердо на это рѣшились? Провѣрили себя?

— И вы еще спрашиваете, Петръ Николаевичъ? съ укоромъ замѣтила Евдокія.

— Добрая вы душа, Евдокія Николаевна! какъ-то ласково проговорилъ Никольскій:—И большой вы подвигъ дѣлаете, сами того не сознавая, въ этомъ-то и есть величіе подвига... Отказаться отъ состоянія, объ этомъ легко говорить, но сдѣлать это...

— Какой тутъ подвигъ? улыбнулась Евдокія:—Вы

Digitized by Google

ужь и о подвигѣ, а помните что вы же сами говорили?..

— Каюсь, вы поймали меня... Знаете ли... ну... ну... не буду, вижу вамъ это не нравится... О вашемъ рѣшеніи надо подумать, да хорошо подумать. Я подумаю и напишу вамъ свое мнѣніе, а также укажу, съ кѣмъ здѣсь посовѣтоваться, какъ оформить дѣло. Отдавать тоже надо умѣючи...

— То-то и я думаю... Такъ вы будете писать мнѣ?..

— Съ удовольствіемъ...

— Когда я кончу съ этимъ дѣломъ, тогда и о своей судьбѣ подумаю...

Никольскій почему-то вдругъ сталъ серьезенъ.

— Такъ жить, какъ они живутъ, я не буду, я не могу! тихо проговорила она, какъ-то восторженно глядя куда-то вдаль:—Я прежде думала, что можно иначе, но вижу, что ошибалась... Отдаваться вполовину я не умѣю...

Она говорила и голосъ ея дрожалъ какой-то восторженной нотой.

— Развѣ это жизнь? О, Господи, еслибъ вы знали, какъ тяжело бываетъ чувствовать себя виноватой...

Она помолчала и прибавила, натягивая на своей пополнѣвшій станъ большой платокъ:

— Вотъ только поправлюсь и тогда въ деревню. Не нравится мнѣ здѣсь жить... А тамъ я надѣюсь на васъ, Петръ Николаевичъ... Вы поможете мнѣ найти дорогу... Вѣдь поможете?

Digitized by Google

Никольскій нахмурился.

— Сердце само подскажетъ вамъ, Евдокія Савишна, что дѣлать. Дороги бываютъ разныя и указывать ихъ къ чему же?.. Жизнь сама укажетъ, а совѣтовать я не стану...

— Отчего не станете?

— Оттого во-первыхъ, что это будетъ насиліемъ. Вы еще молоды и подъ вліяніемъ возбужденія можете сдѣлать шагъ, за который потомъ раскаетесь... А быть можетъ я самъ ошибаюсь?.. быть можетъ дорога, которая мнѣ кажется легкой, покажется вамъ трудной; потомъ вы разочарованная, неудовлетворенная, горько упрекнете и себя и того, кто вамъ далъ совѣтъ... Или, наоборотъ, я укажу вамъ тропинку, которая покажется вамъ слишкомъ узкою! Нѣтъ! я ничего вамъ не буду совѣтовать, Евдокія Савишна... Я видѣлъ много горькихъ примѣровъ. Я видѣлъ много загубленныхъ жизней... Съ молоду душа отзывчива, она рвется на первое горячее слово, а потомъ... одна горечь, озлобленіе и какая-то пустота... Ни тутъ, ни тамъ нѣтъ зацѣпки... А тащить ярмо поневолѣ, нести такъ сказать, обрядъ службы, не участвуя всѣмъ сердцемъ, а напротивъ питая къ ней недовѣріе... избави Богъ отъ этого... Ничего не предпринимайте слишкомъ поспѣшно... Обдумайте прежде... Рвать со всѣмъ прошлымъ, со связями, съ знакомствомъ, привычками легко въ молодые годы, а послѣ что? А разъ корабли сожжены... поздно ихъ вновь строить!

Digitized by Google

Евдокія слушала Никольскаго съ какимъ-то восторженнымъ вниманіемъ Онъ говорилъ горячо, искренно, подкупающе...

— А во вторыхъ, почему? тихо спросила Евдокія, когда Никольскій замочалъ.

— А во-вторыхъ? переспросилъ Никольскій и сконфузился: — Во-вторыхъ — какъ-то рѣзко проговорилъ онъ, вставая съ кресла:—совѣты мои могутъ быть пристрастны...

— Какъ пристрастны?..

— Очень просто... Во мнѣ могутъ говорить эгоистическія побужденія... Люди не ангелы, Евдокія Савишна! обрѣзалъ онъ и такъ крѣпко пожалъ руку молодой женщинѣ, что она чуть было не вскрикнула отъ боли.

— Ну-съ, прощайте, Евдокія Савишна... Желаю вамъ всего хорошаго и главное душевнаго мира... Ваша натура васъ вывезетъ—это вѣрно...

— Прощайте, Петръ Николаевичъ... За все благодарю васъ.

— Не за что... Я для васъ былъ только товарищемъ, въ которомъ вы нашли откликъ, вотъ и все...

— Ахъ нѣтъ... больше!.. прошептала она, вся краснѣя.

Но Никольскій, по счастію, не слышалъ этихъ словъ. Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, спустился съ лѣстницы и даже не замѣтилъ презрительнаго взгляда, которымъ смѣрилъ его Борисъ Сергѣевичъ, встрѣтив-

Digitized by Google

шійся съ молодымъ человѣкомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда.

Въ тотъ же вечеръ Никольскій отправился въ деревню.

III.

Прошло два мѣсяца со времени отъѣзда Никольскаго. Борисъ Сергѣевичъ очень былъ радъ, что «этотъ господинъ», какъ обыкновенно онъ называлъ Никольскаго, пересталъ посѣщать его жену, и въ сердце его нѣтъ, нѣтъ да и закрадывалась надежда, что жена его со временемъ избавится отъ своихъ дикихъ выходокъ и какихъ-то дурацкихъ мечтаній, о которыхъ Борисъ Сергѣевичъ не могъ говорить иначе какъ съ презрительной насмѣшкой. Онъ возлагалъ надежды на рожденіе ребенка и особенно ухаживалъ послѣднее время за женой, прося ее беречь свое здоровье, въ заботахъ о сохраненіи состоянія, положеннаго въ банкъ на имя Евдокіи.

Тѣмъ не менѣе отношенія ихъ съ каждымъ днемъ становились суше и натянутѣй. Они видѣлись другъ съ другомъ только за обѣдомъ и за завтракомъ. Разговоры какъ-то не клеились. Борисъ Сергѣевичъ былъ любезенъ и изысканно вѣжливъ, Евдокія была спокойна и ровна; но глядя на нихъ, видно было, что между ними не было никакого связывающаго чувства. Случайность какая-то свела ихъ подъ одну кровлю и каж-

Digitized by Google

дый изъ нихъ таилъ про себя вражду другъ противъ друга.

О, какъ сердился Борисъ Сергѣевичъ, оставаясь на единѣ, при воспоминаніи объ этой маленькой тщедушной «дочери мужика», которая выказала съ первыхъ же шаговъ самостоятельность, для него неожиданную. Не онъ ли думалъ, что такъ легко будетъ подчинить эту «придурковатую» женщину своему вліянію и распоряжаться ея деньгами, какъ онъ захочетъ. Не онъ ли разсчитывалъ быть въ ея глазахъ божкомъ, передъ которымъ она могла бы только благоговѣть и слушать каждое его слово съ почтеніемъ. И вмѣсто всего этого она заявляетъ какія-то требованія? Она холодно выслушиваетъ, когда онъ удостоиваетъ ее разсужденіями, когда поучаетъ ее, высказывая передъ ней свои трезвые взгляды, полные приличія, солидности и здраваго смысла. Прежде она горячо спорила и онъ всегда разбивалъ ее въ спорахъ, а теперь она даже и не споритъ, а выслушиваетъ за обѣдомъ его обточенныя тирады, съ покорнымъ видомъ деликатной собесѣдницы. Самолюбіе его было оскорблено. Надежды разрушены. Мрачныя предчувствія лѣзли въ голову. Милліонъ, за которымъ казалось стоило только протянуть руку, вовсе не былъ такъ близокъ, напротивъ, онъ какъ будто все болѣе и болѣе отдалялся отъ него...

Когда Савва положилъ въ банкъ семьсотъ тысячъ и

Digitized by Google

привезъ Евдокіѣ билетъ на ея имя, Евдокія даже и не сказала ни слова мужу и онъ узналъ объ этомъ отъ своего тестя...

Борисъ Сергѣевичъ однако самъ заговорилъ о деньгахъ съ женой. Однажды, войдя къ ней въ кабинетъ, онъ завелъ о чемъ-то рѣчь и, между прочимъ, какъ будто нечаянно замѣтилъ:

— Кстати, мой другъ, я пришелъ тебѣ предложить очень выгодное помѣщеніе денегъ... На-дняхъ продается огромное имѣніе въ Тамбовской губерніи... Не хочешь ли купить?.. Покупка была бы очень выгодная...

— Нѣтъ... Я не разсчитываю покупать имѣнія...

— Что-жь ты думаешь дѣлать?.. Неужели держать въ банкѣ на трехъ процентахъ, когда деньги могутъ давать вѣрныхъ шесть и даже болѣе?..

— Пока я думаю держать ихъ въ банкѣ!

Онъ ни слова болѣе не сказалъ и ушелъ къ себѣ, изумленный ея рѣшительнымъ тономъ. Очевидно она не допуститъ никакого вмѣшательства въ это дѣло...

Къ чему же онъ женился?

Онъ ее не любилъ... Какъ женщина, она не удовлетворяла Бориса Сергѣевива. Въ ней не было ничего пикантнаго, ничего кокетливаго, ничего соблазняющаго. Такъ, простенькое, смазливое, пожалуй, личико, стройная, но худенькая фигурка и ничего въ ней бьющаго въ носъ. Держать она себя не умѣетъ и

Digitized by Google

Борисъ не разъ краснѣлъ за нее предъ порядочными людьми, пріѣзжавшими къ нимъ съ визитами.

Въ другихъ отношеніяхъ она казалась ему смѣшной, экзальтированной, странной...

Но онъ бы все простилъ, если бы она была покорной его рабой и отдала въ распоряженіе его деньги... Онъ бы поставилъ домъ на широкую ногу, онъ бы съумѣлъ извлечь изъ этихъ денегъ большіе доходы, а теперь онъ не смѣетъ даже и говорить съ ней о деньгахъ. Это чортъ знаетъ что такое!

Такой благовоспитанный, деликатный джентльменъ, какъ Борисъ Сергѣевичъ, конечно скрывалъ свое полное презрѣніе къ женѣ подъ маской приличія и любезности, но Евдокія очень хорошо понимала, какъ смотритъ на нее мужъ и почему онъ на ней женился... Разрывъ между этими людьми существовалъ уже со втораго мѣсяца послѣ свадьбы и дальнѣйшая участь этого брака являлась вопросомъ времени—не болѣе. Евдокія все-жь-таки считала Кривскаго настолько порядочнымъ человѣкомъ, что онъ не станетъ пользоваться правами мужа, въ случаѣ если она заявитъ желаніе разъѣхаться. Давно уже между ними не существовало никакихъ близкихъ отношеній. Это сдѣлалось какъ-то незамѣтно, само собой и Борисъ Сергѣевичъ съ деликатною покорностью несъ бремя неудовлетвореннаго супруга, имѣя на сторонѣ любовницу.

Digitized by Google

Но нарушенія супружескихъ обязанностей со стороны жены, Борисъ Сергѣевичъ разумѣется не потерпѣлъ бы. Онъ нерѣдко вздрагивалъ и блѣднѣлъ при мысли, что жена его превосходительства Бориса Сергѣевича Кривскаго можетъ сдѣлаться любовницею какого нибудь проходимца, въ родѣ Никольскаго.

А между тѣмъ ничего мудренаго въ этомъ не было.. Его жена, не смотря на его предостереженія,· посѣщаетъ чортъ знаетъ какое общество. Мало ли съ кѣмъ тамъ она можетъ встрѣтиться?.. Мало ли теперь разныхъ негодяевъ, которые подъ видомъ блага человѣчества захотятъ воспользоваться состояніемъ жены и увлекутъ эту блаженную женщину до забвенія ею долга?

На его обязанности сберечь ея состояніе для будущаго ребенка, наконецъ сберечь свою репутацію. Онъ не захочетъ быть посмѣшищемъ людей. Онъ, будущій столбъ государства, не потерпитъ, чтобы жена его сбѣжала съ какимъ нибудь нигилистомъ, какъ описываютъ въ романахъ...

Онъ тогда рѣшится на все... Шутить съ собой онъ не позволитъ!..

Такъ нерѣдко размышлялъ Борисъ Сергѣевичъ и слѣдилъ пристально за женой. Казалось, что никакихъ серьезныхъ опасеній не было и ему напрасно лѣзли въ голову разные страхи. Въ послѣднее время Евдокія почти не выходила изъ дому; только гуляла по утрамъ, а остальное время просиживала одна.

Digitized by Google

И Борисъ Сергѣевичъ замѣтилъ, что Евдокія какъ будто даже стала веселѣй и оживленнѣй послѣднее время, послѣ отъѣзда Николъскаго. Это утѣшало Кривскаго и снова надежды на подчиненіе жены мелькали свѣтлыми полосами въ его сердцѣ... Развѣ онъ безсиленъ противъ этой женщины?..

А Евдокія дѣйствительно въ это время жила какъ-то полнѣй и веселѣй. Она вела дѣятельную переписку съ Никольскимъ и оба писали другъ другу длинныя письма. Какъ и прежде въ разговорахъ, такъ и теперь въ письмахъ не было ни слова о любви, хотя чувство и сквозило между строчками. Въ этихъ письмахъ они передавали другъ другу свои впечатлѣнія и мысли. Евдокія разсказывала о своихъ планахъ, Никольскій указывалъ ей предположенія объ употребленіи ея состоянія, хотя въ каждомъ письмѣ совѣтовалъ ей хорошо взвѣсить всѣ обстоятельства.

Кривскій и не догадывался объ этой перепискѣ.

Но однажды онъ вошелъ въ ея кабинетъ и замѣтилъ, съ какою радостью Евдокія читаетъ какое-то письмо. Ему даже показалось, что при входѣ его Евдокія сконфузилась. Онъ не спросилъ жену и ушелъ, не сказавъ о письмѣ ни слова, но подозрѣніе закралось въ его голову и онъ рѣшилъ, что узнаетъ, отъ кого жена получила письмо.

Мысль о Никольскомъ кольнула его въ самое сердце. На слѣдующій день, когда жена по обыкновенію ушла гулять, Борисъ Сергѣевичъ, зашелъ къ ней въ

Digitized by Google

кабинетъ и сталъ шарить въ ея столѣ... Онъ увидѣлъ большую связку писемъ, развернулъ и сталъ читать...

Невыразимая злоба искривила его черты, когда онъ прочитывалъ эти письма... Почтовые листки дрожали въ его рукахъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

Пріятныя новости.

I.

Борисъ Сергѣевичъ не вѣрилъ своимъ глазамъ пожирая, одно за другимъ, письма Никольскаго.

Ахъ, если бы передъ Кривскимъ была любовная переписка!

Какъ ни обидно, но Борису Сергѣевичу несравненно легче было бы узнать о любви жены къ проходимцу, даже о невѣрности ея, чѣмъ то, что узналъ онъ въ этихъ проклятыхъ письмахъ.

Къ сожалѣнію, въ нихъ не было ни клятвъ, ни увѣреній, ни намековъ о разбитой жизни, но было гораздо худшее.

Въ нихъ были подробные и обстоятельные отвѣты на вопросы Евдокіи объ употребленіи ея состоянія. Въ этихъ письмахъ дѣлались разсчеты, указывались пути, какъ оформить дѣло и т. п.

«Вотъ какъ, вотъ оно что!» злобно шепталъ Борисъ Сергѣевичъ, укладывая письма обратно.

Digitized by Google

Лицо его было искажено злобой, когда онъ вернулся въ кабинетъ. Въ бѣшенствѣ заходилъ онъ по комнатѣ.

«Проходимецъ открываетъ пути ко спасенію! шептали его тонкія побѣлѣвшія губы:—Отдать все меньшей братіи... О, подлецъ!»

Борисъ Сергѣевичъ ядовито усмѣхнулся и съ устъ его срывались отрывистыя фразы:

«Благородный подвигъ... По всѣмъ правиламъ этихъ скотовъ! Возвратить неправедно нажитое... Мерзавецъ! Цѣлое подробное исчисленіе надѣловъ, которые можно выкупить!.. Негодяй! У него за душой ничего, такъ ему легко расписывать пути ко спасенію!.. Проходимецъ!»

Кривскій просто задыхался отъ бѣшенства.

Надо остановить дуру. Она не понимаетъ, что дѣлаетъ. Это все вліяніе этого негодяя, мѣсто котораго не среди людей, а гдѣ нибудь... Это все гнусныя бредни. Борисъ Сергѣевичъ не допуститъ. Онъ не позволитъ ограбить себя, будущаго своего ребенка.

«Это наконецъ грабежъ, насиліе, преступленіе!» воскликнулъ онъ.

Въ глазахъ Бориса Сергѣевича Никольскій мгновенно выросъ въ гнуснаго, вреднаго злодѣя. Что дѣлаетъ онъ тамъ въ деревнѣ у его жены?.. Вообще это подозрительная личность... Онъ можетъ быть подъ видомъ спасенія хочетъ обокрасть жену... Обязанность порядочнаго человѣка преслѣдовать такихъ негодяевъ!

Digitized by Google

Солидный, хладнокровный и обыкновенно разсудительный Борисъ Сергѣевичъ совсѣмъ потерялъ самообладаніе. Онъ увлекался все болѣе и болѣе при воспоминаніи о 700 тысячахъ, ускользающихъ изъ-подъ носа. Въ эти минуты онъ самымъ искреннимъ образомъ считалъ Никольскаго врагомъ общественнаго спокойствія, злодѣемъ и негодяемъ, осмѣлившимся подавать совѣты женѣ, мошенникомъ, запускающимъ руку въ чужой карманъ, въ карманъ Бориса Сергѣевича.

О, какъ пожалѣлъ Кривскій, что онъ не можетъ немедленно же расправиться съ этимъ «мерзавцемъ», какъ онъ того заслуживаетъ! Онъ сдѣлалъ бы это безъ всякой жалости. Онъ сгноилъ бы его въ какомъ нибудь тюремномъ замкѣ... Какая наглость!!.

А жена, эта блаженная дура? Эта идіотка, ищущая спасенія?..

Онъ не позволитъ ей спастись такимъ образомъ. Она—его жена. Онъ скажетъ отцу... Онъ приметъ мѣры. Дѣло идетъ объ интересахъ семьи. Наконецъ жена еще ребенокъ... Мало ли какихъ глупостей она можетъ надѣлать подъ вліяніемъ какого нибудь проходимца-апостола?.. Дуракъ Леонтьевъ далъ ей въ руки деньги! Но законъ долженъ придти на помощь, тѣмъ болѣе она теперь беременна, а во время беременности,—вспомнилъ Борисъ Сергѣевичъ,—женщины подвержены умопомѣшательству.

Кривскій сталъ разработывать эту идею, но скоро оставилъ ее... Идея была неподходящей...

Digitized by Google

Какъ же спасти состояніе?

Когда Борисъ Сергѣевичъ нѣсколько успокоился, онъ съ грустью сознался, что безсиленъ помѣшать Евдокіи, не дѣлая большаго скандала. Состояніе принадлежитъ ей. Она вольна распоряжаться. Ничего противозаконнаго нѣтъ въ намѣреніяхъ ея употребить деньги, какъ она хочетъ.

На кой же чортъ онъ женился? Что онъ отъ этого выигралъ?

Подъ бокомъ эта ненавистная дура, испортившая всю его жизнь, и нѣтъ исхода!..

Единственный исходъ смерть жены.

Мысль эта явилась внезапно и понравилась Борису Сергѣевичу до того, что онъ размечтался на эту тему. Онъ пробовалъ гнать эти мечты (все же неловко желать смерти человѣка!), но невольно снова возвращался къ нимъ. Это былъ бы такой превосходный исходъ... Для такой натуры, какъ Евдокія, жизнь пожалуй будетъ и въ тягость. Борисъ Сергѣевичъ даже философски пожалѣлъ Евдокію. Она такая слабая, болѣзненная... Она не можетъ быть счастлива. А между тѣмъ смерть ея развязала бы ему руки...

Послѣ родовъ часто умираютъ. Особенно послѣ первыхъ родовъ... Первые роды трудны! дразнилъ Бориса Сергѣевича какой-то голосъ.

Вошедшій лакей прервалъ сладкія мечты Бориса Сергѣевича.

Digitized by Google

— Господинъ Сивковъ проситъ позволенія васъ видѣть! проговорилъ лакей, подавая визитную карточку.

Кривскій взглянулъ на карточку, пожалъ въ недоумѣніи плечами и сказалъ:

— Я не знаю Сивкова. Что ему надо? Проситель?

— Нѣтъ-съ, по виду не проситель. Говоритъ, нужно видѣть по дѣлу.

— Ну, зови его...

Черезъ минуту маленькая, толстая фигурка, чистенько одѣтая во все черное, переступила порогъ кабинета.

— Сивковъ, повѣренный отставнаго полковника Гуляева, отрекомендовался сыщикъ, низко кланяясь.

Борисъ Сергѣевичъ небрежно кивнулъ головой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу.

— Извините, что осмѣлился безпокоить васъ! продолжалъ г. Сивковъ:—У меня есть къ вамъ маленькое дѣльце!

Борисъ Сергѣевичъ брезгливо оглядѣлъ съ ногъ до головы толстую фигурку г. Сивкова и сдѣлалъ движеніе изумленія, услыхавъ, что этотъ господинъ, выражающійся такимъ вульгарнымъ тономъ, можетъ имѣть къ нему дѣло.

— У васъ? иронически переспросилъ Кривскій.

— Точно такъ-съ! едва улыбнулся Сивковъ:—У меня. Оно впрочемъ касается не столько васъ...

— Вы вѣрно одинъ изъ кредиторовъ брата? перебилъ Борисъ Сергѣевичъ:—Въ такомъ случаѣ совер-

Digitized by Google

шенно напрасно изволили пожаловать ко мнѣ. Я не плачу его долговъ.

— Прошу удѣлить мнѣ десять минутъ, Борисъ Сергѣевичъ; дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы изволите предполагать! проговорилъ г. Сивковъ серьезнымъ и настойчивымъ тономъ.

Кривскій молча указалъ на кресло около стола и, опускаясь самъ, сухо замѣтилъ:

— Я слушаю.

Г. Сивковъ откашлялся и началъ:

— Вѣроятно вы изволили слышать о пропажѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года, изъ квартиры оставнаго полковника Гуляева ста тысячъ?

— Развѣ это воровство или, какъ вы говорите, пропажа относится къ вашему дѣлу?

— Немножко-съ! отвѣчалъ, опуская глаза, г. Сивковъ:—Если вы изволили слышать объ этомъ дѣлѣ, то вѣроятно припомните, что къ дѣлу былъ привлеченъ статскій совѣтникъ Трамбецкій, нынѣ умершій. Судъ его оправдалъ, такъ какъ никакихъ вѣскихъ уликъ не было, хотя въ карманахъ пальто покойнаго Трамбецкаго и было найдено нѣсколько билетовъ, изъ числа принадлежащихъ господину Гуляеву. Такимъ образомъ, хотя дѣло и разсматривалось на судѣ, но настоящій виновникъ этого... этой пропажи— поправился Сивковъ—открытъ не былъ... Для меня по крайней мѣрѣ не было сомнѣнія, что покойный Трамбецкій просто попался, что называется, какъ куръ во

Digitized by Google

щи... Тѣмъ не менѣе полковнику, какъ потерпѣвшему, какъ вы можете себѣ представить, было крайне непріятно, что настоящій виновникъ не найденъ и такимъ образомъ деньги безвозвратно потеряны.

— Я бы покорнѣйше просилъ васъ, милостивый государь, поскорѣй къ дѣлу. Я не могу понять, къ чему вы трудитесь разсказывать мнѣ подробности покражи у вашего полковника!

— Полковникъ поручилъ это дѣло мнѣ, продолжалъ г. Сивковъ, какъ будто не замѣчая перерыва Бориса Сергѣевича:—Дѣйствительно дѣло было крайне интересное и до нельзя таинственное, заставлявшее предполагать необыкновеннаго... участника.

Г. Сивковъ на этомъ мѣстѣ остановился и, доставая изъ кармана носовой платокъ, мелькомъ взглянулъ на Бориса Сергѣевича. Кривскій видимо начиналъ интересоваться.

— Послѣ долгихъ и упорныхъ поисковъ, какъ вѣроятно вамъ не безъизвѣстно, никакихъ слѣдовъ найдено полиціей не было. Но мнѣ послѣ многихъ трудовъ и большихъ затратъ,—я предпринималъ по этому случаю два путешествія въ провинцію!—мнѣ наконецъ удалось напасть на слѣды и уяснить это таинственное дѣло...

— И что-жь далѣе? машинально произнесъ Кривскій.

— И я счелъ долгомъ своимъ предварительно обратиться къ вамъ, Борисъ Сергѣевичъ!..

Digitized by Google

— Но я то тутъ при чемъ? воскликнулъ Кривскій, чувствуя, какъ тревожно бьется его сердце.

— Вы не при чемъ, но братецъ вашъ Александръ Сергѣевичъ! произнесъ чуть слышно сыщикъ, не глядя на Кривскаго.

Слова эти, произнесенныя таинственнымъ шопотомъ заставили Бориса Сергѣевича вздрогнуть. Онъ проговорилъ съ какою-то вдругъ охватившею его серьезностью.

— Братъ? Какое отношеніе можетъ имѣть мой братъ къ этому... этому дѣлу?

Онъ ужь избѣгалъ употреблять слово «воровство».

— Тутъ какая нибудь ошибка, милостивый государь... Братъ мой не можетъ имѣть отношенія къ пропажѣ ста тысячъ, и я удивляюсь, какъ вы позволили себѣ, милостивый государь, обращаться ко мнѣ съ вашими соображеніями! воскликнулъ Кривскій, словно бы желая ободрить себя звуками собственнаго голоса.

— Къ сожалѣнію, ошибки нѣтъ. Развѣ позволилъ бы я себѣ, Борисъ Сергѣевичъ, обращаться къ вамъ, не имѣя осязательныхъ доказательствъ? Я хоть и учился юридическимъ наукамъ больше на практикѣ, а всетаки кое - чему научился... Но только—осмѣлюсь замѣтить—напрасно изволите безпокоиться, Борисъ Сергѣевичъ. Дѣло это поправимое. Можно его отлично уладить. Именно съ этою цѣлью я и счелъ долгомъ сперва обратиться къ вамъ, чтобы не безпокоить на-

Digitized by Google

прасно его высокопревосходительство Сергѣя Александровича... Я очень хорошо понимаю: родительскія чувства, преклонный ихъ возрастъ... А вѣдь съ другой стороны, быть можетъ, одна шалость. Мало ли чего не бываетъ въ молодости, какихъ увлеченій... Можетъ быть дамочка или спѣшный карточный должокъ...

— Но гдѣ-жь доказательства? говорите яснѣй, г. Сивковъ!

— Улики есть, и весьма вѣскія улики, что въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе Александръ Сергѣевичъ. .

— То есть онъ... совершилъ? произнесъ, глядя въ сторону, Борисъ Сергѣевичъ.

— Они-съ... Они-съ задумали и совершили эту... эту, можно сказать, шалость. Письмо ихнее есть у насъ въ рукахъ, писанное къ Ѳомѣ, бывшему камердинеру полковника... Оно хотя и не подписано, но сходство очень большое съ почеркомъ Александра Сергѣевича... Кромѣ того еще платокъ вашего братца, забытый ими въ трактирѣ, гдѣ они имѣли наканунѣ того дня свиданіе съ Ѳомой... Платокъ этотъ оказался у дочери этого самаго лакея, какъ извѣстно, кончившаго жизнь самоубійствомъ... Наконецъ есть еще...

— Довольно... Чего же вы хотите?

— Я преподалъ, по моему мнѣнію, благоразумный совѣтъ, моему довѣрителю не начинать дѣла, а покончить его миролюбиво, возвративъ всѣ компрометирующіе документики въ полную вашу собственность. Поэтому то я и обратился къ вамъ, какъ къ старшему

Digitized by Google

братцу и человѣку состоятельному... Намъ нѣтъ никакой нужды губить молодаго человѣка, стоящаго на такой прекрасной дорогѣ, и потому, если бы полковникъ получилъ обратно пропавшую у него сумму, а равно и возмѣщеніе всѣхъ расходовъ, то дѣло это завтра могло бы окончиться, тѣмъ болѣе, что мы и просимъ немного: всего полтораста тысячъ...

— Полтораста тысячъ! воскликнулъ Борисъ Сергѣевичъ.

— Включая разумѣется въ эту сумму и деньги, принадлежавшія полковнику, то есть пропавшія сто тысячъ... Согласитесь, что это не дорого?

Борисъ Сергѣевичъ послѣ нѣкотораго размышленія проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, я не располагаю такими средствами, чтобы заплатить полтораста тысячъ!

«Пусть отецъ платитъ за своего любимца!» рѣшилъ Борисъ Сергѣевичъ. А онъ не можетъ отдать послѣднихъ своихъ крохъ, оставшихся у него отъ приданаго, полученнаго на руки. Съ чѣмъ онъ тогда самъ останется.

— Очень жаль! проговорилъ Сивковъ:—Слѣдовательно надо обратиться къ его выкопревосходительству?...

— Мнѣ кажется это самый вѣрный путь.

— Быть можетъ не угодно ли вамъ будетъ самимъ приготовить вашего батюшку къ этому для него непріятному извѣстію?

Digitized by Google

— Все равно... ударъ будетъ тяжелъ... Обратитесь лучше сами... Я надѣюсь, что вы постараетесь смягчить его... Нѣтъ сомнѣнія, что это прискорбное дѣло уладится.

Сивковъ всталъ съ мѣста, поклонился и направился къ дверямъ.

— Но если у вашего батюшки не найдется свободной суммы въ настоящее время? проговорилъ онъ, останавливаясь у дверей:—Позволите снова обратиться къ вамъ или разрѣшите дѣйствовать на законномъ основаніи? Мы медлить не можемъ.

— У меня нѣтъ денегъ! проговорилъ съ усиліемъ Борисъ.

Сивковъ еще разъ поклонился и вышелъ.

Долго еще просидѣлъ Борисъ Сергѣевичъ, раздумывая, какой негодяй Шурка, рѣшившійся на такое нечестное дѣло. Кто могъ бы ожидать этого отъ Шурки?.. Впрочемъ, къ сожалѣнію, у Шурки никогда не было никакихъ принциповъ, но все-таки подобная подлость... Надо посовѣтовать отцу отправить его въ Ташкентъ... Подобный братъ безчеститъ фамилію.

По зрѣломъ размышленіи Борисъ Сергѣевичъ вполнѣ одобрилъ свое поведеніе. Отдавать послѣднее свое состояніе за негодяя брата, конечно, глупо, тѣмъ болѣе, что отецъ можетъ достать требуемыя деньги и спасетъ честь своего любимца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и честь имени Кривскихъ! Конечно онъ заплатилъ бы за брата,

Digitized by Google

если бы состояніе жены было въ его распоряженіи, но развѣ онъ распоряжается въ этомъ домѣ?..

Кривскій вышелъ изъ кабинета мрачный и недовольный. Скоро лакей доложилъ, что подано кушать.

— Барынѣ докладывали? спросилъ Борисъ Сергѣевичъ, входя въ столовую.

— Ихъ нѣтъ дома.

— И не возвращалась?

— Нѣтъ, возвратились, но уѣхали и приказали сказать, что не будутъ кушать дома.

«Хороша семейная жизнь!» подумалъ Борисъ Сергѣевичъ, садясь за столъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя обиженнымъ и даже несчастнымъ.

II.

Совершенно случайно Евдокія слышала почти весь разговоръ, происходившій между мужемъ и Сивковымъ.

Вернувшись домой съ прогулки, она собиралась пройти въ кабинетъ сказать мужу, что сегодня не будетъ обѣдать дома, а поѣдетъ обѣдать къ отцу, но, подойдя къ дверямъ, не плотно затвореннымъ, она поражена была долетѣвшимъ до нея именемъ Трамбецкаго.

Евдокія хотѣла было отойти, но восклицаніе мужа о братѣ приковало ее къ дверямъ.

«Подлецъ!» вырвалось у нея, когда она отошла отъ дверей послѣ того, какъ услышала объ отказѣ мужа

Digitized by Google

заплатить деньги. Мужъ сдѣлался ей отвратителенъ. Такого безсердечія она не ожидала.

Евдокія тотчасъ же рѣшила заплатить эти деньги. Ей было жаль старика Кривскаго. Надо устроить, чтобы старикъ ничего не узналъ.

«Это извѣстіе убьетъ его!» проговорила она.

Она прошла къ себѣ въ кабинетъ и написала записку, въ которой просила г. Сивкова не ѣхать къ Кривскому, а переговорить съ нею. Она заплатитъ деньги.

Набросавъ торопливо нѣсколько строкъ, она вернулась въ залу, чтобы передать ее Сивкову, какъ только онъ выйдетъ изъ кабинета, но Сивкова уже не было. Онъ ушелъ.

Евдокія была встревожена. Что дѣлать? Вѣроятно этотъ господинъ поѣхалъ къ старику? Она немедленно же собралась къ Кривскимъ, надѣясь предупредить Сивкова, если онъ поѣхалъ туда... Она торопила извозчика, но какъ нарочно извозчикъ ѣхалъ тихо.

— Есть кто нибудь у Сергѣя Александровича? быстро спросила Евдокія, входя въ швейцарскую.

— Только-что одинъ господинъ прошелъ къ его высокопревосходительству.

— Кто такой?.. Вы не знаете?

— Господинъ Сивковъ!

— Опоздала! тихо промолвила Евдокія печально, и поднялась по лѣстницѣ.

Навстрѣчу спускался, позвякивая саблей, Шурка,

Digitized by Google

красивый, блестящій и сіяющій. Отъ него вѣяло свѣжестью и тонкимъ ароматомъ духовъ.

Евдокія готова была убѣжать при видѣ того самого Шурки, о которомъ только что слышала.

«Не можетъ же быть, чтобы послѣ того .. и такой веселый... довольный?» подумала она.

Она даже усомнилась и радость за старика мелькнула въ ея сердцѣ.

А Шурка, какъ ни въ чемъ не бывало, привѣтствовалъ ее, ловко кланяясь и цѣлуя ея руку.

Евдокія вся вспыхнула и поспѣшила отдернуть руку.

— Что съ вами, Евдокія Савишна? Вы сегодня какая-то странная...

Онъ взглянулъ на нее свѣтлымъ, чуть-чуть наглымъ взглядомъ.

Евдокія посмотрѣла на эти выпуклые, безвыразительные глаза и вдругъ поняла, что это могло случиться...

— Нѣтъ... ничего... Ничего!... проронила она совсѣмъ тихо, и бросилась почти бѣгомъ по лѣстницѣ.

Послѣ она вспомнила, что будто и Шурка сконфузился.

Евдокія подошла въ волненіи къ кабинету, но войдти не рѣшилась.

«Бѣдный, бѣдный старикъ!» вздохнула она и прошла наверхъ къ барышнямъ, попросивъ камердинера Сергѣя Александровича тотчасъ же дать знать ей, когда Сергѣй Александровичъ останется одинъ.

Digitized by Google

— Что съ вами?.. На васъ лица нѣтъ!.. Что случилось? допрашивали молодую женщину на верху.

Она объяснила свое волненіе болѣзнію и, слушая болтовню двухъ сестеръ, тревожно думала о томъ, что происходитъ въ настоящую минуту въ кабинетѣ.

— А Анна Петровна дома? спросила машинально Евдокія.

— Maman нѣтъ дома... Она уѣхала съ визитами...

— А что же вы?..

— Скучно... мы вечеромъ сегодня въ театрѣ. Шурка взялъ ложу во французскій театръ... Онъ привезетъ Денисова.

При имени Шурки Евдокія опять вспыхнула и передъ ней почему-то пронеслось воспоминаніе изъ дѣтства, какъ въ кабакѣ поймали мужика-вора и били его, а онъ покорно какъ-то взглядывалъ...

Невольно Евдокія сравнила...

«Что-то тамъ внизу со старикомъ?..» опять подумала Евдокія.

А тамъ происходила слѣдующая сцена.

Digitized by Google

ГЛАВА XVII.

Тяжкій ударъ.

Его превосходительство только-что закончилъ одну главу своего обширнаго административнаго изслѣдованія, когда въ кабинетъ осторожно вошелъ камердинеръ и доложилъ о Сивковѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй Александровичъ находился въ отставкѣ, онъ бывалъ очень доволенъ, когда къ нему, по старой памяти, являлись бывшіе его подчиненные или какіе нибудь просители, давая такимъ образомъ старику возможность разыграть по всѣмъ правиламъ сцену пріема.

Услыхавъ отъ камердинера, что «коллежскій асессоръ Сивковъ проситъ позволенія видѣть его превосходительство», Сергѣй Александровичъ приказалъ «просить господина Сивкова», и по старой привычкѣ придвинулъ къ себѣ бумаги, взялъ въ руки длинный карандашъ, какъ-то пріосанился и опустилъ глаза.

Когда отворились двери кабинета и на порогѣ по-

Digitized by Google

явился Сивковъ, отвѣшивая почтительные поклоны, его превосходительство медленно поднялъ глаза, оглядѣлъ, прищуриваясь, посѣтителя и сдѣлалъ кислую гримасу, замѣтивъ, что господинъ Сивковъ не во фракѣ и не въ бѣломъ галстухѣ, а въ сюртукѣ.

«Что этому господину нужно?» подумалъ его превосходительство, затрудняясь сразу опредѣлить профессію явившагося субъекта.

А субъектъ этотъ почувствовалъ большое смущеніе при видѣ строгаго, величественнаго старика, удостоившаго его едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. И этотъ старикъ и вся обстановка роскошнаго большаго кабинета до того смутили господина Сивкова, что онъ не трогался отъ дверей, пока наконецъ его превосходительство не удостоилъ сдѣлать обычнаго жеста, какимъ бывало подзывалъ маленькихъ чиновниковъ, и не ободрилъ подобіемъ улыбки, сконфузившагося посѣтителя.

— Чѣмъ могу служить вамъ, милостивый государь? произнесъ его превосходительство холодно-вѣжливымъ тономъ, останавливая взглядомъ господина Сивкова въ почтительномъ разстояніи отъ стола.

Сергѣй Александровичъ рѣшилъ, что передъ нимъ какой нибудь проситель.

— Я осмѣлился утрудить милостивое вниманіе вашего превосходительства по частному дѣлу... По весьма конфиденціональному дѣлу! въ смущеніи пролепеталъ Сивковъ.

Сергѣй Александровичъ удивленно приподнялъ брови.

Digitized by Google

— По конфиденіальному? Гдѣ вы изволите служить? спросилъ онъ.

— Я служилъ, ваше превосходительство, при сыскномъ отдѣленіи петербургской полиціи, а въ настоящее время нахожусь въ отставкѣ и занимаюсь ходатайствомъ по дѣламъ.

Кривскій еще болѣе изумился послѣ этой рекомендаціи и снова оглядѣлъ маленькую, толстую фигурку, почтительно склонившуюся передъ его превосходительствомъ.

— Въ чемъ же ваше конфиденціальное дѣло, господинъ Сивковъ? какъ-то брезгливо замѣтилъ Кривскій.

Но господинъ Сивковъ еще болѣе смутился или притворился смущеннымъ и, казалось, не рѣшился приступить къ объясненію.

— Я готовъ выслушать васъ, господинъ Сивковъ!

— Прошу великодушно простить меня, ваше превосходительство, что осмѣлился явиться... Но въ качествѣ повѣреннаго, дѣйствуя по уполномочію отставнаго полковника Ивана Алексѣевича Гуляева, я не могъ отказаться...

При имени отставнаго полковника его превосходительство нахмурился.

«Вѣрно опять Шурка надѣлалъ долговъ!» подумалъ онъ и проговорилъ:

— Въ чемъ же дѣло? Потрудитесь объяснить. Если не ошибаюсь, вамъ поручено обратиться ко мнѣ по

Digitized by Google

поводу какого-либо долговаго обязательства. Велика ли сумма?

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство... Къ сожалѣнію я вынужденъ довести до вашего свѣдѣнія болѣе щекотливое обстоятельство, касающееся Александра Сергѣевича...

Старикъ вопросительно взглянулъ на Сивкова. Тотъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу. Сергѣй Александровичъ начиналъ безпокоиться.

— Такъ говорите же! рѣзко крикнулъ Кривскій.

— Вы позволите все говорить? прошепталъ Сивковъ.

— Если пришли, такъ говорите! упавшимъ голосомъ замѣтилъ старикъ и опустилъ глаза, приготовившись слушать.

Съ осторожными оговорками и съ надлежащими смягченіями началъ разсказывать Сивковъ обстоятельства, сопровождавшія пропажу денегъ у его довѣрителя.

Нѣсколько недоумѣвая, по какому поводу разсказываются эти подробности, Кривскій слушалъ внимательно, не прерывая Сивкова ни единымъ словомъ.

Только когда Сивковъ останавливался, старикъ, не поднимая глазъ, произносилъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ:

— Дальше!

И Сивковъ разсказывалъ дальше.

Повидимому старикъ хладнокровно относился къ разсказу. Ничто не показывало его внутренняго волненія.

Digitized by Google

Онъ по прежнему сидѣлъ, наклонивъ голову, неподвижный, строгій, храня молчаніе...

Но чѣмъ дальше выяснялось дѣло,—хотя Сивковъ и старался по возможности смягчить разсказъ,—тѣмъ б ѣднѣе и мертвеннѣе дѣлалось лицо Кривскаго. Губы его нервно вздрагивали. Онъ чувствовалъ, какъ струя холода пробѣгала по его спинѣ. Ужасъ и страхъ охватили старика. Онъ долженъ былъ употребить чрезвычайное усиліе воли, чтобы не упасть на спинку кресла.

Ему казалось, что онъ слушалъ какую-то невѣроятную сказку.

Но когда Сивковъ, обманутый наружнымъ спокойствіемъ его превосходительства, позволилъ себѣ прямо обвинить сына, старикъ точно ужаленный поднялся съ кресла и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Ты лжешь, мерзавецъ!.. Признайся!.. вѣдь ты лжешь?

— Ваше превосходительство! униженно лепеталъ Сивковъ:—Развѣ я осмѣлился бы...

— Доказательства!

Дѣйствовавшій по уполномочію тотчасъ же вынулъ изъ бумажника маленькій почтовый листокъ бумаги и осторожно положилъ его на столъ.

Кривскій нервно протянулъ руку, взглянулъ на строки, написанныя карандашемъ, и опустился въ кресло, подавивъ въ себѣ крикъ скорби и отчаянія.

Почеркъ былъ очень хорошо знакомъ отцу.

Digitized by Google

Еще ниже склонилась сѣдая голова старика. Но Сергѣй Александровичъ тотчасъ же ее поднялъ и снова слушалъ, что говорилъ Сивковъ.

А тотъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ, между прочимъ разсказывалъ:

— Я, ваше превосходительство, единственно, чтобы не поднимать дѣла осмѣлился явиться... Я только-что отъ Бориса Сергѣевича, считая долгомъ предварительно побывать у нихъ съ предложеніемъ покончить келейно дѣло и возвратить документы, но Борисъ Сергѣевичъ изволи объяснить, что они не располагаютъ средствами и направили меня къ вашему превосходительству!

Еще новый ударъ, но что значилъ онъ теперь передъ только-что нанесеннымъ жестокимъ ударомъ?

Его превосходительство какъ будто даже и не обратилъ никакого вниманія на слова Сивкова и машинально спросилъ:

— Онъ направилъ ко мнѣ?

— Точно такъ-съ!

Старикъ какъ-то съежился, словно озябъ.

Наконецъ онъ спросилъ:

— Сколько хотите вы получить за ваши... ваши документы?

— Включая пропавшую сумму, сто пятьдесятъ тысячъ, ваше превосходительство!

— Сейчасъ у меня нѣтъ этихъ денегъ, но завтра

Digitized by Google

къ вечеру онѣ будутъ. Завтра приходите и приносите все... Чтобы никакого слѣда... Понимаете?

— Ни одна душа... ваше превосходительство!..

— Иначе вы, г. Сивковъ, будете со мною считаться. То же передайте и г. Гуляеву, чтобы не болталъ. Я съумѣю наказать васъ такъ, какъ вы и не думаете... Слышите? грозно прибавилъ старикъ.

Сивковъ совсѣмъ перетрусилъ передъ этой угрозой его превосходительства.

— Эту записку, продолжалъ Кривскій, указывая головой на листокъ, лежавшій на столѣ:—прошу оставить у меня. Не бойтесь! брезгливо прибавилъ Кривскій, замѣтивъ испугъ на лицѣ Сивкова:—Записка будетъ до вечера цѣла...

Сивковъ почтительно раскланялся, обѣщавъ быть завтра ровно въ весемь часовъ, согласно волѣ его превосходительства.

Бывшій сыщикъ весело улыбался, выйдя на улицу. Онъ не сомнѣвался, что его превосходительство исполнитъ свое обѣщаніе и поторопился къ отставному полковнику, сообщить о счастливомъ окончаніи дѣла и порадовать его хорошимъ гешефтомъ. Полковникъ изъ этой суммы долженъ былъ получить половину, а остальная половина шла Сивкову.

Когда двери кабинета затворились, Кривскій въ безсиліи откинулся на спинку и закрылъ глаза. Вся фигура старика въ эту минуту дышала глубокимъ, без-

Digitized by Google

помощнымъ страданіемъ. Въ креслѣ казалось лежалъ мертвецъ.

Онъ открылъ глаза и медленно прошепталъ:

— Кривскій, сынъ мой—воръ! Господи! за что ты наказываешь?

Случайно взглядъ его остановился на портретѣ Шурки. Презрѣніе и жалость мелькнули въ потухшемъ взорѣ его превосходительства.

— Подлецъ! медленно проговорилъ онъ, отвернулся и не выдержалъ—заплакалъ.

Невыносимымъ бременемъ показалась ему жизнь. Къ чему жить? Чего еще ждать?

— Позоръ, позоръ! беззвучно шептали старческія губы, въ то время какъ сердце старика замирало въ тоскѣ и отчаяніи.

Онъ просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ.

Однако приходилось все-таки спасти хоть честь имени отъ позора суда... Надо достать деньги. Старикъ рѣшилъ все продать, что у него оставалось, а пока достать денегъ. Но гдѣ достать?

Въ это время кто-то тихо постучался въ дверь и нѣжный голосъ Евдокіи проговорилъ:

— Позволите войти?

— Войдите!

Евдокія робко вошла въ кабинетъ.

Смущенная подошла она къ Сергѣю Александровичу и молча, съ особенною ласковою нѣжностію, поцѣловала его руку.

Digitized by Google

Кривскій взглянулъ въ ея глаза и почувствовалъ, что она все знаетъ.

Краска жгучаго стыда покрыла щеки самолюбиваго старика. Ему, родовитому потомку, сдѣлалось стыдно передъ этой скромной мужицкой дочерью, точно онъ чувствовалъ, что позоръ сына падалъ и на него.

Отрывисто и сухо спросилъ онъ, отворачиваясь:

— Здорова?

— Здорова! тихо проронила Евдокія, въ свою очередь избѣгая глядѣть на Сергѣя Александровича.

— Спасибо, что навѣстила... Присядь...

— Я на минуту. Я вѣдь къ вамъ по дѣлу! улыбнулась она и снова сконфузилась.

Старикъ поднялъ глаза. Растерянный видъ невѣстки изумилъ Кривскаго.

— Я по порученію отъ Бориса Сергѣевича, продолжала Евдокія:—онъ просилъ передать вамъ конвертъ! торопливо окончила она.

Съ этими словами Евдокія положила на столъ конвертъ и стала было прощаться, но Кривскій удержалъ ее.

— Подожди...

Сергѣй Александровичъ разорвалъ конвертъ. Тамъ лежалъ чекъ на полтораста тысячъ.

Благодарный, умиленный взглядъ старика съ любовью и тоской остановился на молодой женщинѣ. Онъ прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и тихо проговорилъ:

Digitized by Google

— Зачѣмъ ты говоришь неправду? Это прислалъ не Борисъ, а даешь ты! Я все знаю. Спасибо! Ахъ, если бы у меня были дѣти, похожія на тебя, проговорилъ старикъ, съ трудомъ выговаривая слова.

Евдокія стала прощаться.

Старикъ пожалъ ей руку и снова сказалъ:

— Благодарю, милая... Ты мнѣ сдѣлала большую услуга... Ты...

— Полноте, полноте, что вы...

— Я возвращу тебѣ эти деньги...

— Не безпокойтесь!.. проговорила Евдокія и поспѣшила уйти.

Опять Евдокія, дочь мужика, къ которой съ такимъ презрѣніемъ относился прежде его превосходительство, первая пришла на помощь къ старику. Сынъ, родной сынъ, выказалъ себя такимъ безсердечнымъ, а она?

И какая нѣжная деликатность у этой мужицкой дочери?

Неужели-жъ въ самомъ дѣлѣ наши дѣти... вырождаются?.. Неужели отъ нихъ уже нечего ждать!?

Такія мысли бродили въ головѣ старика, когда онъ на время отвлекался отъ гнетущей мысли. Цѣлый день просидѣлъ онъ одинъ и ночь провелъ тревожно.

На слѣдующій день, когда камердинеръ подавалъ старику одѣваться, онъ изумленъ былъ видомъ его превосходительства. Кривскій совсѣмъ казался дряхлымъ старикомъ.

Сергѣй Александровичъ, съ обычной тщательностью,

Digitized by Google

занялся своимъ туалетомъ. Когда, черезъ полчаса, онъ вышелъ изъ уборной, внося за собой душистую струйку въ кабинетъ, то былъ по прежнему изященъ въ своемъ длинномъ рединготѣ и по прежнему походилъ на безукоризненнаго джентльмена. Но только онъ значительно осунулся. Землистое лицо его было сурово, даже мрачно. Въ потухшемъ взорѣ уже не было прежняго блеска. Видно было, что старикъ окончательно подкошенъ, хотя онъ видимо старался подтянуться.

Онъ присѣлъ къ столу, взялъ было газеты, но тотчасъ же оставилъ ихъ, и отрывисто проговорилъ камердинеру:

— Попроси ко мнѣ Александра Сергѣевича.

Черезъ четверть часа въ кабинетъ вошелъ Шурка и словно внесъ съ собою въ мрачную комнату свѣтъ и радость. Такъ онъ былъ свѣжъ, веселъ беззаботенъ и красивъ. Легкой, съ перевальцемъ, походкой подошелъ онъ къ отцу и хотѣлъ было по обыкновенію поцѣловать его руку, но Кривскій брезгливо отдернулъ ее и проговорилъ:

— Не надо!

Шурка отступилъ назадъ.

Старикъ поднялъ на сына глаза и взглянулъ на него пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Шурка мгновенно прочелъ въ этомъ взглядѣ свой приговоръ. Онъ опустилъ глаза и вдругъ почувствовалъ, какъ дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Digitized by Google

Прошла секунда молчанія.

Старикъ все еще надѣялся, что *это* неправда, что *это* ошибка, но при взглядѣ на сына всякая надежда пропала.

«Онъ воръ!» рѣшилъ старикъ.

— Запри всѣ двери! отрывисто проговорилъ Кривскій.

Шурка послушно исполнилъ приказаніе.

— На ключъ! прибавилъ старикъ.

Когда Шурка смущенный вернулся, старикъ медленно досталъ изъ стола записку, положилъ ее на край стола и, указывая на нее длиннымъ пальцемъ, проговорилъ тихо:

— Это твоя записка?

— Моя! еле слышно отвѣтилъ Шурка и вдругъ, всхлипывая, бросился въ ноги, стараясь рукой обхватить колѣни отца.

Кривскій брезгливо отдернулъ ногу и съ презрѣніемъ сказалъ:

— Встань... Не унижайся...

Шурка поднялся.

— Я удивляюсь, что ты еще живъ! чуть слышно проговорилъ старикъ:—но еще не поздно... Еще ты можешь смыть позоръ... Мертвые срама не имутъ... Не правда ли?

Въ послѣдней фразѣ звучала любовь.

При этихъ словахъ Шурка затрепеталъ, какъ пойманный щенокъ.

Digitized by Google

— Не можешь?.. Ты воръ и кромѣ того трусъ?..

— Простите... простите!.. лепеталъ Шурка.

Въ глазахъ его стоялъ тупой страхъ животнаго.

— И это Кривскій?.. Это слуга государства?.. О, Господи!

Сергѣй Александровичъ поникъ головой и наконецъ сказалъ:

— Я спасу честь имени... тебя судить не будутъ, но чтобы я тебя не видѣлъ больше никогда... Слышишь?..

— Я уѣду...

— Приготовь списокъ долговъ и отдай матери. Я заплачу все, ты будешь получать содержаніе отъ нея. Но чтобы мы больше не встрѣчались. Иди!

Неужели такъ и отпустить? Отпустить совсѣмъ? А можетъ быть онъ не такъ виноватъ, шептало сердце.

— Постой, еще одно слово: зачѣмъ ты сдѣлалъ это?

— Я проигралъ на честное слово.

— И ради того ты рѣшился украсть. Изъ-за тебя чуть не обвинили невиннаго, изъ-за тебя зарѣзался человѣкъ. И совѣсть не мучила тебя?

— Я не могъ не заплатить. Я далъ честное слово! какъ-то тупо повторялъ Шурка.

Господи! Да понимаетъ ли онъ, что говоритъ! пронеслось въ головѣ у отца и онъ пристально посмотрѣлъ на сына.

Кажется въ первый разъ онъ обратилъ вниманіе на эти глаза. Въ самомъ дѣлѣ выпуклые, наглые, они

Digitized by Google

поражали своимъ тупымъ взглядомъ. Въ нихъ не было никакого блеска мысли. Они, эти глаза, были какіе-то безсмысленные, животные.

Старикъ съ какимъ-то страхомъ отвернулся.

— Иди! глухо повторилъ онъ.

Черезъ недѣлю Шурка былъ переведенъ въ Ташкентъ, а черезъ двѣ недѣли его превосходительство уѣхалъ за границу на неопредѣленное время, по случаю разстроеннаго здоровья. Его провожали: Евдокія и двѣ дочери. Больше никого не было. Старикъ просилъ жену и Бориса не безпокоиться.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Разрывъ.

I.

Послѣ того какъ Борисъ Сергѣевичъ узналъ о перепискѣ, а Евдокія услыхала разговоръ мужа съ Сивковымъ, отношенія между мужемъ и женой сдѣлались еще холоднѣе и натянутѣе.

Борисъ ненавидѣлъ жену. Евдокія презирала мужа. Они почти не встрѣчались, а встрѣчаясь за обѣдомъ, избѣгали разговоровъ. Впрочемъ, Борисъ Сергѣевичъ умѣлъ скрывать ненависть подъ маской изящной, холодной вѣжливости.

Хорошо обсудивъ положеніе, онъ рѣшилъ выжидать и не говорить ни съ женой, ни съ Леонтьевымъ о той новости, которая такъ поразила его. Онъ тщательно слѣдилъ за перепиской, аккуратно прочитывая письма Никольскаго.

«Пускай, до чего нибудь допишется!», думалъ онъ, злобно посмѣиваясь.

Digitized by Google

Тѣмъ временемъ онъ поручилъ собрать справки о молодомъ человѣкѣ, и написалъ своему пріятелю, губернатору той губерніи, гдѣ жилъ молодой человѣкъ, письмо, въ которомъ просилъ по-пріятельски обратить вниманіе на этого господина.

Принимая подобныя мѣры, Борисъ Сергѣевичъ разсчитывалъ, что онѣ быть можетъ скорѣй спасутъ состояніе, чѣмъ объясненіе съ женой. Удаливъ Никольскаго, онъ образумитъ жену. Сама она не могла бы выдумать, по его мнѣнію, такой... такой «подлости»!

Леонтьевъ очень хорошо видѣлъ, что между супругами происходитъ что-то неладное. Онъ скорбѣлъ за свою Дуню, часто навѣщалъ ее и пробовалъ-было начинать объ этомъ разговоръ, но Евдокія какъ-то избѣгала разговоровъ. Но въ послѣднее время Савва все чаще и чаще посѣщалъ Евдокію и какъ-то особенно нѣжно обращался къ ней. Сердце отца чувствовало, что любимица его очень несчастлива.

Приближалось время родовъ. Евдокія не выходила изъ дому, и Савва каждый день заѣзжалъ къ дочери.

Однажды онъ засталъ Евдокію въ слезахъ. По обыкновенію она сидѣла одна у себя въ комнатѣ.

— Что съ тобой, Дуня... Что съ тобой, родная? испуганно проговорилъ Савва, прижимая свою любимицу къ груди:—Ты никогда не скажешь... Все молчишь, точно сиротка безотвѣтная... Скажи?..

— Нѣтъ... ничего, папенька!..

Digitized by Google

— Какъ ничего?.. Всегда то ты одна одинешенька... Мужа видно дома нѣтъ?..

— Кажется...

— Дуня... Дунюшка... Прости меня... Вѣдь это я во всемъ виноватъ!... Я тебѣ совѣтовалъ...

— Я сама виновата

— Смекалъ, лучше будетъ...

— Я сама думала...

— Не любитъ онъ тебя?..

— И я его не люблю, папенька... Я совсѣмъ его не люблю... Онъ женился не на мнѣ, а на нашихъ деньгахъ...

Савва съ тоской глядѣлъ на Евдокію.

— Кто его зналъ? Если бы знать...

— Да развѣ я виню васъ, папенька! какъ-то задумчиво проговорила Евдокія: — Тутъ никто не виноватъ кромѣ меня... Слишкомъ уже я мечтала тогда...

— Вотъ дастъ Богъ благополучно внука или внучку родишь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда можетъ дѣло обладится...

Евдокія отрицательно покачала головой.

— Что-жь дѣлать-то ты будешь?

— Я съ нимъ не буду жить...

— Къ намъ жить пойдешь?.. Я всей душой, Дунюшка... Ужь какъ за ребеночкомъ ходить буду!.. радостно воскликнулъ Савва.

Digitized by Google

— Нѣтъ, папенька, я и къ вамъ не пойду... грустно улыбаясь, проговорила Евдокія.

— Не пойдешь? Куда-жь пойдешь?

— Я сама по себѣ жить буду, папенька.

Савва замолчалъ и пріунылъ. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Какъ же одной-то тебѣ... А если ребенка мужъ не отдастъ?

— Вотъ это-то и печалитъ меня...

— Ты однако не горюй, Дуня, проговорилъ Савва:— Если онъ не станетъ отдавать, скажи мнѣ... Я куплю у него ребенка... Онъ до денегъ падокъ... Продастъ!

Евдокія печально усмѣхнулась, обнимая отца. А Савва съ какою-то недоумѣвающей грустью смотрѣлъ на свою дочь, не понимая, отчего ей хочется жить «самой по себѣ»!..

И вспомнилъ онъ какая всегда странная была эта Дуня, какая она съ молодыхъ лѣтъ была богомольщица и выростала совсѣмъ не похожая на своего брата.

«Вся въ бабушку! подумалъ Савва. — Спастись хочетъ!» И стало ему удивительно жаль Дуню...

На то ли разсчитывалъ онъ?

А Евдокія, глядя на отца съ тѣми же самыми чувствами, съ какими отецъ глядѣлъ на нее, тоже раздумывала объ отцѣ и не могла понять, къ чему это онъ такъ дорожитъ богатствомъ и живетъ такою жизнью.

Они любили другъ друга и не понимали одинъ другаго.

Digitized by Google

«Чудная!» повторилъ про себя Савва.

«Бѣдный!» пожалѣла про себя Евдокія.

— Послушайте, папенька, наконецъ заговорила Евдокія:—я васъ буду очень просить...

— О чемъ, Дуня?..

— Если я умру... то деньги, которыя вы мнѣ дали, я отъ вашего имени отдамъ на доброе дѣло...

И Евдокія разсказала отцу о своемъ планѣ.

— Вы не разсердитесь за это... Вѣдь нѣтъ?..

Савва замѣтилъ, какъ загорался взглядъ Евдокіи, когда она говорила о своемъ планѣ.

— Зачѣмъ говорить, Дуня, о смерти. Что ты? Не говори о смерти... Рано еще...

— На всякій случай... я только хотѣла бы знать: вы не разсердитесь, что я ваши деньги употреблю такъ, какъ сказала вамъ...

— Ахъ, ты милое мое дитятко! вдругъ произнесъ Савва, подъ вліяніемъ сильнаго чувства:—Какъ же мнѣ сердиться?.. Деньги твои, дѣлай съ ними, что хочешь... Ты и тутъ обо мнѣ вспомнила... Отъ моего имени... повторялъ Савва:—Развѣ я не вижу, что ты безсребреница. Развѣ я не смекаю, что ты за-кроткая душа... Все-то ты раздашь другимъ, а сама...

— И сама тогда буду счастлива! восторженно досказала Евдокія:—Такъ вы не разсердитесь?.. Я ужь и завѣщаніе такое сдѣлала, краснѣя прибавила Евдокія.

— Мужъ знаетъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ.

— Имѣлъ онъ съ тобой разговоръ о деньгахъ?

— Еще бы. Прежде онъ только о нихъ и говорилъ. Предлагалъ помѣстить ихъ лучше. Имѣніе купить совѣтовалъ.

— А ты?

— Я отказывала.

— То-то онъ и не любитъ тебя... Онъ добирался до денегъ... Ахъ, Дуня, какой нынче народъ! проговорилъ Савва.

Евдокія взглянула на отца.

«А самъ отецъ?» мелькнуло въ ея головѣ.

Леонтьевъ уѣхалъ отъ Евдокіи разстроенный. Когда на другой день онъ пріѣхалъ къ ней и встрѣтился съ Борисомъ Сергѣевичемъ, то имѣлъ съ нимъ объясненіе.

Онъ пояснилъ Кривскому, что жена постоянно одна.

Борисъ выслушалъ внимательно и сказалъ:

— Жена вамъ жаловалась?

— Нѣтъ... развѣ она станетъ жаловаться?.. Я такъ, самъ отъ себя...

— Такъ вы напрасно, Савва Лукичъ, готовы обвинять меня... Ваша дочь давно тяготится моимъ обществомъ! усмѣхнулся Кривскій:—Она давно сторонится отъ меня и... ищетъ совѣтовъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало...

— Что это значитъ?.. Объяснитесь... Я не понимаю...

— Для нея совѣты господина Никольскаго несравненно вѣрнѣе совѣтовъ мужа. Она съ нимъ ведетъ пе-

Digitized by Google

переписку... У нихъ даже намѣреніе есть, очень благородное... раздать состояніе мужикамъ... Ваша дочь не говорила вамъ объ этомъ?.. Не посвятила васъ въ свои тайны?..

Кривскій ясно намекалъ, что жена его любитъ Никольскаго, но что онъ, Борисъ Сергѣевичъ, какъ порядочный человѣкъ, не хочетъ поднимать скандала, пока дѣло въ одной перепискѣ, о которой онъ случайно узналъ.

— Но если, Савва Лукичъ, ваша дочь не образумится, то я конечно, не имѣя права требовать любви, во всякомъ случаѣ могу требовать уваженія и не позволю позорить свое имя...

Савва слушалъ и недоумѣвалъ.

— Я попрошу васъ, продолжалъ Кривскій—не говорить пока ничего вашей дочери... Теперь она въ такомъ состояніи, что этотъ разговоръ можетъ ее разстроить, но послѣ я бы васъ очень просилъ серьезно поговорить съ ней. Я молчалъ, но вы начали и я продолжалъ только.

— Позорить твое имя, сказалъ ты? усмѣхнулся Савва, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ:—Дуня ничьего имени опозорить не можетъ... Ты бралъ ее, видѣлъ какую бралъ... А что она тебѣ не отдаетъ денегъ...

Борисъ поблѣднѣлъ.

— О деньгахъ я не говорю... Мнѣ нѣтъ дѣла до денегъ вашей дочери.

— Эхъ, Борисъ Сергѣевичъ, напрасно ты съ нами

Digitized by Google

родниться захотѣлъ... съ мужиками... право напрасно... По вашему калиберу вамъ не надо было брать мужички... А вѣдь и у мужички душа-то божеская... губить-то ее не слѣдъ... Вѣдь жизнь-то Дунина видна... А если переписка, ты говоришь, такъ ты бы съ женой поговорилъ. Она тебѣ бы объяснила... Я знаю Петра Николаевича. Онъ человѣкъ честный.

— Очень даже!

— А Дуню напрасно ты хвалишь. Она обманно ничего не сдѣлаетъ. У этой мужички душа открытая. Умный ты человѣкъ, Борисъ Сергѣевичъ, а человѣка кроткаго видно узнать не могъ...

Савва пошелъ къ дочери и завелъ съ ней разговоръ о Никольскомъ.

Евдокія вспыхнула и проговорила:

— Отчего вы о немъ заговорили!

— Такъ, вспомнилъ...

— Нѣтъ, не такъ, папенька... Вѣрно мужъ говорилъ. Онъ давно мнѣ о Никольскомъ говоритъ... Совѣтовалъ не принимать его...

— Онъ, Дуня, жаловался насчетъ писемъ...

— Значитъ Борисъ Сергѣевичъ и письма чужія читаетъ?.. Что-жъ и это не удивительно... Вотъ эти письма... Читайте, если хотите?

Евдокія достала письма и подала ихъ отцу.

— Что ты, что ты??.. Чего мнѣ читать то... Развѣ я не вѣрю тебѣ...

Савва такъ и не взялъ писемъ и только замѣтилъ:

Digitized by Google

— А ты бы ихъ запирала, глупенькая!..

— И то... надо было запирать! грустно проронила она.

II.

Черезъ нѣсколько дней, въ квартирѣ Бориса Сергѣевича собрались лучшіе доктора. Положеніе Евдокіи внушало серьезное опасеніе. Больная второй день страдала въ страшныхъ мученіяхъ, и рѣшено было прибѣгнуть къ серьезной операціи. Грустный сидѣлъ Савва въ кабинетѣ Евдокіи, рядомъ съ ея спальной. Оттуда раздавались отчаянные стоны, и тогда Савва вскакивалъ, подбѣгалъ къ дверямъ, снова отбѣгалъ и шепталъ слова молитвы. Мысль о потерѣ Дуни наполняла сердце отца отчаяніемъ и скорбью. «О, Господи, не попусти этого!» шептали его губы и онъ далъ обѣтъ въ случаѣ ея выздоровленія построить церковь въ родномъ своемъ городѣ. Доктора только-что прошли въ спальную послѣ совѣщанія, бывшаго въ кабинетѣ у Бориса Сергѣевича...

— Она... будетъ жива? спросилъ Савва, подбѣгая къ доктору, который былъ сзади.

Докторъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Мы сдѣлаемъ все, что возможно...

Савва въ отчаяніи бросился на диванъ.

Въ спальной суетилась Анна Петровна Кривская и выбѣгала оттуда въ кабинетъ къ сыну. Борисъ въ волненіи ходилъ по кабинету.

Digitized by Google

— Ну что? спрашивалъ онъ, останавливая взглядъ на матери.

— Сейчасъ будетъ операція... Ты не волнуйся, Борисъ.

— Я не волнуюсь... Очень она опасна?

— Доктора не говорятъ... Кажется...

«Оставила ли она завѣщеніе!» мелькнула мысль у Бориса.

О томъ же подумала и мать, и спросила сына:

— Ты конечно знаешь, бѣдная Евдокія распорядилась на случай...

— Ничего я не знаю! съ раздраженіемъ отвѣтилъ Борисъ:—Нашли время спрашивать!

Ея превосходительство снова хотѣла пройти въ спальную, но ее туда не пустили.

Кромѣ докторовъ и акушерки, при Евдокіи была старуха бабушка, мать Саввы. Она второй день не отходила отъ внучки и ласково улыбалась своей любимицѣ, когда та поднимала на нее свой страдальческій взоръ... Она тихо шептала молитвы и какъ-то сурово глядѣла на докторовъ.

Доктора о чемъ-то шептались и, наконецъ, приступили къ дѣлу. Больную хлороформировали и черезъ двѣ минуты въ спальной воцарилась мертвая тишина.

У Саввы замерло сердце...

Вдругъ раздался мучительный крикъ. Онъ подскочилъ къ дверямъ и снова отскочилъ, не рѣшаясь войти.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько минутъ вышли доктора.

Савва не рѣшался спросить.

— Ваша дочь спасена! проговорилъ одинъ изъ врачей:—но за то внукъ вашъ погибъ... Богъ дастъ будетъ другой! прибавилъ въ утѣшеніе докторъ.

Савва задрожалъ отъ радости.

Когда доктора вошли въ кабинетъ и сообщили радостное извѣстіе Борису, то Борисъ пробовалъ было обрадоваться, но вмѣсто радостной улыбки, улыбка вышла какая-то кислая...

Евдокія медленно поправлялась, и старуха бабушка, по ея просьбѣ, поселилась на это время у нея. Отецъ каждый день навѣщалъ дочь. Борисъ Сергѣевичъ совсѣмъ не показывался у жены.

Когда молодая женщина совсѣмъ поправилась, ей подали письмо. Письмо было отъ Прасковьи Ивановны и получено было недѣли двѣ тому назадъ. Въ этомъ письмѣ Прасковья Ивановна сообщала, что совершенно неожиданно Петръ Николаевичъ долженъ былъ уѣхать, и что она съ Колей въ скоромъ времени поѣдетъ къ нему. Отъ имени Петра Николаевича она сообщила Евдокіи самыя лучшія пожеланія.

Черезъ нѣсколько дней Евдокія написала письмо мужу, уѣхавшему въ провинцію на новое свое мѣсто, въ которомъ сообщала ему о своемъ намѣреніи оставить его навсегда. Борисъ Сергѣевичъ отвѣчалъ письменно, что онъ желалъ бы формальнаго развода. Когда Савва Лу-

Digitized by Google

кичъ узналъ объ этомъ, то сказалъ дочери, чтобы она не безпокоилась—онъ устроитъ это дѣло.

Черезъ мѣсяцъ Евдокія уѣзжала изъ Петербурга въ деревню, покончивши давно задуманное дѣло.

Савва было отговаривалъ ее, умолялъ поселиться у нихъ, но она не соглашалась на просьбы отца и матери. Одна бабушка старуха не отговаривала внучку и, узнавши что она отдала все свое состояніе, какъ-то особенно нѣжно цѣловала Евдокію, прощаясь съ ней и все повторяла, что внучка сдѣлала угодное Богу.

А Савва, обнимая свою любимицу, говорилъ сквозь слезы:

— По крайней мѣрѣ отца не забудь...

— Господи! Да развѣ я васъ не люблю?.. Развѣ вы не видите, какъ мнѣ тяжело разставаться, но я должна идти своей дорогой... Что будетъ, то будетъ!.. какъ-то восторженно проговорила она.

Печальны были проводы Евдокіи. Особенно горевала больная мать и, прижимая къ себѣ Евдокію, все повторяла, что не увидитъ больше своей Дуни...

Дуня и сама не могла удержаться отъ слезъ и обѣщала скоро навѣстить своихъ.

Разнородныя чувства волновали молодую женщину, когда наконецъ поѣздъ увозилъ ее изъ Петербурга.

Digitized by Google

ГЛАВА XIX.

Эпилогъ.

I.

Прошелъ годъ.

Прелестное весеннее утро занялось надъ роскошнымъ уголкомъ южной Швейцаріи, живописно ютившимся у лазурныхъ водъ Лемана, подъ защитой нависшихъ надъ нимъ островерхихъ пушистыхъ альпійскихъ отроговъ.

Среди торжественной тишины и безмолвія распускавшагося утра, въ одномъ изъ балконовъ отеля, тихо скрипнули двери и на балконъ вышелъ въ сѣромъ полухалатѣ его превосходительство Сергѣй Александровичъ Кривскій.

Полной грудью вдыхалъ высокій старикъ, чудный горный воздухъ, полный острой свѣжести и аромата, невольно любуясь съ высоты балкона открывшейся передъ нимъ картиной, ласкающей взоръ.

Длинными переливами всѣхъ цвѣтовъ радуги сверкали передъ нимъ горы. Подъ лучами подымавшагося

Digitized by Google

солнца, ослѣпительнымъ блескомъ сіяли бѣлоснѣжные макушки высокихъ альпійскихъ «зубовъ» и между ними Dent de Midi сіялъ какъ-то особенно торжественно и ярко, прикрытый на половину медленно ползущимъ вверхъ бѣло-молочнымъ облакомъ. Внизу, на склонѣ, лѣпился Монтрё, а далѣе, еще ниже, среди яркой молодой листвы высокихъ тополей, акацій, платановъ и лавровъ, прорѣзываемой темной зеленью кипарисовъ, по голубому фону озера тянулась бѣлая лента домовъ, гостиницъ, пансіоновъ и виллъ, заканчиваясь темнымъ пятномъ мрачнаго Шильона, купавшагося въ водѣ. Гладь озера казалась сверху восхитительной голубой дымкой, нѣжно лизавшей высокія отвѣсныя подножія горъ противуположнаго берега, который въ прозрачной атмосферѣ казался совсѣмъ близкимъ...

Было какъ-то торжественно тихо и безмолвно.

Его превосходительство задумчиво любовался утромъ и долго не могъ оторваться. Со всѣхъ сторонъ открывались новые виды и глазъ невольно приковывался къ мягкимъ сочетаніямъ всевозможныхъ цвѣтовъ, являвшихся подъ золотистыми лучами ослѣпительнаго солнца, сверкающаго на высокомъ лазурномъ небосклонѣ.

Старикъ наконецъ ушелъ съ балкона и, по обыкновенію, присѣлъ къ столу оканчивать новую меморію, которую его превосходительство писалъ для спасенія Россіи.

На чужбинѣ, вдали отъ родины, его превосходительству еще яснѣе представилось, что Россія идетъ

Digitized by Google

къ неминуемой гибели и онъ все еще про себя таилъ надежду получить отъ его свѣтлости короткую телеграмму: «Пріѣзжайте немедленно!» Время было горячее. Подымался призракъ восточной войны... Нужны опытные, дальновидные люди, способные подать совѣтъ, а онъ, онъ, какъ Прометей, прикованъ къ Альпамъ, всѣми забытый, переживавшій тяжелое личное горе, угрюмый, желчный, съ замираніемъ, сердца читавшій новыя назначенія, появлявшіяся въ «Journal de S.-Petersbourg».

Здѣсь, подъ чуднымъ небомъ, старикъ еще болѣе почувствовалъ свое сиротство. Онъ сердился и скорбѣлъ, что его не призываютъ. Одинъ намекъ, и онъ снова готовъ служить отечеству. Но намековъ не было, и старикъ, несмотря на то, что къ запискамъ его относились съ невниманіемъ, все-таки нѣсколько недѣль тому назадъ послалъ въ Петербургъ длинную записку для представленія его сіятельству. Записку эту онъ писалъ при письмѣ къ своему пріятелю князю Z, въ которомъ просилъ князя разузнать «какъ дуетъ въ Петербургѣ вѣтеръ.» Въ этомъ письмѣ его превосходительство, между прочимъ писалъ, что «время, которое мы переживаемъ чревато послѣдствіями и государственнымъ людямъ надо быть на-сторожѣ, дабы не быть поставлену въ крайность. Нужно дѣйствовать очень осторожно и во всякомъ случаѣ не распускать возжи, подъ вліяніемъ патріотическаго одушевленія, такъ какъ въ противномъ случаѣ обстоятельства могутъ привести

Digitized by Google

къ послѣдствіямъ, весьма для близорукихъ людей, неожиданнымъ.»

Подъ вліяніемъ событій передъ сербско-турецкой войной, старикъ думалъ, что Россія пойдетъ по пути слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ, и счелъ долгомъ предупредить, объясняя не безъ дальновидности, что «освобожденіе народовъ весьма обоюдоострая затѣя, требующая искусныхъ кормчихъ для урегулированія возбужденныхъ надеждъ».

Князь Z. успокоивалъ старика и писалъ, чтобы его превосходительство не предавался опасеніямъ. Хотя «освобожденіе» и рѣшено, но оно вовсе не будетъ имѣть тѣхъ вліяющихъ послѣдствій, на которыя указываетъ его превосходительство. Все останется по старому. Что же касается до записки, то она, при посредствѣ «извѣстной особы» была передана его свѣтлости, но, къ сожалѣнію, еще не прочитана. Впрочемъ его свѣтлость изволилъ вспомнить о Сергѣѣ Александровичѣ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ справлялся нѣсколько разъ о его здоровьѣ...

Горькая усмѣшка пробѣжала по его лицу, когда онъ прочитывалъ отвѣтъ.

«Бѣдная Россія!» опять вздохнулъ онъ и въ тотъ же день послѣ обѣда, въ обществѣ такихъ же двухъ отставныхъ стариковъ, какъ и онъ, прусскаго графа фонъ-Вельца и англійскаго лорда Брута, его превосходительство особенно горячо бесѣдовалъ по вопросамъ внутренней политики.

Digitized by Google

Названныя лица: прямой, какъ палка, высокій неуклюжій графъ Вельцъ, бывшій министръ, вздрагивавшій при имени Бисмарка, и добродушный краснощекій старикъ лордъ, недовольный Биконсфильдомъ, составляли единственное общество, въ которомъ часа два въ день, его превосходительство короталъ свое время Ни съ кѣмъ больше онъ не знакомился, а русскій языкъ какого нибудь соотечественника заставлялъ его пугливо сторониться.

Цѣлый годъ уже прожилъ старикъ въ одиночествѣ, изрѣдка получая письма отъ дочерей. Ни съ женой, ни съ Борисомъ онъ не переписывался и, узнавъ о разводѣ его, порадовался за Евдокію. О Шуркѣ старался не думать и гналъ отъ себя мысли о немъ, невольно закрадывавшіяся въ голову.

Послѣднія событія наложили на его превосходительство свою печать. Онъ одряхлѣлъ, совсѣмъ посѣдѣлъ и почти никогда не улыбался. Всегда безукоризненно одѣтый, съ спустившимся на лобъ локономъ, нѣсколько надменный и брезгливый, его превосходительство входилъ за общій столъ и садился между графомъ и лордомъ, обмѣнивался съ ними отрывистыми фразами за обѣдомъ о погодѣ, и только послѣ обѣда, когда три старика могли оставаться одни, они иногда вступали въ разговоръ, причемъ прусскій графъ говорилъ о погибели Пруссіи, лордъ о мерзостяхъ Биконсфильда, а его превосходительство съ сожалѣніемъ говорилъ, что

Digitized by Google

въ Россіи нѣтъ опытныхъ и дальновидныхъ администраторовъ.

У всѣхъ у троихъ была сильно увеличена печень и усѣвшись въ отдаленіи отъ всѣхъ, они нерѣдко изливали другъ передъ другомъ жалобы за чашкою кофе на терассѣ...

Затѣмъ раскланивались и каждый изъ нихъ шелъ въ одиночку на прогулку въ горы, продолжая скорбѣть о своемъ отечествѣ.

На другой день повторялось то же самое.

А дни, какъ нарочно, тянулись долго въ однообразіи прогулокъ, завтраковъ, обѣдовъ и критики внутренней и внѣшней политики.

Его превосходительство, хоть и убивалъ остающееся время сочиненіемъ записокъ и чтеніемъ газетъ, но все-таки тосковалъ...

Въ крайнемъ случаѣ онъ не отказался бы отъ дипломатической должности, размышлялъ не разъ старикъ.

Но съ сѣвера никакихъ утѣшительныхъ вѣстей не приходило.

Напротивъ, газеты приносили все непріятныя извѣстія. Его замѣститель, «выскочка» и «проходимецъ», какъ называлъ Сергѣй Александровичъ господина Стрѣлкова, отличался и преуспѣвалъ, обнаруживая самую недюжинную энергію въ порученномъ ему управленіи. Его приказы по департаменту были категоричны и коротки. Реформы, предпринятые имъ, тотчасъ же по вступленіи въ должность послѣ Кривскаго, имѣли

Digitized by Google

цѣлью, какъ объясняли пояснительные циркуляры, «поднять духъ учрежденія.» Замѣчательные слова, сказанные имъ при ревизіи чиновникамъ возбуждали восторгъ. Онъ сказалъ коротко, но ясно. «Господа, поймите, что я не обладаю слабыми нервами, а потому совѣтую быть на высотѣ положенія. Теперь время, когда истинные слуги отечества должны быть съ желѣзными нервами. Такъ знайте, что у меня желѣзные нервы!»

Эти «желѣзные нервы», напомнивъ почему-то Бисмарка, произвели сильное впечатлѣніе, какъ писали его превосходительству, и репутація Стрѣлкова сильно поднялась послѣ этой рѣчи. Про него говорили, какъ про человѣка дѣловаго и энергичнаго...

Кривскій только морщился, прочитывая эти извѣстія, и повторялъ:

— Бѣдная Россія!

Послѣ завтрака, его превосходительство, по обыкновенію, обмѣнялся съ графомъ и лордомъ мнѣніями по поводу превосходной погоды и пошелъ гулять... Вернувшись съ прогулки—онъ нарочно тянулъ ее какъ можно долѣе—онъ нашелъ у себя на столѣ газеты и тотчасъ же сталъ пробѣгать правительственныя извѣстія.

— Вотъ какъ! ядовито усмѣхнулся онъ. И этотъ господинъ назначенъ администрировать!

При воспоминаніи объ этомъ «господинѣ» (старикъ прочелъ о назначеніи Евгенія Николаевича Никольскаго), облако тяжелаго воспоминанія легло на лицо

Digitized by Google

Кривскаго. Заглохнувшая было обида острой болью кольнула его въ самое сердце... Изъ груди его вырвался вздохъ при мысли о женѣ...

Онъ сталъ читать далѣе. Сегодня, какъ нарочно, газеты напоминали ему людей, которыхъ бы онъ хотѣлъ забыть. Стрѣлковъ получилъ новую почетную награду, его личный врагъ князь Вяткинъ, старикъ, по мнѣнію Сергѣя Александровича, годный только для пуганія дѣтей, призванъ къ дѣламъ.

— Что они дѣлаютъ! Что они дѣлаютъ!

Но вотъ Сергѣй Александровичъ переворачиваетъ страницу и читаетъ реляцію о какомъ-то дѣлѣ на далекой окраинѣ. Ему попадается на глаза имя Кривскаго и въ глазахъ старика мелькаетъ удовольствіе. Онъ читаетъ оличной храбрости сына, о томъ какъ храбро Шурка врѣзался въ скопище и способствовалъ окончательному пораженію. Шурка являлся героемъ дня. Блестящія награды вознаградили подвигъ.

Старикъ какъ-то весь размякъ и еще разъ сталъ читать длинную реляцію.

— Молодецъ, молодецъ! повторилъ онъ, и когда кончилъ, то вытеръ невольно навернувшіяся слезы.

Наступилъ августъ мѣсяцъ. Прелестный уголокъ оживился. Множество больныхъ и здоровыхъ стекалось къ этимъ благодатнымъ мѣстамъ. На улицахъ замелькали новыя лица. Нерѣдко раздавалась русская рѣчь.

Однажды его превосходительство, свершая послѣ-

Digitized by Google

обѣденную прогулку, далеко забрелъ въ горы и, спустившись къ Шильону, тихо шелъ по дорогѣ къ Монтрё. Навстрѣчу ему тихо подвигались два всадника.

Взрывы веселаго хохота и обрывки русскихъ фразъ, заставили Кривскаго поднять голову.

Его поразилъ этотъ смѣхъ. Что-то знакомое, близкое, послышалось въ звукахъ громкаго голоса.

Онъ пристально взглянулъ на всадниковъ, прищуриваясь подъ свѣтомъ заходящаго солнца, опять, взглянулъ и вдругъ сердце его забилось сильнѣй, ноги задрожали.

Въ блестящемъ, румяномъ, смѣющемся молодомъ человѣкѣ онъ узналъ Шурку, а въ амазонкѣ, ѣхавшей рядомъ, прелестную малютку Валентину.

Они ѣхали шагомъ, тихо подвигаясь на встрѣчу, красивые, веселые и сіяющіе.

Старикъ остановился, отвернувшись къ озеру.

Всадники проѣзжали мимо.

— Ну, Шурка, довольно говорить глупости! громко смѣясь проговорила Валентина. Догоняй!

Всадники поскакали.

Старикъ взглянулъ имъ въ слѣдъ и, ниже опустивъ голову, тихо побрелъ по дорогѣ.

— Что за прелестная парочка! воскликнулъ по-русски одинъ изъ двоихъ господъ, обгонявшихъ старика.

— Вы развѣ не знаете ихъ? смѣясь отвѣтилъ другой.

— Кто такіе?

Digitized by Google

— Русскіе: Шурка Кривскій и извѣстная кокотка Трамбецкая.

— Кривскій, недавно отличившійся?

— Да. Извѣстный Шурка Кривскій. Тотъ самый, который, какъ говорятъ, укралъ деньги у Гуляева. Помните дѣло Трамбецкаго?

— Не можетъ быть!

— Говорятъ. Разумѣется, дѣло замяли благодаря отцу, и Шурка уѣхалъ внезапно въ Ташкентъ. Недавно опять вернулся героемъ и сдѣлался «артюромъ» у Трамбецкой. Она влюбилась въ него какъ кошка, бросила своего старика и съ Шуркой уѣхала за границу. Я ихъ встрѣтилъ мѣсяцъ тому назадъ въ Парижѣ. Они вели безумную жизнь...

— Хорошъ гусь. А гдѣ отецъ?

— Гдѣ-то злобствуетъ за границей.

Старикъ пошелъ еще тише. Съ трудомъ поднялся онъ въ востинницу и въ тотъ же вечеръ приказалъ себѣ подать счетъ.

Рано утромъ на другой день онъ уѣхалъ изъ Монтрё въ сѣверную Швейцарію и поселился въ одномъ изъ мало-посѣщаемыхъ туристами мѣстечекъ.

Зимой онъ переѣхелъ въ Палермо и тамъ одинокій, угрюмый и недовольный, все еще имѣлъ надежду, что его призовутъ спасать Россію, но его не призывали, такъ какъ и безъ его превосходительства было кому спасать отечество.

Digitized by Google

II.

Зимніе томительные сумерки спустились надъ маленькимъ захолустнымъ городкомъ пустыннаго дальняго Сѣвера...

Въ это время старая наша знакомая Прасковья Ивановна торопливо шла по безлюдной улицѣ съ почты, неся въ рукахъ пачку газетъ. Она дошла до края города, гдѣ пріютился маленькій домикъ, отворила двери и весело крикнула:

— Газеты принесла!

Изъ сосѣдней комнаты выскочили Никольскій и Коля. Они помогли старушкѣ раздѣться и черезъ нѣсколько минутъ вся компанія сидѣла за столомъ.

Петръ Николаевичъ читалъ вслухъ. Прасковья Ивановна и Коля внимательно слушали. Но вдругъ Никольскій остановился. Прасковья Ивановна взглянула на племянника. Лицо его начинало подергиваться мелкими судорогами, углы рта опустились книзу, брови приподнялись и страданіе исказило его черты...

— Петя... Что такое... Что съ тобой?.. испуганно произнесла она.

Но онъ не отвѣчалъ и молча кивнулъ на газету.

Прасковья Ивановна взяла номеръ и медленно прочитала слѣдующее извѣстіе:

«Въ н.... госпиталѣ скончалась отъ госпитальнаго

Digitized by Google

тифа сестра милосердія Евдокія Савишна Леонтьева. Это была одна изъ тѣхъ самоотверженныхъ женщинъ, которыхъ нельзя вспомнить безъ благоговѣнія.»

Прасковья Ивановна не могла окончить. Слезы душили ее.

— Бѣдняжка... Она таки сдержала свое слово!.. проговорила старушка.

Никольскій вышелъ изъ дому и долго бродилъ по улицамъ... Поздно вернулся онъ, присѣлъ къ столу и сталъ перечитывать письма покойной...

— Зачѣмъ я отсовѣтывалъ ей ѣхать сюда... Зачѣмъ? повторялъ онъ въ какомъ-то безумномъ отчаяніи: — А она такъ хотѣла!.. Зачѣмъ я скрывалъ отъ нея свою горячую любовь?.. Къ чему?.. шепталъ онъ, ломая руки...

Никольскій опустилъ голову и тихо заплакалъ, покрывая поцѣлуями письма женщины, такъ рано погибшей.

Когда вѣсть о смерти Евдокіи дошла до Саввы, то горю его не было границъ. Онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Сербію и перевезъ прахъ своей любимицы въ Россію... Долго еще не могъ забыть онъ своей «Дуни», и въ память ея выстроилъ церковь въ томъ городѣ, гдѣ родилась Евдокія. На украшеніе церкви онъ потратилъ сумасшедшія деньги. Онъ не жалѣлъ ихъ, тѣмъ болѣе, что въ въ виду у него было новое пред-

Digitized by Google

пріятіе, при помощи котораго онъ собирался, по его выраженію, «огрѣть казну».

Старуха бабушка, извѣстившись о смерти внучки, сказала Саввѣ, своимъ пророческимъ голосомъ:

— Это она за твои грѣхи крестъ приняла голубушка! Теперь есть у тебя недостойнаго, предстательница передъ Господомъ... Опомнись же, Савва... Подумай о Богѣ! Брось всѣ дѣла, перестань людей грабить! сурово предостерегала старушка.

Въ первыя минуты отчаянія и горя, Савва обѣщалъ было матери «бросить все».

Но развѣ дѣятельная его натура могла успокоиться?

Савва снова работалъ надъ какой нибудь новой, особенно остроумной комбинаціей, снова бесѣдовалъ по-душѣ съ Егоромъ Ѳомичемъ, съ писарьками и съ генералами, снова выискивалъ разныхъ «дамочекъ» или утиралъ носъ «Хрисашкѣ», вырывая у него изъ-подъ носа новый кусъ съ алчностью ненасытнаго волка, пользуясь общимъ почетомъ и уваженіемъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава	I. Отставной полковникъ	3
»	II. Въ театрѣ	22
»	III. Ударъ за ударомъ	46
»	IV. Въ Литовскомъ замкѣ	74
»	V. Отставка его превосходительства	90
»	VI. Приговоръ присяжныхъ	103
»	VII. Молодые	137
»	VIII. У смертнаго одра	152
»	IX. Въ отставкѣ	167
»	X.	173
»	XI. Свиданіе	187
»	XII. Охота за звѣремъ	201
»	XIII. Торжество Саввы	215
»	XIV. Евдокія	230
»	XV. Рѣшеніе	247
»	XVI. Пріятныя новости	265
»	XVII. Тяжкій ударъ	280
»	XVII. Разрывъ	294
»	XIX. Эпилогъ	306

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Продается у издателя: Большая Садовая, д. Пажескаго Е. И. В. Корпуса, торговля № 5, въ С.-Петербургѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

Form 410

Digitized by Google

Digitized by Google